М. М. РОЗЕНТАЛЬ

ПРИНЦИПЫ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва·1960

«...Вопрос не о том, есть ли движение, а о том, как его выразить в логике понятий...»

В. И. Ленин

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее время вопросы логики выдвинулись на одно из первых мест среди прочих актуальных проблем философской науки. Это объясняется по крайней мере двумя обстоятельствами. Во-первых, потребности развития науки и общественной практики делают все настоятельнее необходимость дальнейшей разработки как общих, так и специальных вопросов познания. Не случайно в последнее время приобрела большое теоретическое и практическое значение одна из ветвей логики — математическая логика. Ее связь с запросами бурно прогрессирующей науки, а также с развитием техники совершенно очевидна.

Не менее актуальный интерес приобрели и более широкие, общие проблемы логики, которые должны объяснить закономерности познания, подвести прочный логический фундамент под быстро развивающуюся, но идущую чрезвычайно сложными и противоречивыми путями, науку. Важное значение гносеологических и логических проблем для современной науки марксисты осознали уже полстолетия назад, когда только грянул первый гром новой революции в физике. Наиболее ярким свидетельством этого явился «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина. В ленинском произведении с глубочайшим прозрением в сущность современного этапа развития человеческих знаний было показано, что все те ошибочные философские выводы, которые делались из новых достижений науки, вызваны непониманием действительной природы познания и объективно необходимой логики его движения. В нем, однако, были

не только показаны источники ошибок, причины кризиса в физике, но и раскрыты наиболее важные закономерности развития человеческого познания. Невозможно с правильных философских — теоретико-познавательных и логических — позиций осмыслить путь развития современной науки, если не принять во внимание эти закономерности.

Начавшаяся более полвека назад революция в физике продолжается и в настоящее время. Величайшим результатом этого революционного развития науки было открытие атомной энергии. Достижения физики оплодотворили ряд других областей человеческих знаний — химию, космогонию, биологию и др. Началась эра завоевания космоса. Как и раньше, быстрое развитие науки, ломка устаревших взглядов и возникновение новых, беспрерывно расширяющиеся возможности научного познания — все это, как и полвека назад, требует усиленного внимания к вопросам теории познания и логики. Ибо если справедливо, что философские теории не могут развиваться, не усваивая и не обобщая новейших результатов конкретных наук, то не менее верно и то, что и сами конкретные науки нуждаются в правильных философских обобщениях и, в частности, в осознании логических законов процесса познания. Поэтому нельзя не присоединиться к словам А. Эйнштейна — крупнейшего естествоиспытателя, в научном опыте которого никто не может усомниться: «Достойно внимания, — писал он, — взаимоотношение теории познания и науки. Они зависят друг от друга. Теория познания без контакта с наукой становится пустой схемой. Наука без теории познания, поскольку она вообще возможна без нее — примитивна и беспорядочна» [1].

Значение этих слов великого ученого станет еще более очевидным, если учесть, что потребности развивающегося естествознания в научной теории познания и логике широко эксплуатируются идеалистической философией с целью укрепления ее сильно пошатнувшихся позиций, вследствие чего проблема взаимоотношения науки с теорией познания, с логикой становится еще более острой. И здесь мы сталкиваемся со вторым

[1] «Albert Einstein als Philosoph und Naturforscher», Stuttgart, S. 507.

обстоятельством, объясняющим актуальность разработки теории познания и логики в современных условиях.

Еще В. И. Ленин отмечал, что современный идеализм в лице махизма «специализируется на гносеологии». Нечто подобное происходит и сейчас, при этом к спекуляциям идеалистов на гносеологии добавляется спекуляции на логике. Но главным здесь остается тот факт, на который обратил внимание Ленин, что острейшая необходимость естествознания в научном учении о познании используется для идеалистической обработки новейших данных науки. В самой специализации на логике нет ничего плохого. Напротив, усиленное внимание к этой области философии вызвано развитием самой науки. Критикуя то философское направление, в котором ведет свои логические исследования подавляющее большинство современных логиков из идеалистического лагеря, нельзя игнорировать некоторые положительные результаты их работы в специальных разделах логики.

Идеалистическое извращение логики и стремление с помощью такой логики оказывать воздействие на естествознание требуют резкого отпора со стороны марксистов и всех тех, кому дороги интересы объективной истины. И дело не только во вредном воздействии такой логики на науку, а и в опасном влиянии ее идей на сознание людей. Ибо логика — не область туманных и далеких от жизни, от социальных интересов и общественной борьбы вопросов, занимающих только узкий круг специалистов. Не в каком-либо боевом памфлете, а в специальном *логическом* трактате мы читаем подобные, например, сентенции:

«...В основе всего современного мировоззрения лежит иллюзия, что так называемые законы природы являются объяснениями природных явлений».

«Смысл мира должен лежать вне его...

...Не может быть никаких предложений этики...

Этика трансцендентальна...

...Решение проблемы жизни состоит в исчезновении этой проблемы...

...Люди, которым после долгих сомнений стал ясным смысл жизни, все же не могут сказать, в чем этот смысл состоит...

...Есть, конечно, нечто невыразимое. Оно *показывает* себя; это — мистическое!»[1] и т. д. и т. п.

Не следует думать, что подобные высказывания есть незаконное вторжение логики в сферу чуждых ее интересам вопросов. Именно эта наука решает, что́ такое логика мышления, познания: есть ли это учение о том, как познаются *реальные* законы природы и общества, или это учение о логике болезненного воображения, полагающего, что неумение разобраться в том, что творится в мире, должно быть возведено в ранг логики.

Как ни важно, однако, дать отпор извратителям сущности и великого назначения мышления, этого могущественного инструмента человека, с помощью которого он познает и преобразует мир, это все же лишь часть задачи. Главное — дальнейшая разработка логической науки в соответствии с новыми потребностями науки и общественной практики, запросами коммунистического строительства.

С сожалением приходится признать, что этой главной задаче до сих пор мало уделялось внимания. У нас исследовались отдельные вопросы формальной логики, но проблемы *диалектической логики* оставались почти вне поля нашего зрения. Впрочем и формальная логика часто исследовалась без достаточного учета новейших достижений в данной области. Что же касается диалектической логики, то силы тратились на бесконечные и мало полезные споры вокруг давно решенного вопроса: должна ли существовать наряду с формальной логикой логика диалектическая. Эти споры в той или иной форме продолжаются и поныне. Нельзя отрицать, что имеются некоторые вопросы, касающиеся взаимоотношения формальной и диалектической логики, которые могут и должны обсуждаться в интересах уточнения и углубления нашего понимания современных задач каждой из них. Речь идет не об этом, а о том, что некоторые философы-марксисты выступают против диалектической логики, несмотря на то что все развитие науки и общественной жизни как нельзя более ярко подтверждает неоспоримую истинность ее принципов. И это в то время, когда В. И. Ленин, продолжая развивать

---

[1] *Л. Витгенштейн,* Логико-философский трактат, М., 1958, стр. 94, 95, 97.

идеи Маркса и Энгельса, поставил перед марксистскими философами задачу неутомимого и всестороннего изучения и разработки диалектической логики.

В. И. Ленин не только поставил эту задачу как одну из самых важных и необходимых, но он внес неоценимый вклад в ее решение, о чем свидетельствуют его труды «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради» и др. Ленин показал, в чем состоял недостаток и ограниченность подхода к диалектике Г. В. Плеханова, который, по его словам, оставлял без внимания диалектику *познания*, *логические* проблемы марксистской диалектики. В «Философских тетрадях» Ленин дал *программу* исследования диалектической логики и теории познания, указав основные направления этой работы. По целому ряду принципиальных вопросов диалектической логики он высказал глубокие мысли, которые служат руководством для всей деятельности в этой области.

Следует отметить, что, хотя среди марксистов — как в нашей стране, так и в других странах — еще имеются защитники ошибочного взгляда, согласно которому формальная логика дает исчерпывающее учение о формах и законах мышления, их становится все меньше, а необходимость широкого и всестороннего исследования диалектической логики осознается все большим кругом философов. Нет никакого сомнения в том, что некоторый разнобой во взглядах на диалектическую логику будет окончательно преодолен, и проблемы диалектической логики займут подобающее место в философских работах марксистов.

Несколько замечаний о настоящей книге. Она выросла из небольшого специального курса лекций по диалектической логике, прочитанного в Академии общественных наук. Этим в значительной степени объясняется как круг вопросов, освещаемых в ней, так и форма изложения. В данной работе не ставится задача дать систематическое и всестороннее изложение диалектической логики, да и едва ли это сейчас возможно. Для этого требуется еще большая работа по изучению отдельных сторон и проблем сложного диалектического процесса познания. Цель, которую преследует данная работа, может быть сведена к трем моментам: 1) выяснить различие между диалектической и формальной

логикой, показать, что последняя далеко не исчерпывает задач науки логики, что только диалектическая логика способна быть общим логическим базисом всего человеческого познания; 2) очертить круг *основных* вопросов, составляющих объект исследования диалектической логики; 3) наметить подход к этим вопросам, их решение, руководствуясь тем, что дают в области диалектической логики труды классиков марксизма-ленинизма, привлекая также данные современной науки и практики.

В известном смысле данная книга есть продолжение другой работы автора этих строк, посвященной изучению диалектики и диалектической логики в «Капитале» К. Маркса. Мысль В. И. Ленина о том, что «Капитал» — это диалектическая логика, примененная к одной из важнейших наук, представляет для нас огромную ценность. И в этой работе мы неоднократно прибегаем к помощи несравненного логического богатства произведения Маркса — этой несокрушимой теоретической твердыни, о которую безуспешно разбивают свои медные лбы современные противники коммунизма.

Что же касается общего направления данной работы, то оно исчерпывающе выражено в нескольких ленинских строчках, взятых в качестве эпиграфа к ней.

Мы прекрасно отдаем себе отчет в том, что некоторые вопросы, поднятые здесь и связанные с положительной разработкой тех или иных конкретных сторон диалектической логики, требуют дальнейшего обсуждения. Поэтому мы будем рады, если книга послужит одним из стимулов для такого обсуждения.

ГЛАВА I

ЛОГИКА КАК НАУКА

Извращение сущности и назначения логики современными идеалистами

Идеология буржуазии в настоящее время находится в состоянии глубокого упадка и разложения, вызванного вступлением капиталистического общества в последнюю — империалистическую — стадию своего развития. Одна из главных черт этого упадка буржуазной идеологии и, в частности, философии состоит в борьбе против интеллектуализма, против разума, рационального познания и его законов. Начиная примерно с последней четверти XIX в. целый ряд идеалистических течений и школ объявил настоящую войну логике. Достаточно назвать такие философские направления, как интуитивизм, прагматизм, «философию жизни» и т. п. Это отрицание логики и логического познания ярко выразил один из основоположников американского прагматизма Джемс: «Что касается меня, — сказал он, — то я счел себя в конце концов вынужденным *отказаться от логики,* отказаться от нее открыто, честно и раз навсегда»[1].

По представлениям сторонников этих идеалистических течений жизнь настолько подвижна, изменчива, все находится в таком бурлении, что всякие логические формы мышления лишь уродуют, искажают ее. «Действительность, жизнь, опыт, конкретность, непосредственная данность.., — говорил тот же Джемс, — все

[1] *У. Джемс,* Вселенная с плюралистической точки зрения, М., 1911, стр. 117.

это выходит из границ нашей логики, переливает через ее края и окружает ее со всех сторон»[1].

Подобно прагматистам, представитель интуитивизма А. Бергсон также считал «живую подвижность вещей» недоступной логике, логическому процессу познания; разум якобы рвет на части живую ткань вещей, омертвляет жизнь, делает искусственные остановки, перерывы там, где сплошное течение, где нет никаких перерывов и остановок. Как образно говорил Бергсон, единственное, на что способен разум, это отмечать в процессе движения отправления и прибытия. Охватить же то, что происходит в промежутке между этими пунктами, превыше человеческих сил. Поэтому задача философии, согласно Бергсону, состоит в том, чтобы выйти за пределы человеческого состояния[2]. Средством для такого сверхъестественного прыжка «за пределы человеческого состояния» Бергсон считал мистическую интуицию.

Что же касается таких современных идеалистических течений, как экзистенциализм, персонализм, неотомизм и др., то они либо вовсе не проявляют интереса к логике, либо мало занимаются ею. Не имея возможности специально рассматривать здесь вопрос о том, как относится то или иное идеалистическое направление к логике, мы вкратце остановимся лишь на неопозитивистском ее истолковании. Впрочем, именно новейший позитивизм в лице «логических позитивистов» более чем какие-либо другие направления буржуазной философии занимается проблемами логики, стремясь при помощи последней протащить в науку идеалистическую философию.

Логические позитивисты не пренебрегают логикой, наоборот, они стремятся возвести ее в ранг единственной отрасли знания, которой должна заниматься философия. Было бы, однако, ошибкой оценивать это повышенное внимание к логике как некий поворот современной буржуазной философии от антиинтеллектуализма к признанию рационального мышления и его объективных законов. В действительности логический

[1] *У. Джемс,* Вселенная с плюралистической точки зрения, стр. 117.

[2] См. *А. Бергсон,* Соч., т. 5, СПб., 1914, изд. М. И. Семенова, стр. 40.

позитивизм есть выражение той же основной тенденции философского «декаданса», который характеризует всю буржуазную философию периода империализма.

Мы знаем старых философов — Бэкона, Декарта, Спинозу, Гегеля и др., которые мучительно искали и исследовали пути человеческого познания, делали шаги к истине и вместе с тем нередко серьезно сбивались с дороги. Но их отличала огромная вера в силу человеческого ума, они превозносили и возвышали человеческий разум, его способность познать мир. Что осталось от этой гордой и славной традиции у современных идеалистов, хотя и говорящих о логике как единственном объекте философии, но делающих все, чтобы затемнить, запутать познание, обрезать крылья человеческого разума, воспеть его бессилие в познании природы и социальной жизни?

Спекулируя на важном значении логики для прогресса науки, неопозитивизм развивает общую антирационалистическую линию идеалистической философии в форме логического учения. Это видно из более подробного ознакомления с логической концепцией неопозитивистов.

В начале 30-х годов XX в. группа философов-идеалистов, известная под названием «Венский кружок», провозгласила «новый курс» в философии. С тех пор этот «новый курс» рекламируется чуть ли не как всемирно-исторический «поворот», «революция» в философии. Суть ее заключается якобы в том, что философия раз и навсегда разделывается с «метафизическими» проблемами, касающимися коренных вопросов мировоззрения, и оставляет за собой лишь одну область — логику.

В передовой статье первого номера журнала «Erkenntnis», в котором был оповещен «новый курс» в философии, М. Шлик доказывал, что бесконечные споры между философскими системами в прошлом были основаны на недоразумении. Это объяснялось тем, что философы якобы занимались неразрешимыми проблемами, а именно: вопросами об отношении мышления к бытию, о том, что первично и что вторично, о сущности природы, о ее материальности или идеальности, о наиболее общих законах бытия и познания, о методе познания и т. д. Все эти проблемы автор объявлял «метафизикой». Старые философы, занимаясь этими вопро-

сами, и не подозревали, что пытаться решать их — это напрасная трата времени. Развитие философии якобы привело к выводу о том, что только логика есть философия. Она — средоточие философии, средство преодоления тысячелетних споров и борьбы в философии.

Трудно возразить против высокой оценки значения логики. Она действительно является одной из важнейших сторон и составных частей философской науки, хотя философия не сводится только к ней. Логика — научная логика — действительно важна для решения вопросов, служащих предметом борьбы различных философских систем. Но не это имеют в виду логические позитивисты, заявляющие, что одна логика достойна внимания философии. Логика превозносится ими как средство *ликвидации* философии и философских вопросов. Оказывается, будто логика убедительно доказывает тщетность всяких попыток решать перечисленные выше «метафизические» вопросы. Она якобы доказывает «невыразимость» этих вопросов, как бы они ни решались — с материалистических или идеалистических позиций.

Об этом же говорится в другой программной статье журнала «Erkenntnis». Мы имеем в виду статью Р. Карнапа «Старая и новая логика». Впоследствии этот автор выпустил книгу «Логический синтаксис языка», в которой он разработал и обосновал идею о том, что философию следует заменить логикой, понимаемой как синтаксис языка науки: «на место традиционной философии, — заявляет Карнап, — нужно поставить строго научную дисциплину, именно логику науки, т. е. синтаксис научного языка» [1].

В действительности логика возникла из потребности познания объективного мира. Она играет огромную роль как самостоятельное философское учение, вооружающее науку законами мышления, познания. Логические же позитивисты стремятся обескровить логическую науку, подчинить ее одной цели — анализу предложений эмпирических наук с целью выяснения их логической «правомочности», допустимости. Логика, по их утверждению, должна «прояснять» предложения наук, учить, как правильно их понимать. Она становится

[1] *R. Carnap*, Logische Syntax der Sprache, Wien, 1934, S. 261.

простым привеском к эмпирическим наукам. Если ученый — физик, биолог, социолог и т. п. — высказывает какое-нибудь предложение, то логик должен выяснить, правильно ли высказано данное предложение, в верной ли логической форме оно выражено.

«Не существует философии как теории, как системы *собственных положений* рядом с положениями науки, — писал Карнап. — Философия означает не что иное, как: прояснить положения и понятия науки путем логического анализа. Орудием этого является новая логика» [1].

Познание — этот великий и сложный акт осмысливания, отражения действительности, природы, реального мира — низводится «новой логикой» к вопросу о «высказываемости», «выразимости» тех или иных положений. «Вопросы о значении и границах познания, — писал Шлик, — исчезают. Познаваемо все, что дает себя высказать (выразить), и это все, о чем можно спрашивать» [2].

Несомненно, язык, выражение мыслей в словах, предложениях, с помощью которых мы изображаем действительность, имеют большое значение в процессе человеческого познания. «Нет на свете мук сильнее муки слова» — эти слова русского поэта хорошо передают, как трудно выразить ту или иную идею, мысль, изобразить действительность в точных словах, предложениях, образах и т. п. Неточный язык, фальшивые, путаные предложения служат препятствием на пути познания. Это значение языка подчеркивали и домарксистские философы. Марксизм рассматривает язык как непосредственную действительность мысли, как природную материю мышления. Наряду с трудом членораздельная речь была тем стимулом, под влиянием которого формировался и развивался человеческий мозг. Учение И. П. Павлова о роли второй сигнальной системы в развитии мышления находится в полном соответствии с марксистскими представлениями о процессе становления человека, его отличии от животного, значении языка для образования абстрактных понятий и т. д. В. И. Ленин считал, что одним из важнейших компонентов теории познания должно быть обобщение исто-

[1] «Erkenntnis» (Leipzig), Erster Band, 1930—1931, S. 26 (курсив мой. — *М. Р.*).

[2] Ibid., S. 7.

рии языка, поскольку мысль неразрывно связана с языком и вся эволюция человеческого познания, закономерности его развития нашли свое отражение в эволюции языка.

Вследствие этого марксизм нисколько не отрицает необходимости семантического анализа понятий, слов, терминов в целях достижения максимально точного языкового выражения мыслей. Когда логические позитивисты говорят, что в повседневном языке часто бывает, что одни и те же слова обозначают различный смысл или, наоборот, разные слова обозначают одно и то же содержание, что это порождает путаницу, мешающую достижению истины, то против этого нельзя возражать. Одно из важных достижений математической логики состоит в том, что она уточнила целый ряд терминов, играющих важную роль в логическом анализе, таких как «есть», «или», «и» и т. д. Перевод с одного языка на другой, выполняемый электронными вычислительными машинами, также делает важной задачу семантического анализа слов.

Однако при этом было бы неправильно *гипертрофировать* значение и роль языка, языковых предложений в познании. Язык, предложения есть важное средство, орудие, при помощи которых мы исследуем и познаем реальные вещи и явления, но истинность знания зависит преимущественно не от языка, а, напротив, предложения лишь постольку точны и удачны, поскольку они правильно выражают наши понятия о вещах. При этом между вещами и предложениями нет непосредственной связи. В процессе познания возникают определенные ощущения, восприятия, представления, понятия о вещах, а предложения выражают эти последние. Следовательно, сами предложения обусловлены нашими взглядами на природу вещей. Это значит, что отношение между мыслью и языком должно рассматриваться как отношение между содержанием и формой. Вне формы не существует содержания, в данном случае — вне языка нет и не может быть мысли, но языковое выражение, несмотря на все его огромное значение, все же лишь форма, зависящая от содержания, определяемая содержанием, т. е. мыслью, тем, что она означает.

Дело, однако, не только в порочности сведения логики к анализу языка. Сам по себе логический анализ

языка, как было сказано, вполне закономерен, если не абсолютизировать его значение. Но неопозитивисты делают логику оружием такого анализа предложений науки, который должен доказать их «псевдообъективный» характер, т. е. лишить их объективного содержания. В этом суть «поворота» в философии, предпринятого «новыми логиками». Они полагают, что тем самым наука и философия освобождаются от «метафизики», вернее, от того, что они называют метафизикой, т. е. от решения общих вопросов мировоззрения, от которых не могут быть свободны ни специальные науки, ни логика, ни философия в целом.

Логические позитивисты утверждают, что наши слова, предложения, символы не могут быть отражением реального, существующего вне нашего сознания мира. «Новая логика» стоит на страже этого принципа, подобно мифологическому Аргусу, неусыпно следя за «чистотой» философии.

Исходя из «логического анализа», неопозитивисты считают, что, какой бы кардинальный вопрос философии они ни взяли, он легко решается при помощи чудодейственной машины «логического анализа». Например, спорят идеалист или позитивист с материалистом, с «реалистом», как выражается Карнап, по вопросу: что такое вещь? Первый утверждает, что вещь есть комплекс чувственных данных, второй доказывает, что она есть совокупность атомов. В этот спор вмешивается «новый логик» и заявляет, что спор этот бесполезен, что он может длиться бесконечно, ибо спорящие стороны, употребляя «содержательный» язык, одинаково заблуждаются. *«Спор между позитивизмом и реализмом,* — говорит Карнап, — *есть праздный спор о мнимом тезисе, основывающийся на применении содержательного языка»* [1]. Стоит-де проанализировать их речь с точки зрения ее формы, и тогда легко примирить эти два кажущихся противоположными тезиса.

Или спор идет о том, является наше познание априорным или эмпирическим. И в данном случае спор якобы основан на злоупотреблении «содержательным» языком. Когда мы говорим: «Каждый цвет имеет три компонента: цветной тон, насыщенность, яркость», то

[1] *R. Carnap,* Logische Syntax der Sprache, S. 228.

вследствие применения такого предметного, содержательного языка можно спорить, априорно ли познание или оно эмпирично. Проблема эта исчезнет, если мы скажем: «Каждое *выражение* цвета состоит из трех выразительных частей: выражения цветного тона, выражения насыщенности и выражения яркости»[1]. Здесь уже речь идет лишь о выражении, о предложении и потому-де бессмысленным становится сам вопрос: априорно познание или эмпирично.

Наконец, еще один пример. Решается вопрос о соотношении психического и физического процессов в центральной нервной системе. Какова связь между этими процессами? Есть ли это связь, как выражается Карнап, чисто функциональная или эти процессы действительно связаны между собой, так что без физических нет и психических процессов? Представители материалистической и идеалистической физиологии дают противоположные ответы на эти вопросы.

Как же отвечает «новая логика» на них? «При употреблении формального языка, — пишет Карнап по этому поводу, — становится ясным, что речь идет лишь об отношении между двумя языками — психологическом и физическом; именно, равнозначны ли эти два параллельных предложения всегда или в известных случаях...»[2]

Так расправляются «новые логики» с важнейшими проблемами философии. Но проблемы эти не могут исчезнуть оттого, что их теми или иными приемами пытаются снять. Оттого, что я употребляю иной оборот речи, угодный логическим позитивистам, не исчезнут «проклятые вопросы» о том, что же такое вещи, предметы. Есть ли они комплексы человеческих ощущений или они реально существуют; физическое ли тело первично и определяет психическое, «душу» или наоборот; извлекаем мы наши знания из самих себя, из тайников разума или из природы, объективного мира при помощи чувственного опыта и разума; что такое наука — картина природы или «свободная конструкция» нашего ума и т. д. и т. д.

«Новая логика» заявляет, что на эти вопросы невозможно ответить, что это затемняющие категории прежн-

[1] *R. Carnap*, Logische Syntax der Sprache, S. 235.
[2] Ibid., S. 252.

них эпох философии. «Метафизическая философия, — говорит Карнап, — хочет выйти за рамки эмпирико-научных вопросов и поставить вопросы о сущности предметов. Мы считаем эти вопросы псевдовопросами»[1].

Конечно, можно объявить вопросы о сущности предметов «псевдовопросами». Но наука, научное познание *невозможны* без стремления к постижению сущности вещей. Весь смысл научного познания в том, чтобы за эмпирически схватываемыми явлениями и фактами обнаружить их сущность, причины, законы, в противном случае наука была бы бесполезным занятием, она не помогала бы овладевать силами природы и ставить их на службу человеку. И потому она требует от философии, от логики прямого ответа на так называемые метафизические вопросы, а не «иносказаний».

Брось свои иносказанья
И гипотезы пустые!
На проклятые вопросы
Дай ответы нам прямые.

«Новая логика», однако, предпочитает иносказания. Но эти иносказания сами представляют собой не что иное, как род метафизики, только метафизики уже настоящей, без кавычек, идеалистической. От мнимой «метафизики», выражаясь языком «новой логики», т. е. от решения коренных вопросов мировоззрения, принципиальных вопросов бытия и познания, невозможно освободиться, как невозможно, по выражению Эйнштейна, дыхание в вакууме. И хотя логические позитивисты пытаются отмахнуться от них, но они все же вынуждены отвечать на эти вопросы. В их «новой логике» на каждом шагу мы наталкиваемся на идеалистическую метафизику, на определенный, именно идеалистический, подход к познанию, к бытию, ко всем процессам и явлениям.

Действительно, что значит утверждение о принципиальной невозможности не только решить, но и ставить вопрос о том, что такое вещь — комплекс наших ощущений или совокупность реальных, существующих независимо от нас атомов? Это лишь трусливая увертка, прикрывающая идеалистическое решение основного вопроса

[1] *R. Carnap,* Logische Syntax der Sprache, S. 259.

философии. Ибо, если я не могу твердо и уверенно сказать, что вещь существует независимо от моих ощущений, что она — не мои ощущения, а лишь отражается в этих последних, то этим самым я стою по сути на позициях отрицания реального мира. И от этого вывода нисколько не спасает положение о том, что мы-де не можем утверждать и противоположное, т. е. что вещь есть комплекс ощущений. Это положение опровергнуто всем опытом человечества, его практической деятельностью по преобразованию природы, каждым шагом науки вперед. И когда представители «новой логики» заявляют, что вопрос о том, есть ли вещь комплекс ощущений, якобы логически неразрешим, то они идут против науки и самим сомнением своим поддерживают антинаучное решение этого вопроса.

Или что значит утверждение логических позитивистов о том, что их логика не нуждается в «метафизике», что всем своим существом она направлена против «метафизики»? Такой логики, которая бы так или иначе не решала вопросы о сущности познания, об отношении наших понятий и суждений к действительности и т. д., не было и нет. Да и «новая логика» отвечает на них, решает их на определенной «метафизической» базе. Разве ее положение о том, что логические формы мышления произвольны, независимы от действительности, что также произволен выбор исходных аксиоматических принципов, на которых основан весь логический процесс познания, — разве это не идеалистический подход к познанию, разве он не ориентирует науку на идеалистическую «метафизику»?

Логический позитивист Г. Фейгль в статье «Философия науки логического эмпиризма» (1954 г.) пытается более «зрело» формулировать некоторые важные принципы теории познания и логики. Он заявляет, что за четверть века логический эмпиризм во многом изменился, что он отказался от увлечений юности, стал «более логическим», признает некоторые «законные притязания рационализма», которые раньше отрицал, стал «более эмпирическим» в том смысле, что он уже не исключает онтологических и космологических теорий, не согласующихся с классическим позитивизмом.

Вполне возможно, что логический позитивизм переживает какую-то эволюцию, хотя тончайшие нюансы

этих изменений важны скорее для его внутренней летописи и едва ли имеют широкий философский интерес, ибо они не меняют сущности его концепции. Можно взять одну из позднейших работ Карнапа, например его статью «Эмпиризм, семантика и онтология», опубликованную в 1950 г. Эта статья позднее была дана в качестве приложения к книге Карнапа «Значение и необходимость». Книга эта выражает новый, семантический, этап в развитии логического позитивизма в отличие от первого — логико-синтаксического. Здесь на первый план выдвигается проблема *значения*, смысла предложений, развитие нового метода семантического анализа значения языковых выражений[1]. В нашу задачу не входит ни оценка, ни критический анализ этой книги в целом. Нельзя не разделять мнения ее автора о том, что «для специальной цели развития логики построение и семантическое исследование языковых систем имеет большое значение»[2]. Нас интересует *философская основа* его подхода к проблеме значения языковых выражений. Казалось бы, выдвижение на первый план значения, смысла предложений должно было бы привести к отказу от того невероятного формализма, который Карнап вместе с другими неопозитивистами отстаивал в «синтаксический» период развития неопозитивизма. Конечно, когда он исследует техническую сторону метода семантического анализа, то он вынужден оперировать реальными значениями слов и предложений, отражающими объективное содержание явлений. И тут уже дело конкретной оценки, насколько предлагаемые им способы семантического анализа плодотворны или неплодотворны для науки. Но как только Карнап начинает рассматривать философские вопросы логики, немедленно всплывает на поверхность вся муть идеализма и становится ясным, что *в этом отношении* никаких изменений на новом этапе не произошло.

Для характеристики философской сущности метода семантического анализа очень важна статья Карнапа «Эмпиризм, семантика и онтология». В этой статье ставится вопрос о так называемых абстрактных сущностях, т. е. о допустимости или недопустимости абстракций в науке. Как указывает сам Карнап, «проблема абстракт-

[1] См. *Р. Карнап*, Значение и необходимость, М., 1959, стр. 23.
[2] Там же, стр. 336.

ных объектов снова встала в связи с семантикой, теорией значения и истины»[1]. Здесь действительно налицо несколько более благосклонное отношение к абстракциям по сравнению с его ранними взглядами. Но его поддержка научных абстракций чисто призрачная. Вопрос ставится так: означает ли семантический анализ значения языковых выражений, что он предполагает существование «внеязыковых объектов»? Пока в качестве объектов (десигнатов, по терминологии Карнапа) берутся такие вещи или события, как «город Чикаго» или «смерть Цезаря», сомнений никаких нет (как увидим дальше, признание реальности подобных явлений имеет также субъективно-идеалистический смысл). Но как быть с «абстрактами», т. е. с тем, с чем преимущественно имеет дело наука, ибо последняя невозможна без мышления понятиями, законами, выражающими сущность явлений. Одни полагают, рассуждает Карнап, что семантический анализ значения языковых выражений ведет к признанию реальности объектов, обозначаемых ими, другие восстают против этого на том основании, что это нарушает основные принципы эмпиризма и ведет «назад к метафизической онтологии платоновского типа»[2].

Что же думает на этот счет сам Карнап? Какой смысл он придает семантическому анализу значения языковых выражений?

Всю проблему значения слов он сводит к языку как первичному фактору. Существование или несуществование объекта, с его точки зрения, *всецело* зависит от применяемого нами языка и правил его построения. Прежде чем рассуждать о вещах, следует построить «языковый каркас»[3]. После этого нужно различать два вида вопросов о существовании объектов: «внутренние» и «внешние» вопросы. Первый вид вопросов относится к существованию объектов в построенном нами языковом каркасе. Внешние же вопросы касаются существования объектов вне и независимо от языкового каркаса, т. е. от сознания.

Если мы принимаем «вещный язык», т. е. построим соответствующий языковый каркас, где выражения обо-

[1] *Р. Карнап,* Значение и необходимость, стр. 299.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 300.

значают вещи и события, с которыми человек повседневно имеет дело, то мы можем признавать реальность вещей, тем более что эти признания эмпирически можно проверить. Но реальность эта чисто позитивистская. «Признать что-либо реальной вещью или событием, — утверждает Карнап, — значит суметь включить эту вещь в систему вещей... в соответствии с правилами каркаса» [1]. Таким образом, вещи реальны лишь постольку, поскольку существует соответствующий — в данном случае «вещный» — языковый каркас. Вне этого вообще бессмысленно ставить «внутренний вопрос» о реальности вещей. «Принять мир вещей, — говорит он, — значит лишь принять определенную форму языка, другими словами, принять правила образования предложений и проверки, принятия или отвержения их» [2].

Так же обстоит дело с «внутренними вопросами», касающимися абстрактных объектов: так, например, «слово «красный» обозначает свойство вещей», «слово «пять» обозначает свойство чисел» и т. п. «Таким образом, — заключает Карнап, — вопрос о допустимости объектов определенного типа или абстрактных объектов вообще как десигнатов *сводится к вопросу о приемлемости языкового каркаса для этих объектов*» [3]. В соответствии с этим логически истинным он считает лишь то, что соответствует правилам языковых выражений.

«Внешние» же вопросы — это философские вопросы, касающиеся существования или реальности объектов, и их Карнап категорически отвергает как метафизические псевдовопросы [4]. Многие философы, заявляет Карнап, рассматривают такого рода вопросы как онтологические, которые должны быть поставлены *до* построения языкового каркаса. На самом же деле введение новых способов языка не нуждается ни в каком утверждении реальности явлений. Одним словом, если бы Библия писалась сейчас заново, то, следуя философским принципам логического позитивизма, нужно было бы сказать: «Сначала бог создал язык», а затем землю, светило и все остальное.

---

[1] *Р. Карнап*, Значение и необходимость, стр. 301.
[2] Там же, стр. 302.
[3] Там же, стр. 315 (курсив мой. — *М. Р.*).
[4] См. там же, стр. 310, 315 и др.

Следовательно, вопрос о значении слов и предложений, ставший центральным на новом семантическом этапе развития логического позитивизма, целиком сводится к языку, который берется изолированно от действительного его объективного содержания. Кратко можно так резюмировать точку зрения Карнапа: когда мы производим семантический анализ значения языковых абстрактных выражений, то вовсе не имеется в виду, что за абстракциями стоит какая-то объективная реальность; нет, это лишь наш произвольный язык, наша произвольная конструкция. Карнап подчеркивает, что общий принцип, который связывает все развитие «новой логики», начиная с периода «Венского кружка» и кончая сегодняшним днем, состоит в том, что «внешние вопросы», т. е. вопросы о том, существует ли мир или не существует, признаются непознаваемыми.

Где же тогда эволюция логического эмпиризма, приведшая его из стадии юности в стадию зрелости? Как на первой, так и на новой стадии мир, по воззрениям логических позитивистов, зависит от структуры наших предложений. По-прежнему вопрос о реальности мира ставится в зависимость от лингвистических форм, принимаемых нами, т. е. от субъекта, вследствие чего логика выглядит как отражение в кривом зеркале.

Трудно понять поэтому, как можно назвать логический эмпиризм с его принижением разума, с неверием в способность человеческого познания проникнуть в сущность природы «новым просвещением», как об этом пишет Г. Фейгль в упомянутой выше статье. Он даже связывает это «новое просвещение» со старым просвещением, с энциклопедистами XVIII в. Но просветители XVIII в. в своем большинстве твердо были убеждены в существовании внешнего мира, независимого от сознания. Цель познания они видели в том, чтобы понять его объективные законы. Они были представителями той мнимо «метафизической» философии, которую так третируют современные ниспровергатели философии, их вера в человеческий разум не знала границ. Разве можно сравнивать действительно великое просвещение XVIII в. и философию «логического анализа», которая свою главную задачу видит в том, чтобы, как выразился Витгенштейн, ограничить мыслимое и тем самым ограничить и немыслимое, причем в «немыслимое» по-

падает вся объективно существующая природа, ее законы!

Не «новое просвещение», а замаскированный идеализм — только так можно охарактеризовать это одно из господствующих в современной буржуазной философии течений. Это трусливый идеализм, потому что, будучи по всем своим принципам идеализмом, логический позитивизм не осмеливается признаться в этом, изображает себя стоящим над борющимися лагерями в философии.

На отмеченной выше характерной черте «новой логики» лежит печать времени, переживаемой исторической эпохи. Весь ее пафос против «метафизики», уродливое сочетание логики с позитивизмом, ее «реализм», боязнь открыто назвать свои взгляды идеалистическими и т. п. — все это имеет глубокие корни в современных исторических условиях развития буржуазного общества и науки.

В наше время, в период невероятно быстрого развития науки и покорения сил природы, в век раскрепощения атомной энергии и создания искусственных спутников Земли и Солнца, очень трудно отстаивать философию, утверждающую, что в основе природы лежит какая-нибудь идея — абсолютная или неабсолютная, что мир в своей сущности идеален, и т. д. Это можно было утверждать в прошлые эпохи, даже в XIX в., когда карта человеческих знаний была еще полна «белых пятен». Сейчас это невозможно, теперь даже папа римский обосновывает веру в бога при помощи квантовой механики. Но идеализм не может, разумеется, признать и материалистическую точку зрения, хотя материалистическое решение этих вопросов вытекает из всех достижений современной науки. Значительно легче и проще объявить все эти вопросы «псевдовопросами», т. е. «метафизикой».

Отсюда и проистекает весь пафос борьбы многих современных идеалистических течений против «метафизических» проблем, т. е. против принципиальных проблем мировоззрения. Решать материалистически эти проблемы идеалисты не могут и не хотят, решать их открыто идеалистически — значит вступить в конфликт с наукой, поэтому лучше объявить их вне закона, как мнимые, выдуманные на основе неправильного применения линг-

вистических форм. Это также идеалистическое решение, но трусливое, завуалированное.

Этим объясняется также и мнимый «реализм» и даже «сверхкритический реализм», который приписывают своим взглядам и концепциям многие современные идеалисты. Слова «реализм», «эмпиризм», «позитивизм» должны свидетельствовать о якобы неразрывной связи с действительностью и быть выражением враждебности «метафизическим» спекуляциям. Действительная сущность подобного «реализма» хорошо видна из разъяснений, которые дал еще Д. Юм в книге «Исследование человеческого разумения» два с лишним столетия назад. Как и современные эмпирики, Юм полагал, что отвлеченные идеи являются мнимыми (современные идеалисты называют их псевдоидеями или псевдовопросами), если невозможно сопоставить их с впечатлениями, которые их породили[1] (современные идеалисты говорят: если невозможно найти им соответствующего референта).

Так как идеалистическую философию сейчас трудно отстаивать в открытой форме, то она протаскивается другими средствами — при помощи гносеологии и логики. Это даже удобно делать, ибо сама наука, прогресс научных знаний выдвигает вопросы теории познания и логики на передний план. Но развитие науки требует строго научных логических обобщений. Никакая наука не может обойтись без философского, логического базиса, особенно в наше время, когда невиданно быстрое развитие знаний, ломка одних взглядов и замена их другими, бесконечное углубление в сущность явлений могут быть осмыслены и осознаны лишь в свете объективных законов познания, объективной логики движения научной мысли.

Путь, по которому идут логические позитивисты, не только не способствует выяснению этих законов познания, но представляет собою попытку ниспровергнуть их, стремление лишить науку руководства со стороны философии при решении ею конкретных проблем. Что же касается самой логики, то, как мы пытались показать, неопозитивистская трактовка сущности этой науки, ее цели и назначения служит не укреплению ее позиций в

[1] См. *Д. Юм*, Исследование человеческого разумения, СПб., 1902, стр. 21 и др.

науке, не возвышению ее роли как учения о познании, а прямо противоположным задачам. Действительный смысл и назначение логики иные. К выяснению этого вопроса мы сейчас и перейдем.

Что такое логика. Отношение логики к объективной действительности

Логику издавна принято определять как науку о формах и законах мышления[1]. И это определение в общем правильно, оно верно выражает сущность и специфические цели, задачи этой науки, ее отличие от других наук. Логика очень рано выделилась в самостоятельную область исследования, и как наука она древнее многих других наук.

Древнее происхождение логики — свидетельство не только солидности «стажа» этой науки, но и ее значения, необходимости для всякой другой науки, для познания, мышления вообще. Чем больше человек выделялся из мира животных и овладевал силами природы, познавал ее все глубже и глубже, тем больше он обращал внимания на само мышление и его законы. Мышление, познание — сложнейший процесс, который можно понять лишь в результате специального изучения и исследования. Мышление такая же самостоятельная область исследования, как и любая область материального мира, изучаемая специальными науками — физикой, химией, биологией, математикой и т. п. Специфическая задача логики — исследовать мышление, формы, которые оно принимает в процессе своего движения, законы мышления — ставит ее в особое положение. Всякая наука есть процесс мышления, познания. Человек не может существовать, не познавая окружающий его мир. Отношение человека к действительности, его практическое овладение ею преломляется через мышление, отражается в нем. Этим объясняется тот факт, что

[1] Мы здесь отвлекаемся от вопроса о том, что мышление изучается не только логикой, но и психологией, и поэтому не выясняем различие между подходами логики и психологии к мышлению. Этот вопрос достаточно исследован в марксистской литературе, в частности в книге С. Л. Рубинштейна «Бытие и сознание», М., 1957.

логика как наука о мышлении и законах мышления возникла и стала разрабатываться на сравнительно ранней ступени развития науки. Но было бы нелепостью на этом основании полагать, что логика предваряет все науки и мышление вообще.

Лейбниц остроумно высмеивал тех, кто думает, что до изучения логики человек не способен был мыслить. Это, по его словам, значило бы слишком принижать природу и предполагать, что человек — двуногая тварь, которую Аристотель превратил в разумное существо. Не менее был прав и Гегель, когда говорил, что, для того чтобы правильно мыслить, не обязательно знать логику, как не нужно знать физиологию пищеварения, чтобы научиться принимать пищу. Человек научается мыслить прежде всего под воздействием природы, частью и «венцом» которой он является. Если бы в своих мыслях человек не отражал правильно природу, он не мог бы существовать. Если бы в своих взаимоотношениях люди не мыслили логически правильно, они не понимали бы друг друга. Природа была первым «учебником логики», логического мышления человека. Она и в настоящее время играет эту роль, поскольку сознательное изучение и исследование познания и логических форм мышления невозможно без постоянного обращения к природе, ибо мышление есть отражение природы.

Сказанное не умаляет роли логики для мышления, ее значения как науки о правильном и истинном мышлении. Тот же Лейбниц указывал, что мышление без науки о сущности мышления и его законах было бы подобно счету на пальцах. Знание того, как совершается процесс мышления, каковы его формы и законы, какими способами необходимо мыслить, как строить познание, чтобы верно объяснить окружающую нас действительность, имеет первостепенное значение для сознательной деятельности человеческого мышления.

Для того чтобы возникла логика как наука о мышлении, необходим был определенный уровень человеческого мышления, нужен был значительный опыт познания природы. С первых своих шагов логика разрабатывалась на основе этого опыта как обобщение процесса мышления и познания различных областей реального мира. Без этого опыта познания невозможна логика

как учение о законах и формах мышления. В этом смысле логика есть итог и обобщение развития познания.

В то же время древнее происхождение логики свидетельствует о том, что само познание природы конкретными науками находится в тесной зависимости от понимания того, что такое познание, мышление, какова структура мысли, каковы ее составные элементы, принципы и правила соединения, связи этих элементов мысли, законы движения мысли и т. д. Сократ называл искусство мышления повивальным искусством, а процесс рождения знаний уподоблял мукам родов. Этим он правильно подчеркивал сложность процесса мышления, необходимость его изучения, для того чтобы облегчить рождение мыслей. Логика и возникла как наука, исследующая мышление и его законы с целью помочь человеческому разуму познавать силы природы ради их подчинения интересам людей.

Как ни отличаются науки друг от друга, какими бы специфическими областями они ни занимались, все они имеют нечто общее. Этим общим является то, что все науки суть познание. Изучаем ли мы явления неорганической или органической природы, крупные небесные тела или мельчайшие частицы материи, жизнь растений и животных или жизнь человеческого общества — всегда изучение, исследование протекает в каких-то общих для всякого познания формах и подчинено каким-то общим законам, нарушать которые нельзя. Даже рассуждения о вещах, с которыми мы повседневно сталкиваемся, невозможны вне соблюдения общих для всякого мышления элементарных правил и принципов, согласно которым оно строится. Когда я хочу что-либо сказать о данной вещи, то я это делаю в определенной *логической форме*. Например, говоря: «Эта вещь есть чернильница», мы высказываем мысль, состоящую из определенных элементов, которые связаны между собой определенной структурой. В логике эта форма мысли называется суждением. Все, что мы ни говорим о вещах, явлениях или событиях, мы выражаем при помощи суждений.

Если суждения состоят из простых элементов мысли, то более сложные высказывания составляются из ряда суждений. Между суждениями имеются определенные

отношения, вне учета которых нельзя правильно строить свои высказывания, делать верные выводы, приходить к правильному заключению. Когда я рассуждаю: «*А* больше *В*, *В* больше *С*, следовательно, *А* больше *С*», то я пользуюсь опять-таки определенной логической формой мышления, называемой умозаключением. В данном умозаключении существуют определенные отношения между несколькими суждениями. Вывод, который я делаю из первых двух суждений: «следовательно, А больше С», — не произволен, а закономерен, обязателен. Закономерность моего вывода, его принудительность имеет твердые основания, что придает логике всеобщее для всякого познания значение. Но основания эти вовсе не те, на которые указывает современная неопозитивистская логика, заявляющая, что существует лишь одна *логическая* необходимость, что она определяется структурой самих предложений, слов, знаков и не имеет никакого отношения к действительности.

Таким образом, любая мысль, процесс всякого мышления осуществляется в определенных логических формах, по определенным законам. В каждой отдельной науке процесс мышления, познания имеет свои особенности, свои способы, которые могут считаться «особенными», конкретными способами отображения мыслью явлений. Логика есть наука о всеобщем способе мышления и познания, в котором, как правильно указывал Гегель, «все особенные способы сняты и завернуты» [1].

Один из современных представителей так называемой логики отношений Ш. Серрюс пишет о сущности логической науки: «Самое большое, что может сделать логик, — это кодифицировать процессы, спонтанно использованные учеными и открытые ими» [2].

В этих словах верно то, что логика исследует процессы познания в том виде, как они реализуются в конкретных науках, и делает из этого выводы, касающиеся познания вообще. Но если бы логика ограничивалась этой задачей, то она была бы лишь *описанием* форм мышления, и ее значение как логического фундамента наук и научного познания было бы чрезвычайно ограниченным. В таком подходе к логике как науке выра-

[1] *Гегель*, Соч., т. VI, Соцэкгиз, М., 1939, стр. 297.

[2] *Ш. Серрюс*, Опыт исследования значения логики, М., 1948, стр. 128.

жено непонимание того, что через анализ форм мышления логика имеет дело с общими закономерностями объективной действительности, закономерностями самих вещей и явлений и лишь постольку ее принципы и законы имеют всеобщее значение для научного познания.

Конечно, логика исследует мыслительные процессы, которые *непосредственно* не относятся к самим вещам и их свойствам. Например, она исследует процесс движения мысли от явления к сущности, от внешнего к внутреннему или процесс движения от относительных истин к абсолютной истине и т. д. (в данном случае имеются в виду проблемы диалектической логики). Но и эти «чисто» мыслительные процессы можно понять лишь в неразрывной связи с задачей отражения реального мира. Объективная действительность, существующая независимо от сознания, и в этом случае составляет основу логики, логического движения мысли.

Почему так важно выяснить эту сторону или, вернее сказать, суть логики? Потому что, только поняв истинное взаимоотношение между логическими формами и законами мышления, с одной стороны, и объективными законами реального мира — с другой, только поняв, что первые есть отражение и выражение вторых, можно в полной мере выяснить сущность и значение логики как науки. Вся мистификация логики, предпринятая современными идеалистами (продолжающими мистификацию ее старой идеалистической философией), принижение ее истинной роли, сведение к «логическому анализу» языка науки проистекают именно из извращенного представления этого коренного, главного вопроса логической науки.

В марксистской литературе этот вопрос достаточно исследован, и нет нужды на нем подробно останавливаться.

Для современного материалиста (это понимали, хотя и в ограниченной, метафизически-созерцательной форме, и старые, домарксовские материалисты) ясно, что логические формы, категории, законы мышления представляют собой отражение реального мира, а не произвольно создаваемые человеческим умом пособия, позволяющие упорядочивать действительность. В. И. Ленин со всей определенностью выразил эту природу

логических форм: «Объективизм: категории мышления не пособие человека, а выражение закономерности и природы и человека...»[1]

Признание того, что логика мышления есть отражение объективной логики природы, кладет водораздел между научной и антинаучной, идеалистической логикой. Для последней логика, как и познание вообще, служит разделению реального, объективного мира и мышления человека. Формы мышления для нее — это субъективный мир, в котором нет ни грана объективного содержания, почерпнутого из реального мира. Из такого представления о сути познания, форм мышления идеалисты даже пытаются вывести положение о существовании «высшего» типа мышления, даже целого мировоззрения. К сожалению, такого рода заблуждения разделяют и некоторые крупные ученые, вносящие большой вклад в развитие конкретных наук.

Одну из таких попыток сделал В. Гейзенберг в книге «Картина природы с точки зрения современной физики»[2]. В этой книге он выделяет тип мышления, свойственный якобы «западному миру» в отличие от типа мышления «восточного мира». Отличие это состоит в том, что первый-де ставит духовное выше материального и истоком духовного считает не материальное, а нечто другое, что именно — неизвестно. Прародителями указанного «западного» образа мышления он считает античных философов-просветителей.

Когда для доказательства этого Гейзенберг ссылается на Платона, это еще можно понять, ибо Платон был идеалистом. Но когда в качестве сторонников такого «образа мышления» он называет Левкиппа, Демокрита и античных мыслителей вообще, то это не что иное, как вольное или невольное искажение фактов. Утверждать, подобно Гейзенбергу, что Демокрит представлял себе атомы вроде букв для обозначения явлений (очевидно, в кантовском смысле), но не объективного мира, — значит выдавать желаемое за сущее.

Для многих, если не для большинства, античных мыслителей понимание познания, природы логических форм мышления как отражения реального мира было

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 38, стр. 79.

[2] *W. Heisenberg*, Das Naturbild der heutigen Physik, Hamburg, 1955.

само собой разумеющимся. Это очень важно отметить, так как в античной философии, как и в древней философии вообще, находятся истоки, начало развития логической науки. Конечно, в античной философии были Сократ и Платон, были Демокрит и Гераклит, т. е. уже здесь шла борьба двух основных враждебных направлений в философии. Тогда как Платон трактовал познание идеалистически, считая тело могилой души, Левкипп и Демокрит, по свидетельству Аристотеля, «напротив, в своем изучении вселенной следовали наилучшему методу: исходить лишь из того, что имеется налицо в самой природе, [такой], как она есть [в действительности]» [1].

Едва ли тут есть что-нибудь от того «западного» образа мышления, о котором говорит В. Гейзенберг и которому он сам не следует в своих специальных работах по физике.

Слова Аристотеля о «наилучшем методе» Демокрита дают оценку и его собственных взглядов на этот вопрос. Основоположник логической науки исследовал формы и законы мышления как отражение реальных объективных отношений самих вещей.

Для доказательства того, что категории мышления, понятия, суждения, умозаключения он понимал материалистически, можно привести его собственные высказывания. «Понятие, — пишет он, — ни в коем случае не является причиною существования вещи, но вещь представляется некоторым образом причиной истинности [соответственного] понятия...» [2] При этом категории, которых он насчитывал десять, он считал как «родами высказываний», так и основными родами бытия. О суждениях он говорил, что «прав тот, кто считает разделенное (т. е. в объективной действительности разделенное. — *М. Р.*) — разделенным и соединенное — соединенным, а в заблуждении — тот, мнение которого противоположно действительным обстоятельствам» [3].

Современная идеалистическая логика ведет атаку против логики Аристотеля, против ее материалистического, «субстанционального» содержания. Например,

[1] Цит. по кн.: «Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности», Соцэкгиз, М., 1935, стр. 163.

[2] *Аристотель*, Категории, Соцэкгиз, М., 1939, стр. 45.

[3] *Аристотель*, Метафизика, Соцэкгиз, М.—Л., 1934, стр. 162.

упоминавшийся выше Ш. Серрюс критикует логику Аристотеля за ее «онтологический» и «метафизический» характер. Он правильно указывает, что, по Аристотелю, «формы познания должны быть точными представлениями объективных форм», что он всегда ставит «проблему адекватности», т. е. соответствия форм мышления формам реальности, бытия. Серрюс сокрушается по поводу того, что у Аристотеля логика «погружена в онтологию как в присущую ей среду; она питается от нее, но сама не создает ее» [1]. Он даже называет ее «материальной логикой» и решительно отвергает ее «субстанционалистический» характер, так как полагает, что невозможно называть одну вещь субъектом, другую атрибутом.

Очень любопытна общая оценка аристотелевской логики, данная Серрюсом: «Логические операции (по Аристотелю. — *М. Р.*) определяют, таким образом, методы, которые дают уму возможность ориентировки в онтологическом порядке» [2], т. е. в реальной действительности. Конечно, автор этих строк не согласен с таким пониманием сущности логики, но нельзя не признать, что он дал глубокое определение того, чем в действительности является логика и с чем, естественно, не могут согласиться идеалисты.

В самом деле, что такое «онтологическая» логика в материалистическом смысле этого слова? Это такая логика, которая рассматривает мышление как отражение объективного мира, независимого от какого бы то ни было субъективного или абсолютного (в гегелевском смысле этого слова) сознания, и которая истинность мышления видит в адекватности форм познания и бытия. В свое время это образно выразил Бэкон словами о том, что ответы на вопросы, выдвигаемые наукой, нужно искать «не в кельях человеческого ума», а в самой природе. Стремление же «деонтологизировать» логику, т. е. оторвать ее от объективного содержания, отраженного в ней, есть идеалистически извращенное понимание логики, возводящее стену между формами, законами мышления и объективным миром. Такое толкование ее усматривает истинность мышления не в

---

[1] *Ш. Серрюс,* Опыт исследования значения логики, стр. 55.
[2] Там же.

адекватности форм познания и бытия, а в соответствии мыслей, предложений, знаков друг другу независимо от объективного мира.

Все развитие идеалистической логики и теории познания, начиная с Беркли и Юма и продолженное Кантом, позитивистами XIX в., затем в новейшее время всякого рода неопозитивистами, шло под знаком «деонтологизации» логики. Из этого ряда идеалистической логики нужно исключить Гегеля, у которого дело обстоит сложнее, о чем еще будет речь впереди.

Марксизм обосновал и доказал онтологический (в материалистическом понимании этого слова) характер логики. Продолжая лучшие традиции аристотелевской логики, логики Бэкона и других материалистов XVII в., логических и гносеологических учений материалистов XVIII и XIX вв., марксизм пошел дальше. Он доказал решающую роль практики, практической деятельности человечества в возникновении логических форм мышления. Последние отражают объективный мир, реальные свойства и связи вещей и явлений, но это отражение отливается в определенные формы и законы лишь в процессе практической деятельности людей, преобразующих природу. Если природа была для человека первым «учебником логики», то практика была его первым логическим «самоучителем».

Вот почему марксизм высоко оценивает положение Гегеля, в идеалистической форме выразившего очень глубокую мысль о том, что сами вещи суть умозаключения.

«Все вещи, — писал он, — суть *умозаключение,* некоторое всеобщее, сомкнутое через особенность с единичностью...»[1] Как идеалист, Гегель считал вещь инобытием понятия, он стоял на позициях тождества бытия и мышления. Поэтому для него реальные отношения вещей и мыслительное умозаключение собственно одно и то же. Все есть понятие, с точки зрения Гегеля, и вследствие этого приведенное выше положение он трактует таким образом, что всеобщая природа понятия придает себе внешнюю реальность через особенность, а последняя смыкается с единичностью, с единичной вещью. Или, наоборот, действительное как единичное

[1] *Гегель,* Соч., т. VI, стр. 112.

через особенное поднимается до всеобщего, т. е. до понятия, и таким образом реализует свое тождество с понятием.

Но в этом мистическом понимании умозаключения как порождения в процессе движения понятия самих вещей содержится верная мысль о том, что сами вещи это как бы объективное «умозаключение», т. е., что связям вещей присуща независимая от сознания человека реальная логика, которая порождает субъективную логику, в частности умозаключение уже без кавычек.

Действительно, когда мы делаем какое-нибудь умозаключение, например, когда мы из посылок «все металлы электропроводны» и «медь — металл» делаем заключение — «медь электропроводна», то мы этим воспроизводим реальное «умозаключение» вещей, т. е. реальную связь между общим, особенным и единичным. Общее свойство — электропроводность — реально присуще самим металлам, так же как реально существует «особенная» разновидность металла — медь и его не менее реальное свойство — электропроводность. Эта связь между общим, особенным и единичным в самих вещах и находит свое отражение в логической форме умозаключения, источник ее — сама действительность.

Маркс в трудах «К критике политической экономии» и «Капитал» говорил о связи и отношениях производства, распределения, обмена и потребления, а также о связи денег и товара (Д — Т — Д) как о силлогизме. Конечно, Маркс употреблял это понятие в условном смысле, ибо силлогизм есть *форма мышления*, но он указывал, что формы мышления лишь постольку значимы, поскольку они отражают реальные связи вещей. Именно последние служат объективной основой того принудительного характера, которым обладают логические законы и формы мышления.

Если мы воспринимаем логические законы как некие аксиомы, то это объясняется не тем, что они априорны, свойственны извечно самому разуму. Это объясняется также не тем, что люди условились, заключили своего рода конвенцию о законах и правилах мышления. Их общезначимость, заставляющая нас считаться с ними, объясняется тем, что они суть верные отражения природы, связей и отношений реальных вещей и явлений.

Практика людей, имеющая дело с этими реальными связями и отношениями вещей, запечатлевается в сознании в форме определенных логических законов и форм мышления. Это и имеет в виду В. И. Ленин, когда замечает: «...Практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения» [1].

Здесь мы сталкиваемся с вопросом об органической связи между «метафизикой», как иронически называют позитивисты общее философское учение об объективном мире и его законах, и учением о познании, логикой. Эту связь, как было сказано, неопозитивистские логики всячески дискредитируют. Стремление современных позитивистов ликвидировать философию нисколько не может поколебать ее существование; более того, их атаки против философии служат лишь новым аргументом в пользу необходимости общего философского учения о сущности мира и его законов. Ибо когда, например, Ф. Франк пытается доказать, что научную теорию, скажем, теорию относительности или квантовую механику, можно истолковать в духе любой философии — материализма или спиритуализма, что все попытки поддержать материалистическую или идеалистическую систему в отношении науки XX в. якобы потерпели провал, то фальшь этого рассуждения сразу же бросается в глаза.

Науке и человеческой практике, основывающейся на научных знаниях, совсем не безразлично, что представляют собой атомы, электроны, пространство, время и прочие объекты, исследованием которых занимается наука. Являются ли они плодом произвольной конструкции ума или они в действительности существуют независимо от того, каким способом описания или на каком языке мы выражаем их. А ответ на этот вопрос дает и может дать только философия, так как она обобщает данные всех наук и делает свои выводы из анализа этих данных, из анализа всей человеческой практики, на что не способна никакая другая наука. Вот почему любая наука жизненно нуждается в связи с философией, конечно, научной, материалистической

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 38, стр. 209.

философией, составляющей общий теоретический фундамент познания.

Особенно необходима эта связь с философией логике, т. е. учению о познании. Нельзя ни шагу сделать в науке о познании, о мышлении и его законах, не исходя из определенного решения вопросов о том, что такое познание, познанием чего оно является, каково содержание мышления, что представляет собой содержание логических форм, как соотносятся законы мышления, познания с законами природы и т. п. Все эти вопросы решает философия и логика как часть философии. Большинство философов прошлого не обходило этих вопросов, а давало на них свои ответы. Одни решали эти вопросы идеалистически, другие материалистически. Многовековая борьба двух основных направлений закончилась победой материалистической философии, подтвержденной всем развитием научных знаний, всей практикой человечества.

Сущность материалистического решения указанных *исходных* вопросов логики может быть сформулирована в нескольких положениях: 1) мышление есть отражение объективно, независимо от сознания существующего мира, и свое содержание оно черпает из этого мира, перерабатывая его в идеальные, мыслительные формы; 2) логические формы — понятия, суждения, умозаключения и т. п. — представляют собой формы отражения и воспроизведения в человеческом мышлении объективных связей вещей, и вне этих последних они не могут быть поняты; 3) учение о познании вследствие самой природы мышления может быть научно обоснованным лишь при условии исследования процесса познания и его форм в неразрывной связи с объективной логикой самого реального мира.

Из этих коренных положений о природе логики можно и должно выводить и истинное понятие о ее сущности и задачах. Великая роль логики состоит в том, что, будучи отражением объективных связей и отношений вещей, она дает *метод* мышления, познания, тот самый метод, который позволяет человеческому уму ориентироваться в реальной действительности. Идеалисты хотят разрушить мост, соединяющий логику и, употребляя понятие старой философии, онтологию — учение о бытии. Но этот мост неразрушим. Сила ло-

гики лишь в этом соединении с бытием, с реальным миром.

Поэтому нельзя согласиться с постановкой вопроса о том, что́ такое логика: «логика проверки» научных положений, или «логика открытий» в науке. Неправильно усматривать задачу логики только в проверке научных положений и истин, хотя она и выполняет ее. Мы непомерно ограничили и сузили бы роль даже формальной логики, не говоря уже о диалектической, если бы видели в этом ее главную задачу. Марксистское понимание роли и задач логики глубоко выразил Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге». Отвергая антинаучное представление о логике, имевшееся у Дюринга, Энгельс писал: «О полном непонимании природы диалектики свидетельствует уже тот факт, что г. Дюринг считает ее каким-то инструментом простого доказывания [1], подобно тому как при ограниченном понимании можно было бы считать подобным инструментом формальную логику или элементарную математику. Даже формальная логика представляет прежде всего метод для отыскания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному; то же самое, только в гораздо более высоком смысле, представляет собой диалектика, которая к тому же, прорывая узкий горизонт формальной логики, содержит в себе зародыш более широкого мировоззрения» [2].

Таким образом, даже формальную логику, которая не исследует, как будет видно дальше, процесс познания с точки зрения движения мысли от явления к сущности, с точки зрения истории мышления, марксизм отказывается понимать так ограниченно. И действительно, учение формальной логики позволяет отыскивать новые результаты, новые истины, т. е. она выполняет роль метода познания. Что же говорить о диалектической логике, которая представляет логику в более высоком смысле! Когда решается этот общий вопрос,

---

[1] Энгельс здесь имеет в виду не учение о доказательстве, которое составляет важный раздел логики, а отвечает на вопрос, чем является логика. Противопоставляя доказыванию, проверке готовых истин исследование истины, открытие новых истин, он подчеркивает тем самым огромное значение логики как науки.

[2] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, Госполитиздат, М., 1957, стр. 126—127.

касающийся самого фундамента логики, то, на наш взгляд, неправомерно, как это нередко делается, противопоставлять формальную и диалектическую логику, утверждать, что законы первой применимы *только* к мышлению, а законы второй — также и к действительности.

Несомненно, между логикой формальной и диалектической существует огромное различие даже тогда, когда мы подчеркиваем некоторые общие принципиальные черты логики как науки о мышлении. Это различие состоит в степени отвлечения форм мышления от содержания и др., о чем речь будет идти в дальнейшем изложении. Но оно отнюдь не в том, будто сфера применения одной логики — мышление, другой — действительность или будто у одной формы и законы мышления не совпадают с явлениями объективного мира, а у другой совпадают. Когда мы пытаемся с марксистских позиций выяснить сущность и значение логики, то независимо от того, о какой логике идет речь, независимо от глубокого различия логических ступеней мышления необходимо подчеркивать единство форм и законов мышления с объективной действительностью. Только в силу этого единства логика может выполнять и выполняет высокую миссию учения о познании.

Логика как наука есть учение о *мышлении* и его законах. Мышление и его формы, законы — специфический предмет логики. Именно этим своим предметом она отличается от других наук. Подчеркивая, что логические формы должны изучаться в тесной связи с объективными связями и отношениями вещей, отражением которых они так или иначе являются, мы этим вовсе не хотим утверждать, что логика имеет своей сферой не мышление, а реальный, объективный мир. Но дело в том, что мышление, познание имеет своим содержанием этот реальный мир и вне его невозможно познать ни природу мышления, ни законы его функционирования. Для всякого материалиста не подлежит сомнению указание Маркса о том, что «логическое мышление, это — действительный человек, и логически осознанный мир как таковой — действительный мир...»[1]

---

[1] *К. Маркс*, К критике политической экономии, Госполитиздат, М., 1953, стр. 214.

Мир логики — это осознанный мышлением в идеальных формах действительный, реальный мир; в этом положении существо логики.

Когда мы оперируем формами и законами мышления, не обращаясь каждый раз к «логике действительности», то мы поступаем так не потому, что последняя исключается из предмета науки логики, а по той причине, что они сверены уже миллиарды раз практикой как формы отражения и познания действительности. Но всякий раз, когда мы хотим проверить истинность своих логических рассуждений, нет более испытанного средства, чем сверить их с объективной логикой вещей. Ибо «субъективная» логика есть мыслительная форма «объективной» логики. Мыслительные формы — это духовные слепки с объективной логики, но переработанные, преобразованные мышлением. Эти формы имеют субъективную и объективную стороны, и первая не может изучаться вне связи с другой.

В. И. Ленин, стремясь подчеркнуть этот факт, дает следующее определение логики, которое является исходным для правильного понимания ее предмета: «Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития „всех материальных, природных и духовных вещей", т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод *истории* познания мира» [1].

Давая такое определение, В. И. Ленин имел в виду диалектическую логику, и было бы ошибочно распространять его на формальную логику. Но мысль о том, что предмет логического учения — логика мышления находится в единстве с логикой вещей, безусловно относится ко *всякой* логике.

Таким образом, существует коренное различие между научным, марксистским пониманием сущности и роли логики в познании и тем, как понимают логику и ее задачи современные идеалисты. Сводя задачи логики к выяснению предложений науки, к «логическому анализу» предложений, слов и т. п., неопозитивисты лишают ее главной функции — назначения ее как учения о познании, о законах познания, о способах исследования, позволяющих науке проникать глубже в объектив-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 38, стр. 80—81.

ный мир, открывать все новые его стороны и законы. Тем самым современный идеализм порывает с прогрессивными традициями исторического развития логической науки, заключающимися в том, что она создавалась и развивалась как учение о способах, методах мышления, отражения действительности. Аристотель обосновывал свое логическое учение как учение о методе познания мира. Бэкон развивал свою индуктивную логику как метод «истолкования природы». Декарт свою логику изложил в книге под названием «Рассуждение о методе», где он стремился создать способ нахождения истины, с помощью которого люди могли бы «сделаться хозяевами и господами природы» [1]. Гегелевская «Наука логики», как известно, представляет собой учение о методе, в котором, хотя и в идеалистически извращенной форме, исследовалась способность человеческого разума мыслить о явлениях соответственно их диалектической природе.

Марксистская философия продолжила эту наиболее ценную традицию в историческом развитии логики, подведя под нее прочные научные основы. В «Старом предисловии к «Анти-Дюрингу». — О диалектике» Энгельс говорит, что диалектика является наиболее важной формой мышления для современного естествознания, он показывает, почему эта форма мышления выполняет роль метода познания мира. Это, по его словам, объясняется тем, что «только она представляет аналог и *тем самым* метод объяснения для происходящих в природе процессов развития» [2].

Это — прекрасное объяснение сущности и задач логики, логической науки: поскольку логические формы и законы мышления есть отражение действительности, постольку логика — метод исследования реального мира, *метод истинного мышления о нем*. Так связаны между собой две стороны вопроса: 1) вопрос о сущности мыслительных форм, исследуемых логикой, и 2) вытекающее из этого понимание цели и назначения логики как науки.

---

[1] *Р. Декарт*, Избранные произведения, Госполитиздат, М., 1950, стр. 305.

[2] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, стр. 311—312 (курсив мой. — *М. Р.*).

Логика — наука об историческом развитии мышления. Формальная логика, ее место и роль в познании

Мы пытались изложить некоторые общие положения, касающиеся логики как науки, независимо от ступеней, которые она проходит в своем развитии, выразить ее сущность как учения о познании. Логика, подобно любой другой науке, поднимается в процессе исторического развития общества и человеческих знаний с одних ступеней на другие, с низших на высшие. Марксизм отверг претензии различных логических учений на вечную истину. Он рассматривает теоретическое мышление как продукт исторического развития, следовательно, каждая историческая ступень мышления неизбежно принимает свое определенное содержание и форму. Поэтому, как говорил Энгельс, «наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления» [1].

Стало быть, логика есть наука об историческом развитии человеческого мышления. Это положение дает единственно правильный подход к логике, к пониманию того, какое место занимают и какую роль играют те или иные логические учения. Развитие науки с необходимостью навязывает это понимание всякому, кто объективно пытается разобраться в положении дел. Исторический ход развития человеческих знаний разрушает представления о той или другой теории как раз навсегда данной, застывшей, не способной к развитию. Эвклидова геометрия, казалось, есть та «вечная истина», покой которой ничто не может нарушить. Так это и было в течение двух тысячелетий. Но затем Лобачевский и Эйнштейн доказали ограниченность этой геометрии, очертили ее пределы, границы, за которыми она уже недействительна. То же случилось с ньютоновой механикой, оказавшейся не «вечной истиной», а лишь предельным случаем более широкой и глубже объясняющей законы физического движения науки — квантовой механики. Но и эта последняя на наших глазах претерпевает беспрерывные изменения, двигаясь ко все более и более глубокому охвату действительности.

---

[1] *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, стр. 311.

Логика не исключение из этого закона развития познания; «теория законов мышления,— пишет Энгельс,— не есть вовсе какая-то раз навсегда установленная «вечная истина», как это связывает со словом «логика» филистерская мысль»[1]. И дело не только в том, что, например, формальная логика была в течение веков и остается до сих пор ареной борьбы различных взглядов и течений. Она оказалась столь же мало неизменным и «вечным» учением, как и другие науки. Математическая логика имеет огромное значение для дальнейшего развития формальной логики. Можно оспаривать или не оспаривать положение некоторых логиков о том, что старая, формальная логика ныне есть лишь частный случай новой, математической, или символической, логики, но невозможно отрицать значение последней для развития формальной логики.

Поэтому к логике следует подходить исторически, как к развивающейся науке, и только при этом условии можно понять возможности и границы каждой исторически обусловленной формы логического учения. Это позволит правильно подойти и к затянувшимся среди марксистов спорам о соотношении формальной и диалектической логики, установить роль каждой из них.

Как уже было сказано, логика тесно связана с развитием человеческих знаний, с представлениями науки об объективном мире. Поэтому она не может не соответствовать достигнутому в каждую крупную историческую эпоху уровню знаний. Ее развитие необходимо отражает общий исторический ход научных знаний.

Не случаен, например, тот факт, что диалектическая логика возникла после формальной логики, на рубеже XVIII—XIX вв. Правда, элементы диалектического подхода к действительности, а следовательно, и диалектической логики были уже в древней философии. Но они не получили и не могли получить дальнейшего развития. Они были забыты в течение многих веков, в то время как формальная логика, разработанная также в древности, приобрела широчайшую известность и служила основой, фундаментом логической науки на протяжении ряда столетий. Когда мы говорим о том, что диалек-

---

[1] *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, стр. 311.

тическая логика исторически возникла после формальной логики, то мы имеем в виду современную диалектическую логику, основанную на обобщении огромного опыта развития научных знаний и многовековой исторической практики человечества. Такое развитие логики можно объяснить, лишь исходя из исторических потребностей современной науки и практики.

В рабовладельческом обществе потребности социальной жизни, общения между людьми, а также научного познания выдвигали задачу разработки прежде всего принципов правильного, последовательного мышления, приемов доказательства, аргументирования, т. е. тех вопросов, которыми занимается формальная логика. Конечно, люди правильно мыслили и до появления логики, но со временем, по мере расширения научных исследований, активизации общественной жизни (например, необходимости совершенствования искусства споров, дискуссий в период афинской демократии), уже нельзя было ограничиваться «стихийной» логикой, нужно было специально исследовать правила и приемы правильного мышления, доказательств, образования понятий, суждений, выведения из одних суждений других и т. п.

Как известно, наибольшая заслуга в осуществлении этой задачи принадлежит Аристотелю, давшему удивительно стройное и тонко разработанное учение о формах и законах мышления. Гегель справедливо отмечал, что эта заслуга Аристотеля бессмертна. «Одно лишь рассмотрение этих форм, как познание разнообразных форм и оборотов этой деятельности, — писал Гегель, — уже достаточно важно и интересно. Ибо сколь бы сухим и бессодержательным нам ни казалось перечисление различных видов суждений и умозаключений... все же мы не можем в противоположность этому выдвинуть какую-нибудь другую науку. Если считается достойным стремлением познать бесчисленное множество животных, познать сто шестьдесят семь видов кукушек, из которых у одного иначе, чем у другого, образуется хохол на голове; если считается важным познать еще новый жалкий вид семейства жалкого рода лишая, который не лучше струпа, или если признается важным в ученых произведениях по энтомологии открытие нового вида какого-нибудь насекомого, гадов, клопов и т. д., то

нужно сказать, что важнее познакомиться с разнообразными видами движения мысли, чем с этими насекомыми» [1].

Марксизм также высоко оценивает работу, проделанную Аристотелем в этой области. Указывая, что «исследование *форм* мышления, логических категорий, очень благодарная и необходимая задача», Энгельс отметил, что Аристотель был первым, кто взялся за систематическое разрешение этой задачи [2].

Далее, безусловный закон познания, подтвержденный всей историей научного познания в целом и каждой науки в отдельности, состоит в том, что человеческие знания развиваются от исследования внешних простейших связей и отношений к открытию и изучению внутренних существенных связей и отношений вещей и процессов. Другой аспект этого принципа состоит в том, что познание движется от представления о вещах как тождественных и равных самим себе к представлению о них как о развивающихся и изменяющихся, содержащих в себе внутренние противоречия. Логика как исторически развивающаяся наука не может быть исключением из этого правила. Движение от логики формальной к логике диалектической было исторически необходимым проявлением действия этого закона развития познания. Образно говоря, прежде чем познание сумело расплавить вещи, воспринимаемые как неподвижные, в текучей стихии, увидеть и схватить их в движении и изменении, оно *должно* было понять их первоначально как тождественные, неразвивающиеся.

Гегель называл такой подход *рассудочным*. Отличительная черта рассудка, по его мнению, в том, что он разделяет соединенное, находящееся в связи и взаимодействии, придает «жесткость бытия» тому, что в действительности находится в состоянии перехода из одного качества в другое. Рассудок разделяет противоположности, но не видит их связи и взаимопроникновения, перехода друг в друга. Разум в отличие от рассудка разрушает якобы неприступные границы между вещами, явлениями, между противоположностями, растворяя

---

[1] *Гегель.* Соч., т. X, М., 1932, стр. 313.

[2] См. *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, Госполитиздат, М., 1955, стр. 191.

эти границы в вечном движении и изменении, в переходах от одного к другому.

Различая в указанном смысле две отличные друг от друга способности человеческого мышления, мы должны видеть их связь и единство; без деятельности рассудка невозможна и высшая ступень разумного, диалектического познания. Исторически дело обстояло так, что первая ступень предшествовала второй. Каждая наука прошла ступень, так сказать, «рассудочного» подхода к действительности, подготовляя тем самым высшую ступень, т. е. диалектическое обобщение явлений, рассматриваемых в процессе развития и изменения.

В течение длительного исторического периода, высшей точкой которого были XVII и XVIII вв., наука, научный подход к явлениям природы характеризовались тем, что Гегель назвал «рассудочным» способом мышления. Следует сказать, что в этом не было никакой «вины» рассудка, а в историческом плане не было и «бессилия разума», ибо подняться выше человеческое мышление в то время не могло. Для этого отсутствовали объективные условия и предпосылки. Да мышление и не должно было в то время идти дальше, оно выполняло ту исторически закономерную роль, которая заложила основы для дальнейшего развития науки в XIX в. и позже.

Возникает вопрос: могла ли логика того времени, наука логики, связанная тесными узами с уровнем научных знаний, с наличным мыслительным материалом и способами познания, не отражать как существующего положения в науке, так и исторических потребностей ее развития? Конечно, она должна была отразить это положение. Именно этими историческими обстоятельствами объясняется то, что формальная логика возникла как логика, оперирующая неподвижными категориями, и в этом состоит ее главная и существенная особенность.

В «Диалектике природы» Энгельс, говоря о мышлении «неподвижными категориями» и мышлении «текучими категориями», показывая, что новейшее естествознание прорывает узкие рамки первого способа мышления и что только диалектика «становится абсолютной необходимостью для естествознания», указывает далее, что естествознание покидает «ту область, где доста-

точны были неподвижные категории, представляющие собою как бы низшую математику логики...»[1]

Не подлежит сомнению, что под «низшей математикой» логики Энгельс имеет в виду логику формальную. Заметим, что при всем том Энгельс далек от мнения, будто из сказанного нужно сделать заключение, что формальная логика есть простой пережиток прошлого. Напротив, говоря, что и в философии, подобно естествознанию, одни теории вытесняют другие, он заявляет, что на этом основании, однако, «никто не станет заключать, что, например, формальная логика — бессмыслица»[2], что она отжила свой век.

Достаточно беглого анализа законов мышления формальной логики, чтобы понять, что они имеют дело с неподвижными категориями. Рассмотрим первый из этих законов — *закон тождества*. Этот закон говорит о том, что мысль о каком-либо предмете должна быть тождественной самой себе, он выражается в формуле $A = A$: например, растение есть растение, и т. п. Этот закон имеет важное значение для правильного, последовательного мышления, для определенности наших суждений. Если вы рассуждаете о кафедре, то нужно все время иметь в виду именно ее, а не какой-либо другой предмет. Стоит заменить в процессе высказываний предмет мысли (в данном случае кафедру) другим предметом, чтобы сбиться с правильного пути, допустить логическую ошибку.

Совершенно ясно, что закон тождества оперирует понятиями, суждениями, отражающими вещи как устойчивые, постоянные, отвлекаясь от их развития и изменения. Это, выражаясь языком диалектики, «абстрактное тождество», т. е. подход, отвлекающийся от изменчивости предметов, берущий их, по крайней мере в пределах какого-то промежутка времени, как равные самим себе. Конечно, формальная логика не отрицает того, что предмет может измениться, перестать быть данным предметом. Но пока он данный предмет, она строит мысль о нем как о тождественном, вне его развития. Такой подход, признание абстрактного тождества годится лишь там, по выражению Энгельса, «где мы

---

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, стр. 160.
[2] Там же, стр. 191.

имеем дело с небольшими масштабами или с короткими промежутками времени; границы, в рамках которых оно пригодно, различны почти для каждого случая и обусловливаются природой объекта»[1].

Рассмотрим теперь формально-логический *закон противоречия,* который запрещает логические противоречия в нашем мышлении. Суть этого закона состоит в том, что нельзя приписывать одному и тому же предмету, взятому в одно и то же время и в одном и том же отношении, два отрицающих друг друга признака. Два суждения, из которых в одном утверждается нечто о предмете, а в другом отрицается это же самое о нем, не могут быть одновременно истинными. Этот закон выражается в формуле: *А* не может быть *не-А*. Закон противоречия выражает тот же принцип абстрактного тождества, что и предыдущий закон, но лишь в отрицательной форме: если *А* есть *А*, то *А* не может быть одновременно и *А* и *не-А*.

На этом законе и его соотношении с диалектическим законом единства и борьбы противоположностей мы специально остановимся в одной из следующих глав. Сейчас же сделаем лишь следующие замечания. Формально-логический закон противоречия, как и закон тождества, очень важен для правильности, последовательности нашего мышления, наших суждений о предметах. Если я утверждаю: «Днепр — большая река», то я не могу одновременно высказывать суждение: «Днепр — небольшая река». Высказывание двух подобных противоречащих суждений об одной и той же вещи ничего, кроме путаницы, не дает. Если я хочу, чтобы меня понимали, то я *должен* соблюдать закон противоречия.

Закон этот требует от нас в строгом принудительном порядке выводить одни суждения из других, делать определенные выводы из посылок. Когда мы утверждаем, что все металлы электропроводны, то из этого мы обязательно должны сделать вывод, что данный конкретный металл, например медь, также электропроводен. Если же мы выскажем суждение о том, что медь не проводит электричества, мы вступим в противоречие с другим нашим суждением — суждением о том, что все металлы имеют данное свойство. Между тем закон

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, стр. 170.

противоречия гласит, что два таких суждения, утверждающих и отрицающих одно и то же о данном предмете нашей мысли, не могут быть одновременно истинны.

Такое же важное значение для правильности и логичности мышления имеет и *закон исключенного третьего*. Этот закон говорит о том, что из двух суждений, из которых одно что-нибудь утверждает, а другое это же отрицает, истинным может быть либо одно, либо другое, третьего не дано. Он выражается в формуле: *А* есть или *А* или *не-А*.

Оба эти закона формальной логики, как и закон тождества, оперируют неподвижными категориями. Каждый из них берет объекты мысли как тождественные самим себе, лишенные внутренних различий. Тождество и различие, противоположные свойства и качества разделены здесь. Предмет, о котором мы высказываем свое суждение, либо обладает данным свойством, либо не обладает, либо существует, либо не существует, есть или не есть. Иначе говоря, все законы формальной логики покоятся как на своем фундаменте на принципе абстрактного тождества, который, собственно, есть душа, основа этой логики.

Достаточно рассмотрения этих законов формальной логики, чтобы убедиться в том, что она рассматривает явления в состоянии покоя, относительного постоянства, устойчивости вещей, отвлекается от их развития и изменения. Все остальные стороны и элементы формальной логики зиждутся на этих законах (а также на *законе достаточного основания*, смысл которого состоит в том, что все наши суждения и умозаключения должны исходить из доказанных положений) как на своих непоколебимых устоях. Главное в формальной логике — это принципы и правила выведения одних суждений из других. В качестве этих принципов и правил и выступают указанные формально-логические законы.

Например, мы строим определенное умозаключение, т. е. из двух посылок выводим определенное следствие. Из посылок о том, что прямоугольный треугольник есть треугольник и что во всех треугольниках сумма углов равна двум прямым[1], мы делаем заключение: сумма

[1] В эвклидовой геометрии.

углов прямоугольного треугольника равна двум прямым. Такое умозаключение, представляющее собой определенное отношение между суждениями, возможно лишь при соблюдении всех формально-логических законов мышления. Если в ходе нашего умозаключения мы нарушим закон тождества, т. е. подменим одни термины другими, в данном случае — понятие «прямоугольный треугольник» заменим термином квадрат, то правильного вывода мы не получим. Если, далее, мы нарушим закон противоречия и из первых двух посылок сделаем вывод, что сумма углов прямоугольного треугольника не равна двум прямым, то опять-таки правильного умозаключения не получится. Можно, однако, утверждать, что существует нечто третье по отношению к двум взаимоисключающим суждениям: 1) сумма углов прямоугольного треугольника равна двум прямым и 2) сумма углов прямоугольного треугольника не равна двум прямым. Но тогда это будет нарушением закона исключенного третьего, что опять-таки повлечет за собой печальный результат. Наконец, строя данное умозаключение, мы должны исходить из доказанных посылок, что означает соблюдение закона достаточного основания.

Критика ограниченности формальной логики в истории философии

Ограниченность и недостаточность традиционной формальной логики чувствовались давно, как и давно ощущалась необходимость с развитием науки идти дальше, к созданию такого учения, которое способно вооружить мышление более острым логическим оружием. Притом об ограниченности ее часто говорили те, кто сам не выходил в общем за ее границы.

Так, Бэкон подвергал критике «обычную» логику, которая все свое внимание сосредоточила на силлогизмах. Он ставил перед собой цель — разработку такой логики, которая может, по его словам, указать путь к разуму. Критикуя «обычную» логику, Бэкон нападал на канонизированную в средние века аристотелевскую логику. Самого Аристотеля он подвергал резкой критике за абсолютизацию дедукции, силлогизма. «Ибо, — писал Бэкон,— хотя никто не может сомневаться в том,

что содержания, совпадающие со средним термином, совпадают между собой (в этом заключена некая математическая достоверность), тем не менее остается та возможность ошибки, что силлогизм состоит из предложений, предложения из слов, а слова — это символы и знаки понятий»[1].

Свое недовольство «обычной» логикой Бэкон объясняет тем, что она не опирается на опыт, на практику, недостаточно связана с самим содержанием явлений природы, что она «упускает из рук природу»[2]. Огромной заслугой его в развитии науки логики явилась разработка научной индукции. Но, как часто случается в истории мышления, шаг вперед был сделан Бэконом в односторонней форме: подняв на большую высоту роль индукции, опытного знания, он недооценил значение дедукции и той работы, которую в этом отношении проделал Аристотель.

Нарушая хронологию, сразу укажем, что, продолжая в XIX в. разработку индуктивной логики, Дж. Ст. Милль также отмечал ограниченность формальной логики. Главный ее недостаток он видел в том, что она ставит перед собой цель не достижение истины, «а согласие утверждений друг с другом»[3]. Все же, и по Миллю, непосредственная цель логики не в том, чтобы помочь найти истину, а лишь в том, чтобы судить, обоснована или нет наша уверенность в истинности положений науки, поскольку эта уверенность опирается на доказательство. Логика Милля была позитивистской. Он ее всячески отгораживает от связи с общим философским мировоззрением, от контакта с теорией познания, хотя сам трактует ее в духе агностицизма. Логика, на его взгляд, это «нейтральная почва», на которой могут встретиться и подать друг другу руки последователи как Локка, так и Канта.

Р. Декарт в своем «Рассуждении о методе» также высказывался критически о некоторых сторонах формальной логики, имея в виду, конечно, как и Бэкон, главным образом схоластизированную силлогистику. Интересно отметить главный мотив его критического от-

---

[1] *Ф. Бэкон,* Новый Органон, Соцэкгиз, М.—Л., 1935, стр. 89.
[2] Там же.
[3] *Дж. Ст. Милль,* Система логики силлогистической и индуктивной, М., 1914, стр. 187.

ношения к ней. «Я заметил,— писал он, — что в логике ее силлогизмы и бо́льшая часть других ее наставлений скорее помогают объяснять другим то, что нам известно, или даже, как в искусстве Луллия, бестолково рассуждать о том, чего не знаешь, вместо того, чтобы изучать это»[1]. Иначе говоря, Декарт считал, что главная задача логики состоит в том, чтобы помочь *изучать*, исследовать природу, а не только объяснять известное. Действительно, хотя формальная логика представляет собой метод получения новых знаний, ограниченность ее правил и принципов, несомненно, заключается в том, что они непосредственно ориентируют не на изучение опыта и его обобщение, а на сопоставление одних понятий и суждений с другими, на выведение из известных мыслей неизвестных. Это и подчеркивает Декарт, ставя задачу создания более глубокого метода познания. В этих целях он сформулировал свои известные четыре логических правила, составляющих, на его взгляд, научный метод познания, изучения природы.

Лейбниц также стремился создать новую логику, которая, как он говорил, относилась бы к обычной логике как наука к азбуке[2]. Конечно, он имел в виду не диалектическую логику, хотя элементы диалектики и содержались в некоторых его взглядах, а дальнейшее развитие и совершенствование формальной логики. Он ставил задачу разработки логики, которая была бы «универсальной математикой»[3], наукой о логическом исчислении. Это делает его одним из предшественников современной математической логики.

Большой интерес с точки зрения развития представлений о недостаточности одной формальной логики имеют взгляды И. Канта. Это может показаться на первый взгляд странным, так как Кант известен больше всего тем, что он раздул и преувеличил правомерный и необходимый в традиционной логике момент формализации законов и принципов мышления, доведя его до полного разрыва содержания и форм мышления. Кантовская логика трактует формы мышления как априорные, независимые от объективного мира и его законов. В этом

[1] *Р. Декарт*, Избранные произведения, стр. 271.

[2] См. *Г. В. Лейбниц*, Новые опыты о человеческом разуме, Соцэкгиз, М.—Л., 1936, стр. 429.

[3] Там же, стр. 431.

смысле неопозитивистская логика, о которой шла речь в начале этой главы, безусловно продолжает линию формалистической логики Канта, как и его идеи о невозможности философского учения о наиболее общих законах бытия.

Но взгляды Канта были очень противоречивы. Во многих его мыслях и идеях чувствуется уже дыхание диалектической логики, которая вскоре была провозглашена на основе идеалистического учения в «Науке логики» Гегеля. Здесь имеются в виду не только его антиномии, о чем обычно говорят, когда хотят подчеркнуть отдельные диалектические элементы в учении Канта, но прежде всего некоторые общие принципы подхода к самим задачам логики как науки. Он поставил целый ряд таких логических проблем, которые явились преддверием диалектической логики Гегеля, хотя сам Кант не сумел дать им правильное освещение. Что же касается рассматриваемого здесь вопроса об оценке формальной логики, то Кант различал «общую» и «трансцендентальную» логику. Под общей логикой он понимал обычную, формальную логику. Само это деление на две логики он ввел потому, что видел ограниченность и недостаточность формальной логики. Поэтому он поставил цель создать наряду с существующей «общей» логикой новое учение, более соответствующее природе и потребностям познания. Формальная логика, на его взгляд, «играет роль лишь пропедевтики, лишь преддверия науки»[1].

В чем же, по Канту, заключается ограниченность формальной логики? Главный ее недостаток он усматривает в ее «аналитическом» характере. Все суждения он делит на аналитические и синтетические. Различие между ними состоит в разных отношениях между субъектом и предикатом. В аналитических суждениях предикат принадлежит субъекту как нечто уже содержащееся в нем, в синтетических же суждениях предикат находится вне субъекта, не содержится в нем, а присоединяется к нему извне. В силу этого он считал первые поясняющими, а вторые расширяющими наши знания.

Формальная логика имеет дело с аналитическими суждениями, трансцендентальная — с синтетическими.

---

[1] *И. Кант*, Критика чистого разума, П., 1914, стр. 10.

В том, что формальная логика не выходит и не может выйти из границ аналитических суждений, и состоит, по мнению Канта, ее ограниченность. Аналитические суждения опираются на принципы тождества и запрета противоречия. Формальная логика выясняет лишь отношения между понятиями, не прибегая к помощи опыта. Для нее важно, чтобы одни понятия не противоречили другим, чтобы из одних понятий аналитически вытекали другие. Здесь, по Канту, важна преимущественно *формальная* правильность суждений. Но мышление также должно и расширять наши знания, а не просто пояснять их. Этим объясняется недостаточность одной формальной логики.

Кант отметил действительно важную черту формальной логики, которая состоит в том, что ее принципы основаны на отвлечении от содержания и направлены, как было уже сказано, на достижение соответствия понятий и суждений, друг с другом, на правильность *формы* мышления. «Как общая логика,— пишет Кант,— она отвлекается от всякого содержания знания рассудка и от различия в его предметах, имея дело только с чистою формою мышления» [1]. В этом состоит ограниченность формальной логики.

Кант стремился преодолеть указанную ограниченность формальной логики. Отличие синтетических суждений от аналитических, а следовательно, и «трансцендентальной» логики от формальной Кант видит в том, что в них мышление имеет дело с законами рассудка и разума лишь постольку, поскольку они относятся к самим предметам. Поэтому если для «общей» логики вполне достаточны принципы тождества и противоречия (т. е. запрета логического противоречия), то для «трансцендентальной» логики они, по Канту, уже недостаточны, ибо они дают лишь критерий правильности логической формы мышления.

Конечно, рассуждает Кант, без соблюдения принципов тождества и противоречия суждения невозможны. «Но хотя бы в нашем суждении и не было никакого противоречия, тем не менее оно может соединить понятия не так, как это требуется предметом». Таким образом, «суждение, хотя и свободное от всяких внутренних про-

[1] *И. Кант,* Критика чистого разума, стр. 63.

тиворечий (т. е. логических противоречий. — *М. Р.*), тем не менее может быть ложным или необоснованным»[1].

Более того, Кант считал, что только в понятиях предметы существуют как чистые тождества, без противоречий. Но если их рассмотреть, как они даны в наглядном представлении, то картина будет иной. Кант говорил о внутренних противоречиях как сущности изменения, хотя эта важнейшая мысль у него не получила развитие. «Изменение, — писал он, — есть соединение противоречаще-противоположных определений в существовании одной и той же вещи»[2].

Гегель высоко ценил кантовскую идею о синтетических суждениях, усмотрев в ней первый шаг к истинному пониманию природы понятия. Но Гегель же подверг уничтожающей критике Канта за то, что тот противопоставил понятия многообразию созерцания, превратив их в пустые, бессодержательные формы. Действительно, поставив задачу разработки такой логики, которая была бы шагом вперед от «общей», формальной логики и видя этот шаг в связи форм мышления с содержанием предметов, с опытом, Кант вместе с тем утверждал, что опыт сам по себе лишен всякой всеобщности и необходимости, и перенес все содержание мира в сознание, в рассудок. Гегель правильно его критиковал за это, указывая, что у него содержание нашего сознания есть *наше* содержание, оно создается нашим рассудком, сознанием.

Кант высоко оценивал значение категорий как логических форм мышления, но он вместе с этим полагал, что они не дают никакого знания, никакого представления об объекте самом по себе, о предметах реального мира. Он понял, что разум, пытаясь проникнуть в сущность мира, наталкивается на диалектические противоречия, но он опять-таки перенес эти противоречия в область сознания.

Короче говоря, начав с вопроса о содержательности логики, Кант кончил тем, что, выражаясь словами Гегеля, пожертвовал всем содержанием и содержательностью, заложив фундамент чудовищного формализма в логической науке. Но это не может обесценить исто-

---

[1] *И. Кант,* Критика чистого разума, стр. 124.
[2] Там же, стр. 171.

рической заслуги Канта в *постановке новых вопросов,* двигавших логику вперед, хотя сам он ее считал абсолютно законченной, не развивающейся наукой. Поставленные им вопросы об исследовании познания как процесса движения от одних форм к другим, различение рассудка и разума и др. имели положительное значение, они подводили мысль к диалектической логике.

Неоценимый вклад в развитие логики, в обоснование недостаточности одной формальной логики и необходимости высшей, диалектической логики внес Гегель. Так как в дальнейшем мы неоднократно будем обращаться к его логике, указывая как на ее положительные, так и на ее отрицательные стороны, то здесь нет необходимости специально на ней останавливаться. Сделаем лишь некоторые общие замечания, касающиеся подхода к его логике.

В литературе, посвященной вопросам логики, нередки упреки по адресу Гегеля в том, что он-де недооценивал формальную логику, был излишне критически настроен против нее и т. п. Конечно, у него встречается немало резких выражений по поводу тех или иных положений формальной логики. Но можно ли, не впадая в антиисторизм, упрекать за это мыслителя, который одним из первых в истории философии глубоко и всесторонне доказал ограниченность формально-логического способа мышления и заложил первые камни в фундаменте высшей логики — логики диалектической? Естественно, что, совершая этот поворот в развитии логики, Гегель больше подчеркивал ограниченность, слабые, нежели сильные стороны формальной логики.

Конечно, мы вовсе не обязаны воспринимать некоторые его резкие и несправедливые оценки формальной логики, а должны следовать марксистскому пониманию ее роли и значения. Но нельзя согласиться с тем, будто Гегель выбрасывает ее за борт. Выше было сказано, какое место он отводит в историческом и логическом развитии мышления рассудку. Считая формальную логику рассудочной, имеющей дело с конечными определениями, он не может *по существу своей концепции* считать ее бессмысленным занятием. Он доказывал лишь одно: недостаточность формальной логики для постижения сложных и высших научных истин. И в этом он был, безусловно, прав. Говоря о том, что принципы формаль-

ной логики недостаточны сами по себе для исследования истины, он заявляет, что «они вообще касаются лишь правильности познания, а не его истинности, хотя было бы несправедливо отрицать, что в познании есть такая область, где они должны обладать значимостью, и что вместе с тем они представляют собою существенный материал для мышления разума» [1].

Из приведенных слов видно, что Гегель признает формальную логику как учение о правилах и законах правильного мышления, а следовательно, и необходимость соблюдения их где бы то ни было, ибо нельзя же думать, будто Гегель считал, что можно нелогично мыслить.

Далее Гегель критикует принципы абстрактного тождества и различия, которыми оперирует формальная логика, но он признает их правомерность и значимость в определенных областях науки, там, где определение сходства и различия имеет важное значение. Он, например, указывает, что таким путем были достигнуты «великие успехи» в областях сравнительной анатомии и языкознания. Он только к этому добавляет, и справедливо добавляет, что «достигнутые этим методом результаты должны рассматриваться лишь как хотя и *необходимые*, но все-таки подготовительные работы для подлинно постигающего познания» [2].

Таким образом, Гегель не выбрасывал формальной логики, а видел и доказывал ее ограниченность. Историческая заслуга Гегеля в том, что, уловив, угадав некоторые черты развития современной ему науки, он стремился, по собственному его выражению, возжечь живой огонь в царстве неподвижных и неизменных понятий, расплавить логические понятия и категории, превратить их в подвижные, изменчивые, развивающиеся, так как в противном случае невозможно познание истины. Поэтому его «Наука логики» представляет собой *начало* нового исторического этапа в развитии логики, начало диалектической логики.

Исходный пункт и основа гегелевской логики ложны и чужды марксистскому мировоззрению. Неправильно само понятие Гегеля о логике как о «чистой» науке, как

[1] *Гегель*, Соч., т. V, Соцэкгиз, М., 1937, стр. 14.

[2] *Гегель*, Соч., т. 1, Госиздат, М.—Л., 1929, стр. 201 (курсив мой, — *М. Р.*).

о царстве «чистых понятий», существующих изначально и независимо от природы. Нелепостью является сама мысль об абсолютном духе или абсолютной идее, ступенью в развитии которой есть логика, и будто развертывание логики приводит на высшей своей ступени к возникновению природы. Нет в гегелевской логике ни одной мысли, ни одного понятия, которые могли бы быть приняты марксистом без критики, поправок, без материалистической переработки. И вместе с тем марксизму глубоко чужды до сих пор существующие среди некоторых философов вульгарные представления о том, что вследствие идеалистического характера гегелевской логики к ней нечего обращаться и не следует ее использовать для дальнейшей разработки диалектико-материалистической логики.

Подобные взгляды неверны и находятся в противоречии с отношением к Гегелю основоположников марксизма-ленинизма. Ярким выражением подлинно научного отношения к гегелевской логике являются «Философские тетради» В. И. Ленина. Разве случайно Ленин так много сил и времени отдал изучению диалектической логики Гегеля в один из самых сложных моментов человеческой истории? Этот факт свидетельствует о том значении, которое Ленин придавал диалектической логике вообще и первой в истории логики попытке представить ее в систематически развитом виде.

В. И. Ленин показывает, что логику Гегеля «нельзя *применять* в данном ее виде; нельзя *брать* как данное. Из нее *надо выбрать* логические (гносеологические) оттенки, очистив от *Ideenmystik (мистика идей. — Ред.)*: это еще большая работа...»[1] Вместе с этим Ленин подчеркивает, что в логике Гегеля заключены многие ценные идеи, которые необходимо изучить, усвоить, переработать. Об этом он пишет: «Движение и „*самодвижение*“ (это NB! самопроизвольное (самостоятельное), спонтанейное, **внутренне-необходимое** движение), „изменение“, „движение и жизненность“, „принцип всякого самодвижения“, „импульс“ (Trieb) к „движению“ и к „деятельности“ — противоположность „*мертвому бытию*“ — кто поверит, что это суть „гегелевщины“, абстрактной и abstrusen (тяжелой, нелепой?) гегельян-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 38, стр. 262.

щины?? Эту суть надо было открыть, понять hinüberretten (спасти. — *Ред.*), вылущить, очистить, что́ и сделали Маркс и Энгельс» [1].

Логика Гегеля есть воплощение этого движения и самодвижения в понятиях, суждениях и других формах мысли. Это объясняет, почему появление гегелевской логики, несмотря на ее идеалистическое содержание, знаменовало большой шаг вперед в развитии логики, почему марксизм, создавший научную, т. е. диалектико-материалистическую логику, опирался на Гегеля, критически использовал все ценное, что он дал в этой области.

Критика традиционной логики в современной немарксистской философии. Место и значение математической логики

Об ограниченности традиционной формальной логики говорят и многие современные логики, не разделяющие учения марксистской философии. В высказываниях ряда логиков звучит пренебрежение к традиционной логике, якобы уже сыгравшей свою роль или играющей ныне весьма малую роль [2]. С этим нельзя согласиться, поскольку, например, математическая логика, которую обычно противопоставляют традиционной логике, невозможна была бы без последней; математическая логика опирается на основные законы мышления, сформулированные и разработанные традиционной логикой. Выше было сказано, что, будучи учением о правильном мышлении, традиционная логика применяется — осознанно или неосознанно — всеми людьми, и без соблюдения ее правил они не могли бы понимать друг друга.

Однако было бы неправильно не замечать и рационального элемента в той критике по адресу ограниченности традиционной формальной логики, которая ведется со стороны современных логиков, стоящих на противоположных марксизму гносеологических позициях. Их философская концепция в целом неприемлема, однако стремление преодолеть ограниченность тра-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 38, стр. 130.

[2] См. *А. Тарский*, Введение в логику и методологию дедуктивных наук, М., 1948, стр. 48 и др.

дицинной логики несомненно, вызвано потребностями развивающейся науки. Было бы упрощением полагать, будто та специализация на логике, о которой шла речь выше, коренится в одном лишь стремлении современных идеалистов фальсифицировать данные науки и тем самым защитить идеализм. Дело обстоит сложнее. Сама развивающаяся наука ставит новые проблемы перед логикой, вступает в противоречие с границами той или иной логической концепции. Развитие потребностей математики и математических доказательств вызвало необходимость раздвинуть рамки старой формальной логики, из этого возникла математическая логика, которая есть новый шаг в развитии формальной логики.

Но развитие науки ставит более кардинальные вопросы. Разве кризис в физике, вызванный великими открытиями конца XIX и начала XX в., не был обусловлен тем, что естествоиспытатели не могли *диалектически*, т. е. с позиций *диалектических законов познания*, обобщить свои открытия? В полной мере это относится и к современной науке в капиталистических странах. Вместе с этим было бы неверно считать, что знание естествоиспытателями законов диалектического развития познания одним ударом покончило бы со всеми трудностями, испытываемыми наукой при решении сложнейших вопросов. Враги марксистской диалектики в целях ее дискредитации изображают дело так, будто, с нашей точки зрения, достаточно одного знания диалектики, чтобы можно было бы разрешить все споры и сомнения. Конечно, диалектический способ мышления не есть некий талисман, снимающий все трудности науки. Трудности, испытываемые, например, современной физикой, вызваны процессом все более глубокого проникновения науки в тайны материи. Марксизм лишь считает, что способ мышления имеет огромное значение для правильного подхода к решению этих трудных вопросов науки. Но разве не этим пониманием значения способа мышления объясняется тот повышенный интерес к логике и логическим проблемам, который сейчас наблюдается не только среди философов, но и среди самих естествоиспытателей?

Единственно адекватным современному уровню науки является *диалектический способ мышления*, т. е. диа-

лектическая логика, не отрицающая важного значения формальной логики, но объясняющая границы ее возможностей. Необходимость более высокой и совершенной логики смутно чувствуют даже те мыслители, которые хотя и не видят прямого пути к ней и стоят в общем на идеалистических позициях, но правильно подмечают некоторые черты ограниченности формальной логики.

Например, французский логик Ш. Серрюс отмечает противоречие между «кипением» науки в современную эпоху и ограниченностью формальной логики. Правда, он ошибочно думает, что главной причиной «критического» положения логики нужно считать так называемый апофанзис, т. е. понимание суждений как отражения свойств объективно существующих предметов, как отношение субстанции и ее акциденций. В действительности, конечно, никакое развитие наук не может опровергнуть этого «апофантического» существа логики. Но Серрюс видит и другие, более истинные причины критического состояния логики. Они заключаются, на его взгляд, в том, что невозможно втиснуть разнообразие наук, богатство их развивающегося содержания в узкие рамки формально-логических аксиом. Последние слишком тесны, негибки, чтобы с их помощью можно было выразить изменяющиеся, развивающиеся истины современной науки.

«Формальная логика во всех случаях, по-видимому, может быть лишь описательной, — заявляет он, — и ей всегда недостает способности фиксировать действенные правила поступательного движения познания»[1].

Конечно, говорит он, логика должна унифицировать формы познания, но ввиду сложности науки и величайшего разнообразия ее объектов эта унификация, если только она возможна, «будет унификацией разнообразия»[2]. Вот этой «унификации разнообразия» не дает формальная логика.

Интересны с этой точки зрения его рассуждения о формально-логическом законе противоречия. Он подчеркивает, что принцип непротиворечивости имеет формальный характер; его безусловно нужно соблюдать,

---

[1] *Ш. Серрюс*, Опыт исследования значения логики, стр. 105.
[2] Там же, стр. 109.

но все же он не должен иметь «перевес над реальностью факта»[1]. Он правильно утверждает, что если бы мы имели дело с чистыми понятиями, не связанными с реальными объектами, тогда действительно никакое противоречие было бы невозможно. Но познание есть познание объектов; знание последних все время расширяется, мы открываем новые стороны, новые связи объектов. Нельзя поэтому отрицать противоречие в самих объектах. Тот факт, что наши понятия об объектах заключают или не заключают в себе противоречия, зависит не от логики. Конечно, если мы исходим из каких-то принципов, то нужно их придерживаться и не вступать с ними в противоречия, но это не избавляет нас от необходимости мыслить противоречия в самих объектах: «то, что до нынешнего дня могло казаться лишенным связи... и стоящим вне постигнутого нами порядка, может не быть таковым ввиду неподозревавшейся нами сложности объекта знания»[2].

Серрюс приводит следующий пример: «Заметить вместе с Зеноном Элейским иррациональность непрерывного — значит отметить в нем противоречие: стрела сразу и есть и не есть в одном и том же месте. Если мы, следовательно, хотим мыслить непрерывное, то весьма вероятно, что понятие о нем мы построим посредством принципов, которые принуждают нас судить о нем, как о заключающем в себе противоречие»[3]. Таким образом, он подчеркивает ограниченность формально-логического принципа противоречия, сводя его к требованию избегать в мышлении, в науке несовместимых утверждений, положений. Но этот принцип нельзя сделать руководящим в познании самих объектов познания. Логика, говорит он, должна быть широко открыта для новых выводов науки. То, о чем с точки зрения классической логики нужно рассуждать по принципу «или-или», оказывается благодаря развитию науки подчиненным правилу, объединяющему противоречия воедино. Вывод, который он делает из своих рассуждений, чрезвычайно примечателен: «Не факты, а наши принципы обязаны быть гибкими»[4].

---

[1] *Ш. Серрюс,* Опыт исследования значения логики, стр. 114.
[2] Там же, стр. 113—114.
[3] Там же, стр. 116.
[4] Там же, стр. 114.

Несомненно, эта глубокая мысль продиктована развитием науки в последние десятилетия. История науки за эти десятилетия больше чем в какой-либо другой период разрушила до основания представления о неизменных истинах, о неподвижной научной картине мира, о принципах, пригодных всюду, независимо от качественного разнообразия объектов познания. Развитие науки принуждает наше мышление быть гибким, способным учитывать все разнообразие действительности, ее развитие и изменение. А это значит, что и логика как наука о познании должна основываться на таких принципах, которые бы позволили нашей мысли быть гибкой, подвижной, развивающейся. Такой и является диалектическая логика.

Среди значительной части логиков, не стоящих на марксистских позициях, сильна тенденция рассматривать математическую логику как учение, раскрывающее всеобщие законы мышления и познания и служащее «общим базисом для всего человеческого знания» [1]. Р. Карнап писал, например, что центр тяжести находится в математической логике, позволяющей спасти философию. Из нее и следует выводить новую логическую теорию, так как она, по его словам, имеет общее значение.

Безусловно, математическую логику необходимо признать крупным достижением в развитии логической науки за последнее столетие. Попытка некоторых философов критиковать эту логику с вульгарных позиций под тем предлогом, что идеалисты используют ее для защиты своих концепций, ничего общего не имеет с марксизмом. Для марксиста высший критерий истинности той или иной теории в практике. Как известно, математическая (или символическая) логика с успехом выдержала испытание на этом пробном для всякой теории камне и она имеет огромное значение не только для таких наук, как математика, механика, физика, кибернетика и др., но и для ряда технических областей (например, при конструировании различных счетно-решающих вычислительных машин и т. д.).

Математическая логика служит прекрасным доказательством тезиса диалектической теории познания о

[1] *А. Тарский,* Введение в логику и методологию дедуктивных наук, стр. 20.

том, что нет предела развитию человеческих знаний и что даже такие, казалось бы, законченные, «застывшие» области знаний, как формальная логика, представляют собой на деле исторические, т. е. развивающиеся, совершенствующиеся науки.

Значение математической логики определяется также тем, что некоторые результаты, достигнутые ею в исследовании проблем математических доказательств, составляют ныне неотъемлемую составную часть общей логики, логики мышления вообще. Не будучи специалистом в области математической логики, автор не берет на себя смелость обстоятельно раскрыть ее сущность и значение. В литературе отмечаются два наиболее важных момента, характеризующих ее роль в современной логике. Введение символического метода, замена слов символами и выражение взаимоотношения и связи между суждениями в математических формулах помогли устранить некоторые неточности и двусмысленности в языке, на которые раньше не обращали внимания. Применение формального метода расширило возможности охвата проблем, возникающих перед наукой. Эта сторона математической логики так характеризуется в известной книге Гильберта и Аккермана «Основы теоретической логики»: «Логические связи, которые существуют между суждениями, понятиями и т. д., находят свое выражение в формулах, толкование которых свободно от неясностей, какие легко могли бы возникнуть при словесном выражении. Переход к логическим следствиям, совершающимся посредством умозаключения, разлагается на свои последние элементы и представляется как формальное преобразование исходных формул по известным правилам, которые аналогичны правилам счета в алгебре; логическое мышление отображается в *логическом исчислении*. Это исчисление делает возможным успешный охват проблем, перед которыми принципиально бессильно чисто содержательное логическое мышление»[1].

Вторым важным вкладом математической логики в изучение логики мышления считают разработку теории отношений. Аристотелевская логика исследовала главным образом атрибутивные отношения, отношения при-

[1] *Д. Гильберт* и *В. Аккерман*, Основы теоретической логики, М., 1947, стр. 17.

надлежности предметам тех или иных свойств и правила выведения заключений из связи субъекта и предиката. Но она не исследовала все многообразие отношений между предметами, не охватывала правил выведения заключений из логических свойств отношений. Она оставляла в стороне такие отношения между объектами, как, скажем, «быть больше или меньше», «быть между», «быть старше» и множество других. Вследствие исследования подобных отношений расширяются возможности логических умозаключений и старая силлогистика становится лишь моментом нового, более широкого и полного учения о логическом заключении.

Важной стороной математической логики следует считать также разработку вопроса о логическом критерии истины, хотя неопозитивисты абсолютизируют его, делая этот критерий единственным, игнорируя решающее значение для познания практики.

Однако как ни важно значение математической логики, всякие претензии представить ее как *всеобщую* и единственную логику не имеют никаких оснований.

Математическая логика это формальная логика. Но поскольку это так, то она неизбежно несет на себе черты ограниченности, свойственной этой логике. Конкретнее, следующие черты и особенности математической логики выражают, на наш взгляд, ее ограниченный характер.

Как правильно указывают сами исследователи этой логики (например, А. Тарский), последняя создана первоначально в целях укрепления и углубления основ одной науки — математики. Она была вызвана к жизни прежде всего потребностями развития математики, ее основной объект — исследование логики математических доказательств. Отсюда ее неизбежная ограниченность, обусловленная самим ее происхождением, тем, что она обслуживает нужды главным образом такой специфической отрасли знаний, как математика, имеющей дело с чисто количественными и пространственными отношениями. И хотя это не исключает того, что математическая логика исследует и устанавливает ряд принципов, входящих в общий арсенал логического мышления, она в силу указанных обстоятельств не способна, как и формальная логика в целом, быть «общим базисом» всего человеческого знания.

Верно также и то, что математическая логика, как указывают марксистские исследователи, ставит и такие вопросы, которые могут быть правильно осмыслены лишь при условии привлечения диалектической логики. Так, известная теорема Геделя о несовместимости требований полноты с требованием непротиворечивости для обширного класса исчислений рассеивает надежду на математическую логику как на такую дисциплину, которая способна даже в рамках математики осуществить всеобщий охват проблем с помощью одной дедуктивной теории [1].

Математическая логика как *формально-логическое* учение опирается на законы тождества, непротиворечивости и др., без которых она немыслима. Математическая логика не имеет дела с процессами, с изменением и развитием явлений, с их переходом друг в друга. А. Тарский на этом основании даже делает заключение, что «в нашем мире мы вообще не находим сущностей подобного рода; их существование противоречило бы основным законам мышления (т. е. законам формальной логики. — *М. Р.*)» [2].

Если математическая логика, как и формальная логика в целом, в силу своих специфических задач не занимается законами развития и изменения, то это не значит, что такие законы не существуют, подобно тому как если человек с закрытыми глазами не видит стола, за которым он сидит, это еще не означает, будто этого стола вообще нет. Современная наука и шагу вперед не сделала бы, если бы она не исследовала природу в развитии. А это значит, что совершенно неосновательны претензии некоторых логиков объявить математическую логику «общим базисом всего человеческого знания».

Кроме того, математическая логика не только не преодолевает формального характера традиционной логики, но, напротив, делает дальнейший шаг в этом направлении. Замена словесных выражений отношений и связей между понятиями, суждениями, характерных для формальной логики, символами и формулами в ма-

[1] См. статью «Логика математическая», «Большая советская энциклопедия», т. 25, стр. 341.

[2] *А. Тарский,* Введение в логику и методологию дедуктивных наук, стр. 33.

тематической логике, отображение логического мышления способами логического *исчисления* имеет, конечно, не внешнее, не второстепенное значение. Применение средств математической логики к мышлению вообще дает, как мы уже отметили, возможность более широкого охвата проблем мышления, позволяет освободиться от некоторых неточностей и неясностей, связанных с словесным выражением мыслей и т. п. Все это имеет большое значение. Но это же означает усиление момента формализма в логике, несомненно необходимого *для определенных целей,* однако вместе с тем воздвигающего известные границы применимости этого способа мышления. Даже традиционную логику, которая отличается своим формальным характером, представители математической логики считают по сравнению с этой последней «чисто содержательным логическим мышлением»[1]. В известном смысле это так, поскольку традиционная логика, будучи формальной, все же оперировала реальным содержанием. В математической же логике, как говорят ее исследователи, «надлежит пренебрегать значениями всех без исключения выражений, встречающихся в данной дисциплине, и при создании дедуктивной теории мы должны действовать так, *как будто* ее высказывания являются лишь сочетаниями знаков, лишенных какого-либо содержания»[2].

Конечно, как ни отвлекается математическая логика от содержания, ее формулы лишь постольку верны, поскольку они в *конечном счете* отражают реальную связь вещей. Но она оперирует знаками и сочетанием знаков, «как будто» они лишены какого-либо содержания. Отсюда такие парадоксальные сочетания высказываний, приводимые в качестве примеров в этой логике:

«2 меньше 3 *и* снег черен»;

«2 меньше 3 *или* снег черен»;

«*Если* дважды два пять, *то* Нью-Йорк большой город» и т. п. Для обычного сознания подобные высказывания кажутся бессмысленными. Но они сознательно приводятся для того, чтобы подчеркнуть абстрагирование от содержания. В математической логике истин-

[1] *Д. Гильберт* и *В. Аккерман,* Основы теоретической логики, стр. 17.

[2] *А. Тарский,* Введение в логику и методологию дедуктивных наук, стр. 183 (курсив мой. — *М. Р.*).

ность или ложность высказывания зависит не от того, объективно истинны или ложны суждения, из которых оно слагается. *«Истинность или ложность сложного высказывания зависит только от истинности и ложности составляющих высказываний, а не от их содержания»*[1].

Математическая логика разработала специальные методы логического исчисления истинности или ложности высказываний (например, так называемое матричное исчисление).

Логический формализм математической логики достаточен и необходим в определенной области знания, например в математике, но он становится препятствием для познания там, где невозможно подобное отвлечение от содержания, где формы мышления в целях правильного отражения действительности должны быть не просто внешними формами, а формами содержания, столь же сложными, подвижными и гибкими, как само содержание. Математическая логика имеет дело с готовыми высказываниями, исчисляя по определенным правилам их истинность или ложность, она преобразует одни высказывания в другие и т. д. Но ее законы и принципы бессильны тогда, когда нужен анализ *самой действительности* во всей ее сложности и противоречивости развития, где истина приходит не в результате аналитического, в кантовском смысле слова, выведения одних положений из других, а в результате исследования самой действительности.

Перенесение логических принципов, пригодных в каких-то определенных ограниченных областях и притом таких, где отвлечение от содержания вполне возможно, на все области человеческого познания неправомерно. Чтобы логика могла претендовать на роль науки о всеобщих законах и принципах познания, она должна рассматривать и исследовать все стороны познания, а также быть обобщением наиболее общих законов развития самого объективного мира, ибо формы и принципы мышления согласованы с объективной природой вещей. *Такой логикой является лишь диалектическая логика.*

---

[1] *Д. Гильберт* и *В. Аккерман*, Основы теоретической логики, стр. 21.

ГЛАВА II

СУЩНОСТЬ, ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

Диалектическая логика — логика движения, развития, изменения. Материалистическая диалектика как логика и теория познания

Возникновение диалектики означало новую ступень в развитии логики. Марксистская диалектика, усвоившая и переработавшая на материалистической основе все ценные достижения предшествующего развития философии, особенно диалектики Гегеля, наиболее ярко и решительно выразила наступление нового этапа в историческом развитии логики — этапа *диалектической логики*. Диалектика прорвала узкий горизонт формальной логики и выковала метод всестороннего исследования познания с точки зрения наиболее полного и глубокого отражения развивающегося объективного мира.

Главная черта диалектической логики в отличие от формальной в том, что она вносит в мышление, в принципы и законы познания *идею развития, изменения*. Диалектика «расплавила» неподвижные категории и понятия, заставив их двигаться и изменяться в соответствии с развивающейся и изменяющейся действительностью. Она, употребляя образное выражение Гегеля, возжгла живое понятие в окостеневшем материале старой логики и привела его в текучее состояние. Если формальная логика есть логика статики, покоя, то диалектическая логика — это логика движения, изменения, логика текучих понятий и категорий, отражающих объективный мир наиболее адекватным образом.

Материалистическая диалектика как учение о развитии возникла на твердой базе научных теорий есте-

ствознания и исторического опыта человеческого общества. Развитие естествознания и практической деятельности человечества разрушило представления о неизменности природы и общества. Сейчас нет ни одной науки, которая бы при исследовании тех или иных явлений природы — от сложных процессов, происходящих в недрах атомных ядер, до процессов, связанных с высшими формами материального движения, с жизнью, — игнорировала этот принцип. Сама наука находится в состоянии беспрестанного брожения: рушатся одни представления, возникают новые понятия и представления; научная картина природы, создаваемая нашими знаниями, меньше всего напоминает нечто законченное и неподвижное.

То же самое необходимо сказать об общественной жизни людей, об устоях этой жизни. На глазах современного поколения сходит с исторической арены старый, буржуазный мир и рождается новый, социалистический мир, свободный от классового и национального гнета. Это может нравиться или не нравиться кому-либо, но не видеть этого всемирно-исторического развития и изменения невозможно.

Возникает вопрос: может ли человеческое мышление, логика нашего познания быть исключением в этом всеобщем развитии и изменении? Может ли мышление, не вобрав в себя и не пронизав все свои элементы принципом развития, претендовать на истинное воспроизведение реального мира? Конечно, нет: вне великого и всеобщего закона развития и изменения нет и не может быть в наше время ни научной теории познания, ни научной логики. В этом глубочайший смысл известного ленинского положения о том, что диалектика как учение о развитии и есть логика и теория познания.

Рассмотрим несколько подробнее это положение, определяющее суть диалектической логики и те устои, на которых она зиждется. Материалистическая диалектика — учение о наиболее общих законах развития природы, человеческого общества и мышления. Это значит, что в ней воплощено единство учения о бытии, т. е. того, что раньше определялось как «онтология», и учения о мышлении, о познании, т. е. гносеология. Это единство и неразрывная связь между учением о бытии

и учением о мышлении вытекает из материалистического понимания природы познания. Познание — это отражение объективного, существующего независимо от человека мира. Мышление и объективное бытие связаны неразрывно, притом так, что бытие первично, сознание вторично. Бытие определяет сознание, мышление человека. Поэтому невозможно рассматривать последнее, его формы и законы независимо от объективного мира. Диалектический характер логики определяется диалектической сущностью самой природы, реального мира. В. И. Ленин выразил это кратко следующим образом: «если *все* развивается, то относится ли сие к самым общим *понятиям* и *категориям* мышления? Если нет, значит, мышление не связано с бытием. Если да, значит есть диалектика понятий и диалектика познания, имеющая объективное значение»[1].

Таким образом, диалектическая логика прочно покоится на базе материалистической теории познания, теории отражения. Она неразрывно связана с материалистической гносеологией. Здесь речь идет не о том, можно ли рассматривать диалектическую логику и гносеологию как части философской науки, имеющие свой специальный объект исследования. Это вопрос, с нашей точки зрения, не принципиальный. Безусловно можно выделить ряд вопросов, которые составляют предмет теории познания в узком смысле этого слова, каковы, например, вопросы об отношении мышления к бытию, о происхождении мышления, о сущности чувственного познания, абстрактного мышления и т. п.; точно также можно выделить вопросы, которые составляют специфический предмет логики, как вопросы о формах и законах мышления, о законах движения познания и т. п.

Речь идет не об этом аспекте проблемы, имеющем скорее методическое, нежели философское значение, а о том, что с принципиальной точки зрения, т. е. с точки зрения *существа* логики как науки о формах и законах мышления, нельзя ее рассматривать в отрыве от гносеологических вопросов, изолируясь от них, т. е. от таких вопросов, как отношение мышления к действительности, об истине, соотношении единичного и общего, мысли и практики и т. п. Невозможно также рассматри-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 38, стр. 251.

вать эти вопросы и их решение как лишь *предпосылки*, которые логика не может не учитывать и из которых она должна исходить, ибо они находятся *не по ту сторону* логики, а составляют ее *фундамент*, ее существо. Не зря же неопозитивистские логики тратят столько усилий на то, чтобы очистить логику от гносеологии, представить ее как автономную и независимую область мысли.

Чтобы выяснить этот вопрос конкретнее, рассмотрим, как он ставился некоторыми логиками.

Один из известных русских логиков С. И. Поварнин, не отрицая определенного контакта между логикой и гносеологией, рассуждал так. Один из центральных вопросов гносеологии — это вопрос об истине, о том, что такое истина, какова ее сущность. Логика нейтральна к такого рода гносеологическим проблемам. «Для гносеологии подобные проблемы интересны сами по себе, — пишет он, — и она должна исследовать их до полного и всестороннего исчерпывающего решения: теория логики рассматривает их лишь с тех точек зрения и постольку, как требуют этого интересы чисто логической работы. Возьмем, например, вопрос о сущности истины. Гносеология должна исчерпать его совершенно. Теория логики рассмотрит различные понимания истины, исключительно с точки зрения *удобства их* для чисто логических исследований, и примет, например, как *самую удобную* предпосылку, точную «теорию соответствия» и т. п.» [1].

В другом месте, разбирая точку зрения, согласно которой, когда мы исследуем «законы мысли, мы вместе с тем исследуем законы бытия», Поварнин утверждает, что это ведет «к усложнению логической работы». Почему же? «В конце концов, — отвечает автор, — неминуемо приходится считаться с вопросом, как формы и законы мысли проявляются в бытии; логические проблемы становятся онтологическими и обратно... Свобода логических исследований требует отказа от всех внелогических интересов» [2].

Итак, все зависит от «удобства», логика должна быть свободна от «внелогических» проблем. Мы уже

---

[1] *С. И. Поварнин*, Введение в логику, П., 1921, стр. 10.
[2] Там же, стр. 26.

касались этих вопросов, рассматривая некоторые течения современной идеалистической логики. С точки зрения ленинского положения о единстве логики и теории познания в материалистической диалектике мысль о том, что логика, исходя из соображений удобства, может абстрагироваться от гносеологии, не выдерживает критики. Там, где начинаются соображения «удобства» или «неудобства», кончаются границы науки. Вот один пример из истории философии. Неокантианец Г. Риккерт говорил, что «проблема истины никогда не сможет быть решена, как проблема действительности»[1]. Это подход к истине с точки зрения идеалистической гносеологии: истина рассматривается как нечто независимое от самой реальной действительности. Имеет ли это непосредственное значение при решении всех логических проблем? Безусловно. Вся логика неокантианцев выдержана в духе идеалистической гносеологии. Предмет логики они сводят исключительно к исследованию форм мысли независимо от содержания, которое в них выражено, ибо последнее, как утверждает Риккерт, «лежит совершенно вне логической сферы» и в вопросе об истине следует сообразовываться лишь с мыслью[2].

Можно, конечно, считать данную точку зрения на истину «удобной», но нельзя признать, будто логика свободна от этих якобы «внелогических» проблем. В действительности их решение обусловливает все содержание логики, ее направление, подход к логическим вопросам, так что логические проблемы действительно становятся «онтологическими» и гносеологическими, и наоборот. Поэтому только в целях классификации и методики можно разделять логику и гносеологию, а в действительности они едины и неразрывны, имея своим предметом познание, законы познания объективного мира, законы исследования и постижения объективной истины.

В этом легко убедиться при рассмотрении того же вопроса об истине. Материалистическая, т. е. единственно научная теория познания, утверждает, что истина это такое воспроизведение материального в идеальном, которое правильно отражает объективную природу

---

[1] *Г. Риккерт*, Философия жизни, П., 1922, стр. 161.

[2] См. «Новые идеи в философии», сб. № 7, СПб., 1913, стр. 13.

материального. Здесь мы сразу сталкиваемся с проблемами «онтологии» и гносеологии, от чего идеалистическая философия стремится очистить логическую науку, но от чего ее освободить так же невозможно, как невозможно освободить человеческую мысль от связи с материальным комочком, называемым мозгом. Если истина есть верное отражение объективного мира, то логика должна свои принципы согласовать с последним. Если реальный мир находится в состоянии движения, развития, изменения, то, значит, логические понятия и категории, логические формы и законы мысли должны по своей природе быть столь же диалектическими, чтобы выразить истину. Это и имел в виду В. И. Ленин, сказав, что диалектика есть логика и теория познания, ибо без диалектики, помимо диалектики нет в современных условиях истинной гносеологии и логики. По этой же причине диалектическая логика преодолевает ограниченность формальной логики, приводя застывшие определения и понятия в движение, вселив в них живой и беспокойный дух развивающейся и изменяющейся действительности.

Главная задача диалектической логики сформулирована в словах В. И. Ленина, взятых в качестве эпиграфа к настоящей работе. Диалектическая логика не ставит себе цель доказать, что все в мире существует лишь постольку, поскольку материя развивается, дифференцируется, порождая все новые формы. Это уже нечто само собой разумеющееся. Главная задача диалектической логики состоит в том, чтобы показать, как можно выразить объективно существующее движение в логике понятий, категорий, суждений, умозаключений и т. д.

Когда мы говорим, что диалектика есть логика, то мы прежде всего имеем в виду именно это. Но этим, однако, не исчерпывается смысл положения о том, что диалектика есть логика. Дело не только в том, что логика должна быть диалектической в силу диалектического характера самой действительности, отражением коей служат формы и законы мысли. Диалектика есть логика также потому, что сама мысль развивается диалектически, а это требует исторического подхода к познанию, учета того, что наши понятия, категории являются результатом длительного исторического разви-

тия познания, исследования противоречий развития объективной истины, подхода к познанию как диалектически сложному процессу развития. Без соблюдения этих требований невозможно понять истинную логику движения мысли, познания, а следовательно, и пути познания истины.

Познание — как индивидуальное, так и общественное — есть столь же диалектический процесс, как и процесс развития любой вещи. К нему применимы все законы и категории диалектики. Только при таком подходе познание выступает перед нами во всей своей реальности, со всеми неизбежными противоречиями, сложными и часто извилистыми путями, ведущими к истине.

Положение о том, что диалектика есть логика и теория познания, означает, что невозможно правильно решать логические и гносеологические вопросы, не применяя к ним диалектики. Идет ли речь об истине в целом или о понятиях и суждениях, с помощью которых достигается истина, или о ступенях процесса познания истины — всюду мы имеем дело не с застывшими и готовыми мыслями, а с *движением* мыслей, понятий, суждений. Вне такого движения невозможно отражение объективного мира.

Диалектическая логика установила неразрывную связь и единство между отдельным процессом познания и историческим процессом развития познания. Онтогенез мысли совпадает в общем и целом с ее филогенезом. Нельзя понять настоящего состояния научной теории, не рассматривая ее как результат всего предыдущего развития познания. Результат познания соотносится с тем путем, который привел к нему, как два ингредиента одного и того же процесса. Каждое понятие или категорию можно осмыслить, если учесть их историческое происхождение, т. е. беря их как вывод, итог истории познания. Точно также о любой истине нельзя думать, что она появилась, подобно выстрелу из пистолета, ибо она имеет историческое содержание.

Короче говоря, для диалектической логики логический процесс познания есть обобщенная история познания. Трудно переоценить значение этого принципа для научной гносеологии и логики. Он помогает правильно решить многие специальные проблемы логики и теории

познания. Не случайно В. И. Ленин в свое определение диалектической логики вводит этот момент, указывая, что логика есть «итог, сумма, вывод *истории* познания мира» [1].

Таким образом, гносеологический подход к логике неизбежно приводит к *диалектической* логике (т. е. если в мире все развивается, то и логика, будучи отражением реального мира, должна выразить это развитие), в свою очередь только применение диалектической теории развития к гносеологии — в данном случае к вопросу об истине — ставит гносеологию на твердую научную почву.

Поэтому нельзя согласиться с утверждением о том, что «не логика нуждается для своей работы в гносеологии, но гносеология в логике, так как она не может существовать без предварительной работы логики над знанием» [2].

В действительности, как было показано на примере вопроса об истине; логика и теория познания неразрывны и представляют собой по существу единую науку о познании. Неверно утверждение о том, что проблема истины — это предмет теории познания, а не логики, ибо оно ведет к опустошению логической науки.

Единство логики и теории познания можно было бы показать и на ряде других вопросов. Скажем, куда отнести вопрос о практике, о соотношении мысли и практики — к гносеологии или логике? По принятым канонам — это суверенная область теории познания, а не логики. Но попробуйте изъять из диалектической логики этот вопрос, и результат получится не менее ошибочный, чем и в случае с проблемой истины. Даже материалистически истолкованная формальная логика не вправе обходить его. Мы говорим «даже», потому что в формальной логике, как это будет видно из дальнейшего изложения, практика не входит так органически и неразрывно в учение о формах мышления и его законах, как в логике диалектической. Но и тогда, когда формы мышления изучаются в плане формальной логики, нельзя отвлечься от практики, ибо только в процессе практического воздействия на природу и в

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 38, стр. 81.

[2] *С. И. Поварнин,* Введение в логику, стр. 9.

результате этого воздействия можно было обобщить законы и правила логического мышления.

Особое значение этот вопрос приобретает в диалектической логике, где движение и развитие форм мысли, их гибкость и подвижность в огромной степени обусловливаются постоянным изменением исторической практики человечества. Здесь практика *непосредственно* вплетается в процесс мышления, в ход познания, вследствие чего нельзя считать, что вопрос о соотношении мысли и практики решается в теории познания, но не в логике.

Против разрыва гносеологии и логики выступал В. И. Ленин, подчеркивая их единство как учения о познании. В марксистской философии это единство логики и теории познания воплощено в материалистической диалектике — в учении о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления. Вот почему неправомерна наблюдающаяся в некоторых марксистских работах тенденция к резкому разграничению предмета диалектики, логики и теории познания.

Некоторые авторы даже хотят отделить диалектическую логику от «субъективной диалектики», под которой разумеется отражение в мышлении, в понятиях диалектики объективного мира. Например, Г. Клаус пишет в своей книге «Введение в формальную логику»: «Если под диалектической логикой принимают просто субъективную диалектику и соответственно диалектический метод, то это дополнительное понятие (т. е. понятие диалектической логики. — *М. Р.*) способно вызвать только путаницу и было бы излишним»[1]. Иначе говоря, некоторые исследователи, если и признают диалектическую логику, то хотят выделить для нее такую область, которая не только не относилась бы к диалектическому методу в целом, но даже и к субъективной диалектике, т. е. к той части или стороне диалектического метода, которая специально посвящена диалектике познания, мышления.

Подобные попытки, как нам кажется, противоречат указаниям В. И. Ленина о том, что диалектика, логика и теория познания это «одно и то же», что диалектика, т. е. диалектический метод, и есть логика, теория позна-

[1] *G. Klaus*, Einführung in die formale logik, Berlin, 1958, S. 98.

ния. Говоря о диалектике, логике и теории познания: «не надо трех слов, это одно и то же», Ленин преследовал цель не экономии словесного выражения этих понятий, а вскрыл единство, органическую связь различных сторон материалистической диалектики.

Как учение о развитии диалектика — многосторонняя и многогранная наука. Она исследует наиболее общие законы развития как материального мира, так и мышления о нем, идеального отражения его в мозгу человека. Оба эти аспекта учения о развитии не могут быть обособлены, поскольку мышление лишь тогда истинно, когда оно воспроизводит объекты в их естественном состоянии, т. е. в непрерывном изменении. Притом законом самого мышления является развитие, так как оно не может достигнуть своей цели сразу, а лишь в ходе исторического процесса. Этим и обусловливается то, что диалектика есть *единство* учения о развитии *бытия* и его *познания*. Значит нет никакой опасности в «сведении» логики к диалектике. Искать ее предмет вне диалектического метода было бы грубой ошибкой. За эту ошибку упрекал В. И. Ленин Плеханова, который «сводил» диалектический метод лишь к учению о развитии природы и общества, игнорируя его другую, неразрывную с ним сторону — учение о диалектическом мышлении, о диалектике познания. Имея в виду эти вопросы, Ленин указывал, что Плеханов почти совершенно не уделял внимания «большой логике», т. е. собственно диалектике как философской науке[1]. Ленин говорит о диалектике как логике. Поэтому диалектическую логику следует рассматривать не как нечто отличное от диалектического метода, а как одну из важнейших его сторон и аспектов — именно ту сторону, которая исследует, какими должны быть человеческие мысли — понятия, суждения и иные мысленные формы, чтобы выразить движение, развитие, изменение объективного мира.

Таким подходом к вопросу, по нашему глубокому убеждению, единственно верным, мы достигаем двоякого рода цели: 1) сознание того, что исследование логики познания, логических форм мышления и его законов можно и должно осуществлять лишь в неразрывной

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 38, стр. 272.

связи с исследованием диалектической природы объективного мира, и 2) понимание всей необходимости и огромной важности специального изучения диалектической логики как одной из граней и аспектов общего учения диалектики о развитии.

Диалектическая логика — это применение диалектического метода к мышлению и познанию, конкретизация общих принципов этого метода в области законов и форм мышления. Конкретизация эта выражается в исследовании форм и проявлений, которые получают общие принципы диалектической теории развития в мышлении, выяснение специфических, «внутренних» законов, управляющих движением познания.

Следует при этом указать, что неправомерно сводить диалектическую логику (впрочем, как и логику вообще) к сумме конкретных технических приемов, которыми следует руководствоваться в исследовании. Между тем такое представление о диалектической логике встречается. Считают, что она занимается выяснением приемов исследования, применяемых в различных конкретных науках, и обобщением этих приемов, выведением на их основе каких-то общих правил и принципов. Такое представление ошибочно потому, что оно превращает логику в чисто техническую науку, рекомендующую исследователям какую-то сумму правил познания. Невозможно исчерпать все многообразие конкретных приемов исследования, которые применяются в различных науках. Эти приемы определяются прежде всего специфическими особенностями каждой отдельной науки, вследствие чего сами исследователи этих областей природы лучше, чем кто-либо сумеют их установить. Если логика обращается к способам исследования конкретных наук, то лишь для того, чтобы на практике познания обнаружить *законы* познания, которые специфически проявляются в любой науке и которые имеют объективное значение, вытекают из самой природы мышления как отражения и воспроизведения объективного мира. Понятно, что это нечто иное, чем технические приемы исследования. Поэтому вряд ли можно считать плодотворным такое направление работы в области диалектической логики, которое выражается в изощренных поисках подобных приемов для подхода к такому-то вопросу. Логика — не каталог подобных приемов, а учение о законах познания, учение о том, как

в движении понятий, в их связи и взаимозависимости, в развитии и движении форм мышления отражается и воспроизводится вечно изменяющийся объективный мир.

Диалектическая логика — не формальная, а «содержательная» логика

Прежде всего несколько слов о том, какой смысл имеют понятия формальной и содержательной логики, по какому признаку они различаются.

Некоторые логики утверждают, что логика может быть только *формальной*. При этом они имеют в виду то обстоятельство, что, оперируя логическими формами мысли, законами мышления, мы отвлекаемся от конкретного содержания мыслей. Например, форма суждения: $S — P$ есть лишь *форма* какого-либо высказывания о предметах и в самой этой форме отсутствует конкретное содержание, в нее можно включить любое содержание.

Если «формальность» в применении к логике трактовать только в *этом смысле*, то следует сказать, что и диалектическая логика — формальная наука. Когда мы говорим, что понятие есть единство противоположностей — допустим, единичного и общего, — то мы при этом отвлекаемся от его конкретного содержания, ибо этим понятием может быть растение, человек, общество и т. п. Даже Гегель, который беспощадно обрушивался на всякий формализм в трактовке логических форм, признавал в этом смысле логическую науку формальной. Сопоставляя конкретные науки с логикой, он указывал, что по *сравнению* с ними «логика есть, конечно, *формальная* наука...»[1] И тем не менее Гегель видел ограниченность формальной логики именно в ее формальном характере. Он говорил об этой логике: «Неполнота этого способа рассмотрения мышления, оставляющего в стороне истину, может быть устранена лишь привлечением к мыслительному рассмотрению не только того, что обыкновенно причисляется к внешней форме, но вместе с тем также и содержания»[2].

Анализируя подобные высказывания Гегеля, В. И. Ленин одобряет мысль о том, что логика (Ленин

[1] *Гегель*, Соч., т. VI, стр. 23.
[2] *Гегель*, Соч., т. V, стр. 14.

говорит о диалектической логике) есть учение не о внешних формах мышления, а о таких формах, которые выражают содержание предметов и процессов. Неверно, записывает он в своем конспекте «Науки логики», что логические формы суть формы «на содержании, а не само содержание». Положительное значение гегелевской логики Ленин видит в том, что она требует, чтобы логические формы были содержательными формами, «формами живого, реального содержания, связанными неразрывно с содержанием» [1].

Конечно, в рассуждениях Гегеля о формах мышления многое неправильно. Как идеалист, он полагал, что с введением содержания в логику ее предметом становится чистая идея. Но это не должно затмить ценную мысль о содержательности логической формы.

Таким образом, о формальном характере логики можно говорить в двояком смысле: 1) в смысле отвлечения от данного *конкретного* содержания форм мысли, что относится к любой логике, и 2) в смысле связи между логическими формами мысли и содержанием или степени отвлечения форм мысли от содержания. Поэтому неверно было бы категорическое утверждение: «Логика по существу формальна». Такое утверждение может явиться способом защиты тезиса о том, что в области науки безраздельно господствует одна логика — формальная.

Когда мы утверждаем, что диалектическая логика не формальная, а содержательная логика, то речь идет о формальности не в первом, а во втором смысле этого слова.

Из тезиса о том, что диалектическая логика — это содержательная логика, не вытекает заключение о бессодержательности формальной логики. Только такие идеалисты, как Кант или современные логические позитивисты, могут полагать, будто логические формы мысли извлечены из недр разума, а не являются формами объективного содержания, объективных связей и отношений, существующих между вещами. Логика черпает свои формы из практики отражения в мышлении реальной действительности, которую она обобщает с целью ее познания. Процесс «превращения» материального в иде-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 38, стр. 80.

альное включает в себя выработку логических форм мысли, представляющих собой в конечном счете слепок с реальных отношений и связей вещей. Естественно, что ни одну форму мысли, исследуемую формальной логикой, — ни понятие, ни суждение, ни умозаключение — нельзя рассматривать, как «чистую» форму, лишенную объективного содержания, не выражающую объективного содержания. Поэтому утверждение о бессодержательности формальной логики было бы изменой материалистической теории познания.

Однако при всем этом степень отвлечения от содержания, мера абстрагирования от него может быть различной. Извлекая формы мысли из практики отражения реального содержания вещей и отношений между ними, установив эти формы, формальная логика затем исследует способы их связи и соединения, способы выведения из одних положений других согласно логическим схемам, не обращаясь непосредственно к действительности. Отсюда неизбежность признания некоторого безразличия формы к содержанию.

Подчеркивая этот аспект, в котором формальная логика рассматривает формы мышления, мы не думаем, что достижение истины не является ее целью и задачей. Поэтому нельзя согласиться с вышеприведенной гегелевской характеристикой формальной логики как способа мышления, вовсе «оставляющего в стороне истину». Если бы Гегель сказал, что в силу своего формального характера она не является достаточным условием для достижения истины, что формальная логика не имеет своей непосредственной задачей исследование истинности посылок, из которых выводятся те или иные заключения, он был бы прав. Утверждать же, что она вообще оставляет в стороне вопрос об истине, неверно. Ибо, хотя правильность и истинность мысли не тождественны, они тесно связаны между собой и обусловливают друг друга. Без правильного, последовательного, логически верного соединения мыслей невозможно достижение самой истины.

Нарушение принципов и требований формальной логики свидетельствует о неистинности или неразработанности какого-либо положения. Например, наличие логических противоречий при построении физических или иных теорий есть признак того, что теория нуждается

в дальнейшей, более глубокой разработке и преодолении этих противоречий.

Если формально логическая правильность — условие истинности, то в свою очередь истина должна быть выражена в строго логической форме. Последняя совсем небезразлична для истины, логическая путаница часто служит покрывалом фальшивых мыслей и идей.

Самое же главное то, что принципы правильного мышления основаны не на произвольных правилах, а выработаны в результате длительной познавательной деятельности человеческого мозга в ходе практического воздействия людей на природу. Следовательно, формы правильного мышления, правильной связи мыслей отражают в конечном счете «правильность» связи самих явлений. Поэтому невозможно изолировать проблему правильного, последовательного мышления от проблемы истины.

Но вместе с этим их нельзя и отождествлять. Ибо хотя формы мышления, как их исследует формальная логика, отражают реальное содержание, они настолько общи и абстрактны, настолько отвлечены от конкретного содержания явлений, что одного соблюдения их еще очень мало для достижения истины. Именно вследствие этого формы мышления, исследуемые формальной логикой, являются «внешними», поскольку они в известном смысле безразличны к содержанию или выражают его в очень отвлеченном виде.

Поясним это на примере формально логических законов мышления. Закон тождества требует, например, чтобы мы не подменяли в процессе рассуждений один предмет мысли другим. Это, несомненно, важное требование, и необходимо его выполнять, чтобы правильно мыслить. Но когда я высказываю суждение: «буржуазия есть класс, единственной целью которой является забота о благе трудящихся», и хотя я в процессе рассуждения буду строго соблюдать закон тождества, то тем не менее моя мысль далека от истины. Принцип тождества предмета мысли настолько отвлекается от содержания этого суждения, что форма мысли вполне может заключать в себе и ложное содержание.

То же самое следует сказать о законе противоречия, который требует, чтобы мысль была не противоречивой, запрещает соединять несовместимые, противоречащие

положения об одном и том же предмете. Когда я говорю, что данный человек красив, то я внесу неразбериху в свое рассуждение, если я одновременно скажу, что он некрасив, и истина тем самым не будет достигнута. Но я нисколько не погрешу против указанного закона, если последовательно буду придерживаться мнения о том, что данный человек, на мой взгляд, некрасив, хотя в действительности он красив.

Таким образом, формально логические законы мышления дают только *форму*, в которую мы должны облечь свои суждения и умозаключения, но так как форма эта в огромной степени отвлечена от содержания вещей, то сама по себе она еще не служит реальным условием истинности наших мыслей.

В этом смысле рассматриваемая логика есть *формальная* логика. Стало быть, дело не в том, что она отвлекается от данного конкретного содержания, это делает и диалектическая логика, а в степени отвлечения. Форма силлогизма, например, важное средство познания, но так как формальная логика не исследует истинность посылок, из которых выводится заключение, то при желании можно в эту форму влить любое содержание. Не случайно поэтому она нередко используется в целях софистики.

Конечно, при желании можно все, что угодно, даже самые строгие научные положения использовать вкривь и вкось, в том числе и диалектику, которая, как известно, неоднократно служила мостиком к софистике. Но речь идет о другом — о том, что формальная логика, исследуя формы мышления в отвлечении от содержания реальных явлений и будучи применена к таким вопросам, где требуется анализ этого содержания, дает удобный повод для всякого рода искажений.

Признавая важное значение формально логических принципов исследования форм мысли, мы, однако, должны пойти дальше и исследовать последние в неразрывной связи с реальным содержанием действительности. В этом случае главным объектом изучения будет не форма мысли, отвлеченная от содержания, а *соответствие ее реальному содержанию*. Вот таким исследованием занимается диалектическая логика, и в этом смысле она выступает не как формальная, а как содержательная логика.

В диалектической логике формы мысли выступают по отношению к содержанию не как внешние, а как формы внутренне связанные с содержанием. Истина здесь в известном смысле присутствует уже в самой форме вследствие того, что это — форма реального содержания.

Если сопоставить закон диалектики о единстве и борьбе противоположностей с формально логическими законами тождества и противоречия, то будет видно, что он является не формальным условием истины, а выражением содержания, сущности самих вещей и процессов объективного мира. Все вещи, явления и процессы суть единства, совокупности взаимосвязанных противоположностей. И если мы хотим постигнуть объективную истину, то формы нашего мышления должны отразить это противоречивое содержание или сущность предметов. Или возьмем такие логические категории, как необходимость и случайность. Эти категории, как и закон единства и борьбы противоположностей, представляют собой обобщение реального содержания развивающихся и изменяющихся предметов и как формы мысли они отражают истинное содержание, вследствие чего применяя их к окружающему нас миру, мы познаем объективную истину о нем.

Формализованная логика требует отвлекаться от содержания. В противовес ей основное требование диалектической логики состоит в том, чтобы никогда не отрываться от реального содержания явлений и процессов. Формальный характер первой объясняет нам причину того, почему она, особенно в современном своем виде, имеет преимущественно дедуктивный, аксиоматический характер, в то время как содержательный характер диалектической логики объясняет, почему она пользуется всем богатством логических средств, среди которых значение аксиоматических способов незначительно. Способы мышления, разрабатываемые диалектической логикой, требуют исследования вопроса о том, истинны по своему содержанию или нет исходные посылки, которыми мы оперируем в мышлении.

Современная формализованная логика идет по сравнению с традиционной логикой дальше по пути отвлечения от содержания, что, как уже отмечалось, не ставится ей в упрек, но при этом нужно избегать абсолютизации ее принципов, необходимых для тех или иных целей

познания. Возьмем, например, такую логическую форму как «материальную импликацию». Сами представители символической логики говорят о неудачности этого термина, так как способ импликации целиком формален и выражение «материальная импликация» дает неправильное представление о ее сущности. «Импликация» означает следование и выражается в формуле «если... то». Способ логической импликации оперирует высказываниями, из которых одно должно быть истинным, а другое ложным и соответственно определенным правилам исчисляет истинность или ложность высказываний. Но при этом данная логика требует полного отвлечения от того, *объективно* ли истинны или ложны высказывания, которые сочетаются по принципу «если... то». Функции истинности выполняет одна лишь эта логическая константа, независимо от объективного содержания высказываний, из которых образуется сложное суждение. Между двумя высказываниями нет никакой внутренней связи (например, «если $2 \times 2 = 4$, то Нью-Йорк большой город»). Подобное отвлечение от реального содержания вполне правомерно там, где связь, отношения рассматриваются как внешние по отношению к содержанию и при этом действительно исчисляется истинность или ложность высказываний.

«Материальная импликация» не поможет там, где требуется анализ содержания, притом содержания сложного, изменяющегося, где поэтому в целях достижения истины нужно, чтобы понятия, суждения и т. п. были адекватными содержанию. Чтобы пояснить это, мы используем один невольный казус, случившийся с примечаниями редакции к русскому переводу книги А. Тарского «Введение в логику и методологию дедуктивных наук». Тарский в целях иллюстрации отсутствия внутренней связи друг с другом высказываний в «материальной импликации» приводит в качестве истинной импликации шутливое выражение: «Если вы решите эту задачу, я съем свою шляпу». Так как условие таково, что задачу вы решить не сможете, то импликация истинна.

Редакция, желая, очевидно, сделать более доступным читателю рассуждения о «материальной импликации», делает к примеру Тарского следующее примечание: «Или, например, мы можем смело утверждать, что если капиталистические правительства стран, владеющих ко-

лониями, добровольно дадут им независимость, то реки потекут вспять»[1]. Разъяснение это явно неудачно, ибо для исследования истинности или ложности данного высказывания требуются иные, более сложные способы мышления. Форма «материальной импликации» настолько отвлечена от реального содержания, что с ее помощью невозможно «вычислить» истинность или ложность этого высказывания, да и вообще истина в подобных вопросах не поддается методам математического исчисления. Вопрос о том, дадут или не дадут капиталистические правительства независимость своим колониям, может быть решен лишь при условии, если его поставить в *исторические* рамки, т. е. если к нему подойти с точки зрения диалектического способа мышления, оперирующего логическими формами, адекватными содержанию. Как известно, историческая обстановка после второй мировой войны сложилась так, что некоторые колониальные державы сами вынуждены были дать политическую независимость части своих колоний. И реки при этом не потекли вспять.

Логические формы мышления, включающие в себя момент историзма, уже не могут считаться внешними по отношению к содержанию, так как этот момент формы есть выражение неразрывной связи формы с содержанием.

Таким образом, понятие о содержательности диалектической логики позволяет глубже и яснее осознать различие предмета, объекта исследования диалектической и формальной логики. Тогда как формальная логика ориентируется на исследование способов и правил правильного соединения понятий и суждений и последовательного выведения одних мыслей из других, диалектическая логика стремится наиболее адекватно выразить в понятиях и других формах мысли *содержание* реальных изменяющихся вещей и процессов. В диалектической логике связь с действительностью, с содержанием реальных процессов, с *практикой* самая тесная и непосредственная. Не случайно В. И. Ленин, излагая сущность диалектической логики, включил в ее понятие мо-

---

[1] *А. Тарский,* Введение в логику и методологию дедуктивных наук, стр. 58.

мент практики как основы и критерия истинности познания.

Положение о содержательности законов и категорий диалектической логики не означает, будто они сами по себе уже дают истину о *конкретных* вещах и процессах. Когда речь идет о их содержательности, имеется в виду лишь то обстоятельство, что они отражают наиболее общие законы развития объективного мира, а также мышления. Естественно, что это «общее содержание» законов и категорий диалектической логики должно быть конкретизировано в применении к каждой специфической сфере познания. Они указывают лишь путь к познанию объективной истины, само же познание требует освоения данного материала, конкретного содержания изучаемых объектов. Как ни содержательны такие логические категории, как необходимость и случайность, возможность и действительность и т. п., они все же суть общие формы, которые одухотворяются, лишь применяясь к живому конкретному содержанию. Диалектическая логика обладает неисчерпаемой способностью проникать в сущность, содержание вещей. Это объясняется тем, что она сама содержательна, что ее главная цель — исследование логических форм в неразрывной связи с содержанием явлений и процессов объективного мира.

Должна ли диалектическая логика заниматься формами мысли?

После сказанного этот вопрос может показаться излишним. Но мы останавливаемся на нем специально лишь потому, что среди некоторых логиков укоренился взгляд, согласно которому исследованием форм мысли занимается формальная логика, диалектическая же логика должна заниматься исключительно проблемами содержания мысли. Наиболее полно указанный взгляд изложен в статье «Формальная логика и диалектические суждения»[1]. Автор ее утверждает, что специфической

[1] См. «Вопросы логики», «Ученые записки ЛГУ имени А. А. Жданова» № 247, серия философских наук, вып. 12, изд. Ленинградского университета, 1957.

задачей диалектической логики в отличие от формальной логики является анализ *содержания* определений и понятий, а не их логической *формы*. В. И. Ленин, пишет автор статьи, «исследует понятия и суждения со стороны заключенного в них диалектического содержания, что является задачей диалектической логики, а не со стороны их логической формы, структуры, что является уже предметом формальной логики» [1]. В статье едко высмеивается всякий намек на признание «диалектических» форм мышления. «Таковых, — категорически заявляет автор, — в природе не существует и существовать не может. Общеизвестные формы мышления — понятие, суждение, умозаключение — в их «формально-логическом» понимании носят объективный, общечеловеческий характер. Они служили человечеству на протяжении многих тысяч лет, одинаково хорошо выражая как диалектику, так и метафизику» [2].

Прежде всего, поскольку в защиту подобных взглядов ссылаются на классиков марксизма-ленинизма, нужно обратиться к ним и восстановить их действительное понимание этого вопроса. Вопрос о том, исследует ли диалектическая логика формы мышления, нельзя сводить к проблеме: существуют ли «особые», «диалектические» формы мышления. Диалектическая логика не «изобретает» каких-то новых форм мышления, помимо уже известных. В действительности вопрос стоит так: исчерпывается ли и достаточен ли тот анализ этих форм мышления, тот подход к ним, который характерен для формальной логики, или этот анализ в целях адекватного отражения действительности должен быть продолжен, углублен под углом зрения специфических задач диалектической логики?

Если же с этой точки зрения подойти к формам мышления, то сомнений в необходимости дальнейшего анализа их быть не может. Энгельс диалектику в целом называл «наиболее важной *формой мышления*» [3], ибо только она, по его словам, представляет аналог и тем самым метод объяснения для происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы, для

---

[1] «Вопросы логики», стр. 78.
[2] Там же, стр. 84.
[3] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, стр. 311 (курсив мой — *М. Р.*).

переходов от одной области исследования к другой[1]. Следовательно, диалектика есть «форма мышления», а нас убеждают, что диалектическая логика не вправе заниматься изучением форм мышления.

Метафизика и диалектика, утверждается в указанной статье, пользуются одними и теми же формами мышления. Но именно поэтому перед диалектикой стоит задача исследовать эти формы мышления с точки зрения истинного воспроизведения действительности, т. е. воспроизведения ее в развитии, изменении, связях и переходах явлений друг в друга и т. д. Тот факт, что формальная логика так подходит к формам мышления, что ими «одинаково хорошо» пользуются как метафизики, так и диалектики, говорит о том, что формально-логический угол зрения на формы мышления слишком общ, недостаточен, ограничен. В. И. Ленин указывал, что беда метафизического материализма заключалась в неумении применить диалектику к теории отражения. Что это значит? Понятия, суждения, умозаключения представляют собой формы отражения действительности. Когда Ленин говорит о применении диалектики к теории отражения, то он имеет в виду *диалектический* подход к этим формам, необходимость отражения в них объективной диалектики развития. Разве не в этом смысл той упорной борьбы, которую Ленин вел в защиту важнейшего марксистского тезиса о том, что диалектика и есть теория познания, логика? Диалектика познания включает в себя как неотъемлемый и притом важнейший элемент *диалектику форм мышления*.

Нельзя согласиться и с тем утверждением, что можно исследовать понятия и суждения со стороны заключенного в них диалектического содержания, игнорируя специфические, соответствующие этому содержанию логические формы мышления. Подобная точка зрения обедняет понятие логической формы, сводя ее к некоей равнодушной к своему содержанию внешней оболочке, способной вместить любое содержание. Диалектическая логика не занимается исследованием состава тех или иных форм мысли, например суждения или умозаключения, описанием различных видов понятий и т. п. Это делает формальная логика. Но диалектическая логика, как мы уже

[1] См. *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, стр. 311—312.

пытались это доказать в предыдущем разделе, подходит к логическим формам с несравненно более глубокой целью: она исследует формы мысли в аспекте их способности отразить сложнейшие и противоречивые процессы реального мира. А это значит, что логическая форма не может быть здесь равнодушной к содержанию, а определяется этим содержанием, при этом так, что содержание в известном смысле переходит в форму, а форма — в содержание. Иначе говоря, без *соответствующей*, т. е. диалектической по своей природе, формы мысли невозможно адекватно выразить диалектическое содержание, а это последнее неизбежно порождает эту форму в сознании человека как форму своего отражения. Именно это и имел в виду Ленин, когда он, материалистически истолковывая Гегеля, писал, что важно «не только описание *форм* мышления.., но и *соответствие с истиной*...»[1]

Диалектическая логика, подобно формальной, имеет дело с теми формами мышления, которые выработала историческая практика человеческого мышления, но она идет дальше формальной логики в анализе их и представляет собой исторически и логически новую, более глубокую ступень подхода к ним. Особенность этого подхода в тесной и неразрывной связи логической формы с содержанием.

Когда В. И. Ленин исследует понятие или какую-нибудь иную логическую форму мысли, то он берет ее как единство содержания и формы. Специальное рассмотрение этого вопроса — задача последующего изложения. Сейчас заметим лишь следующее. Заявляя, например, о понятиях, что они должны быть «обтесаны», «обломаны», «гибки», «подвижны», «взаимосвязаны», Ленин анализирует их как раз со стороны логической формы, которая соответствует реальному содержанию явлений и процессов самой действительности, — объективно подвижных, гибких, взаимосвязанных, превращающихся друг в друга и т. д.[2] Исследование понятий и других логических форм мысли с этой стороны имеет первостепенное значение и составляет основную задачу диалектической логики, поскольку, только идя по этому

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 38, стр. 165.
[2] См. там же, стр. 99, 136.

пути, возможно достигнуть наиболее адекватного отражения мира.

В работе «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого и Бухарина» В. И. Ленин указывает на одну из характерных черт подхода диалектической логики к предмету. Он пишет: «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования»»[1]. Но одного такого подхода недостаточно. Кроме того, пишет Ленин, предмет надо исследовать в развитии, видеть ту связь с конкретно-историческими условиями, которые выделяют ее из всей массы остальных связей. Именно в этом смысле он показывал на примере со стаканом, что в одной связи он инструмент для питья, в другой — помещение для пойманной бабочки и т. д. Вот такой подход к предмету и нужно выразить в логическом определении. Формальная логика, фиксируя относительно постоянное и неизменное в предметах и явлениях, не способна сделать это своими определениями. Ленин упрекал своих противников за чисто формально-логический подход не потому, что они ограничивались анализом одной логической формы, а потому, что они оперировали негибкими, «формальными определениями», способными в лучшем случае констатировать разные связи и отношения, но не подходить к ним конкретно-исторически. Иначе говоря, В. И. Ленин критиковал своих противников не только за ошибочный анализ конкретного содержания предмета, но и за ограниченность, узость, скованность, неподвижность *логических форм* их мышления. Сам Ленин давал такие логические определения, которые были диалектическими не только по содержанию, но и по форме. Диалектичность развития содержания объективных вещей и процессов отражается в таких свойствах логических форм мышления, как гибкость, изменчивость, диалектическая «противоречивость», взаимосвязь, взаимопереход понятий, суждений и т. д.

Таким образом, положение о том, что диалектическая логика ограничивается лишь исследованием логических форм мысли со стороны их содержания, беря в готовом виде то, что дает формальная логика в области форм мышления, не выдерживает критики.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 32, стр. 72.

Из сказанного следует, что нельзя согласиться и с другим утверждением, по существу повторяющим только что разобранную концепцию. В одной из статей другого сборника, посвященного вопросам логики, мы читаем: «Специфической характеристикой форм является *правильность*, так же как специфической характеристикой конкретного содержания мысли является *истинность*» [1].

Из этого положения вытекает вывод, что так как только формальная логика специально занимается проблемой правильности форм мысли, то исследование понятий, суждений и т. п. со стороны *их формы* есть исключительно ее прерогатива, что же касается диалектической логики, то ей остается только область «содержания» мысли.

Из высказанных выше соображений явствует, что вопрос об истинности распространяется не только на содержание, но и на форму мысли. Мы уже говорили, что для содержания мысли небезразлична ее форма, что в диалектической логике преодолевается известное «безразличие» к содержанию (точнее сказать: большая степень отвлечения формы от содержания), которое присуще формальной логике. Так как диалектическая логика исследует формы мысли в их неразрывной связи с содержанием, то сама логическая форма выступает здесь как наполненная содержанием и адекватная ему и потому она не только логически правильна по своему строению, но и истинна.

Итак, диалектическая логика не только вправе, но и обязана заниматься исследованием форм мышления. Без этого нет диалектической логики.

О мнимом конфликте между диалектической и формальной логикой

Выше было сказано, что формальная логика, ее законы отражают относительное постоянство, устойчивость вещей, фиксируют тождественность вещей, их простейшие связи и отношения. Диалектическая логика, напротив, — это логика развития, изменения. Можно ли

[1] Сб. «Вопросы логики», изд. АН СССР, М. 1955, стр. 107.

отсюда сделать вывод, что диалектическая логика несовместима с признанием формальной логики и что последняя представляет собой пройденный исторический этап, что между ними существует неразрешимый конфликт?

Марксизм никогда не объявлял формальную логику бессмыслицей на том основании, что она оперирует неподвижными категориями. В «Анти-Дюринге» Энгельс прямо указывал, что «из всей прежней философии самостоятельное значение сохраняет ...учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика» [1].

Нет ли, однако, противоречий в такой постановке проблемы? Нет ли здесь несовместимых противоположностей — диалектики с ее текучими категориями, не знающей никаких абсолютно разграничительных линий между явлениями природы, и формальной логики с ее неподвижными категориями?

Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным. Несомненно, в современных условиях, когда наука давным-давно и твердо встала на позиции развития и изменения явлений и когда единственно адекватным методом и способом исследования природы может быть только диалектика, положение и роль формальной логики изменились по сравнению с прошлым. Если в XVII—XVIII вв., в период господства метафизического мировоззрения, она абсолютизировалась, то сейчас положение иное. Начиная с конца XVIII в., и особенно в течение первой половины XIX в., научные знания поднялись на такую ступень, когда старый философский метод и логика не могли уже удовлетворять новые потребности развития науки и человеческой практики. Возникли новый метод, новая — диалектическая — логика, соответствующие новому историческому этапу развития научных знаний и общественной практики.

Однако это не означало, что наступил конец формальной логике. Мы уже говорили, что общая закономерность развития науки такова, что новая ступень, новые теории не просто отбрасывают старую ступень и прежние теории, а указывают их надлежащее место, границы их применимости. Если до достижения новой более высокой ступени в развитии науки господствует

[1] *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, стр. 25.

представление о том, что существующая теория дает объяснение всем явлениям, имеет всеобщее значение, то новая теория, постигающая более глубоко сущность природы, ограничивает рамки старой теории, лишает ее кажущейся всеобщности, низводит ее на ступень частной теории, объясняющей какой-то определенный круг явлений.

Старая классическая механика, например, считала массу тел во всех случаях неизменной. Новая, квантовая механика опровергла представление о неизменности массы и открыла, что она изменяется в зависимости от скорости движения материальных частиц. Но эта новая теория не объявила законы механики Ньютона недействительными. Она лишь ограничила область их применения макропроцессами, здесь эти законы вполне сохраняются и правильно объясняют механические процессы. Это не значит, что в макропроцессах масса неизменна. Нет, она и здесь изменяется, но скорость движения тел здесь по сравнению со скоростью движения частиц в микропроцессах (сравнимой со скоростью света) настолько мала, что изменения в массе ничтожны и от них можно отвлечься, принимая массу за нечто постоянное.

Таким образом, *всеобщее* значение приобрел закон изменяемости массы, а принцип постоянства массы получил значение частного принципа, ограниченного определенными рамками.

Конечно, всякая аналогия условна и приведенным примером мы не хотим сказать, что в случае с формальной логикой и логикой диалектической дело обстоит абсолютно так же. Но тем не менее и здесь и там проявилось действие указанной выше общей закономерности развития познания.

Господство метафизического взгляда на мир в свое время затушевывало ограниченность формальной логики, не способствовало обнаружению ее ограниченности. Вскрыть ее можно было лишь в новых исторических условиях, только тогда, когда возник диалектический взгляд на природу. Установление недостаточности, ограниченности формальной логики, определение ее действительного места в науке о мышлении и познании освободило ее от неизбежной раньше связи с метафизическим мировоззрением. Абсолютизация значения формальной

логики в прежних исторических условиях заменилась в новое время представлением об ограниченности ее законов и принципов. Заняв принадлежащее ей в процессе мышления и познания реальное место, она таким образом уже не претендует на роль всеобщего способа мышления и тем самым приобрела подчиненное по отношению к диалектической логике значение.

Следовательно, с возникновением диалектической логики положение, роль, функции формальной логики были существенно сужены. Это ограничение, на наш взгляд, шло по следующим направлениям: 1) Если до этого формальная логика представлялась как единственное учение о мышлении, имеющее неограниченное значение, то после возникновения диалектической логики она оказалась элементарной логикой, т. е. тем, чем она действительно является. 2) Вследствие этого формальная логика утратила неизбежно выполнявшиеся ею на предыдущем историческом этапе развития науки функции всеобщего способа мышления, как метод познания она теперь играет ограниченную роль, выступая в качестве такового лишь там и постольку, где и поскольку можно и нужно отвлечься от развития и изменения, где степень абстрагирования от конкретного содержания мыслей очень большая. 3) В связи с указанными изменениями на первый план выступила главная задача формальной логики — быть учением о правильном, непротиворечивом, последовательном мышлении, о логической связи мыслей, о способах логически аргументированного, доказательного мышления.

Нет ли, однако, противоречия в том факте, что формальная логика оперирует неподвижными категориями, но, несмотря на это, дает такое учение о принципах и правилах правильного мышления, которые мы должны соблюдать во всех случаях, чтобы понимать друг друга и не впадать в логические ошибки? Ведь мы знаем, что вещи находятся в состоянии беспрерывного развития и изменения и в то же время мы утверждаем, что правильное логическое мышление базируется на рассмотренных выше законах формальной логики, основная черта которых — это принцип тождественности предмета мысли.

И. Дицген был совершенно прав, когда он в своем «Аквизите философии» указывал, что это не бессмыс-

ленное противоречие, а противоречие, которое сбило с толку немало великих философских умов и задало философам «страшно много работы» [1].

С этим противоречием столкнулись уже некоторые древние мыслители, но разрешить его не сумели. Такие, например, античные философы, как Сократ и Платон, понимали, что все находится в движении. У них есть великолепные образцы диалектики. Вместе с тем они никак не могли понять, как возможно знание того, что не пребывает в покое, а все время движется и изменяется. И они делали вывод, что знание имеет дело с явлениями, пребывающими в покое, а не с изменяющимися. Правда, борясь против диалектического способа мышления, они имели в виду диалектику, доведенную до абсурда, диалектику Кратила, которую они неправомерно отождествляли с диалектикой Гераклита. Истинная диалектика ничего общего не имеет с представлением о природе, исключающим всякий момент покоя, считающим, что предметы якобы настолько изменчивы, что о них ничего знать нельзя [2]. Но отвергая подобное карикатурное представление, некоторые античные философы отрицали вообще возможность познания того, что развивается, изменяется.

Вот образчик рассуждений Сократа, изложенный Платоном в сочинении «Кратил»: «Там по справедливости нельзя указать и на знание, Кратил, где все вещи изменяются и ничто не стоит. Ведь если это самое знание есть знание того, что не изменяется, то знание всегда пребывает и всегда есть знание: а когда изменяется и самый вид знания, то как скоро вид знания изменяется в иной, знания уже нет, и где всегда происходит изменяемость, там никогда не бывает знания; а отсюда следует, что там не бывает ни познаваемого, ни имеющего быть познанным. Если же, например, всегда есть познающее, то есть и познаваемое, есть и прекрасное, есть и доброе, есть и бытие каждой отдельной

---

[1] См. *И. Дицген*, Избранные философские сочинения, Госполитиздат, М., 1941, стр. 192.

[2] Как известно, Кратил считал, что вещи настолько изменчивы, что они никогда не пребывают в состоянии даже относительного покоя и что поэтому познание их невозможно, на них можно только указывать пальцем.

вещи; и это уже не походит на то, что мы недавно говорили, — на течение и движение» [1].

Таким образом, дилемма у Сократа и Платона такова: либо вещи тождественны, неизменны и тогда возможно познание, либо вещи изменчивы, нетождественны и тогда познание невозможно. Диалектически соединить тождество и изменчивость вещей они не могли.

Это противоречие не мог разрешить и Аристотель. Формулируя закон противоречия на основе принципа тождественности вещей, он утверждал, что они не могут в одно и то же время быть и не быть, т. е. содержать в себе внутренние противоречия. Правда, Аристотель искал выхода из этого противоречия не в отрицании изменчивости вещей, а в правильном понимании сущности самого развития. Так, возражая против, по его словам, наиболее крайней точки зрения на изменчивость (мнения Кратила), он писал: «А мы [в ответ] и на такое рассуждение скажем, что то, что изменяется, в то время, когда оно изменяется, дает, правда, этим людям некоторое основание считать его несуществующим, однако же это во всяком случае представляет спорный вопрос: в самом деле, то, что утрачивает [что-нибудь], сохраняет [еще] что-то из того, что оно утрачивает, а также некоторая часть того, что возникает, должна существовать» [2].

Но и на этом Аристотель не останавливается, а идет дальше, он высказывает гениальную мысль о том, что изменение в количестве и качестве — это не одно и то же. «Пусть со стороны количества, — замечает он, — изменение не останавливается, однако же через посредство формы мы постигаем все вещи» [3]. Под формой и ее изменением он в данном случае, судя по всему, понимал качество и качественное изменение. Здесь он подходил к правильному диалектическому пониманию соотношения между тождеством и изменчивостью вещи: оказывается, вещь может количественно изменяться без того, чтобы не быть тождественной по форме, т. е. вещь остается какое-то время данным качеством и, следовательно, устойчивой, о ней вполне можно рассуждать, не подменяя ее другой вещью.

---

[1] *Платон*, Соч., т. V, М., 1879, стр. 285—286.
[2] *Аристотель*, Метафизика, стр. 71.
[3] Там же.

Но Аристотель не развивает эту гениальную идею. В конце концов он сбивается на ложную точку зрения. Он заявляет, что только чувственный мир охвачен постоянным движением, уничтожением и возникновением, однако чувственный мир есть-де только часть целого, за ним «существует некоторая неподвижная сущность» [1].

Что же касается познания, то он на основании сформулированного им закона противоречия высказывает мысль о том, что невозможно иметь истину об изменяющейся вещи. «Ибо в поиски за истинным необходимо отправляться от того, что всегда находится в том же самом состоянии и не подвергается никакому изменению» [2]. Нужно сказать, что и Гегель не сумел справиться с этой антиномией тождества и изменчивости вещей.

Материалистическая диалектика отвергла как метафизическое противопоставление тождества и изменчивости вещей, так и идеалистическое удвоение мира на мир вещей и мир независимых от них понятий. Она разрешила противоречие тождества и изменчивости вещей, показав, что вещь есть и то и другое. Ни на мгновение не прекращается движение, развитие вещи, но это не значит, что она существует лишь мгновение, тут же исчезая. Чтобы вещь *коренным образом* изменилась, требуется время, а в течение этого времени она существует как нечто устойчивое, определенное. Конечно, чтобы понять и отразить это единство тождества и изменчивости в мышлении, требуется уже диалектическая логика, о чем будет речь дальше. Таким образом, тождество и изменчивость вещей вполне сочетаются друг с другом. Это дает возможность правильно решить поставленный выше вопрос о том, как формальная логика, будучи логикой мышления при помощи неподвижных категорий, дает нам принципы *правильного* мышления, которые мы должны соблюдать, даже мысля о вещах изменяющихся, развивающихся. Эта возможность решения вопроса, смущавшего долгое время философские умы в прошлом, появилась лишь благодаря возникновению диалектики. Как часто бывает и в данном случае, высшая ступень развития дала ключ к пониманию места

---

[1] *Аристотель,* Метафизика, стр. 72.
[2] Там же, стр. 189.

и роли низших форм: диалектический способ мышления дает ключ к объяснению сущности и значения законов формальной логики.

Выше было сказано, что основа формальной логики — это принцип тождества, тождественности предмета мысли. Без этого принципа и вытекающих из него остальных правил формальной логики невозможно было бы правильное мышление. Мы уже приводили простые примеры, показывающие, почему следует придерживаться этих правил, чтобы мысль наша не была сбивчивой, путанной, непоследовательной. Если в процессе рассуждений мы будем подменять один предмет мысли другим, высказывать какую-нибудь мысль и тут же высказывать противоречащие первым мысли, давать противоположные определения вещам и т. д., то мысль наша разрушится. Это относится не только к рассуждениям о простейших вещах и явлениях, но и к рассуждениям о самых сложных явлениях и процессах. Приведем один пример.

В 1912 г. В. И. Ленин написал статью «О политической линии», которая была посвящена анализу некоторых коренных вопросов классовой борьбы в России того времени, критике оппортунистической оценки этой борьбы. Ленин подходил к этим сложным вопросам с позиций диалектической теории развития, но вместе с тем он сам не только соблюдал элементарные принципы правильного мышления, но и подверг критике оппортунистов за то, что они нарушали эти принципы, внося путаницу в свои рассуждения, делая вследствие этого невозможным научный, т. е. диалектический анализ вопросов.

Спор между марксистами и оппортунистами шел о том, какие классы строят и должны строить новую, преобразованную Россию. В. И. Ленин приводит следующую фразу из писаний оппортуниста Николина: «Новую Россию никто не строит, она *строится*... в сложном процессе борьбы различных интересов...» Посмотрим теперь, как Ленин разбирает это рассуждение. «Если новая Россия строится в процессе борьбы различных интересов, — пишет Ленин, — то это значит, что *классы*, имеющие *различные* интересы, по-разному *строят* новую Россию. Это ясно, как ясен ясный божий день. Какой же смысл имеет *противоположение* Н. Николина: «новую Россию никто не строит, она *строится* и т. д.»?

Решительно никакого смысла не имеет. Это — бессмыслица с точки зрения самой элементарной логики» [1].

Как видим, В. И. Ленин ловит оппортуниста на элементарной логической ошибке, на несоблюдении принципа тождества предмета мысли. Если высказывается мысль о том, что Россия строится в процессе борьбы различных классовых интересов, то нельзя тут же, в противоречии с этой мыслью, высказывать мысль о том, что Россию никто не строит, она-де сама строится. Либо одно, либо другое. Ленин показывает, что нарушение элементарной логики в рассуждениях оппортуниста не случайно. Оно преследует цель запутать вопросы. Ленин говорит, что в бессмыслице вышеприведенного высказывания есть *«своя логика,* логика оппортунизма» [2].

Таким образом, и в рассуждениях о самых сложных и развивающихся предметах и явлениях нужно соблюдать требования формальной логики для того чтобы структура мысли была правильной, чтобы в ней была последовательность, ясность, определенность. В этом смысле нет разницы в том, рассуждаем ли мы о простой, обыденной вещи, например о столе, или об электроне. Высказывая мысли о том и другом, мы должны соблюдать закон тождества. Если же мы в процессе рассуждения о предмете заменим его другим, то мы лишим себя элементарного условия правильного мышления, позволяющего сделать следующий шаг и проанализировать данный предмет глубже, с точки зрения его изменчивости, превращаемости, т. е. проанализировать его диалектически.

Следовательно, правильное, непротиворечивое мышление опирается на законы формальной логики — закон тождества и другие, так как для этих целей достаточно отражать в мыслях вещи в их относительной тождественности, неизменности и т. д. И в этом смысле принципы и правила формальной логики не находятся в конфликте с диалектической логикой. Этот конфликт выдуман теми, кто ставит вопрос так: либо формальная, либо диалектическая логика. Он возникает лишь тогда, когда абсолютизируют значение формальной логики и

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, стр. 301.

[2] Там же.

превращают ее в единственное учение о логическом мышлении, когда игнорируют ее ограниченность.

Именно эту ограниченность формальной логики имел в виду Энгельс, когда он писал, что она годна лишь для «домашнего обихода». Дело, разумеется, не в этих словах, на которых не обязательно настаивать. Употребляя это выражение, Энгельс, конечно, не имел в виду, что есть какие-то области знания, в которых можно не соблюдать правил элементарного мышления [1]. Он имел в виду то, что мышление неподвижными категориями терпимо лишь в общежитейском обиходе, где можно отвлечься от того, развиваются или не развиваются, изменяются или не изменяются вещи, с которыми люди связаны повседневно.

Следует вообще отметить, что нельзя вырывать отдельное выражение из общих взглядов Энгельса на роль формальной логики. Если же учесть его концепцию в целом, то необходимо сказать, что он гораздо выше оценивал значение формальной логики, чем некоторые современные логики, упрекающие его за слова о «домашнем обиходе». Мы уже приводили положение Энгельса о том, что только с узкой точки зрения можно в формальной логике видеть лишь инструмент доказывания готовых истин. Тогда как на самом деле формальная логика представляет прежде всего метод для отыскания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному [2].

Сохраняется ли эта оценка формальной логики сейчас, когда существует диалектическая логика? Конечно, сохраняется, и Энгельс это имел в виду, ибо он в ука-

---

[1] Это выражение Энгельса правильно разъяснил И. Дицген. «Старая логика, — писал он, — трактует о вещах, объектах нашего познания, как о застывших ледяных сосульках, между тем как философски расширенная логика считает такой взгляд на вещи правильными лишь в общежитейском обиходе. Читатель, надеюсь, не поймет это выражение превратно и не примет его в буквальном смысле. Использование логикой в повседневных делах застывших понятий распространяется, будет и должно распространяться *на все сферы знания*. Ни в каком случае нельзя обойтись без рассмотрения вещей как чего-то тождественного и тем не менее наряду с этим весьма полезно знать и помнить, что вещи — не только нечто тождественное и застывшее, но в то же время и нечто изменчивое и текучее» *(И. Дицген,* Избранные философские сочинения стр. 192 (курсив мой. — *М. Р.*)).

[2] См. *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, стр. 126.

занном месте «Анти-Дюринга» сопоставлял формальную логику и диалектику.

Между тем некоторые логики, считающие по существу формальную логику единственной логикой, отрицают ее роль как метода познания, принижая тем самым ее значение. Так, К. Бакрадзе пишет, что «формальная логика не является методом познания не только сложных, но и *простых процессов, связей объективного мира* [1]. То обстоятельство, что формальная логика, как говорил Энгельс, «также является средством отыскания новых результатов...», не имеет ничего общего со сложностью или простотой процессов и связей объективного мира. Тут вопрос касается отыскания новых истин в виде следствий из данных истинных посылок» [2].

С этим нельзя согласиться. Разве способы отыскания новых истин в виде следствий из данных истинных посылок не есть метод познания, метод объяснения явлений? Конечно, этим далеко не исчерпывается сущность метода познания. Метод есть прежде всего способ анализа, исследования самой действительности, реальных процессов объективного мира на основе практической деятельности людей. Но он включает в себя и закономерное движение мысли, понятий, суждений, вне которого невозможен метод познания явлений действительности.

Конечно, формальная логика выступает как метод познания преимущественно в тех областях, где можно отвлечься от развития и изменения. Но даже и там, где невозможно исследовать явления природы вне их развития и изменения, т. е. в подавляющем большинстве областей знания, формальная логика играет конечно не основную, а подсобную, служебную, но все же роль метода отыскания новых истин. Она разработала методы индуктивных и дедуктивных умозаключений, правила доказательства, которые применяются в научных исследованиях. Было бы неправильно с марксистских пози-

[1] Автор приведенной цитаты, очевидно в целях защиты своей точки зрения, не принимает во внимание мысль Энгельса, который говорит о формальной логике именно как о «методе отыскания новых результатов». Вот как это место звучит в оригинале: «Selbst die formale Logik ist vor allem Methode zur Auffindung neuer Resultate, zum Fortschreiten vom Bekannten zum Unbekannten...» *(Engels,* Herrn Dührings Unwälzung der Wissenschaft (Anti Dühring), 1939, S. 127).

[2] «Вопросы философии» № 2, 1956, стр. 218—219

ций, подчеркивая ограниченность формальной логики, недооценивать ее значения для современного научного познания.

В этой связи следует сказать и о месте формальной логики в процессе умственного развития человека. Умственное формирование отдельного человека дает пример поразительного совпадения индивидуального и родового, логического и исторического процессов развития мышления (этому вопросу будет посвящена специальная глава). Индивидуальное умственное развитие в сжатом виде воспроизводит историю, основные этапы исторического развития мышления. Не только в истории человеческого мышления, но и в формировании мышления отдельного человека познание предметов, как относительно постоянных и неизменных, предшествует познанию их как процессов, как развивающихся и изменяющихся. Такой же параллелизм между историей и процессом индивидуального умственного развития существует в движении познания от внешних, простейших связей и отношений вещей к их внутренним, существенным связям и отношениям, и т. д. Такова закономерность как исторического, так и логического развития мышления. Эта закономерность дает ключ к объяснению места и роли формальной логики в умственном развитии человека.

Формальная логика — важный и неотъемлемый элемент воспитания логического мышления человека на той ступени его умственного развития, когда он способен воспринимать окружающий его мир лишь как мир тождественных, разделенных вещей. Подобно тому, как бесполезно было бы учащимся средней школы преподносить высшую математику, столь же неоправданным было бы и стремление сразу воспитывать их мышление в духе диалектической логики. Дети не способны понять вещи как единство противоположных сторон и свойств, как тождество бытия и небытия — это не совпадает с их непосредственными восприятиями и с их ограниченной практикой. В одном из своих романов Л. Фейхтвангер делает тонкое замечание о своем герое, который в детстве испытывал муку из-за того, что отец его звал «Bube» (мальчик), а мать — «Junge» (малыш). Подобного «раздвоенного» бытия он не выносил. «Считая себя постоянным, — говорит о ребенке исследователь развития

мышления А. Валлон, — он верит в постоянство всего. Каждое из его представлений имеет нечто абсолютное и статическое» [1].

Формальная, «рассудочная» логика есть поэтому необходимый и закономерный этап в умственном формировании человека, подготовляющий его к усвоению более сложной, — «разумной», диалектической логики. Это и имел в виду В. И. Ленин, когда он высказывал мысль о том, что в средней школе нужно ограничиться формальной логикой, сделав к ней некоторые «поправки».

Таким образом, «антиномия» формальной и диалектической логики вполне разрешима, но разрешима лишь с точки зрения высшей ступени в развитии логической науки, достигнутой в лице диалектической логики.

---

[1] *А. Валлон,* От действия к мысли, М., 1956, стр. 203.

ГЛАВА III

ЗАКОНЫ ДИАЛЕКТИКИ КАК ЗАКОНЫ ПОЗНАНИЯ

Совпадение диалектических законов объективного мира и познания. Специфические законы познания

Новые задачи, стоящие перед диалектической логикой по сравнению с формальной логикой, не могут быть решены на базе формально-логических законов мышления. Чтобы выразить объективную логику движения в логике понятий, суждений, умозаключений, мышление должно основываться на иных законах — на законах диалектического развития, какими являются наиболее общие законы материалистической диалектики.

В. И. Ленин, характеризуя диалектическую логику, анализирует в виде основных черт последней законы диалектики. В «Философских тетрадях» он особо подчеркивает мысль, что диалектические законы и категории суть законы и категории познания, логики. Он подвергает критике Плеханова за непонимание этой важнейшей стороны диалектики, доказывая, что это не просто сторона, а суть материалистической диалектики [1]. Ленин упрекал Плеханова за невнимание и игнорирование им наиболее существенного закона диалектики — единства и борьбы противоположностей — как закона познания: «Тождество противоположностей, — писал он, — берется как сумма *примеров*.., а не как *закон познания* (*и* закон объективного мира)» [2].

Из этих положений видно, что, во-первых, диалектический материализм рассматривает законы познания,

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 38, стр. 360.
[2] Там же, стр. 357.

законы логики в неразрывной связи с законами объективного мира и, во-вторых, что основными законами диалектической логики являются наиболее общие законы развития, исследуемые марксистской диалектикой и обобщающие как процессы развития объективного мира, так и мышления. Это, конечно, не исключает того, что познание имеет и свои специфические законы, о чем будет сказано дальше.

Положение о единстве наиболее общих законов развития реального мира и законов познания вызывает у представителей современной идеалистической логики — особенно у сторонников субъективно-идеалистических направлений — пароксизм гнева. Субъективисты не могут представить себе, чтобы наиболее общие законы бытия могли быть одновременно и законами познания, мышления. Это и понятно, ибо они отделяют барьером объективный мир и мышление.

Исходные принципы для решения вопроса о единстве законов бытия и познания были сформулированы Энгельсом. Показывая различие между идеалистической диалектикой, для которой объективный мир и его движение есть отблеск и результат развития понятия, и материалистической диалектикой, рассматривающей познание как отражение действительности, Энгельс писал, что только вторая давала реальный базис для научного познания. «Диалектика сводилась этим к науке об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления: два ряда законов, которые по сути дела тождественны, а по своему выражению различны лишь постольку, что человеческая голова может применять их сознательно, между тем как в природе — до сих пор большей частью и в человеческой истории — они пролагают себе дорогу бессознательно, в форме внешней необходимости, среди бесконечного ряда кажущихся случайностей. Таким образом, диалектика понятий сама становилась лишь сознательным отражением диалектического движения действительного мира» [1].

Высказав принципиальное положение о соотношении законов действительности и законов познания, Энгельс в своих работах исследует это соотношение на примере

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения в двух томах, т. II, Госполитиздат, М., 1955, стр. 367.

отдельных законов и категорий диалектики, в частности закона единства и борьбы противоположностей. Критикуя, например, метафизические представления, согласно которым понятия причины и следствия, тождества и различия, видимости и сущности и т. д. суть неподвижные противоположности, Энгельс доказывает в «Диалектике природы», что на деле «в определенной точке один полюс превращается в другой» и что вообще «вся логика развертывается только лишь из этих движущихся вперед противоположностей»[1]. Подобные же мысли Энгельс высказывает в других работах.

Современные идеалисты нападают на эти мысли Энгельса о единстве, тождестве диалектических законов объективного мира и познания. С. Хук в качестве главного возражения выдвигает положение о том, что Энгельс-де из логических категорий создает «физическое отношение», превращает логику в придаток физики, что у него «утверждения логики имеют такой же экзистенциональный характер, какой имеют утверждения физики»[2].

Уже на основании вышеприведенной цитаты из Энгельса видно, насколько безоснователен упрек Хука в том, будто Энгельс считает, что утверждения логики имеют «такой же» экзистенциональный характер как и утверждения физики. Энгельс ведь специально оговаривает, что два ряда законов — наиболее общие законы объективного мира и законы познания — «по сути дела тождественны, а по своему выражению различны». Он далее показывает, в чем это различие. В отличие от законов действительности, существующих независимо от сознания и воли людей, законы познания, логические законы существуют в сознании, как отражение законов объективного мира. Первые суть законы материального мира, вторые — это законы отражения материального, т. е. законы, с помощью которых материальный мир познается, переплавляется в законы и категории отражения в мозгу человека объективно существующей природы. Следовательно, согласно Энгельсу, как и вообще с точки зрения марксизма, различие между двумя рядами законов существует, и это важное различие.

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, стр. 159.

[2] *S. Hook*, Dialectical Materialism and Scientific Method, 1955, p. 7.

Субъективные идеалисты противопоставляют эти законы, они абсолютизируют различие между ними для того, чтобы отвергнуть всякое их сходство, мысль же о тождестве их по сути дела воспринимается ими как покушение на «святая святых» логики и теории познания. Хук полагает, что такое отождествление ведет к тому, что логические связи и отношения превращаются в физические связи и отношения. Мы уже разъяснили, что это — недоразумение. Оттого, что мы высказываем какое-либо логическое суждение или оперируем в мыслях той или иной логической категорией, никакого «физического отношения» в мире не возникает. Хук, например, высказывает суждение о том, что в вещах нет противоречий. Но никакими логическими заклинаниями невозможно очистить реальные вещи от противоречий прежде всего потому, что логические отношения не создают физических отношений.

Поэтому вопрос о взаимосвязи указанных двух рядов законов сводится к следующему: отражает ли наше сознание объективный мир или оно произвольно конструирует свои понятия о нем? Если дать отрицательный ответ на первый вопрос, то тогда, конечно, мысль о тождественности законов развития мира и законов познания неизбежно покажется кощунственной. Если же стоять на материалистических позициях, т. е. на позициях современной науки, то положение о тождественности этих законов по их существу, по их содержанию должно быть воспринято как нечто само собой разумеющееся.

Иначе говоря, так как логика наших мыслей, идеи, теории лишь постольку истинны, поскольку они воспроизводят реально существующие вещи и их отношения, их объективные законы, то познание должно опираться на законы самого реального мира и сделать их собственными законами, законами логики. Если, скажем, всем вещам и процессам свойственны внутренние противоречия, если это объективный закон природы, то познание должно им руководствоваться и направлять наше мышление на раскрытие этих противоречий. Это и значит, что закон объективного мира — закон развития через противоречия — есть одновременно и закон познания, логический закон.

Сознательно фальсифицируя марксизм, С. Хук утверждает, будто согласно марксизму любой физический закон есть логический закон и тем самым логика становится придатком, частью физики. Если логика, заявляет он, только часть физики, тогда логические утверждения не могут заключать в себе свойства универсальности и необходимости, которые марксизм им приписывает.

Конечно, никогда марксисты не утверждали, что логика есть «часть физики». Положение марксистской философии о единстве, тождественности вышеуказанных двух рядов законов нисколько не означает, что физический закон есть логический закон или наоборот.

Когда марксисты говорят о тождестве законов объективного мира и законов познания, логики, то они имеют в виду не специфические законы какой-либо науки — физики или другой области знания, — а *наиболее общие* законы развития природы, действующие всюду. Существуют ли такие законы? Да, существуют, это наиболее общие законы развития любой формы материи, исследуемые материалистической диалектикой, общие законы развития природы, общества и мышления. Таковы основные законы диалектики: законы единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные, отрицания отрицания, а также ряд категорий: содержания и формы, причины и следствия, возможности и действительности, необходимости и случайности и т. д.

Эти законы именно в силу своей *всеобщности,* т. е. в силу того, что они действуют всюду, в любой сфере объективного мира, выступают в качестве логических законов мышления, законов познания. *Всеобщность* есть та главная черта, которая объясняет нам, почему эти законы объективного мира являются одновременно и законами познания, законами логического мышления.

Иногда в марксистской литературе высказывается мысль о том, что недостаточно определять законы и категории диалектики как наиболее общие законы, так как это-де чисто количественная характеристика, что для полноты их определения нужно о них говорить как о логических формах мышления. Такое утверждение основано на недоразумении. Всеобщность законов и категорий диалектики не количественная, а *качественная* характеристика, та их особенность, которая отличает эти

законы от законов любой другой науки. Их всеобщий характер, т. е. то обстоятельство, что они своим действием охватывают *все* явления объективного мира, выделяет их из ряда других законов в группу качественно особых законов. Здесь количественные изменения переходят в качественные.

В самом деле, почему было бы неверным отождествлять физический, биологический, экономический или любой другой частный закон с законом познания? Да потому, что подобные законы не имеют *всеобщего* характера и постольку они не могут быть формами и законами исследования, последние по своему существу должны иметь общее значение и быть применимы к анализу любой сферы действительности. Отсюда ясен ответ и на вопрос, почему в качестве законов познания выступают наиболее общие законы развития. Так как эти законы проявляются всюду, то наше мышление не может дать адекватной картины реального мира, не мысля этими законами и категориями. В любом процессе мы обнаруживаем и внутренние противоречия, и переход количественных изменений в качественные, и взаимосвязь содержания и формы, необходимости и случайности и т. д. Однако не только в силу всеобщности законов диалектики они являются также и законами познания, логики. Законы диалектики выражают не просто всеобщие, а *существенные* всеобщие стороны реального мира. Всеобщность и существенность и делает их логическими законами и формами мышления.

Познание — это процесс отражения внешнего мира, оно невозможно без логических категорий. Чтобы истинно мыслить, логические категории должны быть отражениями реальной природы. Нет поэтому ничего сверхъестественного в том, что законы мышления и законы природы совпадают, связаны друг с другом, тождественны по содержанию. Энгельс указывает, что тот факт, что «мышление и бытие, законы мышления и законы природы до такой степени согласуются между собой», может показаться чрезвычайно удивительным только тогда, когда законы мышления заранее противопоставляют бытию, природе. Но если поставить вопрос: «что же такое мышление и сознание, откуда они берутся, то мы увидим, что они — продукты человеческого мозга и что сам человек — продукт природы, развившийся в извест-

ной природной обстановке и вместе с ней. Само собой разумеется в силу этого, что продукты человеческого мозга, являющиеся в последнем счете тоже продуктами природы, не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей» [1].

Тем и гениальна была постановка вопроса о категориях уже у Аристотеля, что он рассматривал их как отражения разных сторон, родов бытия. Не понятие, говорил он, причина вещи, а вещь представляется причиной истинности соответственного понятия [2].

Тождественность, совпадение по существу наиболее общих законов и категорий бытия и основных логических законов, логических форм мышления нельзя представлять метафизически, как нечто данное, готовое. В действительности это процесс, результат длительного исторического развития познания, выработки форм познания в итоге противоречивого взаимодействия между субъектом и объектом. Этот процесс «сближения» законов бытия и законов логики продолжается и сейчас. Развитие самого учения о логических законах мышления может служить ярким примером этого процесса развивающегося единства, совпадения двух рядов законов. И в формальной логике это единство уже имеет место, но ее законы мышления еще не адекватны общим законам бытия, они отражают их односторонне, неполно, узко. Диалектическая логика есть следующий этап на пути сближения, совпадения законов логики и общих законов объективного мира. Законы диалектической логики отражают последние несравненно более полно, глубже, всестороннее, адекватнее.

Познание это отражение объекта, объективно существующих явлений в мозгу субъекта, человека. Субъект и объект представляют собой противоположности, находящиеся в неразрывной связи, в единстве. Отношение между субъектом и объектом чрезвычайно важно проанализировать, поскольку они объясняют причины: а) тождественности, совпадения наиболее общих законов бытия и познания, б) диалектического характера этого совпадения, возникающего в результате исторического процесса преодоления противоречий между ними и

[1] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, стр. 34.
[2] См. *Аристотель*, Категории, стр. 45.

в) существования наряду с общими, тождественными законами специфических законов познания, мышления.

Что касается первого из этих вопросов, то он нами уже выяснен и связь его с проблемой субъекта и объекта очевидна. Субъект сам есть часть природы, т. е. объекта, исторически выделившийся из нее и существующий лишь в неразрывной связи с природными условиями. Чтобы существовать, субъект должен познать законы природы; и так как наиболее общие законы объективного мира проявляются всюду, то они становятся законами мыслительной деятельности субъекта. Иными словами, тождественность этих законов бытия и познания вытекает из единства объекта и субъекта.

Вместе с тем, хотя субъект — продукт природы, он, выделившись и развившись из нее, становится относительно самостоятельной сущностью, не только связанной с объектом, но и противоположной ему. Главное в этой противоположности то, что субъект может существовать и развиваться, лишь изменяя объект, природу, подчиняя ее своим нуждам. В процессе активного воздействия человека на природу происходит постепенное преодоление противоречия между силами природы, объекта и субъекта, хотя, разумеется, полностью это противоречие никогда не будет исчерпано. Познание есть важная и неотъемлемая сторона активного воздействия субъекта на объект в целях преодоления указанного противоречия. В аспекте познания противоречие между субъектом и объектом преодолевается путем все большего совпадения мысли с объектом, с его законами [1]. И так как это противоречие не может быть сразу и практически никогда не будет преодолено, то совпадение мысли с объектом, приближение ее к нему есть *исторический процесс,* имеющий свои стадии, ступени развития, зависящий от существующих условий.

Исторический характер познания относится не только к развитию конкретных наук, но и к логике. Законы и категории логического мышления также историчны, поскольку они не сразу постигаются, а в процессе углубле-

---

[1] Совпадение мысли с объектом в данном случае рассматривается не только в смысле тождественности законов бытия и познания, но и развития истины, углубления наших представлений об объективном мире.

ния наших знаний о природе, поскольку изменение реального мира требует их совершенствования, углубления, конкретизации.

Даже попытки опровергнуть, отбросить, объявить устаревшими некоторые общие философские категории, как, например, материи, причинности и т. п., предпринимаемые иными учеными в условиях современного развития науки, свидетельствуют об историческом характере этих категорий. Конечно, эти попытки основаны на заблуждении и сознательно подогреваются противниками материалистического мировоззрения, но они имеют и гносеологические корни, заключающиеся в том, что развитие наших представлений о природе, хотя и не может привести к устранению подобные философские категории, но требует их дальнейшего анализа в свете новейших достижений науки. Это можно показать на примере категории противоречия. Подобно многим другим категориям, она возникла в глубокой древности как отражение бросающихся в глаза уже при поверхностном взгляде на природу многочисленных противоречий. Но какие сложные исторические метаморфозы она претерпела в силу исторически необходимого процесса развития познания!

В древности эта категория получила наиболее глубокую трактовку у Гераклита. Древнегреческий диалектик сумел не столько, разумеется, вследствие высокого развития науки, сколько в силу гениальной догадки, проникнуть в сущность вещей и указать на их внутренне противоречивый характер. В дальнейшем (уже у Аристотеля) была отвергнута такая трактовка и в течение огромного исторического периода противоречия истолковывались в духе разделения, абсолютизации противоположностей, отрицались внутренние противоречия. Это было отрицание диалектики Гераклита, но отрицание исторически закономерное, так как законы движения познания требовали разделения, рассмотрения противоположностей вне их взаимного соприкосновения; без этого невозможны были бы последующие успехи науки. В новое время сначала у Гегеля в идеалистической форме, а затем у Маркса и Энгельса в последовательно научной форме совершается как бы возврат к Гераклиту в понимании этой категории, но возврат на основе великих достижений науки. В марксистской философии эта кате-

гория достигла своего наиболее полного развития и научного выражения, адекватного по своему содержанию закону самой объективной действительности. Это стало возможно благодаря определенным историческим условиям, благодаря тому, что марксистская трактовка этой, как и прочих логических категорий, была *итогом, выводом* из истории познания.

Однако закончилось ли на этом историческое развитие данной категории, хотя в марксистской философии она «совпала» с объективным законом самой действительности? Враги марксизма обвиняют современных марксистов в том, что они изменяют диалектике, отрицая в развитии социалистического общества непримиримые антагонистические противоречия, признавая новые, неантагонистические противоречия и соответствующие им формы разрешения. Никакой «измены» диалектике, конечно, нет, а есть дальнейшее развитие и конкретизация категории противоречия под влиянием новых исторических условий общественного развития. Буржуазные философы полагают, что «трагические» противоречия, свойственные антагонистическому обществу, вечны и несокрушимы, и вследствие этого они выражаются в некоей неподвижной категории противоречия.

В действительности в новых исторических условиях эта категория получила свое дальнейшее развитие на опыте строительства социалистического общества, где антагонистические противоречия раз и навсегда разрешены, но остались неантагонистические противоречия. Этим последним свойственны новые формы развития и разрешения, что, конечно, нисколько не отменяет сущности закона единства и борьбы противоположностей, который только модифицируется в этих новых исторических условиях.

Постоянное возникновение и преодоление противоречий между развивающимся объектом (т. е. предметом познания) и субъектом (т. е. субъектом познания) есть закон развития мышления. Этот процесс и служит основой и источником исторического движения познания. Поэтому было бы ошибкой принимать тождественность законов бытия и законов познания как мертвое, неподвижное, непротиворечивое тождество. Как мы видим, тождественность, согласованность этих двух рядов законов достигается *в процессе исторического развития*

познания и сохраняется лишь благодаря непрерывному движению познания, преодолевающему возникающие между субъектом и объектом противоречия с тем, чтобы открыть путь новым противоречиям, которые в свою очередь будут разрешены и т. д.

Из противоречивого отношения между объектом и субъектом, обусловливающего исторический характер познания, следует и вывод о том, что наряду с общими законами для бытия и познания существуют и *специфические* законы и категории мысли. Мы их называем специфическими потому, что они, хотя и направлены на познание объективной действительности, но не имеют, подобно, например, закону единства и борьбы противоположностей, непосредственного аналога в действительности. Они являются общими законами всякого познания, но не самого объективного мира. Таковы законы движения познания от чувственного к рациональному, абстрактному и от него к практике, развития познания от явления к сущности, законы, определяющие взаимосвязь и взаимодействие анализа и синтеза, индукции и дедукции и другие способы исследования, таковы специфические категории познания — абсолютная, относительная истина, объективная истина и т. д.

Эти законы и категории возникли в процессе исторического развития познания и отражают сложный характер преобразования в человеческом мозгу материального (объективного) в идеальное (субъективное). Исторический процесс развития познания порождает относительно самостоятельную логику движения мысли, имеющую свои законы. Эти законы возникают и действуют в качестве тех сил, которые направляют движение мысли по пути все более глубокого познания действительности. Они вытекают из сущности самого познания, из природы умственной организации человека. Познание, например, не может сразу проникнуть в сущность вещей. Оно начинается с представления о внешних особенностях и от них переходит к скрытой за внешней оболочкой основе, сущности вещей. Таков закон как исторического, так и логического развития познания. Это — специфический закон познания, ибо он выражает природу познания, логику его движения.

Развитие познания, его логика находятся также в тесной зависимости от накопленного материала, от достиг-

нутого уровня знаний. Этот материал, исторически достигнутый уровень знаний определяют дальнейшее движение мысли, и никакая внешняя сила сама по себе не способна ускорить процесс познания, если отсутствует необходимый мыслительный материал, т. е. если нет необходимых условий для развития познания.

Наконец, что особенно важно, познание есть сложный процесс деятельности субъекта, преодолевающего противоречие с объектом путем активного мыслительного преобразования данных объективного мира. В этом состоит один из важнейших аспектов развития противоречия между субъектом и объектом. Противоречие это заключается в том, что реальный мир непосредственно не выражает своей действительной сущности, и если бы субъект воспринимал его лишь в этом виде, то он никогда не приблизился бы к истине. Только переход от непосредственного восприятия к опосредствованному познанию мира дает нам истину. Следовательно, для того чтобы преодолеть противоречие между объектом и субъектом, последний должен преобразовывать данные действительности в такие идеальные, субъективные образы, которые способны вскрыть внутреннюю, скрытую основу вещей [1].

Преобразование это не произвольно. Оно имеет свои объективные законы, которые также являются специфическими законами познания. Таков, например, закон преобразования конкретного в абстрактное и абстрактного в конкретное. Чтобы вскрыть сущность явлений, познание должно отойти от конкретного восприятия действительности и путем анализа и обобщения образовать абстрактные понятия, отражающие то существенно общее, что свойственно им. Затем оно с помощью синтеза осуществляет обратный процесс преобразования абстрактного в конкретное, осознанное уже в единстве своих многочисленных определений. Огромную роль при этом играет обращение к практике, к эксперименту, с помощью которых проверяются добытые познанием результаты и находятся новые данные для дальнейшего

[1] Эту сущность познания Маркс определил в I томе «Капитала», указав, что для него «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и *преобразованное в ней*» (*К. Маркс*, Капитал, т. I, Госполитиздат, М., 1955, стр. 19 (курсив мой. — *М. Р.*)).

развития познания. Связь познания с практикой — один из важнейших законов познания.

В задачу настоящей главы не входит изложение специфических законов познания, так как некоторые из них будут изложены в специальных главах, а к другим мы неоднократно будем прибегать при изложении конкретных вопросов диалектической логики. Здесь достаточно указать на их существование и роль.

Различая специфические законы познания и наиболее общие законы, действующие как в объективном мире, так и в развитии познания, было бы неправильно не учитывать их внутренней, неразрывной связи. Поскольку законы материалистической диалектики объясняют наиболее общие, действующие в природе, обществе и мышлении принципы развития, они являются основными законами диалектической логики, основными законами познания. Специфические законы логики сами насквозь диалектичны и представляют собой проявление этих общих диалектических законов. Ни один специфический закон познания невозможно понять, если не исходить из общей диалектической теории развития. Например, категории относительной и абсолютной истины, анализа и синтеза, индукции и дедукции суть специфические категории познания, но не применяя к ним закон единства противоположностей невозможно понять их взаимоотношения, их тождества и различия, их переходы в свою противоположность и т. п. В этом единстве специфических законов познания с наиболее общими законами развития сказывается неразрывная связь мышления с природой.

Основные законы диалектики — это такой же фундамент диалектической логики, каким для формальной логики являются законы тождества, противоречия и исключенного третьего. На них держится все здание диалектической логики и изложение их как законов познания, законов диалектической логики должно быть предпослано всему остальному.

Основные законы диалектической логики

Движение мысли и ее форм — понятий, суждений, умозаключений подчиняется законам диалектики в двояком смысле: 1) как формы отражения действитель-

ности понятия, суждения и т. п. представляют собой воспроизведение в сознании диалектической природы вещей и лишь постольку истинны, поскольку соответствуют этой диалектической сущности реального мира; 2) само познание, его специфические закономерности, под которыми мы понимаем закономерности, относящиеся не к действительности непосредственно, а к характеру и способам движения познания к истине, также диалектичны и представляют собой формы проявления и конкретизацию общих законов диалектики в области мышления.

В настоящей главе эти вопросы рассматриваются лишь в общей форме, так как в дальнейшем в связи с конкретным анализом различных форм мышления в диалектической логике они станут специальным объектом исследования. Здесь эти вопросы рассматриваются лишь с целью доказательства тезиса о том, что законы и категории диалектики — основа и фундамент диалектической логики. При этом мы выделим лишь несколько, на наш взгляд, наиболее важных аспектов этого тезиса. Мы рассмотрим сначала познание как движение, как процесс развития, а затем значение основных законов диалектики для понимания его развития.

Познание истины как диалектический процесс развития. Познание не представляет исключения из общего великого принципа развития, изменения, которому подчинено все окружающее человека и в том числе он сам. Природа, частью и высшим созданием которой является человек, находится в состоянии вечного развития и изменения. Любое явление в природе может быть понято лишь как история, как то, что претерпевает сложные процессы изменений и превращений, эволюционируя от одних форм и состояний к другим. Это в полной мере относится к человеку и человеческому познанию. Подобно тому как движение, развитие есть форма существования материи, подобно этому и познание существует лишь в движении, благодаря движению. *Развитие — форма существования мысли, познания.*

В подходе к познанию существует важное различие между формальной и диалектической логикой. Формальная логика имеет дело с готовыми истинами, сопоставляя их друг с другом, выводя одну из другой, она оставляет в стороне вопрос о том, как движется познание

истины, каковы законы этого движения. Если для целей формальной логики это вполне правомерно, то было бы неправильным ограничивать этим задачу логики и полагать, что исследование движения познания и законов этого движения не входит в компетенцию логики.

Некоторые исследователи пытаются разграничить познание истины от самой истины. Первое-де есть процесс, второе же — т. е. сама истина — неизменно. Такое противопоставление ошибочно, ибо не только познание истины есть процесс, но и сама истина подвергается изменению и в этом смысле она должна рассматриваться как процесс. Правда, в таких простых истинах, как «Наполеон умер 5 мая 1821 г.», изменения мы не обнаружим, они абсолютны. Но значительно сложнее обстоит дело с научными истинами. До недавнего времени такие положения, как «сумма углов треугольника равна двум прямым» или «прямая — это кратчайшая линия, пролегающая между двумя точками», принимались за неизменные истины, но теперь никто не станет настаивать на их абсолютности и неизменности. Точно также вряд ли кто станет теперь утверждать, что бывшее в свое время истинным положение Маркса и Энгельса об одновременности победы социализма во всех цивилизованных странах остается таким же и в современных условиях, что эта истина не претерпела изменений.

Если бы логика имела дело только с абсолютно истинными или абсолютно ложными понятиями и суждениями, то она обрекла бы себя на пассивное созерцание того, как наука ищет истину и не помогала бы ей. Формальная логика не занимается тем, какими путями познается истина. Она интересуется готовыми истинами, конечными пунктами знания, на которых обозначено: «абсолютная истина». Вот тогда она указывает науке, как отделить ложное от истинного, как вывести одну истину из другой и т. д.

Как подходит к проблеме истинности или ложности высказываний, например, математическая логика? Всякое предложение, о котором можно сказать, что оно истинно или ложно, есть высказывание. В логике высказывания не анализируется внутренний состав предложения, она имеет дело с отношениями между предложениями в целом. Истинность или ложность суждения зависит лишь от истинности или ложности связываемых

высказываний. При этом последние подразделяются на истинные или ложные. Высказывание не может быть одновременно и истинным и ложным, т. е. здесь нет *движения* истины, математическая логика не может оперировать относительными истинами, их развитием в абсолютную истину. Уже в этом сказывается ограниченность подхода математической логики к проблеме истины. Она оперирует готовыми истинами, но не исследует процесса становления истины. Это не входит в ее задачу. На вопрос об истинности того или иного высказывания она отвечает по принципу либо «да», либо «нет».

В математической логике существуют различные способы исчисления истинности, как, например, формально-дедуктивное, или аксиоматическое, матричное, или табличное. Рассмотрим вкратце как происходит исчисление истинности согласно последнему способу. Допустим, есть высказывание X, которое либо истинно *(и)*, либо ложно *(л)*. Тогда таблица истинности будет выглядеть так:

X	X
и	*л*
л	*и*

Иначе говоря, исчисление показывает, что возможны два случая: 1) положение о том, что высказывание X истинно, а противоположное ему высказывание $\overline{X}$ *(не-X)* ложно; 2) положение о том, что высказывание X ложно, а противоположное ему высказывание $\overline{X}$ *(не-X)* истинно. Этим исчерпываются все возможные комбинации исчисления истинности данного высказывания.

Если мы имеем дело не с одним, а с двумя высказываниями X, $У$, то и таблица соответственно усложнится. Каждое из этих двух высказываний опять-таки должно удовлетворять требованию быть либо истинным, либо ложным. В таком случае таблица истинности будет выглядеть так:

X	$У$
и	*и*
и	*л*
л	*и*
л	*л*

Иначе говоря, здесь возможны уже не два, а четыре случая: 1) оба высказывания истинны, 2) первое высказывание истинно, второе ложно, 3) первое ложно, второе истинно и 4) оба высказывания ложны.

Эти простейшие примеры показывают, что и в современной формальной логике, усвоившей результаты развития математической логики, истины принимаются как *готовые*. Она оперирует высказываниями, которые характеризуются чертой абсолютности, будучи либо истинными, либо ложными. Новые высказывания, заключения выводятся из сопоставления готовых истин путем умственных операций.

Но как быть тогда, когда наука оперирует относительными истинами? Ведь путь к абсолютной истине лежит через относительные истины, через освоение все нового и более богатого опыта по овладению силами природы. Несмотря на то что наука накопила уже много зерен абсолютной истины, на которые она опирается в своих дальнейших поисках, она находится на тех самых переходных ступенях, которые ведут к абсолютной истине, и этот процесс движения человеческого знания практически безграничен. Можно ли подходить к современной квантовой механике, биологической науке о наследственности и многим другим областям человеческого знания только с точки зрения логики готовых истин? В этих науках все находится в состоянии движения, поисков, наряду с важными крупицами абсолютного знания здесь преобладают относительные истины, которые будут в ходе познания углубляться, совершенствоваться, уточняться с помощью более широких и истинных понятий и теорий.

Возникает вопрос, есть ли в этом движении познания от относительного к абсолютному, от неполного и менее глубокого к более полному и глубокому знанию какая-нибудь логика? Определяется ли какими-нибудь законами познания, законами логики такое движение науки, человеческих знаний? Если формальная логика не может указать законы познания, которые можно было бы применять к развивающимся относительным истинам, то это только свидетельствует об ограниченности этой логики. Ведь положение о том, что знание находится в движении от относительных истин к абсолютным,

касается не каких-либо отдельных, отставших областей науки, а науки вообще, любой науки.

В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», рассмотрев всесторонне этот вопрос, делает следующий вывод: «В теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание*, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным» [1].

Здесь В. И. Ленин ставит одну из важнейших *логических* проблем. Поскольку истина познается посредством всего богатого арсенала логических средств и форм мышления: понятий, суждений, умозаключений, гипотез и т. д., то может ли она быть достигнута с помощью неизменных, готовых понятий, суждений и т. п.? Конечно, нет. Сами понятия, суждения, умозаключения претерпевают процесс развития, изменения, углубления и лишь постольку с их помощью познается истина. Все понятия и категории логики, все формы мысли способны быть орудиями научного познания только при условии, если они исследуются диалектически, т. е. в процессе их *движения*, изменения. Такой подход к понятиям и категориям характерен для *диалектической* логики, а не для логики *формальной*. В этом состоит коренное различие между ними. Имея в виду это различие, В. И. Ленин писал: «В старой логике перехода нет, развития (понятий и мышления), нет „*eines inneren notwendigen Zusammenhangs*“ („*внутренней, необходимой связи*“. — *Ред.*)... всех частей и „Übergang'а“ („перехода“. — *Ред.*) одних в другие» [2]. В диалектической же логике главное — это развитие, переходы понятий, мыслей друг в друга.

Мы рассмотрели лишь одну из сторон познания как движения, развития мысли, а именно развитие, переход от относительных истин к абсолютной истине. Но это лишь частица многостороннего и многогранного процесса диалектического развития познания. Познание есть также развитие мысли от явления к сущности, от внешнего к внутреннему, от явления к закону, от случайного к необходимому и т. д.

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 91.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 38, стр. 85.

Словом, ни весь процесс познания, взятый в целом, ни каждую его отдельную часть невозможно исследовать и понять вне общего диалектического принципа развития. Поэтому-то движение, развитие во всем их диалектически понятом богатстве есть *форма, способ* существоваиия мысли и лишь постольку, поскольку мысль, ее логические формы находятся в состоянии движения, развития, они реализуют свою способность познавать мир, быть адекватным отражением действительности.

Процесс развития содержания познания реализуется в движении различных логических форм, в смене и переходе одних форм в другие. Так, например, цепь суждений замыкается образованием понятия как результата познания. Понятие, являясь опорным пунктом познания, в свою очередь дает новые возможности для движения мысли, превращаясь в более глубокие суждения. Последние на определенной ступени переходят в умозаключения, выводы, раздвигающие дальше рамки познания. Понятия, суждения, умозаключения позволяют формулировать научные гипотезы, которые со временем благодаря эксперименту и шире — практике — превращаются в научные теории, в высшую форму научно проверенных законов. Законы науки становятся фундаментом для образования и формулирования новых понятий, суждений и умозаключений, для новых более глубоких гипотез и научных идей и т. д.

Другими словами, познание есть бесконечная цепь круговоротов, метаморфоз форм мысли, каждая из которых составляет звено, подготовляющее следующее звено; и в этой связи различных форм мысли, их переходах осуществляется прогресс содержания мысли, знания объективного мира.

Говоря о мысли как движении, необходимо сказать об историческом подходе к познанию как одном из самых существенных принципов диалектической логики. Принцип историзма — один из важнейших специфических законов познания — будет специально рассмотрен в следующей главе. Формальная логика отвлекается от исторического подхода к познанию, поскольку она оперирует готовыми понятиями и связями между ними. Для диалектической логики, для которой познание существует лишь в форме движения, развития мысли, исто-

ризм выступает как органический элемент ее. История мысли, развития понятий и логических категорий не есть для логики одно лишь *прошлое*, которое вследствие этого следует изучать в исторических пособиях. Марксизм рассматривает историческое развитие мысли как *опыт, практику* человеческого познания, на обобщении которых может и должно строиться современное познание.

Познанию присущи определенные объективные законы. Откуда берутся эти законы? Идеалисты утверждают, что они или конструируются человеческим умом или изначально врождены мысли. Оба эти утверждения не соответствуют действительности. С материалистических позиций они возникают и осознаются под воздействием объективного мира, отражаемого в мозгу человека, в историческом процессе развития отражения, познания природы, в практической деятельности человечества как его фундаменте и основе.

Поэтому нельзя признать обоснованными обвинения некоторых «критиков», упрекающих марксистов за то, что они якобы «подменяют» исследование логики исследованием истории, т. е. истории реальной действительности и истории мысли. Но как можно в логических исследованиях обходить исторический опыт развития человеческого познания? Логическая теория, не опирающаяся на этот опыт и не представляющая собой обобщение, итог, сумму, вывод из этого опыта, лишает себя возможности познать законы мышления во всей их глубине. Ибо движение мысли в отдельном акте познания, по крайней мере во многих случаях, есть не что иное, как сокращенное, сгущенное выражение и воспроизведение исторического процесса развития познания.

Вследствие этого познание может быть понято лишь как развитие, как движение мысли. Оно насыщено богатым историческим содержанием и, выступая в современном виде, сохраняет в «снятом» виде историю познания. Современная логика оказывается диалектически «снятой» логикой исторического развития мышления. А это и значит, что законы мышления должны рассматриваться как законы развития. Развитие, движение познания подчиняется известным законам, этими законами являются законы диалектики.

Закон единства и борьбы противоположностей. Закон единства и борьбы противоположностей является ядром материалистической диалектики. Его значение определяется тем, что он отражает объективно противоречивую природу самих вещей и процессов реального мира. В «борьбе» и переходах противоположностей заключается двигательная сила всякого развития. В настоящее время наука накопила такое множество фактов, подтверждающих истинность этого закона, что его можно отрицать лишь в двух случаях: 1) либо при незнании этих фактов, 2) либо при сознательном игнорировании достижений современной науки.

Теперь даже люди, не разделяющие взглядов марксистской философии, признают всеобщий характер диалектических противоречий. Для примера сошлемся на статью К. Мишера, появившуюся в швейцарском журнале «Dialectica». Автор ее всю жизнь посвятил экспериментальным исследованиям в химико-биологической области. Характерно само название его статьи: «Единство в противоречивости как одна из основ нашего бытия и нашего познания».

Этот ученый заявляет, что весь путь его исследований и экспериментов привел его к выводу, что без принципа единства противоположностей нельзя ничего понять в самой действительности и в науке. В подтверждение он приводит доказательства из современной науки — единство вещества и энергии, положительного и отрицательного электричества, корпускулярных и волновых свойств, материи и сознания или, как он выражается, тела и души и т. д. Он ссылается на многочисленных сторонников этого взгляда, начиная с древних времен до наших дней, включая сюда Маркса и Ленина. В этой статье имеются и неправильные, тенденциозные суждения. Но мы не будем на них останавливаться, ценно в ней признание самого факта наличия противоречий во всех явлениях.

Закон единства противоположностей выражает не субъективное мнение того или иного мыслителя, а противоречивый характер движения, развития объективного мира. Выше было сказано, что все находится в состоянии движения, изменения. Но что такое движение, изменение? Это *внутренне связанное единство* пребывающего и изменяющегося, тождества и различия, покоя и движе-

ния, бытия и небытия, исчезающего и возникающего. Движение, изменение можно уловить, только рассматривая противоречивые стороны его в единстве. Стоит взять только одну сторону его и упустить из виду другую, чтобы движение стало необъяснимым. Если эти две стороны поставить рядом и не рассматривать их как нечто взаимосвязанное, взаимопроникающее, результат будет тот же. Движение, изменение есть такое единство, взаимопроникновение противоположностей, в силу которых нет одной стороны без другой и нет целого без связи обеих сторон. Каждая из сторон противоречия не внешним образом обусловливает свое отрицание (т. е. свою противоположность), а так, что каждая из них содержит в себе другое *как иное самого себя*. Отсюда углубление, усиление, словом, «борьба» противоречий, как деятельная сила движения, развития, как источник *перехода* одного в другое, перехода в свою противоположность.

Важно подчеркнуть здесь, что противоположность есть не всякое, абстрактное «другое», равнодушное по отношению к тому, что отрицается, а, как говорил в таких случаях Гегель, «свое другое» [1]. Единство противоположностей состоит в том, что каждое явление содержит в себе свое иное, свою противоположность, и в силу этого данное явление «выталкивается» за границу своего бытия, оно в известном смысле тождественно с «небытием» (в смысле неизбежности перехода в свою противоположность, в иное качество) [2]. Так, например, органическое есть не просто другое, внешнее по отношению к неорганическому, а суть его собственное другое, диалектическое отрицание самого неорганического, которое в известных условиях порождает органическое, переходит в него как свою противоположность. Чтобы схватить движение, развитие, переход неорганического в органическое, неживого в живое, нужно их рассматривать как единство противоположностей. Без единства бытия и небытия, тождества и различия нет перехода, нет, следовательно, развития, изменения. В этом смысле В. И. Ленин в «Философских тетрадях» определяет единство противоречий как узловые пункты развития.

---

[1] См. *Гегель*, Соч., т. V, стр. 117, 147, 500, 501 и др.

[2] Понятие «небытия» употребляется здесь только в этом смысле, а не как пустота, отсутствие всякого бытия.

Эти последние, пишет Ленин, «представляют из себя единство противоречий, когда бытие и небытие, как исчезающие моменты, совпадают на момент, в данные моменты движения (=техники, истории etc)»[1].

Иначе говоря, бытие, т. е. бытие какого-нибудь предмета, явления, в своем развитии становится тождественным небытию, т. е. доходит до момента самоотрицания. В совпадении бытия и небытия необходимо видеть узловой пункт развития, потому что это наиболее интенсивные моменты всякого прогресса, когда совершается переход одного в другое, изменяется качество существующего. Такова природа всего конечного. Диалектика конечного в том, что природа его бытия это небытие, т. е. переход во что-то другое, иначе оно не было бы конечным.

Единство и переход противоположностей друг в друга есть деятельная основа всесторонней связи и взаимозависимости явлений. То, что рассудочное мышление разделяет и противопоставляет друг другу, отливая все существующее в неподвижные, застывшие формы, в действительности связано между собой множеством переходов. Противоречия — источник и двигательная сила этих переходов. Они связывают вещи и процессы в единый поток, в котором одно в силу присущих ему внутренних различий порождает другое, а это последнее по той же причине в свою очередь служит источником чего-то третьего, и т. д. Если мышление рассматривает тождество и различия, противоречия как абсолютно отличные друг от друга, оно омертвляет действительность и неспособно отразить разнообразия вещей в их связях и переходах. И хотя мышление в таких случаях и видит разнообразие вещей, но представляет его как нечто застывшее, подобно остановившейся киноленте, на которой каждый кадр мертв и неподвижен. На деле же все разнообразие явлений связано воедино, вследствие того что противоречия не разделяют, а объединяют явления диалектическими переходами, «переходами в противоположность».

Поэтому характерная черта диалектической логики это такое движение мысли, которое посредством связи и

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 38, стр. 275.

взаимозависимости, переходов понятий, суждений и т. п. воспроизводит реальные связи вещей.

Наличие в явлении противоречивых сторон выражается в диалектическом понятии *конкретного тождества*. Предметы и явления суть конкретные тождества. Будучи тождественными, они содержат в себе различие, противоречие. Понятие конкретного тождества отражает единство бытия и небытия, тождества и различия, пребывающего и изменяющегося, покоя и движения. Диалектика таким образом разрешила антиномию тождества и различия, покоя и движения, вскрыв их единство, переход, взаимодействие. Развивающееся внутреннее различие переходит в противоположность, тождество разрушается и исчезает, и весь процесс завершается образованием нового явления.

Принцип конкретного тождества в указанном смысле имеет для диалектической логики такое же фундаментальное значение, какое для формальной логики имеет принцип абстрактного тождества, отвлекающегося от развития и изменения. Принцип диалектической логики ориентирует мысль на такие логические определения, которые схватывали бы и выражали внутреннюю противоречивость явлений и процессов, диалектику бытия и небытия, тождества и различия, переход явления в свою противоположность, без этого нельзя представить развитие.

Под этим главным углом зрения диалектическая логика подходит ко всем логическим формам мысли, к их движению. Понятия, суждения, умозаключения тогда истинны, когда они воспроизводят тождество в различии и противоречии и, наоборот, обнаруживают в различии и противоречии их связь и тождество. Формы мышления тогда истинны, когда связь, единство, переходы понятий, суждений и т. п. друг в друга соответствуют единству, взаимопроникновению, переходам, короче, движению объективных противоречий реальной действительности.

Поскольку явления содержат в себе противоречия и развитие осуществляется через противоречия, процесс познания их сводится к тому, чтобы раскрыть эти противоречия и проследить их от начала до конца. Эта задача находит свое отражение на всей структуре и способах познавательного процесса.

Следовательно, закон единства противоположностей есть важнейший закон познания, закон диалектической логики, ибо мышление — это образ, отражение вещи, а вещь представляет собою конкретное тождество, тождество различий и противоречий.

Закон единства противоположностей выступает как закон познания не только потому, что мысль отражает собственные противоречия вещей. Структура самого познания как процесса развития, движения мысли, весь путь познания истины, все специфические способы и приемы, с помощью которых мышление приходит к объективной истине, подчинены закону взаимосвязи и взаимопереходу противоположностей. Здесь невозможно изложить сколько-нибудь полно значение рассматриваемого закона для мышления, ибо это потребовало бы предвосхищения всего того, что говорится в дальнейшем, при анализе конкретных форм мышления. Важно подчеркнуть главный принцип подхода к проблемам познания, который состоит в том, что в области познания нельзя глубоко мыслить, не оперируя противоположностями, разделяя последние непроходимой пропастью, не видя их единства, связи, взаимозависимости, взаимопереходов.

Какую бы сторону или момент процесса познания мы ни рассматривали, мы неизбежно наталкиваемся на противоречия, т. е. на тот факт, что познание развертывается путем соединения противоположных тенденций или приемов, определений и что только через такое движение противоположностей осуществляется движение познания.

Сама природа познания противоречива, поскольку носителем познания является субъект, а предметом познания — объект, т. е. объективный мир. Таким образом, если мы хотим постигнуть сущность мышления и познания, мы должны постоянно иметь в виду противоречие субъекта и объекта, так как без него нет познания. Исторический, равно как и отдельный, процесс познания состоит в том, что это противоречие преодолевается путем практического освоения действительности и углубления нашего знания о ней. Но оно преодолевается на одной ступени, для того чтобы вновь возникнуть на другой, более высокой ступени.

Однако дело не только в том, чтобы учитывать эту природу познания как противоречия и процесса разрешения противоречия между субъектом и объектом. Познание должно быть также понято как переход субъективности в объективность — не в смысле превращения идеального в материальное, а в том смысле, что знание субъекта все больше становится объективным, утрачивая те элементы субъективных представлений, которые не соответствуют реальному миру.

Другой аспект этого противоречивого характера познания — противоречие мира «в себе» и мира «для нас». Ошибка Канта заключалась в том, что, разделяя действительные противоположности — «вещи в себе» и познание их, он не видел органической связи и перехода этих противоположностей, т. е. того, что непознанные «вещи в себе» становятся «вещами для нас», познаваемыми вещами. Он не видел также того, что это соотношение противоположностей изменчиво, ибо с ростом и углублением познания становится все меньше непознанных вещей и все больше познанных. Специфическая форма «борьбы противоположностей» в познании приводит закономерно к этому результату: субъект открывает и делает предметом своей практической деятельности и своего мышления все новые и новые стороны объекта, срывая с них печать таинственности, непознанности.

Этот процесс «борьбы» противоположностей означает, что непрерывно расширяется сфера истины в человеческих знаниях. Но в силу того, что истина достигается в результате подобной «борьбы противоположностей», она сама содержит в себе противоречия. Субъект не может раскрыть сразу и во всей глубине свойства и законы объективного мира. Как было показано выше, это достигается путем движения мысли от относительных истин к абсолютной истине. Отсюда следует, что большинство научных теорий имеет противоречивый характер, будучи единством относительного и абсолютного моментов, т. е. содержа в себе наряду с крупицами абсолютной истины и такие стороны, которые нуждаются в дальнейшем уточнении, углублении. Сколько заблуждений избежали бы многие представители современной науки, если бы эта диалектически противоречивая природа движения мысли к объективной истине была ими

осознана! Все атаки против философского материализма или сомнения, высказываемые по его адресу, в настоящее время основываются у естествоиспытателей главным образом на непонимании сложного противоречивого характера научных истин и процесса их познания.

Исходя из того, что старые представления о материи, господствовавшие до конца XIX в., заменены новыми, буржуазные философы делают вывод о крахе философского материализма. В действительности, как это доказал В. И. Ленин и что остается незыблемым для понимания современного естествознания, старые представления о материи соответствовали тогдашнему историческому уровню знаний, т. е. они были *относительной*, а *не абсолютной* истиной. В этих представлениях были элементы абсолютной истины, но это была далеко не полная и окончательная истина.

Новые важные открытия физики помогли составить более точную картину строения материи. Некоторые прежние представления о ней потерпели крах и были заменены новыми, некоторые же из них сохранились, получив дальнейшую, более глубокую характеристику, соответствующую новым знаниям о материи. В этом и заключается движение от относительных истин к абсолютной, накопление новых крупиц последней. Представления о материи, господствовавшие вплоть до конца XIX в., были «тождеством в различии», т. е. противоречивым единством релятивного и абсолютного моментов знания. Новые знания изменили это противоречивое соотношение в пользу абсолютного момента, хотя, разумеется, логика дальнейшего движения науки о материи развертывается также в этих противоположностях. Философский материализм не только не потерпел ущерба от этих изменений, но, наоборот, еще более укрепил свои позиции, так как он опирается теперь на более точные и глубокие знания о материи.

Чтобы убедиться в том, что игнорирование противоречивой сущности развития познания приводит к абсурдному мнению о крахе материализма, рассмотрим некоторые рассуждения из книги Гейзенберга «Картина природы с точки зрения современной физики». В этой книге есть глава, которая так и называется: «Кризис материалистического воззрения».

Гейзенберг полагает, что первым ударом по материалистическому воззрению было учение об электроне, в котором не материя, а силовое поле приобретает главное значение. Открытие радиоактивности и превращения элементов, на его взгляд, нанесло новый удар по материализму. Однако все же еще можно было полагать, говорит он, что электроны, протоны, нейтроны — последние кирпичи материи, а следовательно, материалистическое воззрение не могло еще быть поколеблено до основания. Гейзенберг серьезно верит — такова сила легенды — в то, что, как он пишет, «для материалистической картины мира важна возможность мыслить мельчайшие строительные кирпичи элементарных частиц как последнюю объективную реальность»[1]. Последним ударом, «разрушившим» материалистический взгляд на природу до конца, было якобы выяснение роли прибора в исследовании, лишившее уже всяких оснований представление о материи как объективной реальности.

Все это построение не выдерживает никакой критики. В действительности открытие электронов, радиоактивности, превращения элементов и т. п. было ступеньками углубления наших знаний о материи, приближения к более полной, абсолютной истине. Диалектический материализм не связывает свои воззрения на материю с представлениями о каких-то последних неизменных кирпичах мироздания. Гейзенберг не различает метафизического, механистического и диалектического материализма. В. И. Ленин еще задолго до открытия превращения «элементарных» частиц утверждал, что электрон так же неисчерпаем, как и атом.

Изменение тех или иных взглядов и теорий и возникновение новых, замена старой картины мира или ряда ее существенных сторон новыми заставляет иных естествоиспытателей бросаться в омут релятивизма. Но познание не может прогрессировать иначе, чем в форме *противоречивого* процесса. Эти ученые видят одну сторону этого процесса — момент относительности, релятивности истин, упуская из виду, что этот момент не существует без своей противоположности — момента абсолютного в истине, что все познание развивается через эти противоположности и их «борьбу».

---

[1] *W. Heisenberg,* Das Naturbild der heutigen Physik, S. 11.

Но как крупный ученый, Гейзенберг не может не быть по существу своих взглядов на природу материалистом. Показывая изменения данных науки о материальных частицах за последние десятилетия, он говорит, что первоначальное представление о 92 неразложимых элементах, из которых складывается все в природе, доставляло ученым много трудных хлопот. Но вскоре были открыты электроны, протоны и нейтроны, и ученые облегченно вздохнули: с тремя частицами легче управиться, чем с несколькими десятками. Однако словно в насмешку над этими настроениями число новооткрытых элементарных частиц продолжало и продолжает расти. Открытие взаимопревращаемости частиц подводит ныне к взгляду, что они есть только различные состояния «одной и той же материи» («ein und derselben Materie»). Но ведь это и есть материализм, причем материализм, основанный на диалектическом принципе изменчивости, превращаемости форм материи. *«Существует только одна единая материя,* — пишет Гейзенберг, — *она может существовать в различных дискретных стационарных состояниях.* Некоторые из них стабильны, это протоны, нейтроны и электроны, многие другие нестабильны»[1].

Гейзенберг вероятно был бы удивлен, узнав, что в книге «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина имеются подобные же рассуждения о материи. Критикуя идеалистическое положение о том, что «материя исчезла», Ленин пишет: «Вместо десятков элементов удается, следовательно, свести физический мир к двум или трем... Естествознание ведет, следовательно, к *«единству материи»*... — вот действительное содержание той фразы об исчезновении материи, о замене материи электричеством и т. д., которая сбивает с толку столь многих»[2].

Естествознание ведет, утверждал диалектический материалист Ленин полвека назад, к единству материи, превращающейся из одних видов в другие, — разве это не то, что доказывает сейчас физика?! Материализм, изгоняемый через одну дверь, входит через другую, и тут ничего не поделаешь.

---

[1] *W. Heisenberg,* Das Naturbild der heutigen Physik, S. 32 (курсив мой. — *М. Р.*).

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, стр. 247.

Таким образом, логика движения мысли через развертывание таких противоположностей, как абсолютное и относительное, пребывающее и изменчивое дает нам истинное знание того, как развивается познание. Игнорирование же этой логики чревато опасными заблуждениями.

Диалектически противоречивый характер имеют и такие полярно противоположные направления и способы исследования, как чувственное и рациональное, рассудочное и разумное, абстрактное и конкретное, анализ и синтез, индукция и дедукция, логическое и историческое и т. д. Взаимосвязь и взаимоотрицание, переход одной противоположности в другую — вот тот закон, который определяет и регулирует отношения между ними. Как будет показано в следующих главах книги, во всех этих способах мы имеем дело с такими противоположностями, взаимопроникновение и переход которых друг в друга есть условие и движущая сила развития познания. Каждый из этих способов существует и имеет значение лишь постольку, поскольку существует его антипод. Если мы отбросим одну сторону противоречия индукции и дедукции, анализа и синтеза, чувственного и рационального и т. п., мы омертвим весь процесс познания. Употребляя в процессе познания один способ, мы подготовляем его переход в другой, в его противоположность. Имея дело с одной из этих противоположностей, необходимо постоянно помнить о другой, ибо любое преувеличение, раздувание какой-либо отдельной стороны познания неизбежно ведет к нарушению гармонии целого, т. е. нормального движения всего процесса познания в целом. Здесь справедливы слова Гераклита о том, что гармония состоит из противоположностей. Не случайно прогресс в развитии способов мышления и познания состоял в том, что в конце концов синтезировалось в единое в качестве неразрывных сторон целого все то, что развивалось, противопоставлялось друг другу как несоединимые противоположности (индукция и дедукция, рациональное и чувственное, анализ и синтез, единичное и общее и т. д.). Сознательное соединение противоположностей — таково одно из решающих требований познания.

Особенно важно для развития познания диалектическое взаимодействие таких противоположностей,

как теория и практика, теория и эксперимент. В неразрывной связи с производственной и иной деятельностью человечества познание находит ту живительную силу, которая быстро движет его вперед, и, наоборот, в теоретических знаниях практическая деятельность людей обретает великую духовную силу, освещающую ей путь, предостерегающую ее от бесконечных блужданий.

Связь теории и практики противоречива: новые практические возможности вступают в противоречие с теми или иными устаревшими положениями науки, требуют пересмотра их. Противоречие это толкает науку вперед. Новый уровень знаний помогает преодолевать ограниченность практики, создавая в свою очередь стимулы для ее более быстрого развития. Так в противоречивом взаимодействии теории и практики создаются благоприятные условия для их совместного поступательного движения.

Далее, поскольку развитие предметов и явлений объективного мира осуществляется через раскрытие, развертывание противоречий, цель познания должна состоять в том, чтобы обнаружить эти противоречия, проследить их от начала до конца. Данная задача обусловливает ход познавательного процесса, указывает принципы его построения. Так, этой задаче подчинена в значительной мере структура «Капитала» Маркса. Каждый этап исследования имеет здесь своей целью анализ конкретных противоречий и форм их развития. Прослеживая, как в процессе развития противоречия разрешаются, Маркс затем переходит к исследованию этих же противоречий в их новом, более глубоком выражении, в их новой форме, возникшей из предыдущих состояний. В «Капитале» Маркса можно обнаружить три таких основных этапа: 1) исследование противоречий простого товарного производства; 2) исследование противоречий капиталистического производства, выросшее из противоречий простого товарного производства, и, наконец, 3) исследование того, как эти противоречия, достигнув высшего, кульминационного пункта развития, разрешаются путем социалистической революции.

Закон перехода количественных изменений в качественные. Этот закон диалектики тесно связан с законом единства и борьбы противоположностей. Развитие противоречий какого-либо явления на известной ступени завершается переходом его в новое качественное состояние. Однако учение о противоречиях, раскрывая источники развития, в том числе и качественных изменений, не исчерпывает тех особых специфических причин и условий развития, которые объясняют процесс качественных изменений предметов. Эта сторона развития отражается в законе перехода количественных изменений в качественные.

Сущность этого закона заключается в том, что медленные количественные изменения, происходящие в предметах, на известной ступени приводят к коренным качественным изменениям. Количественная и качественная стороны явления представляют собой противоположности, находящиеся в единстве. Это их единство составляет «меру» предмета. Когда противоположность указанных двух сторон в предмете обостряется до такой степени, что становится невозможным сохранение меры предмета, последняя разрушается, происходит «переход количества в качество».

Важная черта этого процесса состоит в том, что переход от старого качества к новому происходит скачкообразно, путем скачка. Без скачка никакие количественные изменения не могут дать коренного качественного изменения.

В чем же особенность этого закона как закона познания, закона диалектической логики? В области познания этот закон диалектики ориентирует нас на необходимость исследования количественных и качественных изменений *в единстве,* во взаимодействии, позволяющем понять общий закон перехода одного качества в другое. Методологическое значение этой стороны познания неоценимо. В ней обобщены не только данные самой действительности, но и огромный опыт теоретического и экспериментального исследования реального мира, показывающий, какую огромную роль в познании играют количественный и качественный анализ явлений. Эта сторона познания свидетельствует о невозможности сведения развития к одним количественным процессам, указывает на важность рассмотрения предмета как меры,

в которой определенность качества находится в зависимости от определенного количества, хотя и колеблющегося в тех или иных границах.

Вследствие этого качество, количество, мера являются также важнейшими логическими категориями, вне которых невозможно истинно мыслить о процессах развития, совершающихся в природе, невозможно знание одного из наиболее общих законов всякого развития.

Задача познания — отыскание и исследование конкретных законов природы. Каждая форма движения материи имеет свои специфические законы. Исследовать эти законы возможно, лишь учитывая качественные особенности каждой формы движения, совершенно недопустимо сведéние одних форм движения материи к другим, например высших форм к низшим. Подобное отождествление качественно разнородных форм движения служит источником серьезных заблуждений по кардинальнейшим вопросам современной науки. На этом основании, в частности, покоится широко распространенная среди ряда естествоиспытателей версия о том, что принцип причинности отжил свой век, что он неприменим в мире микрообъектов. Это ошибочное мнение опирается на ложный взгляд, согласно которому специфическая форма причинности, характерная для процессов механического движения, абсолютизируется, считается единственно возможной формой причинности. Но так как с точки зрения такого понимания причинности невозможно объяснить *качественно иные* процессы движения микрочастиц, то отсюда делается вывод об отсутствии причинности, об устарелости принципа детерминизма, об индетерминизме явлений, подчиняющихся статистическим закономерностям, и т. п. В действительности закон причинности, как и любой закон природы, никогда не проявляется и не действует одинаково в *качественно* различных сферах.

Говоря о законе перехода количественных изменений в качественные как *законе познания*, необходимо особенно выделить момент скачка, перерыва непрерывности в развитии. Этот момент чрезвычайно важен для понимания диалектического характера развития познания, законов познания. Все в мире связано переходами — таков принцип развития. Но что такое переход

одного в другое, как он совершается в процессе качественных превращений?

В «Философских тетрадях» В. И. Ленин дает краткий, но исчерпывающий ответ на этот вопрос: «Чем отличается диалектический переход от недиалектического? Скачком. Противоречивостью. Перерывом постепенности. Единством (тождеством) бытия и небытия» [1].

Процесс качественных изменений органически связан с противоречивой сущностью вещей. Будучи единством бытия и небытия, вещи претерпевают качественные изменения: бытие становится небытием, из небытия данной вещи, т. е. из процесса ее изменений, возникает качественно новое бытие. Этот переход, однако, совершается не так, что постепенные количественные изменения сами по себе могут осуществить качественные изменения. В действительности, как бы значительны ни были количественные изменения, они не могут дать перехода одной вещи в другую, они лишь подготовляют его, подводят к нему. Но для перехода от одного качественного состояния к другому требуется *скачок,* перерыв постепенности количественных изменений, образование «узла» в процессе этих изменений. Скачок означает, что возникло некое новое образование, связанное со старым, из которого оно возникло, но вместе с тем несводимое к нему, качественно отличающееся от него.

Эта роль скачка очень важна для правильного понимания развития мышления, познания, для логики движения мысли. Едва ли будет преувеличением сказать, что недиалектическое понимание сущности качественных переходов в процессе познания на протяжении всей истории философии и ныне служит тем камнем, наталкиваясь на который, корабль идеалистической философии терпит крушение.

В области познания и логики недиалектическое понимание качественных переходов вызывает многие неразрешимые трудности. Процесс познания, движения мысли включает в себя, подобно всякому развитию, моменты количественных и качественных изменений. Движение, развитие мысли как в историческом, так и в логическом плане происходит в форме качественных переходов, подготовляемых постепенным накоплением знаний, теорий,

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 38, стр. 279.

фактов, практического опыта. В *историческом* развитии познания это переходы от относительных истин к абсолютной, образование и формулирование все новых и новых понятий, категорий, законов науки, выражающих более высокую ступень познания сущности вещей, переходы от менее общих теорий к более общим, для которых первые теории становятся лишь частным, предельным случаем, и т. д. В *логическом* плане это переходы от чувственной формы познания к рациональной, от живого созерцания к абстрактному мышлению, от единичного к общему, от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, от индукции к дедукции и, наоборот, от анализа к синтезу и от синтеза к анализу. В форме качественных переходов происходит движение от одних логических категорий к другим, от понятий к суждениям, от одних видов суждений к другим и от них к умозаключениям, от менее сложных к более сложным умозаключениям, от гипотез к теориям, от теории к практике и наоборот, и т. д.

Количество этих переходов в логике развития мысли бесконечно. Однако вся трудность в понимании *диалектичности* этих переходов, т. е. того, что переходы эти осуществляются путем скачков.

Переход от одной формы движения мысли к другой нельзя представлять как прибавление еще одного факта или черты, характеризующей вещь. Такое развитие познания было бы чисто количественным процессом. Переход количества в качество в *процессе познания* означает, что на основе изучения, исследования единичного, эмпирического производится обобщение, позволяющее вскрыть *сущность, закон* вещей. Скачок заключается в такой переработке единичного в мышлении, которая сложным путем переплавляет его в общее, т. е. отделяет в нем существенное от несущественного, необходимое от случайного и т. д., находит то, что составляет *единство* многообразных единичных вещей, закон их существования и развития.

Скачок в процессе познания характеризуется следующими важными чертами: 1) мысль переходит от количественного накопления отдельных фактов, данных о предметах к формулированию вывода, понятия о их сущности: это значит, что в движении мысли происходит «перерыв постепенности», т. е. переход на высшую ступень

процесса познания; 2) образуемые таким путем понятия, суждения, умозаключения, научные законы представляют не просто количественно суммированную совокупность знаний об единичном, которую можно свести механически к элементам, из которых они составлены, а *качественно* новое образование, специфическая особенность которого состоит в отражении сущности вещей; 3) в результате этого движения мысли возникают *идеальные* образы вещей, которые, в силу того что они переплавляют единичное в общее и отражают их сущность, *не могут быть* полностью сходными, тождественными с единичным, чувственным.

Из истории философии известно, что переход от единичного к общему, от чувственного к рациональному, от явлений к закону был тем объектом теории познания и логики, который больше всего доставлял философам хлопот и трудностей. Это можно проследить шаг за шагом, начиная с древнейших времен до настоящего времени. Трудность заключалась не в том, чтобы понять, что познание оперирует с единичным и общим, что его цель — открыть общее, т. е. законы. Эта истина осознавалась подавляющим большинством мыслителей. Трудность коренилась в понимании *взаимоотношения* единичного и общего в познании, в *переходе* от одного к другому. Ни с позиций метафизического материализма, ни с позиции идеалистической диалектики Гегеля эту трудность невозможно преодолеть.

Вопрос стоял и стоит так. Единичное и общее, эмпирическое и рациональное, явление и закон — это такие противоположности, которые кажутся несовместимыми. Единичное несходно с общим, выражающим его сущность. Это несходство, различие часто бывает очень резким. Между тем связь между ними существует и *должна* существовать. Это признают представители самых различных философских направлений. Одни считают, что эта связь состоит в том, что мы идем к общему от единичного, и что никакого качественного различия между ними не существует. Другие видят качественное различие между единичным и общим, но полагают, что общее дано человеку заранее какими-то неведомыми способами (интуитивно, априори или как-нибудь еще). Они применяют общее к единичному в виде основополагающих постулатов, которым единичное подсудно.

Здесь, таким образом, связь между ними достигается чисто внешним образом, путем насильственного навязывания общего единичному.

Для первой точки зрения трудность состоит в том, что чисто количественный подход не позволяет понять сложность процесса познания, действительную роль мышления. Сторонники второй точки зрения не в состоянии ответить на вопрос: откуда же берется общее, общие постулаты и почему они навязывают себя миру единичного, эмпирического?

Для материалистов-сенсуалистов XVIII в. общее есть не нечто качественно отличное от чувственных восприятий, а количественная комбинация последних в идеи, понятия. У Спинозы, напротив, опыт дает знание лишь конечных, единичных вещей, модусов, но не субстанции. Последняя познается интуицией. Но перехода от одного к другому у него нет, как нет и перехода от бесконечной неподвижной субстанции к подвижным модусам. И материалисты-сенсуалисты и рационалисты отрицают скачок при переходе от единичного к общему, скачок, связывающий их как ступени единого процесса познания и разделяющий их важной качественной гранью.

В идеалистической философии нового времени метафизическое противопоставление единичного и общего, эмпирического и рационального нашло свое наиболее яркое выражение у Канта. У него единичное отделено стеной от всеобщего. Всеобщее приходит в познание извне, со стороны, оно присуще лишь рассудку и есть абсолютно всеобщее: всеобщность, утверждает Кант, «никогда не зависит от эмпирических и вообще чувственных условий, а всегда от чистого рассудочного понятия» [1].

С тех пор как Кант высказал эту мысль, она в различных вариантах повторяется в качестве фундаментальной идеи в многочисленных концепциях современной субъективно-идеалистической философии. Главная проблема, которую мучительно пытаются как-то решить ее представители, — это проблема двух миров: мира единичного, восприятия, «обыденного здравого смысла» и мира общего, законов науки. Или как формулирует ее Б. Рассел: «почему мы должны верить в то, что утвер-

[1] *И. Кант*, Пролегомены, Соцэкгиз, М.—Л., 1934, стр. 172—173.

ждает наука, но что не подтверждается чувственным восприятием...»[1] С одной стороны, говорят представители этой концепции, невозможно отрицать, что познание не существует без восприятия единичного. Но, с другой стороны, столь же очевидно, что без знания общего восприятия единичного не дают нам правильного представления о мире. С одной стороны, единичное должно быть основанием общего, с другой — общее само должно служить основанием для единичного. Тот «выход» из этого противоречивого положения, который указывается, в действительности является лишь вращением в заколдованном круге. У Рассела, например, этот выход сводится к тому, что общее существует до единичного в виде ряда постулатов, принципов и независимо от него, но само это общее есть лишь «психологическая привычка». Общее связано с единичным тем, что в его основе лежит возникшая в мире восприятий психологическая привычка верить, что вслед за событием *A* наступит *B*. Отсюда всякое познание, по мнению Рассела, имеет лишь проблематический характер, а логика может быть лишь «логикой вероятности». Иначе говоря, проблема решается или, вернее, обходится путем полной субъективизации познания, отрицания его объективного содержания. Это чисто метафизический подход к познанию, которое, согласно этому взгляду, претерпевает лишь количественные изменения. Первобытный дикарь и современный ученый, по Расселу, чуть ли не одинаково могут выражать свои ожидания только в форме вероятности. Преимущество ученого лишь в количестве знаний, «в степени».

Другие представители современного идеализма находят выход из указанного затруднения при решении вопроса о соотношении единичного и общего в том, что по существу отрицают общее, трактуют его в чисто номиналистском смысле, как слово, не имеющее за собой реального содержания.

В основе подобных утверждений, как уже было сказано, лежит непонимание диалектики перехода от ощущения к мысли, от единичного к общему и т. п. Причины, питающие подобные ошибки, следует искать также

---

[1] *Б. Рассел,* Человеческое познание. Его сфера и границы, М., 1957, стр. 197.

в сложности пути, ведущем от одного к другому. Даже те естествоиспытатели, с именами которых связаны крупные исторические вехи в развитии науки, не умея с правильных философских позиций понять диалектический путь познания, приходят к ложным заключениям относительно его природы. А. Эйнштейн, например, однажды высказал мысль, которая очень характерна в этом плане. «Die Unbegreiflichste in der Welt ist, das sie begreiflich ist», — сказал он, т. е. самое непонятное в мире — это то, что он познаваем [1].

Эти слова звучат парадоксально в устах ученого, внесшего огромный вклад в науку. Этот парадокс вызван непониманием, отрицанием логического перехода от эмпирического к рациональному, от единичного к общему и т. д. В своих работах Эйнштейн доказывает, что без чувственных восприятий и общих теоретических принципов невозможны научные познания. Оба эти компонента составляют, на его взгляд, необходимые источники всякой научной теории. Он понимает, что эти составные моменты процесса познания связаны между собой, что они не могут быть разрозненными звеньями целого, познания. Но в чем сущность этой связи, какова ее природа, он не видит. Он даже полагает, будто вообще нет *логического перехода* от чувственного, эмпирического к общему, теоретическим постулатам.

В итоге получается, что, с одной стороны, он подчеркивает, что без эмпирических данных невозможна теория, последняя должна соответствовать этим данным; с другой стороны, общетеоретические принципы, по утверждению Эйнштейна, не абстрагированы, не выведены логическим путем из чувственного мира, явлений природы. Но откуда же берутся эти общетеоретические принципы? Может они априорно даны человеческому рассудку? Эйнштейн, однако, решительно отвергает априорный характер общих теоретических понятий. Если общие понятия и теории не абстрагируются от чувственных данных, и в то же время они должны им соответствовать, то в силу чего они должны соответствовать последним? С этой точки зрения познаваемость мира не объяснима.

---

[1] Цит. по кн.: «Albert Einstein als Philosoph und Naturforscher», S. 185.

В одном из своих выступлений Эйнштейн говорил: «Никто из тех, кто действительно углубился в предмет, не станет отрицать, что мир восприятий практически соответствует теоретической системе, несмотря на то что никакой логический путь не ведет от восприятий к основоположениям теории; это то, что Лейбниц так удачно назвал «предустановленной гармонией»»[1]. Конечно, ссылка на «предустановленную гармонию» была невольным признанием того, что вопрос о процессе познания при указанном подходе рационально разрешить невозможно. Но идеалисты ухватились за подобные утверждения Эйнштейна, чтобы сделать его своим союзником. Его высказывания используются для защиты идеалистического тезиса об отсутствии перехода от эмпирического опыта к теоретическим обобщениям, от единичного к общему, от явлений к сущности и т. п.

Но если разобраться в ходе *рассуждений* Эйнштейна, то увидим, что в них нет идеализма, хотя *выводы*, которые он делает, совершенно неприемлемы. Говоря о том, что нет *логического* перехода от чувственного опыта к теоретическим принципам, он в сущности имеет в виду лишь невозможность *непосредственного, прямого* выведения абстракции из восприятий. Он указывает, что современный ученый-теоретик вынужден при поисках теории руководствоваться чисто математическими исходными данными, «дедуктивными предположениями» и т. п. Он говорит об огромной роли творческой фантазии, воображения при создании обобщающих теорий. «Нельзя порицать теоретика, — заявляет он, — который становится на такой путь, и называть его фантастом; нужно всемерно одобрять его такого рода фантазии, ибо другого пути к цели не дано»[2].

С этим рассуждением нельзя не согласиться, но из него не вытекает ошибочный вывод о том, что нет *логического* перехода от эмпирического к рациональному, от единичного к общему. Из него только видно, что этот переход, «скачок» от одного к другому не прост и не прямолинеен, что он неизбежно включает в себя моменты творческой фантазии, воображения, т. е. то, что Эйн-

---

[1] *A. Einstein*, Mein Weltbild, Amsterdam, 1934, S. 168—169.

[2] Цит. по кн.: «Albert Einstein als Philosoph und Naturforscher», S. 276.

штейн назвал «свободной мыслью», а М. Планк — «игрой мысли», «мыслительным экспериментом» [1].

Закономерность движения мысли от чувственного к рациональному, от ощущений к мысли вовсе не требует при создании новой теории *каждый раз* отправляться непосредственно от чувственного опыта. Да это и не всегда возможно. Несомненно — об этом говорит сам Эйнштейн — при создании, например, общей теории относительности он руководствовался математическими исходными данными, хотя и опытные данные играли здесь свою роль. Все дело в том, что сами эти математические данные стали возможными в результате длительного развития науки, обобщения реальной действительности и чувственного знания о ней. Они являются высшим звеном длинной исторической цепи *логических переходов* от чувственного к рациональному, от единичного к общему, от менее общего к более общему. Исследователь, естественно, может и должен в определенных случаях начать исследование с них, а не с непосредственного опыта. Абстракции, с которых начинает исследователь, могут казаться не связанными с чувственным опытом логическими переходами только тогда, когда не учитывается весь исторический путь, который привел к их образованию. Нельзя вывести подобные абстракции *непосредственно* из эмпирического опыта, но они выводятся *опосредованно,* ибо иного логического пути к ним не существует.

Эйнштейн правильно говорит, что путь мысли от математических аксиом к чувственным восприятиям становится все длиннее и тоньше, но это означает, что мысль в свое время проделала столь же длительный и «тонкий» путь от чувственных восприятий и эмпирического опыта к этим высоким абстракциям. Первое предполагает второе и без него было бы невозможно.

В основе неправильного философского заключения Эйнштейна лежит представление о том, что признание закономерности и логичности перехода от чувственных восприятий к абстракциям якобы исключает признание огромной роли творческой фантазии и «свободной мысли» исследователя. В. И. Ленин, всячески подчеркивая,

---

[1] См. *M. Plansk,* Die Physik im Kampf um die Weltanschauung, Leipzig, 1935, S. 20, и другие его работы.

что «диалектичен не только переход от материи к сознанию, но и от ощущения к мысли», вместе с тем говорил о важной роли фантазии в самой строгой науке [1]. Более того, уже в самом простом обобщении, основанном на логическом переходе, скачке от эмпирического к рациональному, неизбежен элемент фантазии. Например, самое простое понятие «человек» создается при помощи мысленного воображения, фантазии, ибо человека как такового в действительности не существует. Поэтому диалектическая логика находится в полном согласии с опытом науки, свидетельствующим о великой ценности «штурмующей небо фантазии», как выражался М. Планк. Когда тот же Планк говорит, что существует инструмент, не связанный ни с какой границей, присущей самым современным приборам, что это — «полет нашей мысли», когда он заявляет, что мысли «тоньше атомов и электронов, в мыслях мы способны столь же легко расщепить атомное ядро, как и преодолеть космическое пространство в миллионы световых лет» [2], то это в сущности тождественно со словами Маркса о величайшей «силе абстракции» или со словами Ленина о том, что мысль способна охватить то, что не под силу никакому представлению.

Только с точки зрения метафизического материализма переход от ощущения к мысли есть чисто количественный процесс накопления ощущений, чувственных наблюдений и их комбинирования. С точки зрения диалектического материализма, этот переход чрезвычайно сложен, многообразен, он основан на признании огромной активной роли мышления.

В свете диалектического понимания сущности скачка от ощущений к мысли лишаются всякой почвы мистические представления о корнях и истоках общего. Вместе с тем обнаруживается ограниченность тех взглядов, которые принижают общее, работу мышления в целом и сводят ее лишь к количественной группировке ощущений, восприятий. Наконец, снимается мнимая проблема трагически неразрешимого конфликта между миром восприятий единичного и миром общего, научных формул

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Соч., т. 38, стр. 279, 370.

[2] *M. Planck,* Determinismus oder Indeterminismus?, Leipzig, 1948, S. 24.

и законов. Ибо только тот, кто не признает закономерно необходимого диалектического скачка в движении мысли, может требовать, чтобы общее, выраженное, например, в каком-нибудь понятии или математической формуле, было непосредственно сходно с единичным.

С этой точки зрения интересно сопоставить научный, марксистский, и позитивистский подход к понятию закона, так как анализ взглядов современных позитивистов на закон может служить хорошей иллюстрацией того, как игнорирование момента перехода, скачка в процессе познания ведет к обесцениванию этой важнейшей категории науки. Закон, как известно, выражает существенно общее в массе единичных явлений.

Как же понимают эту категорию неопозитивисты? Они не отрицают понятия закона, но дают такую его интерпретацию, что в нем ничего не остается объективного. Наше понимание закона, говорят позитивисты, ничего общего не имеет с таинственными притязаниями старой философии на метафизическую необходимость. Если мы придаем какой-нибудь смысл закону, «то это должно означать только *одно*, что закон разрешает заключения по отношению к будущим восприятиям» [1]. Другими словами, двигаясь, например, путем индукции от наблюдаемых случаев к общему заключению, мы склонны ожидать, что впредь будет так же, как и в наблюдаемых случаях. В этом смысл понятия закона. И в этом якобы заключается вся «антиметафизическая» сущность современного естествознания.

С их точки зрения, понимать закон как обобщение реальной необходимости, присущей самим вещам, — это «метафизика». Позитивисты утверждают, что закон есть суммирование индивидуальных переживаний, позволяющее надеяться, что и в ненаблюдавшихся случаях будет так же, как было в наблюдавшихся ранее случаях. В данном случае мы обращаем внимание не на субъективно-идеалистическую сущность их понимания закона, а на чисто количественную его характеристику: если явление *A* в одном, другом, сотом случаях сопровождалось явлением *B*, то отсюда вероятность того, что и в сто первом случае мы встретимся с той же ситуацией.

---

[1] «Erkenntnis», Erster Band, 1930—1931, S. 67.

Такова же трактовка закона у Рассела. Понятие закона у него также связывается с «ожиданиями, имеющими очень высокую степень внутреннего правдоподобия» [1]. На этом основании, как он сам заявляет, он отказался от того, чтобы в свои основоположения ввести постулат о существовании естественных законов.

Этот же взгляд высказывает и Айер в докладе «Смысл и интенциональность», сделанном на XII Международном философском конгрессе. Подвергая анализу вопрос о смысле предложений, он доказывает, что наиболее обещающей может быть попытка исследовать этот смысл «в терминах веры», т. е. ожидания наступления определенного положения. Но сам же он высказывает роковое для этого взгляда возражение. Доктор может верить, что его действия приведут к выздоровлению больного, но если он невежественен, то результат будет печальным. Используя этот же пример, можно сказать: настоящий врач действует не в духе, как говорит Айер, «некой прагматической формулы „А верит в то, что Р и т. д.“» [2], а на основании знания объективных законов организма. Но в таком случае закон не сведется к «вере» или «ожиданию».

Таким образом, неопозитивистские теории разрушают понятие закона, поскольку они понимают всеобщее чисто количественно, а переход от единичного к общему как вероятную возможность дополнения наблюдаемых случаев новыми ненаблюдаемыми случаями.

Как же подходит к этому вопросу диалектическая логика? Лучше всего это будет видно из следующего рассуждения Энгельса: «Всякое действительное, исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях поднимаем единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность; заключается в том, что мы находим и констатируем бесконечное в конечном, вечное — в преходящем. Но *форма всеобщности есть форма внутренней завершенности* (курсив мой. — *М. Р.*) и тем самым бесконечности; она есть соединение многих конечных вещей в бесконечное. Мы

---

[1] *Б. Рассел,* Человеческое познание. Его сфера и границы, стр. 511.

[2] «Atti del XII Congresso Internazionale di Filosofia» (Venezia, 12—18 Settembre 1958), Firenze, 1958, p. 153 и дальше.

знаем, что хлор и водород под действием света соединяются при известных условиях температуры и давления в хлористоводородный газ, давая взрыв; а раз мы это знаем, то мы знаем также, что это происходит *всегда и повсюду,* где имеются налицо вышеуказанные условия, и совершенно безразлично, произойдет ли это один раз или повторится миллионы раз и на скольких небесных телах. Форма всеобщности в природе — это *закон...*»[1]

Как видим, здесь подход к закону как всеобщности совершенно иной: в познании он постигается в результате перехода от единичного, эмпирического к всеобщему. Но этот переход осуществляется не в виде количественного прибавления не наблюдавшихся ранее случаев, а в виде диалектического скачка, т. е. в форме перехода к всеобщности в ее «внутренней завершенности», что дает возможность формулировать всеобщность как выражение сущности, необходимости, внутренних связей вещей. Поэтому, когда открыта эта всеобщность, уже не имеет значения, сколько новых случаев будет или не будет наблюдаться. *Сущность скачка в познании заключается в том, что достигается такое обобщение, значение которого определяется уже не количеством охваченных в нем случаев, а качеством, т. е. постижением сущности, причины, закона вещей.* Скачок от эмпирического к закону есть качественное изменение в ходе познания. В этом смысле скачок есть узловой пункт в развитии познания. Такими узловыми пунктами являются, например, философские категории или категории и законы конкретных наук, так как в них даны обобщения единичного, схватывающие сущность вещей.

Вся история познания с этой точки зрения представляет собой единый сложный процесс, в котором количественные изменения прерываются скачками, т. е. возникновением новых понятий, категорий, законов и т. п.

Когда Энгельс называет закон формой завершенной всеобщности, то он далек от мысли, что законы познаются сразу и что в дальнейшем ничего невозможно изменить в наших представлениях о них. Он здесь же специально указывает, что процесс познания бесконечен, что наши понятия о конкретных законах уточняются, изменяются, углубляются. Всеобщность как внутрен-

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, стр. 185—186.

нюю завершенность Энгельс соотносит с единичными явлениями, из исследования которых выводятся законы. Само же познание законов бесконечно, и так как эта бесконечность реализуется в смене поколений людей, то, разумеется, ни о какой завершенности познания не может быть речи.

Закон отрицания отрицания. Диалектическое развитие находит свое дальнейшее выражение в законе отрицания отрицания. Этот закон имеет важное значение для понимания основной тенденции, направления развития явлений и тех процессов, которые их обусловливают. Его роль в познании также очень велика, он по праву должен считаться одним из коренных оснований логики процесса познания [1].

Действию закона отрицания отрицания присущи два важных момента: 1) момент диалектического отрицания в процессе развития и 2) момент синтеза отрицающего с отрицаемым, сопровождающегося возвратом к исходному моменту на высшей основе. Обе эти стороны свидетельствуют об органической связи данного закона диалектики с уже рассмотренными законами. Отрицание как момент развития есть результат противоречивой природы вещей. Предмет содержит в себе нечто противоположное своей сущности, иное самого себя, и это иное есть его отрицание, свойственное ему в силу развития, изменения. Предмет как тождество бытия и небытия и означает, что утверждение и отрицание его существования находятся, пользуясь гегелевским выражением, не вне взаимного соприкосновения, а в единстве. Если бы противоположности не находились в единстве, в отношениях взаимопроникновения, то отрицание не выступало бы в качестве закономерного этапа процесса развития, изменения. Оно возникало бы лишь в точках случайного, внешнего соприкосновения двух предметов.

При помощи отрицания реализуется превращение вещи в свою противоположность, т. е. перерыв посте-

---

[1] Догматическое отношение к работе И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме» привело к тому, что закон отрицания отрицания или вовсе выпадал из характеристики материалистической диалектики, или его пытались втиснуть в определение других диалектических законов, как, например, поступал в некоторых своих работах автор настоящих строк. Конечно, это была ошибка, которая должна быть исправлена.

пенности количественных изменений и переход, скачок в новое качество.

Диалектическая природа отрицания заключается в том, что оно «не разрешается в нуль», т. е. в ничто, не способное дать жизнь новому, а есть условие, момент развития. Отрицание есть условие развития, во-первых, потому, что оно уничтожает то, что мешает, тормозит, сковывает дальнейшее развитие, и, во-вторых, потому, что оно удерживает положительное в уничтожаемом, будучи вследствие этого моментом связи различных ступеней развития, источником преемственности между ними.

Однако первым отрицанием не заканчивается развитие. Утверждение и отрицание — две односторонние крайности, которые в дальнейшем развитии снимаются высшей ступенью, представляющей собой синтез всего положительного, содержащегося в них, но синтез не как простое суммирование предыдущего, а как новое качество. В этом новом качестве старое (его положительные элементы) преобразовано и подчинено новому. Эта высшая ступень есть «отрицание отрицания». Вследствие того что второе отрицание отрицает первое, на этой ступени происходит как бы возврат к исходному пункту, с которого началось развитие, воспроизводятся некоторые его черты и свойства. Двойное отрицание ведет к восстановлению на новой, высшей основе этих некоторых особенностей исходного пункта развития.

Благодаря этим процессам развитие, представленное в целом, имеет не прямолинейную, а спиралевидную форму. Самое существенное в законе отрицания отрицания то, что действием этого закона в совокупности с другими законами диалектики обусловливается поступательный, прогрессивный характер развития. Эта основная тенденция изменений находит свое выражение в развитии природы и общества. В полной мере это относится и к мышлению.

Логика развития мышления, познания целиком подчиняется действию этого закона. Рассмотрим это под углом зрения вышеуказанных двух моментов, характеризующих сущность закона отрицания отрицания. Притом, чтобы яснее и резче очертить весь процесс познания с точки зрения этого закона, рассмотрим сначала первый его отрезок — движение мысли от утверждения

положительного к отрицательному, а затем второй отрезок — от первого отрицания ко второму или, что то же самое, от отрицания к новому утверждению.

Ни исторически, ни логически познание не двигалось бы вперед, если бы в его развитии не содержалось как важнейший элемент диалектическое отрицание. Здесь, пожалуй, более полно и ярко, чем где-либо, обнаруживается тот факт, что отрицание выступает как единство отрицания и утверждения, как «снятие», в котором осуществляется связь между ступенями развития, как одновременное отрицание старого и сохранение, удержание положительных сторон последнего. Гегель справедливо писал по этому поводу: «Удерживать положительное в *его* отрицательном, содержание предпосылки — в ее результате, это — самое важное в разумном познании...» [1] Эта мысль содержится в последней главе «Науки логики», в которой дается глубокое изложение процесса логического познания как отрицания отрицания. В. И. Ленин высоко оценил эту главу в «Философских тетрадях», указав, что она «почти не содержит специфически *идеализма,* а главным своим предметом имеет *диалектический* метод» [2].

Чтобы показать, какую важную роль в процессе развития познания играет диалектическое отрицание, проанализируем сначала движение познания в *историческом* плане. Совершенно ясно, что только благодаря связи между положительным и отрицательным возможно движение познания вперед. Если бы отрицание имело абсолютный характер, было бы «абстрактным отрицанием», т. е. отбрасывающим достигнутое ранее, не опирающимся на него в своем движении, то наука не способна была бы и шагу сделать вперед, не было бы никакой *истории* науки. История складывается из моментов утверждения и отрицания тех или иных идей, теорий, гипотез, понятий, но так, что отрицание вытекает из утверждения, утверждение — из отрицания, т. е. история представляет собой связь и взаимодействие этих двух процессов. История познания возможна лишь поскольку отрицательное сберегает в себе положительное. Познание не могло бы двигаться, если бы оно склады-

[1] *Гегель,* Соч., т. VI, стр. 308.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 38, стр. 227.

валось из суммы абстрактных отрицаний. Но именно на наличие подобных отрицаний в природе и мышлении ссылаются некоторые опровергатели закона отрицания отрицания.

Упоминавшийся уже С. Хук недоволен тем обстоятельством, что Энгельс, излагая закон отрицания отрицания и иллюстрируя его на простом примере роста ячменного зерна, указывает, что отрицание отрицания возможно лишь при нормальных условиях, т. е. в случае с ячменным зерном оно осуществится, если семя посадить в землю, если будут соответствующие метеорологические условия и т. п. А что получится, говорит Хук, если семя варят, приготовляют и потребляют? Закономерен этот процесс или нет? Если он закономерен, то тогда никакого отрицания отрицания с зерном не произойдет. Отсюда он делает вывод о том, что закон отрицания отрицания не универсален, не всеобщ. Раз нужны определенные условия для роста ячменного зерна, заявляет он, тогда допущение того, что условия не всегда сопровождают рост, нарушает универсальность закона.

Хук не разобрался или делает вид, что не разбирается в элементарных вещах. Размалывание, варка и поглощение зерна *по отношению к закономерному произрастанию зерна* есть абстрактное, голое, «зряшное» отрицание, делающее невозможным весь цикл его развития. А закон отрицания отрицания это — *закон развития*. Вместо того чтобы машину пустить в ход и заставить ее работать, ее можно разбить, уничтожить. Следует ли из этого вывода то, что законы, согласно которым создана и функционирует машина, не действительны, не всеобщи для этой и других подобных машин?

И в истории науки имели место «абстрактные» отрицания — скажем, отрицание средневековыми богословами достижений античной науки или отрицание немецко-фашистскими «учеными»-расистами достижений науки новейшего периода. Но от такого рода отрицаний наука не движется вперед. Было бы, однако, не верным на этом основании делать заключение о недействительности или об ограниченном характере рассматриваемого закона. Напротив, подобные факты подтверждают то, что лишь диалектическое отрицание есть условие развития объективных предметов, познания, науки. Реальная

история познания служит достаточно веским основанием для доказательства этого положения в применении к науке.

Излагая историю развития человеческих знаний, сами творцы науки часто подчеркивают закономерную связь различных представлений в истории науки. Например, А. Эйнштейн и Л. Инфельд, показывая переход от старых, механистических представлений, сводивших все явления природы к взаимодействующим между частицами силам, к теории поля, указывают: «... было бы неверным считать, что новое воззрение — теория поля... разрушает достижения старой. Новая теория выявляет как достоинства, так и ограниченность старой теории и позволяет нам оценить старые понятия с более глубокой точки зрения... В теории Максвелла, например, мы еще находим понятие электрического заряда, хотя заряд понимается только как источник электрического поля. Так же справедлив и закон Кулона; он содержится в уравнениях Максвелла, из которых его можно вывести в качестве одного из многих следствий. Мы можем применять старую теорию всякий раз, когда исследуются факты в той области, где она справедлива»[1].

Новая теория выявляет достоинства и преодолевает ограниченность старой — в этом суть диалектического отрицания в процессе познания. Без такого процесса нет и не может быть движения познания.

Рассмотрим еще один пример. Новая формулировка периодического закона, ставшая возможной на почве данных современной физики, безусловно была «отрицанием» старой формулировки Менделеева, открывшего этот закон. Менделеев считал, что свойства химических элементов находятся в периодической зависимости от их атомных весов. Согласно современным воззрениям, они изменяются периодически, в зависимости от величин зарядов атомных ядер элементов. Ясно, что здесь налицо отрицание, но отрицание не абстрактное, а диалектическое, ибо новая формулировка опирается на закон, обоснованный учением Менделеева, и удерживает все положительное в нем, т. е. сущность самого закона.

---

[1] *А. Эйнштейн* и *Л. Инфельд*, Эволюция физики, М., 1956, стр. 156.

Поэтому здесь есть *движение* познания, развитие мысли, история науки.

Точно так же теория стоимости Маркса отрицала трудовую теорию стоимости Смита и Рикардо. В самой теории классиков английской политической экономии, т. е. в ее положительном содержании, было и ее отрицание, поскольку это был лишь первый подход к научному определению стоимости, требовавший дальнейшего развития, углубления. Мы берем процесс познания в чистом виде, сознательно отвлекаясь в данном случае от многих усложняющих его обстоятельств, каковы, например, социальные корни той или иной теории и т. п.

Нет смысла увеличивать число подобных примеров, поскольку ими полна история познания. Но было бы неверно воспринимать их в качестве простых иллюстраций указанного закона, ибо они — проявление сущности познания. Все движение познания от относительных истин к истине абсолютной есть цепь утверждений и отрицаний, ведущих к сгущению, накоплению, концентрации элементов абсолютной истины.

Таким образом, вне момента диалектического отрицания, движения мысли от утверждения к отрицанию необъяснима логика *истории* мысли или, если угодно, историческая логика развития познания.

К такому же выводу мы придем, если рассмотрим движение мысли в *логическом* аспекте, свободном от усложняющих его исторических обстоятельств и условий. Здесь формы отрицания чрезвычайно разнообразны. Если началом движения мысли является непосредственное, то оно отрицается опосредствованным, конкретное отрицается абстрактным, чувственное — рациональным, единичное — всеобщим, слитное — расчлененным, индукция — дедукцией, тождество — различием и т. д. При этом каждое из этих отрицаний содержится в самом положительном и диалектически из него развивается.

В каком бы из этих многочисленных аспектов мы ни рассматривали начало движения мысли, оно всегда будет требовать своего отрицания. Возьмем такое начало, которое действительно выступает в качестве исходного пункта познания, как единичное или ряд единичных явлений. В качестве начала внешне воспринимаемое явление есть простое и непосредственное, и существен-

ные его стороны, свойства, определения дремлют еще в его лоне, т. е. не выявлены и не осознаны. Поэтому и требуется движение мысли от утверждения и положительного к своему отрицанию, дабы возможен стал процесс определения вещи. Результатом этого движения будет абстракция, всеобщее, с помощью которых явление как нечто слитное, конкретное расчленяется и обогащается определениями, постигается в своей сущности.

Например, от отдельных фактов классовой борьбы в антагонистическом обществе познание переходит к раскрытию всеобщего закона, согласно которому классовая борьба в таком обществе неизбежна. Этот переход есть отрицание простоты и непосредственности первоначально воспринимаемых единичных фактов: единичное осознается как всеобщее. Через такое отрицание раскрывается существенное и всеобщее свойство антагонистического общества, «всеобщее» становится зеркалом, в котором единичное находит свое существенное отражение. Без такого «отрицания» единичного всеобщим невозможно познание сущности первоначального утверждения, констатирующего единичные факты классовой борьбы. Диалектический характер этого отрицания очевиден, ибо, хотя единичное посредством отрицания как бы растворяется в общем, оно не пропадает, а «снимается» им, преобразуется в существенное, сохраняя себя во всеобщем.

Рассмотрим еще такой пример. Свобода воли человека есть то непосредственное, на что мы наталкиваемся прежде всего, когда пытаемся разобраться в истории общественной жизни. Но дальнейшее изучение этого вопроса, переход от непосредственного к опосредствованному, раскрывает детерминированность человеческой воли, т. е. отрицает свободу воли. Открытие того факта, что за свободой общественной деятельности людей скрывается историческая необходимость, в конечном счете определенные материальные условия их жизни, составило эпоху в развитии общественной науки. Но необходимость не снимает свободы воли, а лишь объясняет ее, в силу чего и данное отрицание имеет диалектический характер.

Однако первым отрицанием движение мысли к истине не заканчивается, и мы должны проанализировать

дальнейший путь — движение познания от первого отрицания ко второму или к новому утверждению. Хотя первое отрицание и удерживает в отрицательной форме положительное, оба они — положительное и отрицательное — суть противоположности и в своей односторонности не истинны. Сколько недоразумений возникает на почве расхождения, противоречия явлений и сущности, единичного и общего, конечного и бесконечного, ибо хотя одно путем движения мысли и осознается из другого, но их единство никогда невозможно обнаружить непосредственно. Только снятие этой противоположности в форме высшего единства завершает отдельный цикл познания и приводит к конечному результату — к истине. Отсюда необходимость второго отрицания. В избранном нами примере от осознания общего закона классовой борьбы мы возвращаемся к единичным фактам, к конкретным событиям, но уже на основе, обогащенной первым отрицанием, в свете знания закона явлений. На этой ступени явление выступает уже как единство непосредственного и опосредствованного, явления и сущности, единичного и общего.

Если продолжить рассмотрение примера со свободой воли человека, то от осознания необходимости, детерминированности человеческой деятельности мысль возвращается к первоначальному утверждению о том, что свобода воли существует, но что она представляет собой в сущности познанную необходимость. Формула «свобода как осознанная необходимость» наглядно синтезирует непосредственное с опосредствованным, положительное с отрицательным на высшей, научной основе.

Если на первом отрезке пути задача состояла в том, чтобы найти истину утверждения, положительного в *отрицательном,* то теперь нужно истину самого отрицательного найти в *положительном,* т. е. в новом *утверждении,* в возврате к положительному.

Таким образом, в результате второго отрицания мы снова возвращаемся к утверждению, к положительному, откуда началось движение мысли, но на новой, высшей основе. Отдельный цикл движения познания завершается в той же точке, которая составляла исходный пункт, поэтому ему присуща форма круга или витка на бесконечной спирали движущегося вперед познания.

При этом следует подчеркнуть, что новое утверждение, представляющее собой возврат к исходному, аналогично с ним лишь по *форме,* в действительности же оно неизмеримо богаче, поскольку, пройдя через двойное отрицание, начало раскрыло все свое содержание. Движение от утверждения к отрицанию и от него снова к утверждению есть форма *поступательного* движения мысли, так как на каждой новой ступени не утрачивается содержание предыдущей, а, напротив, оно обогащается, обрастает новыми, более глубокими определениями.

Весь обрисованный выше процесс движения мысли В. И. Ленин подытожил в следующих словах: «...По отношению к простым и первоначальным, „первым" положительным утверждениям, положениям etc. „диалектический момент", т. е. научное рассмотрение, требует указания различия, связи, перехода. Без этого простое положительное утверждение неполно, безжизненно, мертво. По отношению к „2-му", отрицательному положению „диалектический момент" требует указания *„единства"*, т. е. связи отрицательного с положительным, нахождения этого положительного в отрицательном. От утверждения к отрицанию — от отрицания к „единству" с утверждаемым, — без этого диалектика станет голым отрицанием, игрой, или скепсисом...»[1]

Отрицание отрицания есть всеобщая *логическая форма движения познания.* Эта форма движения находит свое проявление и в сфере чувственного познания, что в свое время блестяще показал И. М. Сеченов. Он доказывал, что процесс чувственного познания начинается со «слитного» воспринимания предмета или группы предметов, затем идет к расчленению этой слитности, к выявлению отдельных сторон, свойств вещей, а затем снова возвращается к слитному чувствованию. Он писал по этому поводу: «Для всякого сгруппированного чувствования мыслимы два противоположных течения в сознании: переход от группы к отдельному члену и переход от отдельного члена к группе. В области зрения первому случаю соответствует, например, видение в первый миг целой группы или картины, а затем видение какой-нибудь одной части предпочтительно

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 38, стр. 219.

перед прочими (части, на которую, как говорится, обращено внимание), а второму — воспоминание целой картины по намеку на одно из ее звеньев»[1].

Еще более ярко и всесторонне обнаруживает себя эта форма движения мысли в процессе всего познания. Процесс развития познания состоит из множества малых кругов, внутри которых движение познания совершается в форме отрицания отрицания. Так, например, соотношение между анализом и синтезом таково, что начиная с анализа мы переходим к синтезу и от него снова к анализу, но уже опосредствованному синтезом. Или, наоборот, начиная с синтеза, мы переходим к анализу, а этот последний открывает возможности для более глубокого синтеза. В этой же логической форме движется мысль от единичного к общему и от общего к единичному, взятому в единстве с общим; от конкретного — к абстрактному и от этого последнего снова к конкретному; от гипотезы — к теории и от нее к более широким гипотезам; от теории — к практике, к опыту и от опыта, практики к более глубокой теории или наоборот, и т. д.

И. П. Павлов писал, что, прежде чем изучить факты, очень важно иметь хотя бы предварительную идею, на которую можно было бы «цеплять» факты. От фактов же познание идет снова к общей идее, но уже на новой, «фактической» основе. Знаменитый химик Д. Дальтон писал, что, «хотя мы и должны остерегаться того, чтобы какая-либо теория, противоречащая опыту, не ввела нас в ошибку, все же чрезвычайно целесообразно создавать некоторые предварительные представления о предмете нашего исследования, направляя тем самым себя по определенному пути исследования»[2]. И в этом случае движение мысли направляется от предварительной идеи (первоначального утверждения) к фактам и проверке ее на опыте и от опыта назад к идее, но уже опосредствованной и проверенной опытом. Таков, очевидно, общий способ исследования.

Одним словом, какую бы сторону процесса познания ни рассматривать, везде мы обнаружим движение

[1] *И. М. Сеченов,* Избранные философские и психологические произведения, Госполитиздат, М., 1947, стр. 465.

[2] *Дж. Дальтон,* Сборник избранных работ по атомистике, Л., 1940, стр. 13.

мысли по закону отрицания отрицания. Поэтому этот закон есть один из важнейших законов познания.

Здесь нет нужды специально рассматривать процесс движения мысли от первого отрицания ко второму в историческом развитии познания, общеизвестны примеры, указанные в свое время Энгельсом[1]. В ряде работ эта форма исторического развития познания рассмотрена на материале конкретных наук[2]. По сравнению с логическим процессом познания, протекающим в сравнительно короткие промежутки времени, исторические циклы развития той или иной теории или системы взглядов охватывают значительно более длинные периоды, опосредованы целым рядом обстоятельств, и поэтому здесь отрицание отрицания проявляется в более сложной, запутанной форме. Подчеркивая всеобщий характер закона отрицания отрицания, следует предостеречь от упрощения чрезвычайно сложного процесса исторического развития познания, нельзя подгонять его под какую-то обязательную, всюду одинаково проявляющуюся схему. Что же касается общей тенденции, выражаемой понятием отрицания отрицания, то в историческом процессе развития познания она столь же реализуется, как и в логическом процессе. Об этом говорит и приведенный выше пример из книги «Эволюция физики». Если до возникновения теории поля все явления природы сводились к частицам и силам, действующим между ними, а в последующий период — к одностороннему выпячиванию поля, то новая ступень в развитии науки характеризуется стремлением к такому объяснению, в котором односторонности прежних представлений снимаются, а вещество и поле, прерывное и непрерывное объединяются воедино в высшем синтезе.

Закон отрицания отрицания имеет значение для построения системы понятий, категорий, законов как конкретных наук, так и самой логики, для правильного подхода к вопросу о взаимоотношении понятий, принципах выведения их друг из друга. Любая наука невозможна без системы категорий, понимаемой диалектически как

---

[1] См. *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, стр. 130.

[2] См., например, книгу Б. М. Кедрова «Эволюция понятия элемента в химии», М., 1956.

подвижной, развивающейся системы. Понятия, категории, законы науки, не находящиеся во взаимосвязи и в определенных отношениях между собой, не способны отразить развитие, изменение. Не приведенные в систему, они будут эмпирической грудой бессвязных, сосуществующих друг подле друга форм, но не *процессом* отражения действительности.

Диалектическая система науки — это форма движения, связи, переходов понятий, категорий, научных законов, позволяющая глубоко исследовать и изложить объективную истину.

Конечно, для правильного решения вопроса о создании системы категорий науки необходимо учесть все законы и принципы диалектики и шире — принципы диалектического и исторического материализма в целом. Однако поскольку закон отрицания отрицания дает как бы общую картину развития, вскрывая связь и преемственность ступеней развития, поступательный характер движения, постольку он особенно важен для понимания тех требований, которые предъявляются диалектической логикой к системе понятий, категорий.

Из закона отрицания отрицания вытекают по крайней мере два таких требования. Во-первых, движение понятий от простого к сложному, движение, обусловленное диалектическим характером отрицания. Так как начало познания есть всегда нечто простое и непосредственное, и лишь в последующем движении мысли протекает процесс опосредствования, обнаружения сущности, то правильной, очевидно, может быть система, построенная по принципу развития, перехода понятий от простых к сложным, от низших к высшим.

Любая наука, каким бы конкретным материалом она ни оперировала, должна считаться с этим принципом движения мысли. Не случайно, например, математика начинается с изложения простейших правил арифметических действий, с низшей, элементарной математики и затем постепенно усложняет свои понятия и законы, переходя к высшей математике. Физика начинает систему своих категорий и законов с таких, которые отражают простейшие формы движения — механики, теплоты — и от них переходит к более сложным, каковы электричество, оптика, свет, атомная физика. В химии при изложении периодической системы

элементов принят тот же принцип: вначале изучаются свойства простейших элементов, каковы водород, гелий и т. п., затем более сложных элементов. Этот же принцип принят и в политической экономии, ярким примером чего может служить «Капитал» К. Маркса. Маркс начинает исследование с простейшей категории, встречающейся в повседневной жизни капиталистического общества, — с товара, и каждый новый шаг в его системе означает переход к более сложной и высшей экономической категории. С каждой новой категорией — стоимости, прибавочной стоимости, капиталистического накопления и т. п. — мы поднимаемся на более высокую ступень лестницы познания, позволяющую глубже вскрыть смысл буржуазного способа производства, осознать его законы.

Принцип движения от простого к сложному это не только *методический* вопрос, вопрос о том, как лучше изложить материал той или иной науки. Здесь методическая сторона сама служит выражением *закона познания,* согласно которому невозможно начать познание явлений с их сущности. Переход от понятий, выражающих простое, непосредственное, к понятиям сущности, опосредования, это — объективный закон движения мысли.

Переход от одного понятия к другому есть процесс диалектического отрицания. Это значит, что при построении системы понятий и категорий более сложные и высшие возникают из отрицания простых и низших; но так, что последние не исчезают, а сохраняются и «уплотняются» в первых, сберегая все свое положительное содержание. Поэтому отрицание служит также критерием того, что́ следует считать простыми, низшими и что сложными, высшими понятиями и категориями. Так, понятие прибавочной стоимости в анализе, данном Марксом, диалектически снимает понятие стоимости, а не наоборот, в силу чего второе содержится в первом, и потому понятие прибавочной стоимости — более сложное понятие. Понятие прибыли в свою очередь диалектически отрицает понятие прибавочной стоимости, но при этом категория прибыли выступает у Маркса на такой ступени анализа, когда в ней уже в снятом виде содержится как ее ядро и суть понятие прибавочной стоимости.

Из этого следует, что благодаря диалектическому отрицанию понятия, переходя от простых к сложным, становятся богаче, конкретнее своими определениями, полнее охватывают действительность. Или, как удачно сказал Гегель, движение мысли на каждой новой ступени определения поднимает всю массу предшествующего содержания «и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения, не только ничего не оставляет позади себя, но уносит с собой все приобретенное и обогащается и уплотняется внутри себя»[1].

Таким образом, система понятий и категорий должна отражать этот процесс обогащения и уплотнения категорий, конкретизации определений, процесс снятия путем диалектических отрицаний односторонности предыдущих определений и поступательного движения к всестороннему отражению явлений.

Движение понятий должно, во-вторых, представлять собой единство противоположных направлений: движения от исходного пункта вперед и возвратного, «спиралевидного» приближения к началу. Ярким примером подобного построения структуры, системы понятий и категорий, вытекающих из закона отрицания отрицания, может служить «Капитал». Маркс начинает изложение с анализа процесса капиталистического производства как конкретного объекта, подлежащего исследованию. Конечно, этот исходный пункт во всей его конкретности отсутствует в I томе произведения Маркса, разложение его в мышлении на части было подготовлено предшествующей политической экономией и проделано самим Марксом за пределами изложения, данного в «Капитале». Но все же основной объект и, так сказать, выразитель этого конкретного целого присутствует здесь и с него как обычного, массовидного явления буржуазного общества Маркс начинает. Это — товарный обмен.

Система экономических категорий в «Капитале» построена так, что движение их удаляется от конкретного целого, поскольку оно непосредственно и неопределенно. Но чем дальше удаляется Маркс от этого исходного пункта, тем ближе он к нему подходит благодаря раскрытию его сущности с помощью целой серии опосред-

[1] *Гегель*, Соч., т. VI, стр. 315.

ствующих категорий. В этом смысле удаление от начала есть и возвратное приближение к нему, так как удаление от него представляет собой процесс развертывания определений, делающих возможным познание его.

Весь III том «Капитала» Маркс посвящает этому возвратному приближению к началу, к объекту в его внешнем бытии и проявлении, каким он предстал перед исследователем в качестве исходного момента. Поэтому все экономические понятия и категории этого тома имеют во всей марксовой системе завершающий характер: они соединяют начало и конец, возвращаются к той точке, откуда начинается движение мысли, но, конечно, на высшей основе.

«Капитал» является примером научного произведения, в котором исследован определенный социальный организм, достигший полной зрелости, от его начала до конца, со всех его сторон, во всех его многочисленных проявлениях. Он исследован гениальным мыслителем, проникшим в тайны не только законов общественного развития, но и законов познания, логики диалектического отражения мира. Именно по этой причине логика познания, движения мысли нашла здесь свое глубокое выражение. Это объясняет, почему В. И. Ленин так настойчиво требовал использовать «Капитал» для исследования логики вообще.

Конечно, система понятий и ее построение в конкретных областях науки в связи с конкретными целями и задачами исследования всегда получает и не может не получить различного выражения. Однако не подлежит сомнению то, что закон отрицания отрицания объясняет нам путь познания, его сложные формы движения, различные стадии, органически связанные между собой переходами «положительного» в «отрицательное» и возвратами к исходному пункту.

ГЛАВА IV

СООТНОШЕНИЕ ЛОГИЧЕСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО В ПРОЦЕССЕ ПОЗНАНИЯ

Совпадение логики и истории мышления — специфический закон познания

Вне принципа историзма, исторического развития познания, как было сказано выше, невозможно понять ни сущности познания, ни логики его развития. Поэтому мы вслед за рассмотрением общих законов диалектики как законов познания должны рассмотреть вопрос о соотношении логики движения мысли и истории развития мышления. Среди специфических законов познания особенно важное значение для диалектической логики имеет совпадение логического и исторического, логики и истории мышления. На особую важность этого принципа для правильного подхода ко многим конкретным проблемам диалектической логики указывал В. И. Ленин: «В логике история мысли **должна**, в общем и целом, совпадать с законами мышления»[1]. Поскольку этот закон обусловливает соответствующий подход к анализу понятий, суждений и других форм мышления, его необходимо рассмотреть наряду с основными законами диалектики как одну из общих основ и принципов диалектической логики. Такие специфические законы познания, как, например, движение познания от относительных истин к абсолютной, от явления к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности, от тождества к различию и противоречию, от живого созерцания к абстрактному мышлению и др., могут быть правильно

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 38, стр. 314.

поняты лишь исходя из закона совпадения логического и исторического.

Мы с тем большей силой хотели бы подчеркнуть значение этой важнейшей стороны марксистского понимания логики, что в современной идеалистической литературе по вопросам логики отсутствует правильное понимание важности обобщения истории мышления, истории умственного развития человека для логики и теории познания. Более того, некоторые логики ведут борьбу против марксизма по этой линии.

В чем же смысл этого закона? Кратко его можно сформулировать так: *логика движения мысли в голове отдельного человека в общем и целом, в сокращенном и «снятом» виде воспроизводит логику исторического развития мышления, совпадает с ней.* Здесь имеется нечто аналогичное тому отношению, которое существует между развитием *отдельного* организма из зародыша и *историческим* развитием организма, между эмбриологией и палеонтологией. На эту аналогию указал Энгельс в «Диалектике природы»: «Развитие какого-нибудь понятия или отношения понятий (положительное и отрицательное, причина и действие, субстанция и акциденция) в истории мышления так относится к развитию его в голове отдельного диалектика, как развитие какого-нибудь организма в палеонтологии — к развитию его в эмбриологии (или, лучше сказать, в истории и в отдельном зародыше). Что это так, было открыто по отношению к понятиям впервые Гегелем»[1].

В связи с ссылкой Энгельса на Гегеля, который, по его словам, впервые открыл указанное соотношение между логическим и историческим развитием познания, необходимо вкратце выяснить гегелевские взгляды на этот вопрос, их положительные и отрицательные стороны и отличие марксистского подхода к нему. Гегелю несомненно принадлежит заслуга исследования мышления с точки зрения соотношения логического и исторического аспектов его развития. Историю философии он рассматривает не как хаотическое нагромождение систем, взглядов, теорий, а как такое развитие, которое выражает закономерное становление философской науки, в силу этого основные этапы истории философии

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, стр. 176.

совпадают с основными этапами *логического* развития мышления. Развитие истории философии, утверждал он, «показывает нам не становление чуждых нам вещей, а *наше* становление, становление *нашей* науки»[1]. Гегель считал, что если очистить основные понятия, возникавшие в истории философии, от всякого рода исторических случайностей, то они составят закономерные ступени логического движения мысли, как оно осуществляется в голове современного человека. История философии есть как бы воплощенная в исторически конкретную форму логика. И наоборот, логика есть очищенная и освобожденная от внешней формы история развития мысли, обобщенная история мышления. Если взять логическое развитие само по себе, писал Гегель, то в нем окажется «поступательное движение исторических явлений в их главных моментах»[2]. Иначе говоря, Гегель вскрыл параллелизм, совпадение развития истории мышления и движения логики мышления, считая это не случайностью, а закономерностью, необходимостью. При этом он требовал брать историю в ее *главных моментах,* очищенных от неизбежных исторических зигзагов, движений вспять и т. п. В освобожденном от исторической формы развитии философии он видел закономерную логику развития познания вообще. Именно в этом смысле он подчеркивал, что изучение истории философии есть в известном смысле изучение самой философии.

В трактовке этого вопроса Гегель высказывает глубокие мысли, однако в целом она не удовлетворительна, ибо он связывает ее положительное содержание с идеалистическим взглядом на саму сущность истории философии как развития абсолютной идеи. Все развертывание истории философии у Гегеля в значительной степени приобретает характер заранее расписанного сценария, требования которого обусловливают появление таких-то систем в такое-то время, других систем — в другое время. Идея заранее содержит в себе истину, но лишь в качестве истины «для себя», не развернувшейся еще, не раскрывшей всего богатства своего содержания. История философии, по Гегелю, есть способ об-

[1] *Гегель.* Соч., т. IX, стр. 11.
[2] Там же, стр. 34.

наружения и развития этой истины, превращения истины из «в-себе-бытия» в «для-себя-бытие». История философии имеет, таким образом, *преформистский* характер, а диалектика этого развития становится телеологической. Мы оставляем сейчас в стороне то обстоятельство, что, действуя соответственно своему идеалистическому пониманию сущности истории философии, Гегель нередко распоряжается в ней как в собственном доме и дает оценки, чрезвычайно далекие от объективности, насильно навязывая свои схемы реальному историческому процессу. Особенно, конечно, достается от него материалистам. Кроме того, Гегель стремится так обработать историю философии, чтобы защитить идеалистическую линию в философии, доказать, что итогом развития философской мысли является идеалистическое мировоззрение, идеалистический подход к природе.

Несомненно, далее, что телеологизм Гегеля наложил отпечаток и на его способы обоснования совпадения истории философии с логикой. Это совпадение приобретает у него оттенок мистического порождения мыслью самой себя, а каждая исторически существовавшая философская система рассматривается как подчиненный акт этого самопорождения мысли.

Вместе с тем было бы большим заблуждением не видеть за густым идеалистическим туманом глубокой мысли о единстве исторического и логического, сочиненной не больным воображением, а подсказанной реальным процессом развития познания. Нельзя согласиться с утверждением некоторых философов о том, что *«только вследствие своей порочной идеалистической установки Гегель усматривает зерно истории философии в диалектической логике»*[1]. Порочность установки Гегеля

---

[1] *R. Gropp*, Geschichte und System der Philosophie — bei Hegel und im Marxismus, «Deutsche Zeitschrift für Philosophie» (Berlin), Heft 5/6, 1956, S. 663.

В статье «К вопросу о марксистской диалектической логике как системе категорий», опубликованной в «Вопросах философии» № 1 за 1959 г., стр. 154, Гропп также по существу выступает против положения о совпадении логического и исторического. Вопреки ясным и не поддающимся двусмысленному истолкованию высказываниям Ленина на этот счет он утверждает, будто Ленина нужно иначе понимать. Но сам он даже не пытается проанализировать эти высказывания.

не в том, что он ищет диалектическую логику в обобщении исторического процесса развития познания, что в самом этом процессе он видит необходимую логику развертывания человеческой мысли, осуществляемую в очень сложной форме реальной истории, а в способах обоснования этой установки, в идеалистической мистификации объективного закона познания.

Подходить к истории философии, к истории развития познания вообще с точки зрения некоего заранее установленного целенаправленного процесса значит быть идеалистом. Но нет ничего идеалистического в таком подходе к истории мышления, который ищет и находит объективную логику развития познания, логику, не зависящую от произвола людей, а обусловленную вполне определенными законами — как социально-экономическими, так и логическими. Такая логика существует, это *диалектическая логика,* ибо только она правильно отражает ту черту, — это собственно не черта, а суть, — мышления, что оно находится в процессе становления и беспрерывного развития и что вследствие этого понять что-нибудь в истории мышления можно лишь при условии анализа его как явления развивающегося.

То, что историческое развитие мышления — это сложный диалектический процесс, подчиненный определенным законам, не подлежит сомнению. Но нас интересует другая сторона этого вопроса — совпадение в общем и целом этого исторического процесса с *законами логического мышления,* филогенеза с онтогенезом познания. Это совпадение дает ключ к пониманию целого ряда закономерностей логического развития познания, как оно совершается в голове отдельного человека, но об этом будет сказано несколько позднее. Сейчас же, для того чтобы констатировать этот факт, мы рассмотрим пример, который относится не к частным проявлениям логики познания, а к *общему* ходу исторического и логического познания.

Энгельс указал на следующую особенность исторического развития познания: оно началось со стремления охватить связи природы синтетически, во всей их сложности, как нечто *целое.* Так подходили к природе античные философы. Хотя этот подход к природе имел некоторые преимущества и позволил древним мыслителям угадать отдельные закономерности ее развития, он имел

существенный недостаток. Дело в том, что целое, общие связи явлений не могут быть познаны без разложения их на части, без кропотливой аналитической работы, дающей возможность описать отдельные стороны целого, проникнуть в сущность конкретных связей и т. д. И такой период в истории развития науки, как известно, наступил, его результаты имели огромное значение для дальнейшего развития науки. Только успехи, достигнутые в этот период, были той необходимой основой, которая создала благоприятные возможности для бурного развития науки в XIX в., для синтетического обобщения и познания ряда общих законов развития природы.

Эту логику общего развития познания подчеркивают в своих исследованиях многие естествоиспытатели, далекие от сознательного применения диалектики к процессу развития мысли. Сошлемся хотя бы на свидетельство известного французского ученого Ле Шателье. Доказывая, что отдельную связь явлений легче понять, чем общую, он опирается на историю развития мышления. «Чем явления проще, — пишет он, — тем их легче наблюдать и обсуждать. Пользу такого деления лучше всего подтверждает само построение науки. Вначале первые наблюдатели изучали явления природы такими, как они существуют в действительности, во всей их сложности. Античные философы, Аристотель и Лукреций, объединяли в своих размышлениях весь известный им мир в целом, от образования земли и небес вплоть до жизни растений, движений животных и человеческой мысли.

Из-за желания объять все сразу наука развивалась сначала крайне медленно. С течением времени почти бессознательно стали различать отдельные области изучения мира. Возможность познавания сильно возросла с того момента, когда удалось отделить явления движения от тепловых и электрических явлений, когда каждое из них стали изучать в отдельности, когда были созданы *чистые* или абстрактные науки, в которых приходилось постоянно пренебрегать всеми свойствами материи, за исключением того, которое является предметом изучения. Наука, стоявшая в течение веков на месте, сразу сделала скачок вперед»[1].

[1] *А. Ле Шателье,* Наука и промышленность, М., 1928, стр. 22.

Конечно, дело не в желании «объять все сразу», как это утверждает Ле Шателье, а в том, что ученые древних времен и не могли иначе подходить к природе. *Логика* движения познания такова, что, прежде чем разложить целое на части, познающий субъект сталкивается с этим целым, непосредственно должен установить хотя бы какие-то общие его черты, увидеть, осязать, так сказать, почувствовать, это целое, иначе невозможен переход к следующему этапу — аналитической деятельности мышления. Логика исторического развития мышления, познания имеет также и социально-экономические корни, от которых мы сейчас отвлекаемся и о чем будет еще сказано дальше. Сейчас важно обратить внимание на логику общего хода движения познания в истории науки.

Но разве не то же самое, не с той же логикой мы сталкиваемся и в процессе индивидуального познания? Разумеется, совпадение исторического и логического нельзя понимать метафизически, как полное и абсолютное совпадение. Однако в индивидуальном процессе познания, как он протекает в голове современного человека, наблюдаются те же главные моменты, какие отмечены в истории познания: незнакомый объект, подлежащий исследованию, сначала представляется как нечто целое, неразложенное, в его общей и сложной связи с другими объектами, затем он мысленно выделяется из этой общей связи, разлагается на свои составные элементы и стороны, каждая из этих сторон изучается отдельно, что дает возможность впоследствии подняться на более высокую ступень исследования и познать объект как целое, в его сложных связях. Конечно, этот общий процесс познания варьируется в зависимости от объекта исследования, имеет свои специфические особенности в различных областях науки, но общая тенденция движения познания именно такова.

Этот факт был замечен уже в древней философии. В новое время его неоднократно отмечали представители различных областей знания. Что касается мнения древних философов, то достаточно привести следующее высказывание Аристотеля. «Для нас же, — указывал он, — в первую очередь ясно и явно более слитное, затем уже отсюда путем разграничения становятся известными начала и элементы. Поэтому надо идти от общего

к подробностям. Именно вещь, взятая в целом, более знакома для чувства, а общее же есть нечто целое, так как оно охватывает многое наподобие частей». Любопытно, что такую логику познания Аристотель обосновывает и при помощи *истории* умственного развития ребенка. Он продолжает: «То же известным образом происходит с именем и его смыслом: имя, например, круг, обозначает нечто целое, и притом неопределенным образом, а определение разделяет его на частности, и дети первое время называют всех мужчин отцами, а женщин матерями, потом уже различают каждого в отдельности» [1].

Таким образом, факт совпадения исторического и логического в рассмотренном нами примере не подлежит сомнению. И задача состоит в том, чтобы правильно разобраться, в чем причины этого явления, имеющего, с нашей точки зрения, *принципиальное* значение для исследования логики, законов мышления.

Конечно, процесс развития познания, как он протекает в истории, не есть осуществление какой-то заранее данной цели, как это получалось у Гегеля. Нельзя согласиться и с идеалистическим пониманием исторического развития познания как чисто логического процесса, в котором все вызывается одними внутренними потребностями движения мысли. В действительности исторический ход развития философии, познания в целом обусловлен совокупностью многих причин и обстоятельств, среди которых первостепенную роль играли такие факты, как достигнутый в каждый исторический период уровень производительных сил общества, природа общественного строя, интересы классов, господствовавших в то или иное время, их отношение к науке, борьба основных философских направлений — материализма и идеализма и влияние ее на развитие науки и т. д. Так, например, если начиная с XV в. наука переходит к анализу природы по частям, к познанию отдельных явлений и сторон природы, то этой исторической особенности науки нельзя понять без учета общих социально-экономических условий новой эпохи, потребностей развития материального производства, новых запросов, возникших под влиянием становления и разви-

[1] *Аристотель*, Физика, Соцэкгиз, М., 1937, стр. 7—8.

тия капиталистического строя, борьбы буржуазии против феодализма, борьбы материализма против средневековой схоластики, которая пренебрегала опытными исследованиями природы, и т. д.

Далее, история развития познания не может быть уподоблена прямой линии, в которой одни звенья чисто логическим путем вытекают из других, без остановок, движения вспять, без сложных зигзагов. Реальная история мысли представляет собой чрезвычайно сложную и запутанную картину, в которой переплетаются различные тенденции, периоды подъема и спада, прогресса и регресса и т. п.

Однако все это не мешает нам найти в этой сложной и противоречивой картине основную *логическую* нить развития философии и других наук, познания вообще, которая существует не случайно, а выражает неизбежность и закономерность именно *такого* развития. Кроме того, задача диалектической логики состоит в том, чтобы обобщить исторический ход познания и обнаружить, осознать его основную тенденцию, его объективную логику. Неразрывная связь развития мысли со многими объективными, так сказать, «внемыслительными», условиями не освобождает нас от обязанности понять и внутренне необходимую, *относительно самостоятельную* логику исторического развития познания. Вне этой относительно самостоятельной логики, неразрывно связанной с общим прогрессом условий общественной жизни, не было бы и истории мысли, познания как единого цельного процесса.

Нахождение основной логической канвы в развитии философской мысли и истории познания важно также и потому, что оно позволяет решить вопрос о том, какой должна быть современная *научная теория познания и логика,* как подходить к исследованию законов мышления и познания. Именно в этом глубокий смысл ленинского указания относительно того, что законы и история мышления должны совпадать. Между двумя сторонами одного и того же явления, т. е. познания, его историческим и логическим развитием, имеется объективная и закономерная связь, подобно тому как такая связь существует в биогенетическом развитии организмов.

Как было сказано, история мышления есть «практика познания», в ходе которой складывались и формирова-

лись принципы и законы познания. Именно в *истории* мысли, в этой кузнице многовековой практики человеческого познания на основе материальной практической деятельности человечества рождались и развивались логические формы мысли, понятия и категории, выковывались способы познания, соответствующие разным ступеням исторического процесса осмысливания объективного мира. В этой исторической практике нашли свое выражение и проявление объективно необходимые законы развития познания, логика движения познания.

Если *общей формой* бытия мысли является движение, развитие и вне данной формы мысль не может существовать, то ее *конкретная форма* это — *историческое* развитие мышления. Нельзя понять любую современную научную теорию вне того исторического пути, который привел к ее возникновению. Всякая теория есть результат исторического развития познания, и как таковая она вбирает в себя все предшествующее развитие, содержит его в себе как предпосылку и условие своего собственного существования. Это полностью относится к логике и теории познания, т. е., употребляя удачное выражение Ланжевена, к размышлению разума о его собственной деятельности. Размышляя о своей деятельности, разум современного человека находит, что он не может кичиться своим превосходством над способами познания, существовавшими в прошлом, поскольку именно *развитие* этих последних привело его к современному состоянию и, следовательно, его превосходство представляет собой не что иное, как *итог, вывод* из *истории* познания. Последняя составляет тот *родовой опыт* человечества, который освобождает современного человека от необходимости повторять в своей мыслительной деятельности все блуждания и зигзаги, проделанные прошлыми поколениями. Неоценимое значение родового опыта познания состоит также в том, что этот исторический путь познания, освобожденный и очищенный от неизбежных отклонений, так сказать, выпрямленный и осознанный в своей основной тенденции, дает нам критерий того, каким должен быть *логический путь познания* в мышлении современного человека.

Родовой опыт познания образно можно назвать «коллективной головой», «коллективным разумом», человечества, ввиду этого в индивидуальном процессе по-

знающей деятельности современного человека не может не быть совпадения в *главных моментах* логики и истории познания. Ибо в голове отдельного человека закреплен и «сгущен» опыт «коллективного разума» человечества.

Вспомним приведенные выше основные этапы движения познания в историческом процессе от мысленного воспроизведения сложных связей целого к дроблению целого, к выделению его отдельных сторон и связей. Может ли современный человек обойти этот путь развития, когда он познает неисследованные объекты? Нет, не может. Точно так же и ребенок — о чем свидетельствует огромная литература — проходит те же этапы в своем умственном развитии, он начинает познавать также со слитного восприятия вещей и затем переходит к «аналитическому» выделению отдельных вещей или сторон вещи. В психическом поведении животного, как это доказал И. П. Павлов, наблюдается та же закономерность. Реагируя на какой-либо раздражитель, животное (например, собака) первоначально воспринимает его в связи с посторонними явлениями, слитно и лишь затем основной раздражитель выделяется, дифференцируется. Такое «дифференцирование, — писал Павлов, — достигается путем задерживающего процесса, как бы заглушения остальных частей анализатора, кроме определенной. Постепенное развитие этого процесса и есть основание постепенного анализа»[1].

Откуда такое поразительное единство в столь разнообразных процессах, как история развития мышления, история умственного развития ребенка, психическая деятельность животного, логика отдельного акта познания в голове современного человека? Конечно, это не случайность. Оно объясняется следующими двумя причинами: 1) природа представляет собой совокупность связанных между собой явлений, где каждое отдельное явление взаимодействует с другим, связано с ним, переходит в него; 2) вследствие этого в мозгу субъекта природа в целом или отдельные вещи и процессы отражаются первоначально неизбежно в слитном виде и только в целях познания (у человека) или биологического приспособле-

[1] *И. П. Павлов,* Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных, Полное собр. соч., т. III, кн. 1, АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 123.

ния к окружающим условиям (у животного) совершается переход к дифференциации целого, к выделению отдельных его сторон.

В применении к человеческому познанию это значит, что мы имеем здесь дело с *законом познания*, который нашел свое выражение в историческом развитии мышления и *должен* быть реализован в индивидуальном процессе познания. Этим объясняется и то, почему В. И. Ленин так настойчиво требовал обобщения истории познания для выработки и обоснования правильной научной теории познания и логики. В истории мысли Ленин видел тот драгоценный опыт человеческого познания, диалектическое исследование которого может помочь решить многие вопросы, касающиеся марксистского построения теории познания и логики. «Продолжение дела Гегеля и Маркса, — пишет Ленин, — должно состоять в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники»[1].

Мысль о важнейшем значении такой обработки истории познания проходит через все «Философские тетради» В. И. Ленина. Показывая, например, «те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика», Ленин называет историю философии, историю «познания вообще», историю отдельных наук, историю умственного развития ребенка, историю развития психики животных, историю языка и т. д.[2]

Не находится ли данная постановка вопроса в противоречии с коренным положением марксистского материализма о том, что логические формы мышления отражают объективный мир и что поэтому и движение познания, логика его развития должны находиться в соответствии с движением самой реальной действительности? Не есть ли, говорят иные философы, положение о том, что логический процесс познания как бы воспроизводит в общем и целом главные моменты исторического процесса развития мышления, отход от материалистического решения основного вопроса философии, согласно которому мысль следует за действительностью, а не за историей мысли. Вместо того чтобы логика движения познания отражала движение, развитие самой действи-

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 38, стр. 136.
[2] См. там же, стр. 350.

тельности, она-де отражает историю развития мышления, имеет своим базисом мышление, а не объективную действительность.

Подобное возражение основано на недоразумении. Конечно, проблема логического и исторического имеет и другой аспект, связанный с выяснением соотношения между логикой познания и историческим ходом развития самой объективной действительности. Этот аспект единства логического и исторического касается уже других вопросов, они будут рассмотрены позднее. Но попытка преуменьшить значение единства логики и истории *мышления* под тем предлогом, что это чуть ли не отрыв мысли от объективного мира, лишена всяких оснований.

Связь логических форм мышления и объективной действительности не подлежит сомнению. Речь сейчас идет ведь о другом — о том, *как* осуществляется процесс познания объективного мира, *каковы* некоторые специфические, т. е. «внутренние», законы познания, вытекающие из его относительной самостоятельности. Если, например, движение познания идет от восприятия действительности как чего-то целого к дифференцированию явлений или от явления к сущности и от нее снова к явлению, то это *непосредственно* обусловлено специфическими законами познания, а не объективной действительностью. Последняя не развивается так, что вначале явления слитны, затем они отделяются друг от друга; сначала возникает явление, а затем оно становится сущностью, сначала вещь выступает лишь в своей качественной определенности, а затем в определенности количественной и т. п. Явления действительности одновременно и слитны и дифференцированы, и конкретны и «абстрактны», и качественно и количественно определенны и т. д. Все логические категории и формы мышления отражают те или иные стороны действительности, и весь смысл их существования в том, чтобы познать объективную действительность. Несомненно, что, выделяя отдельные стороны и связи явлений, переходя от одних сторон к другим, познающий субъект действует не произвольно, а в соответствии с законами самой природы с целью познания этих законов.

Но это не противоречит тому факту, что познание развертывается в соответствии с некоторыми своими

специфическими особенностями, которые необходимо учитывать. Логика мышления неразрывно связана с логикой действительности и их нельзя противопоставлять друг другу, но логика — самостоятельная область познания, ее цель дать учение о познании, и эта цель не может быть достигнута, если мы будем игнорировать специфические особенности этой области, законы, обусловленные ее спецификой. Оттого что марксизм высказывает тезис о некоторой *относительной самостоятельности* надстройки общества по отношению к экономическому базису, не колеблется его положение о *зависимости* надстройки от базиса.

Нечто подобное мы имеем и в процессе познания. Будучи отражением объективного мира и детерминированным этим миром, процесс познания подчиняется и собственным, «внутренним» законам, которые не только не идут вразрез с объективной действительностью, а всецело направлены на то, чтобы отразить ее и овладеть ею в интересах практической деятельности человечества.

Мысль о невозможности такого *непосредственного* совпадения некоторых законов познания с законами действительности можно найти уже у Аристотеля. Эту мысль он приводил в защиту положения о том, что чувственно воспринимаемые вещи существуют до и независимо от наших понятий. Так, он доказывал, что в ходе логического рассуждения мы идем от понятий точки, линии, плоскости к понятию тела. Значит ли это, спрашивал он, что и в реальности они предшествуют телу? «По своей логической формулировке пусть они, правда, идут раньше, — отвечал он. — Но не все, что раньше по логической формулировке, будет раньше и по сущности. По сущности раньше то, что — в случае отделения *от* другого — стоит впереди его в отношении бытия...»[1] Иными словами, тело существует раньше, так как понятия точки, линии и плоскости отвлечены от него. Поэтому логическое движение не может в данном случае непосредственно совпадать с движением реальности. Это положение он доказывает и другим примером. «Ведь поскольку свойства не существуют отдельно от сущностей (т. е. от реального бытия вещей. — *М. Р.*), скажем, движущееся или белое, — белое предшествует белому

[1] *Аристотель*, Метафизика, стр. 220—221.

человеку с логической точки зрения, но не — по сущности: оно не может существовать отдельно, но всегда дается вместе с составным целым (под составным целым я разумею белого человека)...» [1]

Отстаивая материалистический тезис о существовании вещей до понятий, Аристотель правильно аргументировал это в данном случае невозможностью полного совпадения логического хода познания и реальности.

Так обстоит дело и с рассматриваемым законом совпадения логического и исторического в мышлении. Поэтому-то и нельзя противопоставлять этот закон познания материалистическому решению основного вопроса философии об отношении мышления к бытию. Когда познание движется от слитного восприятия целого к его аналитическому расчленению, то как на первой, так и на второй стадии оно имеет своим объектом реальную действительность, и, следовательно, оно исходит из материалистического решения основного вопроса философии. В процессе познания не может быть *непосредственного* тождества движения мысли с движением самой действительности, но есть опосредствованное тождество, тождество по результату, по совпадению истинной мысли с объектом.

Положение о единстве логического и исторического развития мышления полностью *материалистическое* положение, ибо мысль и ее движение связываются с реальным историческим процессом общественного развития, в который история мысли вплетена как один из его моментов, неотделимых от общего процесса развития материальных и духовных сил человечества. *Единство логического и исторического — это единство развития познания со всей историей общества, с исторической практикой людей.*

Как понимать единство логического и исторического? Совпадение логического и исторического — ключ к вопросам теории познания и логики

Совпадение логического и исторического процесса познания имеет место лишь *в общем и целом.* Было бы неправильно искать такое совпадение во всем, в второсте-

[1] *Аристотель,* Метафизика, стр. 221.

пенных чертах и моментах, в случайностях и зигзагах, характерных для исторического процесса познания. Для логического как воспроизведения истории познания характерны две важнейшие черты: 1) сжатое, сокращенное воспроизведение исторического, очищенное от всего случайного и второстепенного, освобожденное от конкретной исторической формы развития познания; в логическом историческое, так сказать, сконденсировано, переплавлено, преобразовано; 2) логическое воспроизводит историческое на высшей основе, т. е. на основе, достигнутой современным уровнем познания, оно перерабатывает историческое с точки зрения современной, наиболее развитой ступени познания.

Первую указанную особенность следует понимать в том смысле, что логическое это не простая и, так сказать, «бездумная», мертвая копия исторического процесса развития мышления. Пользуясь выражением Энгельса, можно сказать, что логическое — это *исправленное* историческое, но исправленное соответственно закономерностям, присущим самой истории мышления. Логические законы и формы могут быть выявлены лишь в результате огромной *критической* переработки истории мышления. При этом решающее значение имеет мировоззрение, основной подход, исходя из которого производится обобщение исторического развития мысли. Как было сказано, Гегель стремился обобщить историю мысли, чтобы доказать, будто все развитие мысли, вся ее история есть процесс обнаружения абсолютной идеи. В философии ионийцев — Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена и др., — в их попытке перейти от чувственного многообразия природы к сущности, к единому сущему, проявлением которого выступает конкретное многообразие вещей, он видел закономерное движение познания от внешнего к внутреннему. Но, как идеалист, он считал недостатком их материалистические идеи, он говорил, что в их первоначале нет и намека на понятие, на мысль, на идею как основание всего существующего. По его словам, они не понимали «абсолютного как мысль»[1]. Говоря об учении пифагорейцев, он видит их шаг вперед в сравнении с ионийской философией в том, что они чувствовали необходимость определить идею как нечто

[1] *Гегель,* Соч., т. IX, стр. 245.

пребывающее в явлениях. Число, рассматриваемое ими в качестве сущности мира, есть уже понятие, но недостаток их точки зрения Гегель усматривает в том, что понятие здесь выступает еще в форме представления и созерцания. Материалистическая философия Левкиппа и Демокрита не может удовлетворить идеалиста Гегеля, хотя он отмечает и некоторые их заслуги. Только в философии Анаксагора, по словам Гегеля, начинает, хотя и слабо, «брезжить свет», так как-де первоначалом он считал рассудок. В идеалистической философии Платона Гегель находил поступательное движение к «научности» и считал его наряду с Аристотелем «учителем человечества» [1].

С идеалистических позиций невозможно дать истинное обобщение историчеокого развития мышления, и если Гегель все же сумел обнаружить некоторые действительные, объективные закономерности логического в истории мышления, то этого он достиг вопреки своему ложному исходному принципу благодаря глубокому проникновению в сущность истории философии как процесса становления самой науки о философии. Только с материалистических позиций, с позиций диалектического материализма, можно понять реальные законы истории мышления и дать верное логическое обобщение ее хода. Вся многовековая история философии, история наук, языка свидетельствует о правоте материалистической философии, доказывает, что история познания — сложный закономерный процесс углубления мысли в реальную природу, процесс совпадения мысли с объективиым миром. Логическое как обобщенное историческое есть в действительности закономерно прогрессирующее познание, все теснее и полнее охватывающее реальный объект познания — природу, общество, материальные и духовные условия жизни человечества. Логическое — это такое обобщение истории мысли, которое, отбрасывая все второстепенное в ней, восстанавливает основные и необходимые ступени поступательного совпадения мысли с объектом, вследствие чего, если «сгустить» этот закономерный и длительный исторический процесс, получается логика в «чистом» виде, т. е. учение о том, как совершается процесс познания, какой должна быть

[1] См. *Гегель*, Соч., т. X, стр. 123.

логика движения мысли в процессе индивидуального познания.

Таким образом, совпадение логического и исторического следует понимать как совпадение на основе *отражения в мысли реального объективного мира.* Только под этим углом зрения возможно выявить и осознать действительную логику исторического развития познания, которая одновременно выступает в качестве логики индивидуального познания. Подходя так к истории мысли, мы критически отнесемся к тем формам и способам познания, которые уводили, отклоняли человеческую мысль от его столбовой дороги познания, так сказать, «нарушали» внутренне необходимую логику развития мысли.

Встает вопрос: не вносит ли такой критический подход произвол в освещение хода исторического развития человеческого познания, не означает ли это, что целые исторические этапы в истории мысли будут объявлены «случайностью», «зигзагами» истории и т. п.? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно выяснить, каков смысл положения о том, что логическое есть то же историческое, только очищенное от всякого рода зигзагов, случайностей, что, собственно, значат эти зигзаги и случайности. В качестве примера рассмотрим состояние и основную тенденцию мысли в период средневековья, т. е. в период безраздельного господства религиозной схоластики. Конечно, и в этот исторический период под религиозной оболочкой пульсировала и здоровая человеческая мысль, искавшая пути к познанию реальной природы, боровшаяся против схоластики. Однако господствовавшие в эпоху средневековья способы мышления с точки зрения внутренней логики развития познания были по сравнению с античным периодом движением вспять, зигзагом, от которого мы должны «очистить» историю мышления, чтобы понять действительную логическую закономерность поступательного движения познания. Но значит ли это, что данный период был «исторической ошибкой», случайностью, которая могла быть и могла не быть, явилась порождением каких-то второстепенных обстоятельств и т. п.? С точки зрения объективных законов общественного развития здесь не было никакой случайности. Философия средневековья была *необходимым, закономерным* проявлением идеологической

надстройки раннего феодального общества. Но поскольку явления подчиняются многим законам и нередко действие этих законов перекрещивается, то часто бывает так, что то, что в силу влияния одних законов выступает как необходимое, не является таковым в силу действия иных законов. Тенденции различных законов могут не совпадать друг с другом.

Приведенный выше пример является именно таким несовпадением действия разных законов, в данном случае *законов экономического развития* и *законов логического движения познания* на пути все более глубокого проникновения мысли в объект. В жизни человеческого общества, в развитии экономики, политики подобные примеры встречаются часто. Действие одного закона ограничивает действие другого закона. Маркс в «Капитале» показал, что в капиталистическом обществе действует закон тенденции нормы прибыли к понижению. Но вместе с этим он доказал, что существует и целый ряд других закономерных факторов, которые противодействуют этому закону, ограничивают его, не дают ему проявляться в чистом виде. Бывает и так, что одни и те же законы, обусловливающие прогресс в одной области, приводят к регрессу в другой области. Например, законы капиталистического производства в эпоху восходящего развития буржуазного общества обусловливали невиданный подъем производительных сил общества, технический прогресс, и они же определили и тот факт, что буржуазный строй по своей сущности враждебен некоторым отраслям духовного производства, таким, как искусство, поэзия. Не видеть этой противоречивости развития, сложного взаимодействия различных объективных законов, не учитывать как момента их взаимоусиления, так и момента их взаимоограничения, значит закрыть себе путь к правильному объяснению многих явлений.

Нечто подобное мы имеем и в приведенном выше примере. Объясняя сущность и причины существования средневековой схоластической философии, ее господства в течение длительного периода, историк философии должен показать те объективные законы развития общества, которые породили ее. И в этом отношении было бы неправильным считать ее случайностью, несущественным явлением, которое можно не принимать во

внимание. Но, когда мы пытаемся обобщить исторический ход познания с точки зрения «внутренних», специфических законов познания, хотя и связанных неразрывно с коренными законами общественного и прежде всего экономического развития, но все же обладающих относительной самостоятельностью, мы обнаружим, что действие этих законов в период средневековья было ограничено действием политических, экономических и других законов, которые обусловили движение мысли вспять. Историк философии обязан объяснить этот факт, показать те законы, которые привели к его возникновению; логик же, обобщающий историю философии с целью обнаружения в ней основной тенденции логического развития познания, должен отвлечься от этого временного движения мысли вспять, восстановить прерванную тенденцию этого развития и представить ее в чистом, абстрактном виде. С точки зрения логического обобщения истории мысли эта система философских взглядов будет зигзагом в общем ходе истории мысли, явлением, которым можно пренебречь для определенных целей. Подобное отвлечение вполне допустимо, ибо научный закон строится на отвлечении от того, что затемняет основную тенденцию развития, и на выделении того, что позволяет выразить ее.

Пример со средневековой философией не должен приводить к ложному заключению о том, будто марксистское обобщение истории философии должно учитывать лишь материалистические и игнорировать идеалистические системы, будто логика развития познания обнаружила себя лишь в первых и не проявилась во вторых. Марксизм отвергает такой вульгарный подход, который, к сожалению, еще имеет место в иных работах марксистов, не учитывающих сложности и противоречивости действительного процесса исторического развития мысли. Марксизм как высшая форма материализма исследует прежде всего традиции, связанные с материалистической линией развития мысли, наиболее прогрессивной и передовой, является ее прямым продолжением. Вместе с тем нельзя отрицать, что в прошлом в идеалистической философии содержались и весьма ценные элементы, которые марксизм не отбросил, а переработал, и, следовательно, в этом извращенном отражении также осуществлялись некоторые исторически и логически *не-*

обходимые процессы развития познания. Например, основоположники диалектического материализма указывали, что именно представители идеалистической философии больше внимания обращали на исследование активной роли мышления, чем старые метафизические материалисты.

Как исторически, так и логически познание в общем движется от представления о вещах как тождественных, неизменных к понятию о них как развивающихся и изменяющихся. Это исторически необходимое течение мысли в новое время нашло свое наиболее яркое и полное выражение в идеалистической диалектике Гегеля, которая трактовала явления как развивающиеся. Поэтому, обобщая исторический ход мысли с целью обнаружения логики развития познания, следует учесть взгляды этого крупнейшего немецкого философа, несмотря на то что диалектическая теория развития выступала у него в ложной идеалистической оболочке. Нельзя согласиться с встречающимися утверждениями, будто идеализм в принципе не может быть диалектическим, и что только материализм (речь идет даже о старом, метафизическом материализме) способен подходить к действительности диалектически, вследствие чего в изложении истории философии «должно быть показано, что идеализм, несмотря на значительные диалектические элементы, *метафизичен* по своей сущности, а домарксовский материализм, несмотря на метафизическую ограниченность, по существу своих коренных воззрений *диалектичен*»[1].

В этой постановке вопроса верна лишь мысль, что по своей коренной тенденции идеализм не способен разработать научную диалектику, что только на базе материалистической философии и в неразрывной связи с ней может развиваться такая диалектика. Но отсюда вовсе не следует вывод о том, что в старом, домарксовском материализме больше элементов диалектики, чем в гегелевской идеалистической философии. Ведь именно по поводу диалектики Гегеля В. И. Ленин сказал, что «умный», т. е. диалектический, идеализм в известном смысле ближе к диалектическому материализму, чем метафизический материализм.

[1] *R. Gropp,* Geschichte und System der Philosophie — bei Hegel und im Marxismus, «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», Heft 5/6, 1956, S. 666.

Таким образом, переработка, преобразование исторического в логическое — это не мертвое копирование, не простое повторение первого во втором, а критическое и «исправленное» обобщение истории мысли, которое позволяет понять закономерности логического движения познания. При этом едва ли нужно доказывать, что логическое и историческое совпадают в общем и целом не в том смысле, что в логическом воспроизводятся конкретные взгляды, системы, решения конкретных вопросов, выдвигавшиеся на том или ином историческом этапе, решения, утратившие сейчас свое значение. Логика обобщает историю мысли *только* с точки зрения тенденций развития способов познания, подходов к явлениям, закономерных переходов от одних этапов к другим, от одних способов и форм познания к другим. Конечно, при этом обобщении истории познания невозможно отвлечься от конкретных взглядов мыслителей прошлого на те или иные философские вопросы. Но, обобщая исторический ход исследования этих вопросов, логика ищет в нем указаний относительно законов, закономерного хода развития мысли, без осознания которых невозможна научная теория познания и логика.

Мы разъяснили лишь первую черту, свойственную процессу логической обработки истории мышления. Вторая важная черта совпадения логики и истории мысли, как было сказано, состоит в воспроизведении в логическом исторического на *высшей основе* с точки зрения *современного* уровня познания. Если история мысли дает нам указания о том, какой должна быть современная теория познания и логика, то в свою очередь достигнутая сейчас ступень познания есть та вышка, с которой можно правильно понять закономерности самой истории.

С точки зрения достигнутой теперь ступени познания видна ограниченность каждой отдельной исторической формы познания, в силу чего то, что исторически выступало в качестве самостоятельной формы, мы имеем возможность сейчас рассматривать как звено в общей цепи закономерного логического процесса познания. То, что в историческом развитии познания представлялось *целым*, сейчас оказывается *частью*, стороной целого, последнее же возникает из связи тех звеньев, сторон, которые раньше односторонне воспринимались как целое.

История развития мысли подвела к возникновению этого целого, и в этом смысле современная теория познания, логика есть итог, вывод из истории познания. *Исторический процесс* развития познания стал основой *логического процесса познания.* Это — одна сторона взаимосвязи и взаимодействия данных двух процессов, та сторона, которая выявляет и подчеркивает огромное значение истории мысли для логики мышления. Другая сторона этого взаимодействия состоит в том, что логика переплавляет исторические ступеньки и формы познания в звенья единого, связного логического процесса познания, в котором историческое существует в «снятом» виде, преобразованном соответственно современному уровню познания. Эта сторона взаимосвязи логического и исторического выявляет и подчеркивает активную роль логического, которое не только есть итог истории мысли, но и *вершина* ее, вершина в том смысле, что современные условия развития общества, техники и науки дают возможность построить такую теорию познания, которая под влиянием новых данных науки и нового опыта будет развиваться, совершенствоваться, но не будет претерпевать каких-то коренных изменений, т. е. изменений, которые потребовали бы создания новой теории. Мы, марксисты, глубоко убеждены, что такая теория существует, это теория познания диалектического материализма.

Следовательно, и в этом смысле логическое есть не мертвое тождество с историческим, а тождество с различиями, противоречиями. Иначе говоря, логическое и с этой стороны выступает как «исправленное» историческое, ибо оно сохраняет последнее в преобразованном, «снятом» виде, ликвидируя исторически неизбежное выпячивание части, стороны процесса познания в качестве целого. Если, например, для античной философии был характерен подход к природе как к целому, а для периода XV—XVIII вв. — стремление к разложению целого на части и познание каждой отдельной части, стороны природы, если, наконец, для науки нового времени характерна тенденция к синтезу, к познанию законов, выражающих общие связи явлений природы, то в логике все эти способы представляют собой связанные между собой звенья, ступени единого процесса познания. Каждое звено, каждая ступень здесь подчинены целому,

т.е. диалектическому процессу движения мысли от восприятия общего к разложению его на части и синтезу общего на основе всей предшествующей деятельности мышления.

Против этого могут сказать, что все это чрезвычайно схематично, что реальная картина исторического развития человеческой мысли значительно сложнее, и логический процесс познания, как он протекает в различных областях науки, не всегда в точности соответствует данной схеме. Мы ответим, что невозможно обойтись без некоторого схематизма, когда обобщается столь многостороннее и сложное явление, как история человеческого познания. В. И. Ленин именно поэтому указывал, что логическое и историческое совпадают лишь в *общем и целом*, желая этим подчеркнуть, что речь идет о совпадении лишь в *тенденции*, в *основном направлении* развития того и другого, а не во всех подробностях и деталях. Всякий научный закон по отношению к тому конкретному материалу, который он обобщает, в известной мере схематичен, поскольку он выражает лишь существенную общую тенденцию. Но этот схематизм не только не мешает, а, напротив, помогает выявить основную тенденцию, и в этом сила всякого закона.

В совпадении логического мышления с основной исторической тенденцией развития мышления находит свое выражение действие закона отрицания отрицания: логический процесс познания как бы повторяет имевшие место раньше ступени, но на новой, высшей основе.

В чем же значение рассмотренного нами закона познания? Если логическое есть обобщенное отражение исторического, то изучение истории мысли, науки, техники, языка, умственного развития ребенка и т. д. дает ключ, указывает правильный подход ко многим важнейшим логическим и гносеологическим вопросам. В. И. Ленин следующим образом определяет значение истории мысли, рассматривая это на примере истории развития понятия причинности: «Тысячелетия прошли с тех пор, как зародилась идея „связи всего“, „цепи причин“. Сравнение того, как в истории человеческой мысли понимались эти причины, дало бы теорию познания бесспорно доказательную»[1]. Разумеется, принцип

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 38, стр. 346.

единства логического и исторического находится в тесной связи с другими сторонами марксистского подхода к познанию, рассмотренными уже в предыдущих главах, особенно с пониманием логического как отражения реальных связей вещей. Но приведенные слова Ленина, как и другие его высказывания, показывают, какое огромное значение он придавал данному вопросу.

Для подтверждения и доказательства этого тезиса остановимся на анализе одной очень важной проблемы теории познания и логики — соотношения чувственного и рационального познания, ощущения и понятия, явления и сущности, непосредственного и опосредствованного познания. Для диалектической логики, исследующей познание в его развитии, движении, очень важно выяснить *направление* этого движения, от чего и к чему совершается это движение познания, какие стороны объекта, а следовательно, и какие логические категории, их отражающие, являются исходными в процессе движения мысли, какова последовательность выведения одних категорий из других, и т. д. Эти вопросы имеют большое значение и для каждой конкретной науки, поскольку исследование проделывает *определенный путь* и знание логики этого пути дает руководящую нить всякому познанию.

Обобщение действительного хода истории познания дает нам один из надежных критериев их научного решения.

«Понятие (познание), — говорит В. И. Ленин, — в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность (закон причины, тождество, различие etc.) — таков действительно *общий ход* всего человеческого познания (всей науки) вообще. Таков ход и *естествознания* и *политической экономии* [и истории]. Диалектика Гегеля есть, постольку, обобщение истории мысли. Чрезвычайно благодарной кажется задача проследить сие конкретнее, подробнее, на *истории отдельных наук*»[1].

Конечно, и индивидуальный процесс познания, как он протекает в голове человека, свидетельствует о том, что он начинается с бытия, с непосредственных явлений и от них идет к раскрытию сущности, закона вещей,

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 38, стр. 314.

Иначе чем через ощущения мы ничего не можем знать о внешнем мире. Можно было бы поэтому сказать, что достаточно исследования одного этого процесса, не обращаясь к истории, чтобы убедиться в истинности такого понимания. В какой-то мере это так, но все же, как ни убедительна эта аргументация для материалиста, одной ее недостаточно. Мышление человека осложнено многими обстоятельствами, не позволяющими процессу познания выступать в «чистом» виде. Лишь в очень редких случаях непосредственно можно проследить, что этот процесс начинается с чувственного созерцания, которое затем перерабатывается в понятия, законы. В большинстве случаев мышление человека с самого начала отправляется от известных, выработанных ранее понятий, теорий, составляющих, как правило, исходный пункт познания каких-либо явлений. Если оно и начинается с чувственного созерцания, то последнее настолько прослоено понятиями, идеями, абстракциями, что связь и переходы одного в другое совершенно затемнены (мы частично коснулись этого вопроса в предыдущей главе при разборе мыслей Эйнштейна по данному вопросу). Между обеими полюсами процесса — между ощущениями и понятиями — лежит длинная дистанция, так что первое совершенно растворяется, не видно во втором, и кажется, что мысль не связана с эмпирическими данными. В этом забвении всех необходимых звеньев процесса познания и преувеличении одной из его граней, а именно опосредованного познания, и состоит в значительной мере источник идеалистической теории познания.

И. М. Сеченов, детально исследовавший в своих работах процесс познания человека, показал, что при изучении познавательного процесса взрослого человека выпячивается только сознательная сторона этого акта, в силу чего причина возникновения психического акта, т. е. воздействие внешнего мира, объекта на субъект, исчезает. В результате этого психическая деятельность абсолютизируется. Отсюда легко прийти к идеалистическому взгляду на природу психического вообще и познания в частности.

«Выходя из мысли, — писал он, — что внешний мир воспринимается и познается нами посредственно, они (т. е. идеалисты. — *М. Р.*) считают всю рассудочную

сторону мысли не отголоском предметных отношений и зависимостей, а прирожденными человеку формами или законами воспринимающего и познающего ума, который совершает всю работу превращения впечатлений в идейном направлении и создает таким образом то, что мы называем предметными отношениями и зависимостями» [1].

Так как мышление взрослого человека не представляет полной возможности исследовать процесс познания с точки зрения его начала и закономерного развития, то Сеченов акцентирует внимание на изучении *истории* умственного развития ребенка, истории возникновения детской мысли. Здесь в чистом виде протекает тот же процесс, который у взрослого человека затемнен. Сеченов говорит также об известном параллелизме между историей развития мысли ребенка и историей мысли в период раннего развития человечества. Развитие мысли ребенка идет от чувственных образов к обобщению, мысль удаляется от непосредственного, в чувственный опыт вплетается опосредствованное знание. Такова основная тенденция развития, вскрытая Сеченовым.

В раннюю пору своего развития ребенок мыслит только предметными категориями — данной елкой, данной собакой и т. п. Позднее он мыслит о елке уже как о представителе известной породы деревьев. В дальнейшем объектами его мысли являются «растение», «животное», т. е. понятия несравненно более широкие, чем «ель» и «собака». При таком движении мысли объекты приобретают все более и более обобщенный характер, удаляющий их от чувственных предметов.

Далее Сеченов показывает, что от обобщенных представлений мысль ребенка переходит к образованию понятий. Эта характеристика умственного развития ребенка вполне соответствует той общей тенденции движения познания от непосредственного к опосредствованному, которую В. И. Ленин определил как логическое обобщение истории мысли. Эта же тенденция проявляется и в истории науки в целом и каждой отдельной науки. Совпадение логики развития науки с логикой формирования и развития мысли у ребенка отмечают и

---

[1] *И. М. Сеченов.* Избранные философские и психологические произведения, стр. 407.

некоторые крупные естествоиспытатели. Так, Лавуазье писал по этому поводу: «Когда мы начинаем впервые изучать какую-нибудь науку, мы находимся по отношению к ней в положении, весьма сходном с положением ребенка, и путь, который нам предстоит пройти, совершенно аналогичен тому, которому следует природа, формируя его представления. Подобно тому, как у ребенка понятие является продуктом ощущения, как ощущение заставляет рождаться представления, — у того, кто начинает заниматься изучением физических наук, *понятия должны быть* не чем иным, как *выводом,* непосредственным следствием *опыта* или *наблюдения*»[1].

Таким образом, *общая тенденция* исследования науки как бы воспроизводит историю умственного формирования человека и имеет то же направление — от непосредственного к опосредствованному, от внешнего к внутреннему, от явления к сущности, закону. Эту закономерность можно проследить на истории любой науки — естествознания, политической экономии и т. д. Известно, например, что в период возникновения точных наук в XVII—XVIII вв. господствовало механическое объяснение природы, которое ученые пытались распространить на все явления неорганической и органической природы. Это не случайность, а проявление той же закономерности движения познания от непосредственного к опосредствованному. Материалистически объяснил этот факт П. Ланжевен. «Поскольку механические свойства наиболее непосредственно оказывают влияние на наши чувства, — писал он, — то вполне естественно, что первые попытки объяснения мира, опиравшиеся на непосредственные данные наших чувств, были основаны на механических понятиях. Значительный успех этого способа объяснения в небесной механике в свою очередь неизбежно должен был привести к попытке распространить его на всю науку. Затем появился электромагнетизм; в физике произошел полный переворот, в результате чего идеи наших предков перестали соответствовать современному представлению о мире»[2].

---

[1] *А. Лавуазье,* Мемуары.., Л., 1931, стр. 71 (курсив мой. — *М. Р.*).

[2] *П. Ланжевен,* Избранные произведения. Статьи и речи по общим вопросам науки, М., 1949, стр. 329.

Первоначально возникающие в истории науки теории несут на себе печать чувственного, непосредственного отражения действительности. Даже тогда, когда мысль на основе эксперимента проникает в сущность явлений, переходит к опосредованному знанию, она отражает вначале сущность, лежащую ближе к поверхности, и затем переходит к обнаружению более глубоких сущностей. Например, после открытия сложного строения атома наука вначале исследовала электронную оболочку атома, т. е. то, что ближе к поверхности данного явления, а затем перешла к исследованию атомного ядра и его закономерностей. Сейчас уже намечается дальнейшее углубление наших знаний, началось проникновение в сложную структуру элементарных частиц.

Эта же закономерность проявляется и в истории общественных наук, например, политической экономии. Первые системы взглядов на буржуазное общество, представленные меркантилистскими и монетарными теориями, были поверхностными, ненаучными. Они были еще далеки от понимания законов развития товарного производства. Но иного начала политической экономии и не могло быть, исторически это оправдано, ибо первоначально фиксироваться могло только то, что доступно непосредственно созерцанию. Естественно, что первые представители политической экономии останавливали свое внимание на процессах товарного и денежного обращения, не подозревая, что существует скрытая основа этих явлений, изучение которой только и может дать научное знание. Развитие политической экономии шло, как известно, в направлении выяснения сущности экономических процессов, мысль отвлекалась от внешней видимости вещей и проникала в их глубочайшую основу, в скрытые пружины процессов.

Или возьмем такую область знания, как язык, историю языка, вне которой нет истории мысли, нет познания вообще. Как свидетельствуют специальные исследования, в историческом развитии языка наблюдается та же общая закономерность: сначала язык служит средством преимущественно для чувственно-наглядного отражения действительности. Этот факт сказывается в самой структуре языка, в его конкретном характере, в отсутствии достаточного количества слов для выраже-

ния общих понятий. Затем язык становится орудием для выражения все более обобщенных представлений и понятий, отражающих существенные стороны вещей. Сошлемся на такого крупного специалиста в области языкознания, как А. А. Потебня. Свидетельство этого исследователя для нас особенно важно, потому что он рассматривает язык в историческом развитии, как орган, образующий, развивающий мысль. Правда, он склонен приписать языку чуть ли не решающее значение в образовании понятия, но это уже преувеличение, абсолютизация в сущности верной мысли об активной роли языка в мышлении.

В книге «Мысль и язык» Потебня указывает, что в начале исторического развития, а также на первых ступенях умственного формирования ребенка язык выступает в качестве орудия создания чувственного образа, восприятия, он есть средство создания «единства чувственного образа»[1]. Эта особенность языка находится в соответствии с закономерностью развития мысли в тот ее период, когда господствует чувственно-образное, конкретное восприятие действительности. Колоссальный этнографический материал о языке и мышлении первобытных народов подтверждает эту особенность языка в начальный период его развития.

Установив значение языка как средства выражения восприятий, Потебня показывает, какую роль играет слово в процессе развития способности человеческой мысли к обобщению, например при выработке представлений как более обобщенной формы мысли по сравнению с восприятием. С помощью слова «мама» ребенок закрепляет и выражает обобщенное представление о матери, отвлекаясь от различных ситуаций, в которых он видел свою мать[2]. Важным этапом в развитии языка, согласно Потебне, является образование прилагательных, глаголов, которые выражают более глубокую ступень познания вещей, познания их сущности: «Существование прилагательного и глагола возможно только после того, как сознание отделит от более-менее случайных атрибутов то неизменное зерно вещи, ту сущность, *субстанцию,* то нечто, которое человек думает

[1] *А. А. Потебня,* Полное собр. соч., т. I, Одесса, 1922, стр. 123.
[2] См. там же.

видеть за сочетанием признаков и которое не дается этим сочетанием»[1].

Таким образом, язык развивается в том же направлении, что и мысль, — от конкретно-чувственного к обобщенному: посредством слова мысль «идеализируется и освобождается от подавляющего и раздробляющего ее влияния непосредственных чувственных восприятий»[2]. Констатация в науке о развитии языка именно этой общей тенденции очень важна, она совпадает с закономерностью исторического развития человеческого мышления, отдельных наук и т. д.

Обобщение истории мысли, языка, отдельных наук дает основание для утверждения, что в силу единства исторического и логического путь познания объективной истины есть путь движения от чувственного созерцания вещей к образованию абстракций на основе практики, практической деятельности людей, и что только такое понимание познавательного процесса соответствует действительным объективным законам мышления. Иначе говоря, обобщение истории мысли, языка и т. д. служит фундаментом для научного решения одного из коренных гносеологических вопросов, вокруг которого по настоящее время не прекращаются ожесточенные споры.

Таким образом, формула В. И. Ленина: «От живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины*, познания объективной реальности»[3], представляет собой обобщенное выражение *исторического* развития познания. В этой формуле законы исторического развития мышления и логические законы мышления совпадают. Как ни сложен процесс познания в голове современного человека, как бы ни был он затемнен тем, что уже в исходном пункте познания мы пользуемся и средствами абстрактного мышления, опираемся на существующие теории, понятия и т. п., — все это не может отменить действие закона, согласно которому познание движется от непосредственного к опосредствованному, от чувственного созерцания к абстрактному мышлению, проверяя каждый свой шаг практикой, экспериментом,

---

[1] *А. А. Потебня*, Полное собр. соч., т. I, стр. 121.
[2] Там же, стр. 181.
[3] *В. И. Ленин*, Соч., т. 38, стр. 161.

опытом. Ибо подобно тому как в истории мышления понятия, научные законы, идеи рождались из переработки наблюдений, опыта, данных о реальных явлениях и процессах, так это происходит и сейчас, хотя и в несравненно более сложной форме, в мозгу современного человека. В этом смысле мы и утверждаем, что совпадение исторического и логического есть ключ к решению гносеологических и логических проблем.

Соотношение логики и истории развития объективной действительности

До сих пор мы рассматривали совпадение логики и истории *мышления*. Теперь мы должны рассмотреть другой аспект этого же вопроса — соотношение логики с историей развития уже не мышления, а *объективной действительности*. В первом случае была прослежена логика движения мысли с точки зрения объективной закономерности развертывания познавательного процесса, его различных стадий, перехода от одних форм к другим и т. д. Сущностью логического процесса является историческое, т. е. история развития *мышления*, сжатым, концентрированным выражением которого выступает отдельный логический процесс. Рассмотрим теперь вопрос, как соотносится логика исследования предметов с историческим развитием самих этих предметов. И здесь мы найдем, что сущность логического в историческом.

Так как этот вопрос в нашей литературе разработан более основательно, чем первый, мы ограничимся лишь несколькими замечаниями.

1. Главнейшим фактом здесь выступает изменчивость явлений объективного мира в процессе их истории. Каждое явление, предмет имеют свою историю. Их современное состояние есть результат всего предшествующего развития. Когда мы изучаем какое-нибудь явление природы или общественной жизни, мы нередко изолируем его от пройденного им пути развития, результатом которого он является. Такое абстрагирование полезно и даже необходимо на первых этапах исследования, но со временем возникает потребность проследить историческое развитие объекта.

Подобно тому как мышление современного человека можно понять, лишь обращаясь к его истории, ибо оно результат всего развития человечества, так и объективный мир может быть понят лишь при условии исторического подхода. В этом сущность диалектического понимания природы. Но если предметы и явления представляют собой процессы — процессы возникновения, развития и неизбежного исчезновения, — то эта динамика их должна найти отражение в мышлении. Чтобы познать предметы, мысль должна исследовать их историю, следовательно, и в этом отношении логическое совпадает с историческим. С чего начинается история объекта, с того начинается и движение познающей мысли, и весь ее дальнейший ход будет отражением исторического развития объекта. Логика развития мысли как бы накладывается на объективную логику истории предмета.

Трудно переоценить значение этого принципа для познания. Предметы или явления, взятые в готовом, более или менее завершенном виде, далеко не всегда раскрывают свои тайны, вследствие этого исследование их свойств и черт на базе их современного состояния не приносит успеха. И тогда обращение к истории становится верным путем к выяснению сущности явлений. Прекрасное подтверждение этому дает научный опыт. Например, как дарвинизм объяснил такое на первый взгляд странное и непостижимое явление как целесообразность и совершенство растительных и животных видов, их удивительную приспособленность к среде? К. А. Тимирязев в книге «Исторический метод в биологии» показал, что Дарвин сумел раскрыть эту тайну живой природы только благодаря историческому взгляду на органический мир. «Физиологическое совершенство, — пишет он, — непонятное как непосредственное приобретение за период индивидуального развития, может быть понято как наследие несметных веков исторического процесса»[1].

Далее он правильно замечает, что это положение имеет *всеобщее* значение и должно быть распространено и на такие науки как механика, физика, химия, которые, казалось бы, могли игнорировать момент историзма. Однако поскольку каждое данное состояние материи

[1] *К. А. Тимирязев,* Исторический метод в биологии, М.—Л., 1943, стр. 35.

есть лишь звено в бесконечной цепи развития, то принцип историзма и здесь дает в руки исследователя могучее орудие познания. Тимирязев ссылается на космогонические гипотезы Канта и Лапласа, в которых для объяснения современного движения планет привлекалась история их становления и развития. В современных космогонических теориях момент историзма в объяснении законов движения небесных тел приобрел еще большее значение. Эти теории исходят из того, что раскрыть и понять картину планетной системы можно, лишь исследуя их не как готовые, а как возникшие из определенного допланетного состояния. Понятие эволюции, исторического развития столь же правомерно применяется к небесным телам, как и к живой природе.

Что касается значения принципа совпадения логического и исторического для понимания сущности общественных процессов, то здесь оно настолько велико, что В. И. Ленин указывал: «самое надежное» в данной области «это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»[1].

Итак, поскольку объекты исследования могут быть поняты лишь как результаты определенных исторических процессов, мысль должна рассматривать их в процессе становления и развития и постольку логическое в общем и целом совпадает с историческим, воспроизводит исторический ход этого развития.

2. Совпадение логики исследования предметов с их историческим развитием осуществляется также лишь как общая тенденция, в общем и целом. В процессе своего движения мысль не следует за всеми перипетиями и зигзагами действительного исторического развития. Вследствие этого логическое есть и с этой стороны исправленное историческое. «Исправление» это выражается в том, что логика исследования схватывает исторический ход развития явлений в его существенности. Однако исправление, производимое логически, не произвольно, не субъективно. Оно делается в полном соот-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 29, стр. 436.

ветствии с объективными законами самой действительности. Это значит, что «исправление» предпринимается для того, чтобы лучше, глубже выразить самую историю развития объекта. Исследуя историю объективного процесса, мысль отбрасывает все случайное, несущественное, затемняющее основное направление развития, его законы.

На этой стороне соотношения логического и исторического также сказывается и момент их противоречивости. Полное тождество этих сторон обрекло бы мысль на пассивное, фотографическое отображение развития объектов. В действительности же мысль, будучи отражением объективного мира, активно исследует, анализирует явления, переплавляя их в идеальные образы, значение которых не только в том, что они отражают объективную реальность, но и отражают ее в соответствии с законами ее развития.

Противоречивое взаимоотношение логического и исторического находит свое проявление также и в том, что логическое отражает историческое на основе высшей ступени, достигнутой развитием познания тех или иных объектов. В этом смысл известного указания Энгельса о том, что в логическом движении мысли анализ дается в той точке развития, где процесс достигает «полной зрелости и классической формы»[1]. Эти слова Энгельса следует понимать так, что наша мысль, исследуя какой-нибудь объект в его развитии, имеет в своем распоряжении или уже готовый итог или известные результаты этого развития, позволяющие ей с точки зрения настоящего глубже понять тот путь, который исторически подвел к современному состоянию объекта. Поэтому не только анализ истории предмета помогает лучше понять этот предмет, но и анализ современного его состояния способствует более глубокому исследованию его прошлого, исторического процесса, завершившегося его возникновением. Исследование предмета в его завершенности и в его историческом развитии — не разные задачи, а двуединая задача одного и того же процесса познания. Если анализ истории есть условие познания объекта в его развитой форме, то в свою очередь анализ этой формы проливает свет на его прошлое, на его

[1] *К. Маркс,* К критике политической экономии, стр. 236.

историю, ориентирует нашу мысль, в каком направлении следует исследовать эту историю.

Например, без изучения истории развития видов растений и животных невозможно было понять целесообразность их современного строения и приспособленность к окружающим условиям. Но эта целесообразность и приспособленность в свою очередь были тем состоянием «полной зрелости», которое служило указателем, руководящей нитью в исследовании исторического пути, приведшему к определенным результатам. Перед наукой встала задача выяснить, какие условия и факторы в далеком прошлом явились *причиной* относительной целесообразности органических форм, и наука ее обнаружила в истории развития растений и животных.

Отсюда вытекает еще одно важное указание в отношении логики движения нашего познания: если состояние полной зрелости предмета или та точка процесса развития, в которой достигнута «классическая форма» объекта, дают возможность глубже выяснить путь развития объекта, то мысль наша не обязательно должна *во всех случаях* идти от того, что исторически предшествует высшим состояниям и от него к более зрелым формам. Когда развитая форма предмета дает возможность обнаружить сущность его исторического развития, тогда исследование можно начинать с анализа более высокой ступени исторического развития и затем, исходя из достигнутых результатов, объяснять менее развитые формы. Именно это имел в виду Маркс, когда он говорил, что «развитое тело легче изучать, чем клеточку тела»[1]. В «Капитале» он в ряде случаев изменяет направление исследования, повинуясь интересам и требованиям осознания сущности того или иного явления. Сущность капитала легче раскрыть на такой развитой форме как промышленный капитал, чем на развитой форме торгового или ростовщического капитала, хотя исторически вторая форма предшествует первой.

Это и означает, что логическое совпадает с историческим лишь в общем и целом, что их связь и единство противоречивы. Конечно, подобные случаи не есть нарушение общего принципа совпадения логического и исторического, ибо само отступление от него предприни-

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. I, стр. 4.

мается в процессе познания для того, чтобы в конечном счете глубже осмыслить исторический процесс развития.

3. На основе общего единства и совпадения логического и исторического в конкретных исследованиях может выдвигаться на первый план то логический метод, то исторический. Иными словами, общий принцип конкретизируется применительно к различным областям человеческого знания, к различным целям исследования. В исторических науках акцент делается на историческом методе, на воспроизведении конкретного хода истории. В теоретических науках преимущество получает логический метод исследования. В соответствии с этим можно говорить о двух самостоятельных способах исследования — логическом и историческом. Характерная черта логического способа исследования — анализ явления в его «чистом», абстрактно-теоретическом виде. Результаты такого анализа формулируются в виде законов, категорий, в определенной системе категорий и законов. Характерная черта исторического способа исследования — анализ явлений в их конкретном историческом развитии, результаты его излагаются в столь же конкретной исторической форме.

Различие этих двух способов исследования относительно. Энгельс определял логический способ как тот же исторический, только освобожденный от исторической формы. С таким же основанием исторический способ можно считать тем же логическим, только воплощенным в историческую форму. Это значит, что, хотя мы и различаем логический и исторический способы исследования как самостоятельные, в каждом из них осуществляется единство, связь логического и исторического. Историческая наука превратилась бы в груду событий и фактов, если бы исследование и изложение их не были подчинены цели осознания исторических явлений как закономерных, подчиняющихся объективным законам развития. И наоборот, логический способ исследования без постоянного контакта с реальными фактами, с историческим развитием утратил бы всякую познавательную силу [1].

[1] Вопрос о логическом и историческом способах исследования подробнее рассмотрен нами в другом месте (см. «Категории материалистической диалектики», Госполитиздат, М., 1957, стр. 352—388).

ГЛАВА V

ПОНЯТИЕ В ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКЕ

Место понятия в диалектической логике

Выяснение законов диалектической логики, являющихся фундаментом познания, позволяет теперь перейти к анализу конкретных форм мышления.

В литературе по логике нет единой точки зрения по вопросу о том, в каком порядке должны рассматриваться и исследоваться эти формы мышления: начинать ли с понятия и от них переходить к суждению и умозаключениям или исходным пунктом исследования должны быть суждения и из них нужно выводить остальные формы. Так как в подобных спорах по существу затрагивается вопрос о месте и значении каждой из этих форм, о их субординации, то нам кажется, они, эти споры, не столь бесплодны, как может показаться на первый взгляд. Особенно важно это в связи с вопросом о месте и роли понятия, поскольку существует явная тенденция преуменьшить его роль, считать его простым элементом, частью суждения[1].

[1] В качестве примера такого отношения к понятию в старой логической литературе можно сослаться на Введенского, который доказывает, что понятие нужно изучать лишь постольку, поскольку оно входит в состав суждения. «Ведь знание, — пишет он, — состоит из суждений, а не из каких-либо других мыслей, и понятия могут входить в состав знания лишь как части суждения. Отдельно же взятое понятие, например понятие квадрата, еще не образует знания» (*А. Введенский*, Логика как часть теории познания, П., 1922, стр. 64). С этой точки зрения понятия не имеют никакого самостоятельного значения, сами по себе они не дают знания. Это очень

С нашей точки зрения, анализ форм мышления следует начинать с понятия по следующим соображениям. Понятие в марксистском его понимании есть итог, результат обобщения явлений, их свойств, признаков, закономерных связей. Это как бы кристаллы, откладывающиеся в процессе развития человеческих знаний, в итоге огромного практического опыта, накапливаемого многими человеческими поколениями. Если бы можно было сравнить познание с живым организмом, то понятия представляли бы собой клетки, из которых состоит «организм» познания. Подобно тому, как нет живого существа вне клеток, из которых оно строится, так нет и познания без понятий. Понятия — это основной строительный материал процесса познания, мышления, основная логическая «клетка» познания. В этом смысле мы считаем ее, эту «клетку», исходной при анализе других форм мышления. Исходной, разумеется, не потому, что она исторически возникла якобы раньше других форм мышления. Спор о том, что возникло раньше — суждение или понятие, — бессмыслен. Эти формы взаимосвязаны, они немыслимы одна без другой (это относится и к умозаключению). Понятие возникает в результате ряда суждений, последние в свою очередь невозможны без понятий, которыми они оперируют. Утверждая, что понятие исходная основная «клетка» процесса познания, мы руководствуемся в данном случае тем, что они представляют собою узловые пункты познания, дающие сокращенное выражение существенных связей и отношений массы вещей и опираясь на которые только и возможно строить суждения и умозаключения. Это в равной степени относится к роли понятий в конкретных науках и в логике. Различие заключается лишь в том, что основным материалом в конкретных науках являются конкретные, частные понятия, логика же оперирует наиболее общими понятиями и категориями.

Когда мы высказываем положение, например «капитализм есть последняя антагонистическая формация, на смену которой приходит новая социально-экономическая формация, не знающая деления на эксплуататорские и

поверхностное представление о понятии, последнее берется чисто внешним образом. Так как оно обычно выражается посредством одного слова, то в этом усматривается отсутствие в нем знания.

эксплуатируемые классы», то это суждение опирается как на свой фундамент на целый ряд понятий: «капитализм», «социально-экономическая формация», «классы», «антагонизм» и др. Каждое из этих понятий выражает знания, полученные в итоге длительного исторического развития науки и человеческой практики. Каждое из них представляет сжатое, концентрированное обобщение этих знаний и опыта. Поэтому-то и можно высказывать какие-нибудь мысли о тех или иных явлениях и процессах, что в нашем распоряжении имеются эти «клетки», из которых развивается весь «организм» познания.

Нам могут возразить, что как ни важны понятия, они сами по себе представляют лишь возможность, а не действительность высказывания. Понятия «капитализм», «класс», «социально-экономическая формация», «антагонизм» и т. п. в сумме не дают высказывания или положения о том, что «буржуазное общество есть последняя антагонистическая формация, расколотая на враждебные классы». По-видимому, такого рода соображения и приводят к ложному представлению о том, что только в логической форме суждения можно выразить закономерные связи вещей [1].

Конечно, понятия должны быть приведены в движение, связаны друг с другом, суждение и есть форма движения, связи понятий, позволяющая раскрыть их содержание. Но при этом суждение как форма познания использует содержание понятий, опирается на них как на свои исходные пункты. К тому же неправильно представлять этот процесс так, что сначала создаются понятия, а суждение оперирует уже готовыми понятиями. Диалектическая логика исследует не готовые понятия, а процесс их возникновения, движения, развития. Опираясь на некоторые исходные понятия, мы с помощью суждений, умозаключений и иных логических средств формулируем новые понятия и законы, раскрываем новые стороны и свойства явлений.

В этом смысле можно сказать, что понятия не только исходный пункт в движении познания, но и итог этого движения, поскольку достигнутые нами знания мы

---

[1] См., например, *В. П. Тугаринов,* Соотношение категорий диалектического материализма, Л., 1956.

фиксируем в новых, более глубоких и конкретных понятиях и законах. Подобно тому как искусно сплетенная сеть сохраняется благодаря многочисленным узлам, соединяющим и связывающим все ее части, подобно этому и понятия науки суть те узлы, которые связывают все ее суждения и выводы воедино, делая возможным само ее существование. Чем бы была современная физика без таких ее основных понятий как материя, масса, энергия, атом, элементарная частица и многие другие?

Сказанное о понятии нисколько не умаляет значение других форм мышления — суждения и умозаключения, сущность и роль которых в диалектической логике будут выяснены в следующих главах. Все логические формы мышления, а не одна какая-либо из них, играют важную роль в исследовании внутренних закономерных связей явлений, и каждая форма мышления выполняет определенные функции в процессе углубления и расширения наших знаний о законах действительности.

Особое значение понятия здесь отмечается, во-первых, потому, что оно действительно занимает важное место в системе других форм мышления и, во-вторых, потому, что за последние полстолетия идеалистическая философия всячески стремилась принизить роль понятия как орудия научного познания. Эта тенденция характерна для прагматизма, инструментализма, ницшеанских школ в философии, современного логического позитивизма, экзистенциализма и т. д. В понятиях современные идеалисты усматривают чуть ли не главное зло, мешающее науке двигаться вперед. Одни утверждают, что понятия омертвляют действительность и требуют заменить их мистической интуицией. Другие видят в них просто слова, за которыми ничего реального нет, и сводят логику к анализу языка. Третьи считают понятия фикциями, удобными или неудобными для наших целей: удобные понятия — это полезные, неудобные понятия — это бесполезные фикции и т. д.

Смысл всей борьбы новейшего философского идеализма против понятий — сознают это или нет отдельные его представители — в отрицании научного познания мира. В дальнейшем мы специально рассмотрим некоторые из указанных идеалистических взглядов на понятия и на абстракцию вообще.

Диалектическая природа понятия

Что же представляют собой понятия по существу? Самое обычное определение понятия, вошедшее в учебники, гласит, что оно есть форма отражения существенных признаков предметов. Хотя это определение в общем правильно, однако само по себе оно недостаточно для того, чтобы указать способы анализа понятий, которые обусловливаются целями и принципами диалектической логики, требованиями большей глубины логического анализа.

Здесь нет возможности излагать учение о понятии в формальной логике, оно хорошо известно из любого учебника элементарной логики. Без изучения понятий в формально-логическом плане, без деления и классификации понятий, выяснения отношения между ними нельзя свободно оперировать понятиями, неизбежны логические ошибки. Этот аспект изучения понятий имеет особенно большое значение для тех наук, которые занимаются классификацией различных явлений, каковы, например, ботаника, зоология и т. п. Но и любая другая наука, какими бы сложными понятиями она ни оперировала, не может обойтись без этих элементарных, но очень необходимых для всякого познания правил, установленных традиционной логикой. Нельзя, например, при всех условиях отождествлять единичные понятия с общими, конкретные с абстрактными, или сравнивать несравнимые понятия, включать в понятие с менее широким объемом понятие с более широким объемом и т. д.

Но было бы заблуждением думать, что специфическими задачами, решенными формальной логикой, исчерпывается проблема понятия и что это единственно возможный подход к ней. Для формально-логического аспекта изучения понятия характерны по крайней мере две особенности, делающие его лишь подготовительным в теории понятия: 1) особенный акцент формальная логика делает на «количественной» стороне понятий и их взаимоотношении и 2) она имеет дело с готовыми понятиями, которые сопоставляются друг с другом, и не интересуется важнейшим вопросом о происхождении и развитии понятий, их переходе друг в друга и т. д.

Говоря о первой особенности, следует иметь в виду, что формальная логика не ставит и по своим целям не

может ставить коренного вопроса в учении о понятии — вопроса о том, как в понятиях и посредством них отражаются и выражаются существенные закономерности действительности. Ни по общему подходу к понятию, ни по способам и принципам обобщения явлений объективного мира формальная логика не может дать ответа на этот вопрос. Когда мы говорим о «количественном» подходе формальной логики, то имеем в виду то обстоятельство, что ее интересуют главным образом такие вопросы, как число признаков, включенных в понятие, бо́льший или меньший объем его, каково соотношение между родовыми и видовыми понятиями с точки зрения числа признаков, охватываемых ими и т. д. Все это необходимо и важно выяснить, но здесь нет так сказать «качественного» подхода к этой проблеме: не анализируется, насколько адекватно и глубоко в понятиях и в их развитии отражаются закономерные связи явлений.

Подходя к понятию как сумме признаков, формальная логика не дает и не может дать критерия различения существенных и несущественных признаков. Если же она и разграничивает несущественные и существенные признаки, то объяснить переход одних признаков в другие она не может — это не входит в ее задачу. Между тем в реальной действительности грани между этими родами условны и в процессе развития они превращаются друг в друга. Например, несущественные признаки в развитии биологических видов со временем становятся под влиянием изменившихся условий среды существенными и наоборот.

Понятие есть отражение существенного в вещах. Но сущность вещей можно правильно определить лишь рассматривая их в развитии. Поэтому принцип развития составляет один из главных моментов учения о понятии в диалектической логике. Возьмем, например, такое социологическое понятие, как государство. В это понятие можно включить и ряд признаков, не способствующих выяснению сущности этого явления, что и делает буржуазная социология. Она включает в него в качестве существенных такие внешние признаки, как охрана порядка, безопасности граждан и т. п. Получается, что государство это орган для охраны порядка и безопасности граждан. Подобные признаки, хотя они

и характеризуют государство, не только не выясняют, но даже затемняют его сущность, т. е. то, что оно — орган господства одного класса над другим, выражение факта раскола общества на классы и т. д. Чтобы выявить, какие из указанных признаков понятия «государство» существенны, а какие несущественны, необходимо подойти к нему с точки зрения развития, исследовать, как и когда оно возникло. Тогда станет ясно, что оно не всегда существовало, что в первобытном обществе не было государства, что оно появилось только с возникновением классов как орган угнетения одного класса другим и т. д. Иначе говоря, вне диалектического подхода к явлениям трудно исследовать их сущность и выразить их в соответствующих понятиях.

Так же обстоит дело с таким понятием как капитал. Неудовлетворительность тех определений этого понятия, которые давались до Маркса буржуазными экономистами, состояла в том, что в этих определениях капитал рассматривался как нечто вечное, а не возникшее в определенных исторических условиях. Марксу удалось дать истинное определение этого понятия только благодаря тому, что он подошел к этому понятию исторически, он определил капитал как выражение определенных общественных отношений, возникших в конкретных исторических условиях.

Вне принципа развития невозможно дать определение и таких естественнонаучных понятий как органический вид, клетка и множество других.

Вторая особенность учения формальной логики о понятии также обусловливает ограниченность ее подхода к данному вопросу. В познании, взятом во всей его сложности, мышление оперирует не готовыми, а развивающимися понятиями, оно имеет дело не с тождеством понятия и действительности, а с диалектически противоречивым процессом совпадения одного с другим. А это значит, что понятия имеют свою историю, что для логики важно исследовать не только отношение между готовыми понятиями. Решающее значение для выяснения сущности познания имеет исследование логики движения, развития, изменения понятий.

Этот новый подход к проблеме понятий, другие задачи исследования понятий связаны с иными, более глубокими способами и принципами обобщения. Короче

говоря, кроме формально-логического, существует диалектический аспект анализа понятий, различие между ними не выдумано, а есть результат исторического развития познания, прогрессирующего от менее сложных к более сложным задачам.

Диалектическая логика рассматривает понятие как отражение сущности, существенных, закономерных связей предметов. Сущность вещей раскрывается путем обобщения. Понятие — это результат обобщения массы единичных явлений, оно есть существенно общее, вскрываемое мышлением в отдельных вещах, явлениях. Здесь сразу возникает один из самых важных вопросов теории понятия — вопрос о соотношении общего и единичного в понятии, о диалектической природе понятия.

Сущность вещей, а следовательно, и отражение ее в мыслях есть область диалектических противоречий. Выразить, определить сущность вещей — значит постигнуть вещи в их внутренних противоречиях, ибо противоречия являются стимулом, источником развития вещей. Понятие как форма мышления и должно быть исследовано в свете этого коренного принципа, закона диалектической логики. И только на этой основе может быть понята и та более глубокая форма обобщения, которая присуща диалектической логике в отличие от логики формальной.

Ограниченность формальной логики заключается в том, что она своими способами обобщения не вскрывает диалектические противоречия. В самом деле, обобщение — это обнаружение взаимосвязи, взаимоотношения общего и единичного. Формальная логика, решая свои задачи, производит обобщения путем сравнения признаков вещей. Единичные признаки — это такие, которые характерны лишь для данного предмета; общие — это признаки, одинаковые для многих предметов. Чтобы создать общее понятие, нужно вычесть, отвлечь те признаки, которые присущи единичным явлениям и оставить лишь признаки, общие для всего класса явлений. При этом способе обобщения общее противостоит единичному, многообразным единичным явлениям. Общее и единичное разделяются и изучаются каждое в отдельности. Конечно, такое деление и изучение в отдельности признаков важно, оно необходимо для того,

чтобы отличить один предмет от другого, единичные признаки от общих признаков, вид от рода и т. д.

При таком способе обобщения, однако, общее не выступает как противоречивая сущность, как единство общего и единичного. Конечно, когда мы формально-логическим путем образуем понятие животного, то в нем обобщены признаки, общие всем представителям животного мира, следовательно, это общее включает в себя единичное. Но, во-первых, формальная логика оставляет в стороне, не исследует противоречивого характера общего, не интересуется общим как единством противоположностей; во-вторых, поскольку она трактует понятия лишь как совокупность признаков, а взаимоотношение общего и единичного также рассматривает лишь с точки зрения того, какие признаки, свойства присущи одному понятию и какие — другому, то для нее важна не диалектика общего и единичного, связи, переходы одного в другое, а их различие, обособление.

Такого рода обобщения Гегель называл «абстрактными всеобщностями», так как общее здесь выступает само по себе, а единичное само по себе, вне связи друг с другом, не как тождество противоположностей. Общее противостоит многообразному миру единичных явлений, а не включает его в себя диалектически, в «снятом» виде. Гегель указывал, что в таком случае «всякое многообразие стоит *вне понятия*, и последнему присуща лишь форма абстрактной всеобщности...»[1] Он справедливо критиковал Канта за метафизическое противопоставление общего единичному, хотя он и подчеркивал положительную сторону учения последнего о синтетических суждениях, усматривая ее в том, что понятия в таких суждениях представляют синтез единичных признаков. Многообразие этих признаков остается не по ту сторону общего, а содержится в понятии.

Действительно, Кант полагал, что понятия, категории — это «единство многообразия». Первое, что дано для априорного познания, с точки зрения Канта, — это многообразие наглядного представления. При помощи воображения это многообразие синтезируется, но этот синтез еще не есть знание. Третьим условием познания являются понятия, сообщающие единство этому синтезу.

[1] *Гегель*, Соч., т. VI, стр. 19.

Только с помощью понятий синтез, писал Кант, «может понимать что-либо в многообразии наглядного представления, т. е. мыслить в нем объект» [1].

Видя в этом шаг вперед к диалектическому пониманию понятий, Гегель вместе с тем подвергал резкой критике Канта за то, что единство многообразия он считал результатом субъективной деятельности, что понятия это только условие, форма опыта, присущие априорно рассудку. Иначе говоря, с помощью понятий, категорий Кант выводит единство многообразия не из самого мира единичных вещей, а из чистого рассудка; это единство навязывается рассудком единичному, а не обобщается посредством исследования сущности единичного. В результате Кант разрывает общее и единичное, у него отсутствует связь, переход от одного к другому. Таким образом, он не вывел все следствия из правильного подхода к понятиям как синтезу многообразного и не понял диалектической природы понятия.

По сравнению с Кантом Гегель сделал значительный шаг вперед в исследовании диалектической природы понятия. Он анализировал понятия как диалектическое единство противоположностей — общего и единичного (а также особенного), как выражение сущности, в которой содержится богатство единичного, многообразного. Самым низшим представлением о всеобщем и его отношении к единичному Гегель считал такое, когда они противопоставляются друг другу как абсолютно чуждые. То всеобщее, утверждал он, которое «не имеет единичного внутри самого себя», «остается чуждым понятию». Такая абстракция не может постигнуть жизни, ибо «она не подпускает к своим продуктам единичность» и, таким образом, «проходит лишь к безжизненным и бездуховным, бесцветным и бессодержательным всеобщностям» [2].

Такому пониманию общего Гегель противопоставляет свой взгляд, согласно которому понятие есть конкретная всеобщность, т. е. такая всеобщность, которая, будучи определением сущности явлений, содержит в себе богатство единичного и в силу этого конкретно. Абстракция понятия, по Гегелю, — «не пустая абстрак-

[1] *И. Кант*, Критика чистого разума, стр. 75.
[2] *Гегель*, Соч., т. VI, стр. 54.

ция от конечного, не бессодержательная и неопределенная всеобщность, а наполненная всеобщность»[1].

Положительное направление в исследовании понятия сочетается у Гегеля — отнюдь не диалектически — с его идеализмом. Гегель критиковал не только метафизическую абсолютизацию различия между общим и единичным у Канта, но он отвергал и материалистический элемент, содержащийся в его взглядах, — утверждение о том, что понятия без наглядного созерцания пусты. Для идеалиста Гегеля был невыносим хотя бы намек на мысль о зависимости понятий от содержания единичных вещей. Гегель считал, что понятие есть нечто абсолютное и как таковое содержит в себе единичное в том смысле, что порождает его в процессе своего движения. Если по Канту общность привносится рассудком в многообразие единичного, то по Гегелю она присуща самому понятию вследствие его абсолютности. Говоря о том, что не субъективная деятельность вносит единство в многообразие с помощью понятия, он заявляет, что общее (т. е. понятие) есть само абсолютное и что оно «как бы по своей доброте отпускает от себя единичности, чтобы они наслаждались своим бытием, и это же наслаждение само затем гонит их обратно в абсолютное единство»[2].

Нет смысла останавливаться на критике этих давно развенчанных идеалистических нелепостей. Понятия, разумеется, не есть нечто существующее до и помимо реальных объективных вещей. Они — форма отражения существенных, закономерных связей и отношений вещей в мышлении. Сущность вещей, отражаемая в понятиях, извлекается из самих вещей, из единичных, конкретных явлений и предметов. Сущность — свойство не понятия, а реальных явлений, лишь воспроизводимых понятием в сознании человека.

Это, однако, только одна сторона сущности вещей, резюмируемой в понятиях. Важно также понять диалектическую природу этой сущности. Диалектическая природа общего как выражения сущности, закона вещей заключается в том, что богатство единичного не гаснет в общем, а сохраняется. Такое обобщение существенно

---

[1] *Гегель*, Соч., т. VI, стр. 107.
[2] *Гегель*, Соч., т. I, стр. 89.

отличается от обобщения, в котором богатство единичного испаряется, и остается одна тощая абстракция.

Противники диалектической логики утверждают, что такое понимание природы общего ведет к превращению его в некую «метафизическую» сущность, которая порождает из своего лона мир реальных чувственных вещей. Для примера сошлемся на одну давно забытую книгу Х. Житловского «Материализм и диалектическая логика». Ее автор пытается доказать несовместимость диалектической логики с материализмом. Он считает ее порождением гегельянской идеалистической философии. В этой книге содержатся избитые и ставшие затем патентованными аргументы против диалектической логики.

Диалектическая логика, заявляет Житловский, под понятием «понимает не только *сумму* сходных признаков, присущих какому-либо роду явлений или вещей, но всю совокупность всех тех явлений и вещей, которая, охватывается нами одним общим именем. В этом смысле понятие является не плодом абстрагирующей деятельности человеческого ума, но метафизической сущностью (! — *М. Р.*), лежащей вне человеческого мышления и по необходимости заключающей в себе не только сходные, но и все остальные признаки явлений и вещей, даже и такие, которые противоречат друг другу»[1]. Если, рассуждает автор, идеалист Гегель понимает таким образом понятие, то это естественно, но как может марксист, стоящий на материалистической позиции, отстаивать подобный взгляд на понятие? Под видом критики Гегеля автор пытается опровергнуть марксистскую, т. е. диалектико-материалистическую трактовку научных понятий и законов.

Положение о том, что понятие есть конкретная всеобщность, т. е. такая всеобщность, которая синтезирует в себе богатство единичного, ничего общего не имеет с идеализмом. Разве случайно современный идеализм, выступая против этого положения, повторяет те же идеи, которые выдвинули некоторые «критики» диалектической логики пятьдесят лет назад? Разве не с этой же позиции старые и современные противники Маркса пытались и пытаются доказать, что стоимость, приба-

[1] *Х. Житловский,* Материализм и диалектическая логика, М., 1907, стр. 16—17.

вочная стоимость, капитал и проч. — это «фантомы», призраки болезненного воображения, что законы капиталистического производства, открытые и обоснованные Марксом и развитые Лениным, — это «метафизическая сущность», витающая над миром реальных эмпирических вещей?

В действительности указанное положение о природе понятий есть результат и выражение глубокого диалектико-материалистического проникновения в сущность и законы познания и дает логическую основу для правильного понимания всех научных понятий. В. И. Ленин отстаивал и развивал этот научный взгляд на понятие. Формулу о том, что всеобщее это нечто конкретное, включающее богатство единичного, Ленин называл «прекрасной формулой». Он писал: «„Не только абстрактно всеобщее, но всеобщее такое, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного" (все богатство особого и отдельного!)!!»[1] В других местах «Философских тетрадей» Ленин, стремясь подчеркнуть диалектическое взаимопроникновение общего и отдельного, говорит о том, что «всеобщее есть отдельное», «отдельное есть всеобщее»[2] и т. д.

Чтобы постигнуть эту диалектическую природу понятия, необходимо понимать ее не как «сумму сходных признаков», а глубже, как конкретное единство общего и отдельного. Конечно, в обобщении имеет место и выделение сходных признаков, принадлежащих многим явлениям. Этого выделения достаточно, чтобы показать различие между отдельным и общим. Но научное обобщение и формулирование понятий значительно сложнее: это такое обобщение, которое познает сущность, закономерность развития вещей, т. е. сущность, которая выражает основное, закономерное в любом единичном явлении. А это значит, что научное обобщение не просто выделяет сходные признаки в единичном, а берет такие его признаки, стороны, свойства, которые составляют саму природу его существования, неотъемлемую от него, определяющую его развитие и т. д. Вследствие этого общее, фиксируемое в понятиях, больше, чем сумма признаков и не сводимо чисто количественным путем к ним;

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 38, стр. 87.
[2] См. там же, стр. 168, 191 и др.

общее — это закон, сущность единичных явлений, т. е. нечто качественно иное по сравнению с простой суммой признаков отдельных вещей.

Например, когда мы анализируем такое явление как империализм и определяем его как монополистический капитализм, то мы делаем обобщение, которое не только фиксирует нечто сходное в массе экономических процессов, но и вскрывает сущность этого явления. В этом смысле понятие «монополия» есть всеобщее, воплощающее в себе «богатство особенного, индивидуального, отдельного», и в этом сила данного научного понятия. Ибо, как бы ни отличались и как бы многообразны ни были различные единичные проявления империализма, все они находят свое объяснение в этой сущности. Если бы познание, двигаясь к общему, утратило на своем пути богатство отдельного, то оно не достигло бы основной цели, — раскрытия сущности, понятия были бы суммой некоторых сходных признаков ряда вещей и только. В действительности же в этом движении познание не утрачивает, а, напротив, концентрирует, сгущает многообразие конкретного, особенного и благодаря этому охватывает его сущность, закон. Как увидим дальше, эта черта познания имеет важное значение для понимания соотношения между объемом и содержанием понятия.

Таким образом, понятие в диалектической логике есть единство противоположностей: будучи общим, оно выражает вследствие этого сущность единичного, отдельного, и в этом смысле общее есть отдельное; будучи воплощением богатства единичного, поднимаясь от единичного к всеобщему, понятие в силу этого выражает не просто общие признаки единичного, а общее как сущность, как закон, и в этом смысле единичное есть общее.

Почему так важен этот аспект исследования понятия диалектической логикой? Диалектическая трактовка понятия как взаимопроникновения общего и единичного лишает всякой почвы утверждения об отсутствии перехода от единичного к общему и обратно — от общего к единичному, о наличии якобы неразрешимого противоречия между ними. Конечно, если понятие рассматривать только как общее, а единичное явление только как единичное, то, действительно, невозможно найти перехода от одного к другому.

Если же диалектически понимать понятие, то проблема перехода от единичного к общему и от общего к единичному разрешается естественным путем. Чем глубже и точнее постигает мышление взаимопереход единичного и общего, тем плодотворнее будут наши суждения о вещах и процессах, тем легче будет разобраться в многочисленных противоречиях, возникающих в ходе познания.

В свете этого значения диалектического подхода к понятию следует подчеркнуть особенно два момента, конкретизирующие приведенное выше общее соображение.

1. Взаимоотношение противоположностей общего и единичного таково, что они в известном смысле составляют единство, тождество. Так как понятие как общее есть отражение сущности единичного и общее, таким образом, находится в единстве с единичным, то именно поэтому оно служит опорным пунктом познания окружающего нас мира. Мы отправляемся в длительный и трудный путь познания от единичного, отдельного, затем переходим к общему, резюмируемому в понятиях, для того, чтобы снова вернуться к единичному и взглянуть на него с высоты общего как сущности того, что мы воспринимаем непосредственно. Благодаря тому, что понятие выражает богатство отдельного, как бы разнообразно и различно ни было это отдельное, обобщаемое в понятии, оно находит в нем отражение, притом отражение не внешнее, а существенное. Поэтому мы можем в полной мере, так сказать, довериться понятию (если оно, разумеется, научное понятие), зная, что при оценке или характеристике того или иного отдельного факта оно нас не только не подведет, но поможет правильно понять его.

Проиллюстрируем это на некоторых примерах. Известно, что философское понятие материи обобщает миллиарды отдельных проявлений материальной сущности природы, но обобщает не с точки зрения конкретного физического строения материи, а с позиции основного гносеологического вопроса. Соответственно этому понятие материи определяется как объективная реальность, существующая независимо от человеческого сознания. Здесь, несомненно, выражено общее свойство бесконечных видов и проявлений материи. Но это не

просто общее свойство, а свойство, отражающее в гносеологическом аспекте главное и решающее, т. е. то, что она существует независимо от нашего сознания, есть объективная реальность. В. И. Ленин говорил, что это *«единственное* «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм»[1].

В чем же глубина и сила этого понятия, делающая его подлинным «опорным пунктом» нашего познания? В том, что в нем такие противоположности как бесконечные единичные проявления материи и всеобщее выражение их сущности связаны воедино. Непонимание этой диалектической природы понятия материи приводит к тому, что открытие новых видов материи, каковы электрон, протон, нейтрон и т. п., которые по некоторым своим признакам противоречат ранее известным видам материи (отсутствие неизменной массы, новые закономерности движения микрочастиц по сравнению с макрообъектами и др.) породило у ряда естествоиспытателей мысль о нематериальном характере вновь открытых частиц. Между тем материя как философская категория отражает сущность всякого вида материи, как бы ни отличались они друг от друга по тем или иным физическим признакам и свойствам. На этом и основано наше неограниченное доверие к понятию материи, ибо оно схватывает сущность беспредельного множества единичных проявлений материального мира.

Мы взяли в качестве примера одно из философских понятий, которое предельно широко по объему своего обобщения. Но значение понятия для познания единичного можно было бы продемонстрировать и на менее широких понятиях, с которыми имеют дело специальные науки, например общественные науки. Известно, какое актуальное значение в современных условиях строительства социализма в ряде стран приобрел вопрос о соотношении общих и специфических путей революционного преобразования общества. Понятие диктатуры пролетариата, политической власти рабочего класса выражает то общее, существенное и закономерное, что присуще всем единичным, особенным проявлениям социалистического строительства. Завоевание власти рабочим классом — это главное условие, без которого немыслимо

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, стр. 247.

уничтожение капиталистического строя и создание нового общества. Следовательно, и понятие диктатуры пролетариата есть не абстрактная, а конкретная всеобщность, включающая в себя богатство единичного и особенного. Какими бы конкретными и специфическими чертами ни отличались пути и формы завоевания политической власти рабочим классом, а затем и строительства социализма, эти черты обобщены в понятии диктатуры пролетариата как своей сущности. Поэтому данное научное понятие представляет единство, тождество общего, т. е. всех форм социалистического преобразования, — и единичного, особенного, — т. е. каждой отдельной формы, осуществляемой в какой-либо стране. Вот почему отношение к диктатуре пролетариата является тем оселком, на котором испытывается идеологическая и политическая ценность тех или других концепций социализма. Не случайно ревизионисты различных мастей нападают именно на тезис об общности путей и форм строительства социализма, ибо как раз общность воплощает в себе сущность этого процесса, а ревизионизм подвергает пересмотру не частное, а сущность, главное.

Таким образом, единство, тождество общего и отдельного в понятиях объясняет их значение как узловых пунктов воспроизведения в мышлении существенных связей и отношений явлений.

2. Взаимоотношение диалектических противоположностей общего и единичного таково, что они не только в известном смысле тождественны, но и различны, противоречивы. Общее не может непосредственно совпадать с единичным, как и единичное, отдельное не может быть простым, непосредственным проявлением общего. Не противоречит ли это положению о том, что всеобщее воплощает в себе богатство отдельного, что многообразие единичного не угасает в общем, а воплощается в нем? Не означает ли это, что многообразие единичного остается по ту сторону общего? Конечно, нет. Утверждая, что понятие есть синтез множества единичных явлений и в этом смысле оно единство общего и единичного, мы имеем в виду только то, что понятие выражает сущность различных и многообразных по своему непосредственному бытию единичных явлений. Когда Лейбниц, прогуливаясь по саду, доказывал своим спутникам, что нет ни одного листа, который был бы подобен во всем другим

листьям, он был, безусловно, прав. И тем не менее имеется общее понятие листа, или если подойти к этому явлению с точки зрения его физиологических функций и обобщить их в понятии листа как «органа фотосинтеза», то необходимо признать и это общее понятие. Несмотря на огромное морфологическое разнообразие листьев, эти понятия включают в себя богатство отдельного, выражают их сущность. Или еще пример: цена на один и тот же товар колеблется; она, как правило, не совпадает с его стоимостью, но несмотря на различие и противоречие единичных цен товара, понятие стоимости выражает их сущность, субстанцию, т. е. количество общественно-необходимого труда, затраченного на их производство.

Конечно, здесь нам могут возразить, что в понятие листа, стоимости не включены такие признаки единичного как, допустим, круглость или овальность листа, высокая или низкая цена на данный товар и т. п. Но, во-первых, дело в том, что понятие есть отражение существенного, необходимого, закономерного в массе явлений и поэтому оно не включает в себя случайное, ибо познать явления, значит познать их необходимость и закономерность. Понятие как всеобщее — это воплощение богатства существенных свойств, связей и отношений вещей, такие же признаки единичного, каковы колебание цен на товар и т. п., по отношению к сущности товара суть случайности. Далее, хотя всеобщее как выражение сущности единичного и не включает в себя непосредственно индивидуальную форму своего выражения, оно проявляется через нее и находит свое преломление только через то, что многообразно, отлично друг от друга, имеет свои индивидуальные свойства. Ибо само это всеобщее как форма познания сущности извлечено путем анализа из многообразных единичных вещей, в которых сущность не отделена ни пространственно, ни как-нибудь иначе, от своего индивидуального выражения, а слита с ним в нечто цельное, внешне неразличимое.

Указанное дает ответ на поставленный выше вопрос о том, не отрицает ли утверждение о противоположности общего и единичного тезиса о том, что общее представляет собой концентрированное выражение богатства единичного, отдельного. Они не только не отрицают, но предполагают друг друга: нет единства общего и единичного вне их противоположности и, наоборот, не

может быть противоположности единичного и общего вне их единства.

Вместе с тем то, что общее и единичное как противоположности находятся в понятии в единстве, не дает оснований для игнорирования момента их противоречивости. Противоречие состоит в том, что общее, т. е. сущность, не может иметь однозначного выражения в единичном, поскольку оно отвлечено от массы отдельных явлений, каждое из которых имеет свои индивидуальные свойства. И хотя в этих последних проявляется их общая сущность, их закон, они не перестают от этого быть своеобразными, специфическими, индивидуальными.

Учет противоречия между общим и единичным в понятии, подобно учету их единства, имеет очень важное значение для познания. Понятие есть концентрированное выражение в мышлении сущности единичного, поэтому поскольку общее это результат обобщения единичного, то следует учитывать момент противоречия между общим и единичным и в процессе познания выражать первое через второе, конкретизировать понятие в применении к единичному.

Понятие — это опорный пункт познания, но оно может превратиться в источник ошибок и заблуждений, если игнорировать противоречие, содержащееся в нем в силу самой его природы как общего, если забыть, что всеобщее в реальной действительности выступает в форме единичного, конкретного, специфического. Так как в понятии как общем схвачено единство многообразных, часто противоречивых явлений, то только анализ момента противоречивости общего и единичного в рамках их единства дает возможность правильно применить данное понятие к отдельному явлению.

Например, разве не игнорирование этого момента служит одним из источников тех ошибочных выводов, которые делают некоторые современные физики в отношении ряда понятий — материи, причинности, пространства и времени и т. д.? Наталкиваясь на тот факт, что эти понятия нередко обобщают процессы с противоречивыми свойствами (например, проявление причинности в макромире и микромире существенно отличны), эти ученые, вместо того чтобы учесть богатство единичного, воплощенного в этих понятиях, отбрасывают последние, считают их неприменимыми к некоторым явлениям на

том основании, что проявление их в различных процессах не похожи друг на друга. Выше было показано на примере понятия материи значение момента единства общего и единичного. Теперь, говоря о значении момента противоречия общего и единичного для познания, мы подчеркиваем, что нельзя просто подставлять общее под единичное, а нужно конкретизировать общее в применении к отдельному. В примере с понятием материи мы должны учитывать, что материя существует и в виде небесных планет и в виде электрона и протона; материальны по своей природе и вещество и свет, материально и то, что обладает относительно неизменной и изменчивой массой и т. д. Если момент единства общего и единичного (или особенного) в понятии объединяет, связывает многообразные явления посредством отыскания их сущности, то момент противоречия общего и особенного в понятии как бы расщепляет единую сущность на многочисленные ее выражения и проявления. В первом случае мышление выделяет то общее, единое, что выражает сущность многих явлений, во втором случае оно исследует особенное проявление единого, общего в различных его формах, ибо иначе невозможно понять особенное, отдельное.

Маркс указывал, что сильная сторона экономического анализа Рикардо — опора на понятие стоимости — при анализе явлений капиталистического производства превращалась в слабость, когда он пытался это понятие непосредственно подставлять под многообразные явления, без учета того, что в разных и, что особенно важно подчеркнуть, в развивающихся явлениях и процессах оно выражается по-разному, неодинаково. Такое оперирование понятием стоимости, основанное на игнорировании момента противоречия общего и единичного в понятии, порождало, по словам Маркса, ложную метафизику, схоластику, «которая делает мучительные усилия, чтобы вывести неопровержимые эмпирические явления непосредственно, путем простой формальной абстракции, из общего закона или же чтобы хитроумно подогнать их под этот закон»[1].

[1] *К. Маркс,* Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. I, Госполитиздат, М., 1955, стр. 57. См. подробнее об этом в книге М. Розенталя «Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса», Госполитиздат, М., 1955, стр. 316 и следующие.

В. И. Ленин придавал огромное значение понятию пролетарского интернационализма, как выражению общих задач рабочего класса всего мира в борьбе за революционное преобразование общества. Одновременно Ленин подчеркивал важность учета и специфических, национальных задач рабочего класса каждой отдельной страны. Он требовал «исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в *конкретных* подходах каждой страны к разрешению *единой* интернациональной задачи...»[1] Игнорирование этой стороны всякого научного понятия, закона есть основа догматизма в теории и практической деятельности.

Метафизическое понимание соотношения между общим и единичным Маркс называл «формальной абстракцией». Под последней он разумеет такой подход к общему, который игнорирует главное при определении понятия: момент развития, историзма, вследствие чего неизбежно исчезает и противоречие между общим и особенным. Общее в таком случае превращается в чисто формальное объединение каких-то одинаковых свойств единичных эмпирических явлений. При объяснении взаимоотношения этих явлений ничего не остается как искать сходство единичного с общим. Это и есть формальное подведение единичного под общее.

В силу всеобщего характера развития, изменения соотношение между общим и единичным не статично. Оно модифицируется в зависимости от изменения условий, в которых проявляется одна и та же сущность явлений. Например, соотношение между стоимостью и ценой в условиях домонополистического капитализма таково, что всеобщее (т. е. стоимость) находит свое эмпирическое выражение в свободных ценах, а в условиях монополистического капитализма последние вытесняются монопольными ценами. Но сущность и тех и других — одна и та же, т. е. стоимость. С точки зрения «формальной абстракции» понять такое противоречие общего и единичного невозможно.

Итак, рассматривая понятия как синтез многообразного единичного, «как единство противоположностей», диалектическая логика представляет их не в качестве

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 72.

абстракций, лишенных богатства реального мира, а как наполненные конкретным содержанием, как действительно конкретные всеобщности. Из такого подхода к понятиям вытекает ряд важных следствий, к анализу которых мы сейчас перейдем.

Соотношение содержания и объема понятия

Подход к понятию как единству противоположностей общего и единичного позволяет правильно решить вопрос о том, как соотносятся между собой объем и содержание понятий. Как известно, традиционная логика формулирует закон обратного отношения между объемом и содержанием. Согласно этому закону, чем больше объем понятия, тем беднее его содержание и, наоборот, чем меньше объем его, тем богаче содержание понятия.

Этот закон обратного отношения между объемом и содержанием понятия вполне уместен в формальной логике и соответствует ее задачам. Он основан на подходе к понятию как совокупности признаков, на специфических принципах обобщения в формальной логике. Так как существо этого обобщения заключается в том, что более широкие по объему понятия образуются путем исключения признаков, присущих только данным группам предметов, то естественным результатом роста объема обобщения явится уменьшение содержания понятий, в которых резюмируется его результат. В понятии животного, например, исключены признаки, присущие единичным животным, их видам и родам, и сохранены только признаки, общие для всех видов и родов животных. Наиболее общее понятие с этой точки зрения, т. е. с точки зрения *количества* признаков, содержащихся в нем, конечно, беднее, чем менее общее понятие.

Этот закон формальной логики, находя свое необходимое применение там, где вопрос сводится к различению единичного, особенного и общего, нельзя применить тогда, когда обобщения направлены на все более и более глубокое отражение действительности, сущности явлений. Ибо наиболее общие понятия вследствие того, что они отражают сущность наибольшего количества явлений, представляют собой и *наиболее богатые* по своему содержанию понятия. Здесь соотношение между объе-

мом и содержанием понятий прямо противоположное тому, что имеет место в традиционной логике.

Некоторые логики считают такой подход к понятиям гегельянским. Такой позиции придерживается, например, К. Бакрадзе в книге «Логика». Он утверждает, что только с точки зрения Гегеля «обобщение понятия не делает его содержание беднее». Для подтверждения идеалистического характера этого положения он ссылается на абсолютную идею Гегеля. Однако анализ этого вопроса показывает, что абсолютная идея Гегеля здесь не причем. Но дело не в Гегеле, а в том, как решается этот вопрос с точки зрения марксизма.

К. Бакрадзе признает, что марксистская философия рассматривает понятие как единство общего и единичного. Но далее он заявляет: «Но это вовсе не означает того, что понятие, как отражение сущности предметов, было бы единством общего и единичного»[1]. Он приходит к выводу, что и с точки зрения марксизма, а не только формальной логики, содержание понятия тем беднее, чем оно шире по объему.

Трудно представить, как можно, согласившись с тем, что понятие есть единство общего и единичного, отрицать затем это по отношению к понятию как отражению сущности. Сущность и выражается в *общем*, но *общее*, как было показано, есть единство общего и единичного. Именно в понятии как сущности отражается богатство единичного. Признать одно и отрицать другое — значит быть логически непоследовательным.

Рассмотрим, однако, вопрос по существу: действительно ли и с точки зрения марксизма содержание понятия тем беднее, чем оно шире по объему? Как известно, развитие каждой отдельной науки, научного познания в целом идет в направлении ко все более широким обобщениям, к открытию все более широко действующих общих законов объективного мира. Эта тенденция представляет собой *закон познания*. В дальнейшем этот вопрос будет специально рассмотрен в связи с проблемой суждения в диалектической логике. Сейчас важно лишь указать на него.

В подтверждение указанного закона познания можно сослаться на развитие науки за последнее полстолетие.

---

[1] *К. Бакрадзе*, Логика, Тбилиси, 1951, стр. 115.

Особенно быстро происходил и поныне продолжается процесс развития и изменения представлений об окружающем мире в физике. Развитие от классической механики, имевшей своим объектом лишь одну, притом простейшую — механическую форму движения, — к квантовой механике, преодолевшей узкие механистические горизонты подхода к строению материи и законов ее движения, представляет собой как нельзя более яркое проявление рассматриваемого нами стремления познания ко все *более широким и глубоким* обобщениям. (С позиции некоторых логиков подчеркнутое словосочетание недопустимо: ибо если обобщения «более широкие», то эти слова нужно сочетать со словами «более бедные».) Объем понятий, с которыми имеет дело квантовая механика, шире, больше, чем в понятиях классической механики. Закономерности классической механики «сняты», стали частным, предельным случаем более общих закономерностей, исследуемых квантовой механикой. Такое же соотношение существует между понятиями эвклидовой геометрии и современными понятиями неэвклидовых геометрий, между учением классической механики о пространстве и времени и учением современной теории относительности и т. д.

Как же можно утверждать после этого, что понятия и законы современной физики, в которую понятия и законы классической физики в целом включены лишь как относящиеся к определенному кругу явлений, беднее по содержанию по сравнению с последними? Как видно, с ростом степени обобщения, с вовлечением в орбиту научного анализа все новых и новых свойств материального мира понятия о нем становятся более глубокими и содержательными, а не наоборот.

Что же такое содержание понятия с точки зрения диалектической логики? В традиционной логике под содержанием понимаются признаки, характеризующие предмет. Более общее понятие по сравнению с менее общим отличается меньшим количеством признаков, отражаемых в нем. В действительности же, когда речь идет о понятиях в более глубоком смысле этого слова, то под их содержанием нужно подразумевать сущность, закономерные связи и отношения вещей, отражаемые и схватываемые понятием. И тогда становится ясно, что содержание понятия зависит не от количества признаков, а от

степени проникновения в сущность, в закономерности объективного мира. И так как последние познаются через обобщение, то поступательное развитие познания по пути обобщения явлений объективного мира не обедняет, а, напротив, обогащает содержание понятий. Если бы это было не так, то, например, законы диалектики, являющиеся наиболее общими из всех законов науки, были бы самыми бедными по своему содержанию. На деле же их сила и значение не только в их наибольшей общности, что делает возможным использование их в качестве всеобщего метода познания и практической деятельности, но также в том, что они, будучи всеобщими законами движения, развития, неизмеримо богаче отдельного вида движения, изучаемого той или иной наукой.

Или вот еще один пример. Маркс наряду с открытием двойственного характера труда считал лучшим в первом томе «Капитала» исследование прибавочной стоимости в *общей* форме, независимо от ее особых проявлений[1]. Именно при исследовании прибавочной стоимости он вскрыл сущность капитала, самое глубокое его содержание. В понятии прибавочной стоимости, а не в менее общих понятиях торговой прибыли, земельной ренты, процента выражена тайна капиталистической эксплуатации. Содержание этих понятий нельзя уяснить без категории прибавочной стоимости. Поэтому содержание понятия торговой прибыли, ренты беднее более общего понятия прибавочной стоимости. С переходом от понятий торговой прибыли, процента, ренты и т. п. к общему понятию прибавочной стоимости объем понятия увеличивается, так как оно охватывает более широкий круг явлений, т. е. все особые формы прибыли. Но так как это более общее понятие образуется не путем исключения признаков, присущих каждой особой форме прибыли, а путем обобщения сущности и закономерных связей *всех* этих частных форм прибыли, то содержание его неизмеримо увеличивается, обогащается, углубляется по сравнению с каждой отдельной формой. Исследовав прибавочную стоимость независимо от отдельных ее

---

[1] Об этом он писал к Энгельсу 24 августа 1867 г. См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Письма о «Капитале», Госполитиздат, М., 1948, стр. 122.

проявлений и сформулировав понятие о прибавочной стоимости, Маркс открыл основной закон капиталистического способа производства, действующий везде, какие бы особые формы он ни принимал в той или другой сфере этого способа производства.

Этим объясняется, почему Маркс придавал такое важное значение исследованию *общего* понятия прибавочной стоимости. Он видел слабость своих предшественников — Смита и Рикардо — в том, что, стремясь исследовать сущность прибыли, они никак не могли отвлечься от особых ее форм. Из этого у них возникали неразрешимые противоречия, подобно тому, например, как если бы признаки и свойства особого вида материи выдавались за всеобщие. Значение общих понятий состоит в том, что они обобщают действительно существенные связи и отношения вещей, позволяя различать существенное и несущественное. Они не могли бы иметь такого значения, если бы с увеличением объема понятий уменьшалось, обеднялось их содержание. Поэтому Маркс упрекал Смита и Рикардо не за то, что они слишком далеко заходили по пути абстрагирования, обобщения, а за недостаток абстракции, за неумение формулировать необходимые общие понятия.

Значением и ролью более общих и широких понятий объясняется и такой факт, множество раз подтвержденный историей науки, что только тогда, когда такие понятия формулировались, преодолевались противоречия, неувязки, возникавшие до этого на базе менее широких понятий и законов, и то, что ранее было необъяснимо, получало свое естественное объяснение.

Таким образом, с точки зрения диалектической логики существует прямая зависимость содержания понятий, принципов, законов от роста обобщения: содержание понятий развивается, углубляется на базе развития обобщающей силы познания.

Понятия как форма выражения диалектического развития, изменения объективного мира

Мы подходим теперь к одному из главных, если не самому главному вопросу диалектической логики. До сих пор понятие анализировалось главным образом с точки

зрения его диалектической структуры, но не в его динамичности, не в движении. Анализ диалектической структуры понятия составляет предпосылку для решения центрального вопроса о развитии, движении понятий.

Выше было указано, что главная проблема познания — познание объективного мира в непрерывном движении, развитии и изменении. В применении к понятию эта проблема стоит так: можно ли в понятиях выразить подвижность, изменчивость реальной действительности, схватить ее бесконечные переходы, превращения? Именно этот вопрос сформулирован как главный в ленинских словах, взятых нами в качестве эпиграфа к книге.

Это несомненно один из труднейших вопросов, над которым бьется философская мысль в течение многих веков. Трудность его состоит в том, что понятия, как и прочие формы мышления, неизбежно огрубляют явления объективной реальности. Эти явления в своих реальных взаимосвязях и взаимопереходах настолько сложны, что выразить их в мышлении *абсолютно адекватно* невозможно. С одной стороны, явления устойчивы, постоянны, с другой стороны, они одновременно подвижны, изменчивы и находятся в процессе перехода из одного состояния в другое. Поэтому указанную трудность познания можно свести к следующей проблеме: способны ли наши понятия выразить это противоречивое состояние вещи — ее устойчивость и изменчивость, ее постоянство и переход в нечто другое?

Формальная логика, как уже говорилось, берет *одну сторону* данной проблемы — устойчивость, постоянство вещи — и исследует понятия преимущественно под этим углом зрения. Диалектическая логика должна взять и исследовать проблему в целом, в неразрывной связи устойчивости и изменчивости вещей и отражения этой связи в понятиях. Здесь, на этом вопросе, должна быть доказана способность диалектической логики быть высшей формой логического мышления по сравнению с формальной логикой.

Идеалистическая философия XX в. продемонстрировала полную беспомощность в решении этого главного вопроса логики. Нельзя сказать, что она обходила его стороной, не пыталась к нему подойти. Но беря этот вопрос, она застревала в той или иной односторонности,

абсолютизируя или устойчивость, или изменчивость, и делала ошибочные заключения о роли понятия. Если обобщить основные тенденции в подходе к указанной проблеме, то можно выделить две точки зрения, два подхода к ней.

Первая точка зрения заключается в том, что развитие, изменение признаются, но отрицается возможность выразить их в форме понятий. Эта точка зрения представлена Бергсоном, Джемсом и другими философами. Наиболее ярко выразил тенденцию, характерную для этой точки зрения, Бергсон.

Правда, он не отказывается вовсе от понятий, но считает, что они пригодны лишь для чисто практических целей. Там, где человек подчиняется своим практическим целям, там невозможно обойтись без понятий. В этой области познанию нужно отвечать на вопросы по принципу «да» или «нет». Но такое познание, на взгляд Бергсона, имеет «корыстный» характер и не способно выразить движение. Философское же познание бескорыстно и не подчинено практическим целям.

Бессилие разума и понятий, по Бергсону, заключается в том, что разум способен отразить только прерывное, но не связь и переходы из одного состояния в другое.

«В живой подвижности вещей, — говорит он, — разум старается отметить реальные или возможные остановки; он отмечает отправления и прибытия — это все, что имеет значение для мысли человека, поскольку она является мыслью только человеческой. Схватить то, что происходит в промежутке, превышает человеческое. Но философия не может быть ничем иным, как только усилием к тому, чтобы перейти за человеческое состояние» [1].

Чтобы понять эту мысль Бергсона, нужно кратко изложить его концепцию изменчивости, движения. Движение, изменчивость, по Бергсону, это некая мистическая «длительность», совершающаяся не в реальных объектах, а в сознании человека. В материальном мире все только прерывно, все состоит из несвязанных между собой частей. Лишь сознание, причем не рациональное, а иррациональное, с помощью интуиции схватывает и творит длительность, изменчивость. Поэтому Бергсон

[1] *А. Бергсон*, Соч., т. 5, стр. 40.

признает в сущности одну реальность — реальность собственной мыслящей личности. «Существует по меньшей мере, — пишет он, — одна реальность, которую все мы схватываем изнутри, путем интуиции, а не простым анализом. Это — наша собственная личность в ее истечении во времени. Это наше я, которое длится» [1].

Итак, согласно Бергсону, движения, изменчивости в природе, собственно, нет, а есть лишь мертвые, неподвижные состояния, которые расположены в пространстве друг подле друга. Мыслящая личность «входит» в это мертвое царство и с помощью интуиции создает изменчивость, приводя неподвижные состояния в движение, изменение. В чем смысл, какова природа этой изменчивости как длительности — об этом Бергсон ничего не говорит. Например, спектр, где цвета нечувствительно переходят один в другой, несколько приближается к тому, что он называет длительностью. «Но последовательные оттенки спектра все же останутся внешними друг другу, — пишет он. — Они рядополагаются. Они занимают пространство. Чистая же длительность, напротив, исключает всякое представление о рядоположенности, взаимной внешности и протяженности» [2].

Иначе говоря, движение, изменчивость с этой точки зрения исключает момент прерывности, покоя, относительно устойчивого состояния. Именно в этом, по Бергсону, корень бессилия понятия. Он не может преодолеть метафизический взгляд, по которому понятия способны фиксировать *только* покой, только прерывное. А вследствие того, что в движении, изменчивости нет якобы этого момента, то понятия бессильны выразить движение. Мышление понятиями имеет, по Бергсону, *«кинематографический характер»* [3]. Понятия подобны отдельным кинокадрам, они дают снимки застывших вещей. Поэтому и физика представляет из себя «испорченную логику» [4], так как она имеет дело с материей, в которой нет изменчивости в виде мистической «длительности».

Концепция Бергсона представляет собой вариант философии, признающей движение и изменчивость, но по-

---

[1] *А. Бергсон,* Соч., т. 5, стр. 7.

[2] Там же, стр. 9.

[3] *См. А. Бергсон,* Соч., т. 1, СПб., издание М. И. Семенова, стр. 273.

[4] См. там же, стр. 286.

следние в ней так идеалистически обработаны, что движение, согласно этой концепции, и реальное, действительное движение ничего общего не имеют друг с другом. Признание изменчивости в этой концепции берется в качестве основания для отрицания за понятиями способности отразить, выразить движение, развитие.

Джемс, превозносивший авторитет Бергсона, также из факта изменчивости, текучести действительности приходил к выводу о бесполезности понятий. Он говорил, что понятия «останавливают поток жизни» [1], посредством их нельзя изобразить движение. При этом он не представлял себе иного подхода к ним, кроме формально-логического. «Для логики понятий, — писал он, — тождественное есть только тождественное» [2].

Сторонники *второй* точки зрения по существу абсолютизируют покой и считают понятия «твердыми безжизненными формами жизни». Слова, взятые в кавычки, принадлежат немецкому неокантианцу Г. Риккерту, боровшемуся против так называемой философии жизни и выразившему другую точку зрения на понятия. Риккерт видел заслугу иррационалистов в том, что они-де ограничивают мир рационалистов вроде автора «Системы природы», т. е. что они враждебны материализму, ярким представителем которого был П. Гольбах. Заслуга «философов жизни», говорил Риккерт, в том, что они оставляют место и для «иной жизни», т. е. для потустороннего. Несомненно, Риккерт хорошо понял своих противников, ратующих на словах за «жизнь», но, подобно ему самому, имевших в виду некую «иную» жизнь. Поэтому-то он — «сторонник» понятий — ценит «освобождающее деяние» иррационалистов, воздвигнувших границу применению научных понятий к объяснению посюстороннего мира [3]. Короче, и идеалистические противники понятий, и идеалистические «сторонники» понятий трогательно сходятся в борьбе против материализма.

Риккерт, однако, резко критикует Бергсона и других представителей «философии жизни» за отрицание понятий. Он говорит, что положение о том, что жизнь не мо-

---

[1] См. *У. Джемс,* Вселенная с плюралистической точки зрения, стр. 141.

[2] Там же.

[3] См. *Г. Риккерт,* Философия жизни, стр. 153 и др.

жет быть выражена с помощью понятий, ведет к произволу в философии: блестки такого философского покрывала ветер будет развевать взад и вперед как ему заблагорассудится. Ни естественные науки, ни философия, заявляет он, немыслимы без понятий.

Но понятия он признает ценой полного отказа от исследования реальной жизни. Последнюю он относит к области одного созерцания, представления, в которой нет подлинной реальности. Он не отрицает, что созерцаемая жизнь есть поток, движение и т. п., но именно поэтому не она есть объект науки и философии. Такой объект находится вне жизни, в том, что не есть движение, поток, изменение. Понятия как форму он противопоставляет жизни как содержанию. Форма неподвижна, тверда, неизменчива. Так как жизнь текуча, изменчива, то не она составляет объект неподвижных мыслительных форм. «Поскольку фактор формального, — пишет он, — становится противоположностью содержания, одновременно с этим он же становится и противоположностью жизни... Всякая жизнь течет непрерывно. Форма же, наоборот, означает ограничение, она сама и есть ставимая граница. Жизнь находится в постоянном движении, форма же противополагает ему что-то твердое и неподвижное» [1].

Жизнь и мышление о жизни — это, по Риккерту, разные вещи, но не в том смысле, что первое существует реально, а второе как отражение этой реальности в мышлении. Различны они потому, что мышление ищет действительную основу не в жизни, а в чем-то «ином», в мире ценностей, религиозного и т. п. «Поскольку мы стремимся к науке о жизни, — заявляет он, — мы нуждаемся в твердых безжизненных формах жизни. Не необходимо искать их в реальном. Там, быть может, они никогда нам не встретятся. По отношению к действительному, думается, должно сохранять свою истинность положение Гераклита, что все течет, и поэтому-то все реальное называется жизненным. В этом философия жизни права. Все действительное протекает в гетерогенном континууме содержания. Тем необходимее становится признание «нереального» мира форм, которые

---

[1] *Г. Риккерт*, Философия жизни, стр. 59.

сами уже не могут мыслиться живыми даже в том случае, когда они осуществляют мир форм жизни»[1].

Из сказанного ясно, что представители разбираемой концепции признают изменчивость только в том, что не существенно. То же, что существенно, действительно, реально, то неподвижно, неизменно. Абсолютизация момента покоя, устойчивости — характерная черта их взглядов.

Таким образом, представители первой и второй точек зрения приходят к одному и тому же результату, но различными путями: жизнь и логические понятия о развивающейся, изменяющейся жизни, действительности несовместимы. Выводы они делают из этого разные. Первые отрицают понятия во имя идеалистически понимаемой жизни, так как понятия могут быть только «неизменными», «безжизненными». Вторые во имя понятий, которые они также представляют в виде «безжизненных форм», отрицают реальную жизнь и ищут ее исключительно в мире неподвижных и нереальных форм. Одни признают только изменчивость и на этом основании отвергают понятия, другие абсолютизируют устойчивость и на этом основании признают понятия. Для тех и других понятия — область покоя, неизменности, раз навсегда данного.

Что касается современной идеалистической философии, то она — по крайней мере это относится к большинству ее течений и школ — и не ставит вопроса о способности понятий отразить развивающуюся действительность. В этом факте проявляется стремление уйти от коренных проблем логики. Современная идеалистическая философия, особенно логические позитивисты, разрушает понятия как форму мышления — прежде всего это относится к наиболее широким логическим понятиям, — поскольку она сводит их к чисто лингвистической форме, за которой нет реального содержания.

Идеалистической философии марксистская диалектическая логика противопоставляет свое учение о понятиях, как форме мышления, отражающей развитие, изменение объективного мира. Исходный пункт этого учения состоит в правильном понимании самой сущности

---

[1] *Г. Риккерт*, Философия жизни, стр. 65—66.

движения, развития, изменения как важного принципа объективного мира. Диалектика отвергает метафизическое противопоставление устойчивости и изменчивости как двух якобы самостоятельных, абсолютно противоположных состояний вещей. Именно такое противопоставление лежит в основе рассмотренных выше двух подходов идеалистической философии к проблеме понятия, приводящее к одинаково ошибочным следствиям.

Чтобы уяснить исходный пункт концепции понятия в диалектической логике, необходимо принять во внимание следующее.

1. Вещь, как уже было показано, не есть ни абсолютная изменчивость, ни абсолютная устойчивость, а единство устойчивости и изменения. Каждая вещь находится в состоянии устойчивости, поскольку она в течение какого-то времени пребывает, остается сама собой. В то же время вещь находится в состоянии движения, развития. Так как она развивается, изменяется, хотя это развитие на первых порах приводит лишь к количественным, а не качественным изменениям, то устойчивость ее не абсолютна, а относительна. И, наоборот, в силу того, что развитие не приводит и не может приводить сразу к коренному качественному изменению вещи, ее изменчивость имеет также не абсолютный, а относительный характер.

2. Единство устойчивости и изменчивости вещи есть универсальное выражение внутренней противоречивости вещей. Устойчивость и изменчивость суть противоположности. Как таковые они находятся в отношениях взаимоотрицания, «борьбы», последняя имеет свои формы, стадии, которые завершаются превращением старого качественного состояния в новое, уничтожением одних и возникновением новых вещей, явлений.

3. Поскольку вещь характеризуется внутренне противоречивым единством устойчивости и изменчивости, она сама по себе есть *переход,* т. е. в ней заложены источники, импульсы к переходу в другое, в иное самой себя, в свою противоположность. Разумеется, эти источники находятся в тесной связи с действием других сил и факторов, оказывающих влияние на ее развитие (мы имеем в виду единство внутренних и внешних противоречий вещи).

Таковы те соображения, которые необходимо принять

во внимание, чтобы правильно решить вопрос о способности понятий выразить движение, изменение. Ибо решается он выяснением того, может ли понятие отражать наиболее важные и существенные признаки всякого развития, изменения. Диалектическая логика дает положительный ответ на этот вопрос.

Уже при исследовании понятия с точки зрения противоречивого единства общего и единичного оно выступало перед нами как отражение взаимосвязи устойчивости и изменчивости вещей. Понятие как общее, как выражение сущности многих отдельных вещей обозначает нечто покоящееся, устойчивое, «твердое», что присуще единичному, несмотря на его индивидуальную физиономию, на то, что это устойчивое имеет разные выражения в единичном. Понятие материи, причинности, пространства, времени содержит в себе момент устойчивости, так как в каких бы конкретных формах вещи ни существовали, всякая вещь есть нечто материальное, имеет свою причину, находится в пространстве и времени и т. д. Вместе с тем понятие содержит в себе и момент изменчивости, так как единичное не есть непосредственно общее, а также вследствие того, что общее существует в форме развития, «беспокойной» смены многообразных отдельных явлений. Следовательно, уже по своей диалектической структуре понятие составляет единство устойчивости и изменчивости.

Далее, понятие есть единство противоположностей устойчивости и изменчивости и в другом, более глубоком смысле, поскольку оно — отражение, слепок *с развивающейся и изменяющейся вещи.* Каждая вещь противоречива, одновременно и устойчива и изменчива, т. е. существует до поры до времени, а затем исчезает. Отражают ли понятия этого противоречие вещей? Если бы они не отражали и не схватывали этого универсального противоречия, имеющего в действительности бесконечное множество конкретных проявлений, то они не были бы орудиями познания. Джемс, Бергсон, Риккерт и другие усматривали в понятиях лишь абстрактное *тождество.* Но если подойти к ним с точки зрения *конкретного* тождества, т. е. тождества в противоречиях, тождества устойчивости и изменчивости, тогда понятия становятся орудиями познания *изменяющейся* действительности. Иначе говоря, понятия должны быть *подвижными,*

содержать в себе движение, чтобы выразить движение в объективной реальности.

Читая и переосмысливая в материалистическом духе «Науку логики» Гегеля, В. И. Ленин писал в «Философских тетрадях»: «Понятия не неподвижны, а — сами по себе, по своей природе = *переход*»[1]. В другом месте Ленин вновь указывал: «...Человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливают одно в другое, без этого они не отражают живой жизни. Анализ понятий, изучение их, „искусство оперировать с ними" (Энгельс) требует всегда изучения *движения* понятий, их связи, их взаимопереходов...»[2] В этих строчках сказано самое важное, главное о сущности понятий. Разберемся в этом вопросе более конкретно.

Прежде всего, откуда берется движение понятий, каковы источники того, что понятия по своей природе суть «переход»? У Гегеля понятия выступают как основа всего сущего, они одухотворяют косную материю, содержат в самих себе животворящие источники движения, перехода из одного в другое. Противники диалектической логики хватаются за эту идеалистическую мистификацию понятий и заявляют, что, мол, с точки зрения идеализма еще можно допустить, чтобы понятия были подвижными, можно признать *движение* понятий. Но как можно это допускать, будучи материалистами?

«Маркс, — читаем мы в упоминавшейся уже книге «Материализм и диалектическая логика», — под понятием стал разуметь не какое-то мистическое зерно, которое заключает в себе все вещи и явления, но лишь более или менее абстрактный отпечаток действительных вещей. Но понятие, как плод абстрагирующей деятельности ума, имеет совершенно другое значение для философского обоснования диалектической логики, чем понятие — субстанция; или, вернее, — оно никакого значения не имеет, потому что заключает в себе не *всю* совокупность конкретных вещей и их конкретных свойств, а только некоторые их признаки. Понятно, что при таком значении оно вовсе не должно заключать в себе какие-либо внутренние противоречия. У Гегеля, напри-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 38, стр. 218.
[2] Там же, стр. 249.

мер, понятие: «теперь» *должно* реализоваться то в виде «дня», то в виде «ночи», потому что день и ночь составляют противоречивые моменты, имманентным образом присущие понятию «теперь». Но почему и марксистские «понятия», которые являются абстракцией, все-таки должны нести в себе дух отрицания, не позволяющий им пользоваться более покойным существованием (! — *М. Р.*), этого, с точки зрения Маркса, положительно нельзя понять»[1].

В приведенной цитате характерна прежде всего сама аргументация против тезиса о противоречивости движения и понятий, отражающих его. Ведь у Маркса понятия это — абстракции, а если это так, то откуда в них дух отрицания — такова эта аргументация. Если понятия — абстракции, то в них должен жить «дух покоя», постоянства, неизменности — вот чего добивается автор. И это делается под видом борьбы против идеализма, «в защиту» материалистического понимания понятий!

Но именно потому, что понятия — это абстракции, они абстрагируют от многообразия действительности то, без чего она не существует, без чего она превращается в вымысел, именно *движение, развитие, изменение*, и сами они вследствие этого проникаются «духом» беспокойства, вечного развития и изменения, присущим объективной реальности. Формально-логические абстракции действительно отвлекаются от этого свойства природы — это не свойство, а сущность природы — и такое отвлечение, как было уже указано, разумно и необходимо в известных границах. Но в этих границах, в степени отвлечения — одно из главных различий между трактовкой абстракций формальной и диалектической логикой.

Понятия подвижны потому, что они — отражения реальной действительности, а в последней, как сказал Маркс, «все существующее, все живущее на земле или под водой существует, живет лишь в силу какого-нибудь движения»[2]. Что же удивительного в том, что понятия как слепок с действительности, как абстракция от действительности подвижны, текучи, изменчивы? И, для того чтобы осмыслить эту простую истину, совершенно

[1] *Х. Житловский*, Материализм и диалектическая логика, стр. 27—28.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 4, Госполитиздат, М., 1955, стр. 131.

не нужны гегелевские понятия, трактуемые как духовная субстанция мира. Самим вещам, явлениям и процессам реальной действительности свойственны внутренние противоречия, составляющие источник, двигательную силу их развития, и в *этом* находится источник противоречия и движения понятий — формы отражения действительности в мышлении[1]. Здесь, как и везде, действует закон единства противоположностей как закон диалектической логики.

Воспользуемся примером, который приведен в цитате Житловского. Подойдем к понятиям «дня» и «ночи» не с точки зрения гегелевской трактовки понятия как субстанции, а с позиций материализма. Понятие «день» имеет смысл лишь постольку, поскольку оно предполагает противоположное понятие «ночь». Эти противоположности не внешни друг другу, а каждая из них содержится в другой как источник своего собственного отрицания. Если мы будем исследовать понятие «день», взятое само по себе, то мы неизбежно придем к выводу о том, что оно переходит в свою противоположность, т. е. в понятие «ночь». Бытие дня включает в себя свое отрицание — небытие, ибо день заканчивается наступлением ночи, ибо день постольку день, поскольку он предполагает *свое иное,* т. е. ночь. Попробуйте определить понятие «день» без учета его противоположности — понятия «ночи», из этого ничего не получится. Можно сказать: «день — это когда светло благодаря солнцу», но это будет то же самое, если бы сказали: «день — это когда не темно, т. е. не ночь». В этом глубокий диалектический смысл положения Спинозы о том, что определение есть отрицание: понятие определяется через его собственную противоположность, через его отрицание. И тут нет ничего мистического, гегельянского, это — отражение реальности: движение ведет к переходу дня в свою противоположность — ночь, последняя завершается превращением в свою противоположность — день.

Такова диалектическая природа *всех* понятий. Возьмем понятие «конечного»; его бытие включает в себя

---

[1] Мы здесь пока оставляем в стороне вопрос об источнике движения понятий, который обусловлен самим процессом познания, потребностями развития, углубления познания.

свое отрицание — небытие, ибо конечное это то, что «кончится», что движется к своему концу, т. е. что предполагает свое небытие. Понятие «части» также содержит в себе «свое иное», т. е. свое отрицание — понятие «целого»: часть не существует без своей противоположности — целого, как целое без части. Понятие «равенства» неразрывно связано с противоположным понятием неравенства и наоборот, и т. д. и т. д.

Остановимся на понятии «равенства»; оно имеет большое социальное содержание, анализ его покажет, что невозможно исследовать это, как и любое другое понятие, вне содержащихся в нем противоречий. При капитализме равенство всех людей — это формальное равенство, основанное на вопиющем неравенстве. Когда идеологи буржуазии кичатся равенством членов капиталистического общества, заключающемся, собственно, в том, что каждый имеет «право» быть богатым или бедным, владеть средствами производства или не иметь их и наниматься на работу, то они не хотят замечать того, что подобное равенство в правах есть выражение величайшего неравенства. Иначе и быть не может при капитализме: здесь *формальное равенство* (являющееся шагом вперед по сравнению с сословным неравенством феодального общества) неразрывно связано с *фактическим неравенством* и одна противоположность содержит в себе другую.

Социалистическое общество кладет конец «формальному равенству» членов общества в праве быть эксплуататором или эксплуатируемым. Передавая средства производства в руки всего общества, народа, социализм устанавливает *фактическое равенство* членов общества, заключающееся в том, что каждый трудится и получает вознаграждение за свой труд. Это — великое достижение, которое кладет конец былому неравенству людей. Но равенство в социалистическом обществе как первой, незрелой еще стадии коммунизма находится в определенном смысле в единстве со своей противоположностью — неравенством, так как вследствие различия в квалификации, в семейном положении (у одного труженика семья состоит из пяти-семи человек, у другого — из двух-трех) и т. п., получая вознаграждение соответственно качеству и количеству своего труда, люди находятся пока еще в неравном положении. Правда такое

неравенство коренным образом отличается от капиталистического неравенства. На высшей фазе коммунизма все люди будут получать за свой труд по принципу: «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Это как будто есть неравенство и в определенном смысле это действительно так, ибо у одного человека способности выше, у другого ниже, различным будет и семейное положение, тем не менее все будут получать по своим потребностям. Но это такое «неравенство», которое впервые в истории человеческого общества утвердит в жизни подлинное социальное равенство людей. Вне такого «неравенства» не может быть истинного равенства.

Как видим, невозможно анализировать понятие «равенство», не связывая его с его противоположностью — понятием «неравенства», и, наоборот, невозможно оперировать понятием «неравенства» без его противоположности — понятия «равенства». Тут действительно трудно найти в понятиях «спокойное существование», но в этом нужно «упрекать» не понятия, а реальную действительность, жизнь, которая без противоречий и движения была бы подобна стоячему болоту.

Если бы противоположности, содержащиеся в понятиях, обладали даром речи, то они могли бы сказать о себе словами шекспировской Адрианы, упрекающей своего мужа в измене:

Как мог ты стать таким чужим себе же?
Да-да, себе — чужим став для меня;
Ведь я с тобою слита нераздельно;
Я часть твоя...
Не разрывай же этого союза:
Ведь легче, мой любимый, каплю бросить
В пучину моря и потом ее
Извлечь опять несмешанной оттуда,
Без приращенья или уменьшенья,
Чем взять тебя, не взяв тем и меня!

Диалектическая противоречивость понятий не означает, что в них отсутствует всякая определенность. Любое понятие, какие бы противоречия оно ни отражало, как бы изменчиво оно ни было, есть *определенное* понятие, понятие о *данной* вещи, *данном* процессе. Современная физика, например, установила существование таких элементарных частиц материи, период существо-

вания которых равен ничтожно малому сроку, превосходящему всякое обыденное представление о времени. Но как бы ни была коротка их жизнь, понятия о них отражают момент их устойчивости, существования как данной частицы, их определенность. Диалектика понятий состоит не в том, как полагают противники диалектической логики, чтобы понятие «день» смешивать с понятием «ночь», «конечное» с «бесконечным» и т. д. Подобная «диалектика» равнозначна софистике и субъективизму. Диалектическая логика, отвергая абсолютно неподвижные, неспособные быть пластичными формы мышления, показывает, что твердость, устойчивость понятия сочетается с элементом изменчивости, притом сочетается не внешним, а внутренним образом. Без этого невозможен переход от покоя к изменению, от момента «твердости» к моменту «текучести» понятий.

В. И. Ленин, например, резко выступил против тех, кто отождествлял понятия империалистической войны и национально-освободительной войны на том основании, что одна может превратиться в другую. Действительно, в известных условиях войны империалистические и национально-освободительные могут превращаться друг в друга, ввиду чего нельзя не видеть взаимосвязей этих противоположностей и разделять их как абсолютные. Ленин показывал это на анализе исторических фактов. И вместе с тем он категорически требовал различать эти понятия, учитывать, так сказать, их «твердость», иначе неизбежен субъективистский произвол в определении понятий.

Исследуя понятия как единство устойчивости и изменчивости, как взаимопроникновение противоположностей, диалектическая логика в то же время есть учение об *определенности* понятий, притом такой определенности, которая отлична от окостенелости мышления. «Текучесть» понятий в диалектической логике означает не отсутствие определенности, а *наиболее точное* отражение определенности вещей, ибо вещь в процессе своего развития перестает быть данной вещью и становится чем-то другим. Принцип формальной логики: *А* есть *А* и не может быть одновременно *не-А* — принцип мышления о готовых и постоянных вещах. Сейчас *А* есть *А*, и я мыслю о нем. Через какое-то время появляется *В*, и я мыслю уже о *В*. Откуда взялось *В* и в какой связи оно стоит

с A — этим упомянутый принцип не интересуется. Конечно, A есть определенность, в силу которой последнюю мы обозначаем A, а не B, C, D и т. п., и я должен мыслить об A. Но необходимо иметь в виду, что A содержит в себе момент изменчивости, и если я буду это игнорировать, то действительно *определенного* понятия об A у меня не будет.

В этом и состоит смысл диалектического определения понятия как *перехода*. Понятия суть переходы, ибо вещи таковы, любое явление есть переход из одного в другое. Пусть те, кто выступает против текучести понятий, попробуют мыслить застывшими понятиями, а не «понятиями-переходами» о таких вещах, как «элементарные» частицы материи, химические элементы, формы движения, возбуждение и торможение в нервной системе, формы общественной жизни и т. п.

В силу всего сказанного единственно правильный способ научного мышления понятиями о вещах есть мышление «текучими понятиями», при помощи понятий, превращающихся из одних в другие, противоположные. Связь понятий, отношение между ними, их взаимопереходы должны быть такими, чтобы они отражали реальное развитие вещей.

Выше мы приводили слова одного «критика» Маркса, который удивлялся по поводу того, что у него абстрактные понятия как бы наделены жизнью и лишены покоя, покойного существования. Мы попытаемся сейчас показать на примере, что эти «живые» абстракции есть не что иное, как диалектика переходов понятий, при помощи которых Маркс исследует развитие, изменение реальных отношений. Возьмем движение понятий в 1-й главе I тома «Капитала», отражающее возникновение денег, развитие денег из товара.

Маркс начинает свое исследование с товара. Вследствие того что капитализм есть наиболее развитое товарное производство, Маркс начинает с товара как клеточки этого способа производства. Реальные товары обобщаются в понятии «товар». Понятие «товар» у Маркса отражает внутренние противоречия реальных товаров — единство их потребительной стоимости и стоимости. Источником движения, развития и метаморфоз, претерпеваемых товаром в жизни, являются эти противоречия. Последние же, отраженные в мыслительной форме по-

нятия и содержащиеся в нем, служат источником движения, развития понятия.

Когда товарное производство было еще не развито, противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью находилось в товаре в дремлющем, неразвернутом состоянии. Но «борьба» этих противоположностей в процессе развития товарного производства и обмена углубляла противоречие между ними. Развитие товарного производства и обмена требовали выделения какого-то товара, который бы стал мерилом, формой выражения стоимости всех других товаров. Но так как противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью проходило определенные стадии своего развития и созревания, то и форма стоимости эволюционировала от незрелого к зрелому, развитому состоянию.

Для того чтобы выразить этот процесс развития форм стоимости, Маркс формулирует ряд понятий: «простая, отдельная, или случайная форма стоимости», «полная, или развернутая форма стоимости», «всеобщая форма стоимости», «денежная форма». Реальный процесс развития форм стоимости Маркс изображает путем перехода одних понятий в другие: понятие простой формы стоимости переходит в понятие развернутой формы стоимости, последняя переходит в понятие всеобщей формы стоимости и, наконец, на основе этой формы возникает понятие денежной формы. Как видим, понятия у Маркса действительно «живут», но не собственной, а отраженной жизнью, они отражают в мышлении, в понятиях жизнь реальной действительности. Понятия у него текучи, подвижны, ибо они — зеркало такой же изменчивой объективной действительности. Источник их подвижности — не таинственная гегелевская субстанция, а резюмируемые в них противоречия реального мира.

Таким образом, диалектическая логика снимает ложную метафизическую дилемму: либо признать мир изменчивым и тогда понятия не могут отразить его, либо признать его постоянным, неизменным и тогда понятия могут его отразить. Человеческое мышление имеет дело с развивающимся и изменяющимся миром и не от него зависят объективные законы этого мира. Проблема мышления заключается в способности или неспособности выразить в понятиях, суждениях и прочих формах

мысли развитие и изменение. Диалектическая логика дает утвердительный ответ на этот вопрос и указывает единственный путь воспроизведения в мышлении развития. Этот путь — отражение в понятиях противоречий реальных вещей и процессов.

Отражение движения и его противоречий в логических категориях

До сих пор речь шла о понятиях вообще, о способности любых понятий, которыми оперирует всякая наука, отразить движение и изменение. Теперь необходимо выделить наиболее общие понятия, которыми специально занимается диалектическая логика, и проанализировать их с интересующей нас точки зрения. Мы имеем в виду логические категории — сущность и явление, содержание и форма, необходимость и случайность, возможность и действительность и др.

В формальной логике эти категории не рассматриваются, поскольку анализ понятий под углом зрения движения познания, его углубления в сущность явлений, в их противоречия не составляет ее задачу. Между тем указанные категории суть ступеньки углубления, движения познания от внешнего к внутреннему, от тождества к различиям и противоречиям, от случайности к необходимости и т. д. В диалектической логике изучение этого процесса движения мысли и того, как в нем посредством общих логических категорий отражается развивающаяся действительность, имеет первостепенное значение.

Так как анализ роли категорий в познании потребовал бы рассмотрения огромного круга вопросов (сущность каждой категории и ее связь с другими категориями, место каждой категории в процессе познания, их «субординация», диалектика переходов одних категорий в другие, развертывание, движение познания через посредство движения категорий и т. д.), а наша задача сводится лишь к выяснению общего значения категорий в диалектической логике, то мы выделим лишь некоторые аспекты данной проблемы.

В настоящем разделе мы рассмотрим категории как логические формы выражения объективных противоре-

чий движения, с тем чтобы в следующем разделе исследовать их с точки зрения той роли, которую они выполняют в процессе углубления, движения познания. Давая общую характеристику понятия и анализируя его структуру, мы рассмотрели противоречие общего и единичного, поскольку оно особенно важно для понимания диалектической природы понятия как синтеза многообразных единичных явлений. Однако, противоречия между различными сторонами, свойствами действительности чрезвычайно многообразны и свое наиболее общее выражение они находят в ряде категорий. Значение этих категорий состоит прежде всего в том, что они отражают в формах мысли не просто определенные стороны, «роды» бытия, но их сложные, противоречивые отношения и взаимосвязи, переходы друг в друга. Поэтому они и являются могучим орудием диалектической логики. Образно говоря, если понятия вообще составляют «клеточки» всякого познания, то наиболее общие логические понятия, или категории, являются их «костной», «мускульной» основой. Это объясняется тем, что они, во-первых, предельно широки по характеру и масштабам своего обобщения и, во-вторых, в них выражены наиболее типичные и чаще всего встречающиеся в реальной действительности противоречия. В силу сказанного научное мышление вне этих категорий невозможно. Даже беглый просмотр работ по современной физике, квантовой механике, покажет, что страницы их пестрят понятиями «случайность», «необходимость», «детерминизм», «возможность», «действительность» и т. д. Это и естественно, так как без этих категорий нельзя ничего сказать о тех объектах, которые исследует современная наука.

Как же конкретно логические категории отражают противоречия объективного движения? Каждая логическая категория связана с другой категорией: причина со следствием, необходимость со случайностью, содержание с формой и т. д. В этом, разумеется, нет никакой случайности. Эта «парность» их – выражение противоречивого характера *каждой* логической категории, проявление того обстоятельства, что данная категория лишь постольку действительна, поскольку она неразрывно связана со своей противоположностью, т. е. другой категорией. Диалектическая противоречивость категорий

отражает противоречия различных сторон, свойств, переходов действительности, а также ее внутренних закономерных связей. Парный характер, связь категорий свидетельствует о том, что каждая из них одновременно полагает и отрицает друг друга, т. е. что они суть единство противоположностей: содержание не существует без формы, причина — без следствия, необходимость — без случайности, следствие — без причины, случайность — без необходимости и т. д. Вместе с тем они отрицают друг друга, составляют противоположности: так, например, необходимость противоречит случайности, сущность — явлению, в силу чего метафизическое мышление склонно даже на этом основании разделять их непроходимой гранью.

Противоречия, фиксируемые каждой парой логических категорий, не мертвые, а подвижные противоположности, переходящие друг в друга, соответственно развитию отражаемых ими свойств и отношений реальных явлений и процессов действительности. Это значит, что противоречия, существующие между категориями, развиваясь, разрешаются путем перехода одной категории в другую: необходимость в известных условиях превращается в случайность и наоборот, возможность в действительность и т. д.

Переходы категорий необходимо понимать и в том смысле, что не существует абсолютного различия между парными категориями. То, что в одной связи, в одном отношении есть причина, может в другой связи, в другом отношении стать следствием, перейти в иное и т. д. С точки зрения диалектической логики нет ничего ошибочнее, чем мысль о том, будто во всех случаях существует либо содержание, либо форма, либо необходимость, либо случайность, либо причина, либо следствие. Нет абсолютной грани между противоположностями, вследствие чего и логические категории гибки, подвижны, относительны. Поэтому мышление данными логическими категориями позволяет оперировать не с мертвыми, статическими, а с гибкими, релятивными, пластичными формами мысли, адекватными изменяющейся действительности.

Борьба, развернувшаяся вокруг сложных вопросов, поставленных современной наукой, показывает, насколько важно правильно мыслить диалектическими катего-

риями, гибкость которых, по выражению В. И. Ленина, доходит до тождества противоположностей. Современная наука при объяснении вновь открытых явлений постоянно наталкивается на противоположности, но дело в том, *как* мыслить этими противоположностями — как неподвижными крайностями, разделенными между собой непроходимой пропастью, или гибкими, подвижными противоположностями, соединенными друг с другом многими связями и переходами.

Рассмотрим некоторые из этих вопросов по существу. Среди них особенную актуальность приобрел вопрос о детерминизме, о категориях причинно-следственной связи. Как известно, детерминизм заключается в том, что в мире все причинно обусловлено, что нет ни одного явления, которое не имело бы своей причины. Это — главное в детерминизме. Все остальное — какой степени точности достигла наука в исследовании тех или иных причинных связей, как конкретно проявляется причинная связь в различных сферах объективного мира и т. п. — подчинено этому главному принципу.

Вследствие этого категории причины и следствия суть всеобщие категории, ибо они отражают причинную обусловленность всех явлений природы, общества и мышления. Но эти категории являются одновременно и логическими категориями мышления, т. е. такими категориями, без которых познание теряет свою опору. В качестве логических категорий они имеют всеобщее значение и поэтому нельзя считать, что они применимы в исследовании одних областей действительности и неприменимы в других.

Между тем именно этот всеобщий характер категорий причины и следствия берут под сомнение физики-идеалисты. Попытка ограничить принцип детерминизма рамками макропроцессов и отрицать его в области микрообъектов имеет своим философским основанием неумение в мышлении диалектически выразить сложность реальных связей, игнорирование диалектической природы взаимодействия причины и следствия как противоположностей. Обычный довод, который выставляется при отрицании причинно-следственной связи в микропроцессах, следующий. В области движения макрообъектов, зная исходные данные о положении и скорости тел, о посторонних влияниях на них, мы можем точно

определить, предсказать последующее их движение. Значительно сложнее обстоит дело с движением микрообъектов. Вследствие сложности протекающих здесь процессов (двойственный, корпускулярно-волновой характер электронов, влияние приборов на частицы и т. д.) возможно определить лишь движение большой совокупности частиц, дать их усредненную характеристику, а о движении отдельной частицы можно говорить лишь в плане большей или меньшей вероятности. Гейзенберг приводит в пример взрыв обычной и атомной бомбы. В первом случае возможно точно вычислить и предвидеть силу взрыва. Во втором случае это возможно осуществить лишь в определенных колеблющихся границах. Из этого делается вывод, что в первом случае мы имеем дело с причинностью, поскольку следствия однозначно связаны с причиной. Во втором случае причинность отсутствует, поскольку здесь такой связи нет и мы не можем точно предсказать последствия. Таким образом, получается, что причинность, детерминированность явления существует лишь там, где есть необходимость, где причина обусловливает определенное, необходимое следствие; где же этой необходимости нет, где результат можно определить лишь с преобладающей степенью вероятности, там господствует случай.

Ошибочность подобных рассуждений состоит прежде всего в смешении разных логических категорий. В полной мере подтверждаются слова Энгельса, что мыслить без логических категорий невозможно, а чтобы правильно ими мыслить, их нужно знать, изучать [1]. Здесь смешиваются логические категории причины и следствия, с одной стороны, и необходимости — с другой. Столь же ошибочно отождествлять категорию случайности с беспричинностью. Остановимся на последнем. Действительно, в движении отдельного микрообъекта есть много случайного. Но означает ли это, что это движение беспричинно, не имеет причины? Представим себе простой факт. На улице велосипедист наехал на пешехода. Это — непредвиденный случай, но он не беспричинен. То ли пешеход зазевался и его невнимательность явилась причиной несчастного случая, то ли причина состоит в невнимательности или неопытности велосипе-

[1] См. *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, стр. 164—165.

диста. В том и в другом случае происшествие детерминировано, имеет причину.

Если мы не можем, как указывает Гейзенберг, со строгой точностью определить силу взрыва атомной бомбы, а лишь в известных вероятных границах, то и здесь играет определенную роль элемент случайности. Но этот элемент не исключает причинной обусловленности того обстоятельства, что на этот раз взрыв произошел с такой-то силой, в другой раз — с другой силой. Иначе говоря, сама вероятность, различные степени вероятности детерминированы. Мы можем знать или не знать конкретные причины, обусловливающие это, но в том, что эти причины существуют, нет никакого сомнения.

Так же недопустимо смешивать причинную обусловленность с необходимостью. Конечно, нет необходимости, не связанной так или иначе с причинной обусловленностью явлений. Необходимость всегда детерминирована, имеет определенные основания. Однако тот факт, что необходимость имеет свою причину, не означает, будто всякая причинная связь необходима. Несмотря на то что имеется причина, почему велосипедист наехал на пешехода, никто не назовет этот факт необходимостью, ибо это могло быть, а могло и не быть.

Далее, только с точки зрения метафизической логики можно утверждать, что связь причины и следствия должна быть во всех условиях однозначной. Следствие всегда будет однозначным по отношению к своей причине, если их вырвать из всеобщей связи и взаимодействия явлений, если абстрагировать их от воздействия на них массы других явлений. Именно в этом смысл указания Энгельса о том, что если явления вырвать из всеобщей связи и мыслить их изолированно, то *«в таком случае* сменяющиеся движения выступают перед нами — одно как причина, другое как действие» [1]. Истинное же каузальное, причинное отношение вещей мы можем, по словам Энгельса, понять, лишь исходя из универсального взаимодействия. Это последнее объясняет, почему невозможно требовать всегда однозначности причинно-следственных связей. Эта связь могла бы мыслиться

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, стр. 184.

однозначной лишь при том условии, если бы причина и следствие представляли собой абстрактное тождество. В действительности же это тождество в различии, единство противоположностей. Это значит, что в силу сложных взаимосвязей и взаимодействия явлений, переплетения и столкновения различных процессов действия причины как правило проявляются в многообразных, часто противоречивых формах. Действие причины преломляется через множество явлений и их связей и потому проявляется преимущественно не в однозначных, а многозначных видах. Там, где мы имеем дело с простейшим видом движения — каков механический вид движения — там связь причины и следствия проще, однозначнее. Именно эта форма связи была абсолютизирована Лапласом и другими механистами как всеобщая и единственная. Но в действительности, чем сложнее форма движения, тем сложнее и многообразнее причинно-следственная связь.

Современная физика доказывает, что формой выражения причинности в области атомных объектов является вероятность. Так, академик В. Я. Фок пишет по этому поводу: «Даже если атомный объект находится в фиксированных внешних условиях, результат его взаимодействия с прибором в общем случае не является однозначным. Этот результат не может быть предсказан с достоверностью на основании предшествовавших наблюдений, как бы ни были точны эти последние. Определенной является только вероятность данного результата» [1].

Этот вывод подтверждает, насколько важно мыслить не односторонне, не неподвижными категориями, а учитывая всю сложность и противоречивость причинно-следственных связей в реальном мире. Вероятностная форма причинности означает: 1) что причинность не исчезает с переходом к атомным объектам, а получает лишь новое, более сложное по сравнению с классическим пониманием детерминизма выражение; 2) что само это усложнение можно понять лишь при учете диалектического взаимодействия причины и следствия, т. е. того обстоятельства, что истинное каузальное отношение по-

[1] *В. Фок,* Об интерпретации квантовой механики, «Успехи физических наук», т. LXII, вып. 4, август 1957, стр. 467.

знается из взаимодействия явлений (в данном случае взаимодействия атомных объектов с прибором), что, следовательно, нужно подходить к причине и следствию не как мертвому тождеству, а как тождеству противоположностей. Это особенно важно потому, что диалектический характер причинно-следственной связи в мире атомных объектов есть по-видимому результат противоречивой природы самих этих объектов, их корпускулярно-волновых свойств.

Определение движения объекта лишь в форме вероятности не есть исключительная особенность микропроцессов. Она имеет место и в других областях, например в экономической области. Установлено, что цены на товары в условиях досоциалистического товарного производства регулируются законом стоимости. Стоимость товара есть количество общественно необходимого труда, затраченного на его производство. Цена находится в зависимости от стоимости, обусловлена ею, и в этом смысле можно сказать, что стоимость — основа цены, ее причина, цена — следствие. Однако Маркс, подвергший анализу этот вопрос, показал, что связь стоимости и цены не однозначная. Вскрыв стоимость как основу, причину, источник цены, он затем исследовал те усложняющие обстоятельства, которые приводят к тому, что цена не совпадает со стоимостью. Цена всегда колеблется вокруг стоимости, будучи выше или ниже ее. Это объясняется тем, что рыночные связи чрезвычайно сложны и могли бы быть образно изображены в виде массы пересекающих друг друга и взаимопереплетающихся линий. Вследствие этого, хотя известен закон, определяющий цены товаров, невозможно с точностью предсказать, какова в данный момент будет цена какого-нибудь товара. Это можно сделать лишь с известной степенью вероятности. Только усредненные цены, цены массы товаров, дают представление о их стоимости. Но это не означает, что движение единичных цен причинно не обусловлено. Мы даже знаем причину того, почему цены колеблются, и тем не менее никогда невозможно точно предсказать единичную цену. Однозначной связи между стоимостью и ценой нет и не может быть, ибо причина и следствие не только едины, но и противоположны. И здесь большую роль играют случайности: вынесут в данное время на рынок больше или меньше

говаров, какой будет спрос в это время и т. д. Но случайность невозможно точно предвидеть. Если возможно предсказать лишь средний результат массы индивидуальных движений, то это доказывает, что само случайное связано с необходимым, есть форма проявления необходимости, что в движении индивидуального объекта существует необходимость, однако она проявляется в сложной, неоднозначной форме.

В приведенном случае только в отклонениях единичного от нормы проявляется и может проявиться эта норма, т. е. только в отклонениях и через отклонения единичных цен от стоимости последняя прокладывает себе дорогу и проявляется.

Таким образом, причина и следствие как логические категории правильно отражают действительность лишь при учете как их единства, так и сложных противоречивых взаимоотношений между ними. Явление или группа явлений, выступающие в качестве причины, связаны со многими условиями, и их действие осуществляется лишь в связи с ними, преломляясь через них. В силу этого одна и та же причина приводит в разных условиях к различным следствиям. Причина и следствие находятся в постоянном взаимодействии, влияя, воздействуя друг на друга. Как противоположности, они переходят друг в друга в процессе этого взаимодействия. Стремление абсолютно разграничить их приводит к окостенению этих понятий.

Конечно, связь причины и следствия есть лишь частица всемирной связи, проявляющейся в различных формах, и сама по себе не исчерпывает эти формы. Другие логические категории также служат для выражения связей и отношений между явлениями, но берут эти связи с других сторон, отражая иные закономерности объективного мира. Однако, хотя связи чрезвычайно многообразны и требуется ряд логических категорий для их выражения в мысли, нельзя умалять роль причинно-следственных отношений, в какой бы форме они ни выступали. Нет науки, если отрицается закон причинности. Поэтому В. И. Ленин особенно подчеркивал, что, как бы ни уточнялись и ни развивались наши конкретные представления о причинности в природе, признание объективного существования и действия этого закона есть такое же условие познания, как и признание суще-

ствования внешнего мира. Это начинают признавать сейчас и те естествоиспытатели, которые раньше заявляли о принципиальной несовместимости новых успехов науки и принципа причинности. Н. Бор в статье «Квантовая физика и философия» указывает, что, как ни своеобразны условия и способы исследования атомных объектов, это не означает, что там не действует закон причинности. Новые способы экспериментирования, пишет он, обеспечивают «последовательность между причиной и следствием в соответствии с очевидным и элементарным требованием *причинности*». Говоря о теории дополнительности, он утверждает, что она отнюдь не означает произвольного отказа от идеала причинности [1].

Это признание свидетельствует о том, что мышление потому не может обойтись без логической категории причинности, что нет ни одного явления в мире, которое не имело бы своей причины.

Логические категории причины и следствия требуют от нас мыслить о вещах как детерминированных, всегда причинно обусловленных. Но этого еще недостаточно, чтобы знать, *каковы* результаты этой обусловленности — являются ли они необходимостью или случайностью, или тем и другим вместе. Связь причины и следствия одинаково характеризует как необходимые, так и случайные отношения, ибо беспричинных явлений не существует. Поэтому категории необходимости и случайности конкретизируют, углубляют понимание причинных связей явлений, исследуя их с новой стороны, давая ответ на вопрос о том, каков характер этих связей.

Вопрос о необходимости и случайности в современной физике стоит в центре исследования ряда важнейших проблем и служит яблоком раздора между различными концепциями и взглядами; это свидетельствует о важности этих категорий. Мышление о явлениях и процессах в мире не может обойтись без этих логических категорий, как и без других. И в этом вопросе самое главное в том, как с помощью этих категорий выразить связь, переходы таких противоположностей как необходимость и случайность. Противопоставление, аб-

[1] См. *Н. Бор,* Квантовая физика и философия, «Успехи физических наук», т. LXVII, вып. 1, январь 1959, стр. 40.

солютизация их, неумение оперировать с ними ведет к серьезным ошибкам.

Среди ученых сейчас нередко можно услышать высказывания о том, что новые данные науки произвели переворот в наших представлениях о характере явлений природы. Смысл этого переворота состоит якобы в том, что на место старого представления о необходимости наука ставит теперь случайность. Случай господствует в природе, необходимость же почти исчезла. Отрицание причинности, о чем шла речь выше, также ведет к признанию случая, произвола как господствующей в мире тенденции. Развитие физики, пишет Н. Винер, отбросило «косный ньютоновский базис», и случайность «выступает теперь во всей своей наготе как цельная основа физики» [1]. Здесь же он утверждает, что случай есть основной элемент в строении самой вселенной [2].

Эта философская установка некоторых ученых находится в вопиющем противоречии с их собственными естественнонаучными исследованиями. Если бы случай действительно был «основным элементом» вселенной и, следовательно, науки, то та же кибернетика, одним из основателей которой является Винер, была бы невозможна. Мыслима ли теория информации и сознательное управление электронными устройствами на ее основе, если бы они были всецело подчинены случайностям, которые в силу своей природы как случайностей точно непредсказуемы? Никакая машина не выполнит заданной ей программы, если элементы этой программы не будут организованы в форме строгой и необходимой связи. И снова причина ошибочности указанной точки зрения состоит в неумении мыслить подвижными, переходящими друг в друга противоположностями. Логика развития объективных вещей тогда находит свое адекватное выражение в логике мысли, когда в формах мышления отражаются противоречия развития. Без соединения в мысли противоположностей реальной действительности логика терпит крах.

В самом деле, необходимость и случайность едины, но едины как различия, противоположности. Противоположность между ними состоит в том, что необходи-

---

[1] *Н. Винер,* Кибернетика и общество, М., 1958, стр. 26.
[2] См. там же, стр. 27.

мость выступает как результат внутренней связи явлений и имеет свою причину в самой сущности вещей. Вследствие этого необходимость — это то, что должно, не может не быть. Случайность имеет своим источником и основанием не сущность вещи и не существенные связи между вещами, а область внешних, поверхностных связей между ними. Случайность чего-либо коренится не в нем самом, а в другом. Вследствие этого случайность определяется как нечто, что может быть, но может и не быть. Еще Аристотель очень глубоко схватил это различие необходимости и случайности, указав, что «то, что само по себе присуще предметам, является необходимым»[1]. Случайное — то, что «не есть само по себе».

Однако, будучи противоположностями, необходимость и случайность не существуют друг без друга. Необходимость предполагает свое отрицание — случайность, последняя предполагает необходимость. Необходимость всегда связана со случайностью и наоборот. Случайность имеет своей основой необходимость, закономерно совершающиеся процессы, а необходимость проявляется в тех или иных случайностях. В этой диалектике категорий отражаются реальные процессы, где случайное и необходимое не разделены, а взаимосвязаны, взаимопроникают друг в друга. Их можно разделить, но там, где рассудочное знание видит одно различие, диалектическая логика нащупывает связь, единство, переход категорий.

Необходимость есть сущность и основа процессов. Но до сих пор некоторые ученые представляют себе необходимость как нечто однообразное, мертвенное, и, сталкиваясь в самой действительности с разнообразным течением процессов, они полагают, что последние случайны. Очень поучительна в этом отношении критика В. И. Лениным Петцольдта. Для доказательства того, что не все явления детерминированы, Петцольдт приводил психические и исторические явления. В природе, утверждал он, существует «однозначная определенность»; эту определенность он выводил логическим путем из разума. Но в психических явлениях и в истории

[1] *Аристотель*, Аналитики первая и вторая, Госполитиздат, М., 1952, стр. 192.

большую роль играют личные особенности людей, и вне их нельзя-де ничего понять. Здесь, следовательно, нет однозначной определенности, нет, таким образом, и причинной обусловленности и необходимости, все случайно.

В. И. Ленин по этому поводу замечает: «Перед нами чистейший метафизик, который понятия не имеет об относительности различия случайного и необходимого» [1]. Ленин не развивает дальше этой мысли, но для каждого марксиста она совершенно ясна. «Однозначную определенность» Петцольдт понимает как чистую необходимость, оторванную от случайности. Но такой необходимости нет ни в природе, ни в обществе. Общественная жизнь развивается по объективным законам, не зависимым от воли и сознания людей. Таковы, например, экономические законы, действующие с необходимостью, которую никто не может отменить или уничтожить. Без учета и исследования этой необходимости нет науки об обществе. Здесь видна связь между причинной обусловленностью явлений и необходимостью. Экономические отношения как решающее в системе условий материальной жизни общества выступают в качестве той существенной причины, которая обусловливает все общественное развитие. Причинность и необходимость тождественны, таким образом, лишь тогда, когда причинно-следственная связь есть связь внутренняя, существенная, обусловленная развитием природы самих вещей. Такая связь выступает как необходимая.

Значит ли это, что необходимая определенность развития может быть «однозначной»? Нет, конечно. Определенность «однозначна» лишь в том смысле, что необходимость всюду приводит к одинаковым основным, главным результатам. Например, везде, где развивалось товарное производство, оно необходимо приводило к возникновению капиталистического производства, если только какие-то внешние причины не прерывали этого необходимого процесса. В этом — и только в этом смысле — необходимость «однозначна», ибо она навязывает себя с принудительной силой, что и дает мысли возможность ее осознать, и не только осознать, но и предвидеть, предсказывать.

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 150.

Вместе с тем тщетно было бы искать однозначную необходимость в неглавных ее проявлениях, в деталях и подробностях ее осуществления. Здесь необходимость опосредствуется массой конкретных условий, свойственных каждому особому и единичному ее выражению. Например, в каждой отдельной стране, где развивалось простое товарное производство, необходимость превращения его в капиталистическое производство проявлялась неодинаково. Это объяснялось своеобразными условиями, в которых действовали общие причины превращения простого товарного производства в капиталистическое.

Далее, необходимость — если продолжить пример с общественной жизнью — осуществляется в действиях и поступках людей. Каждому человеку свойственны свои индивидуальные психические и прочие особенности, каждый действует по определенным мотивам, сообразует поступки и действия со своими интересами и т. д. Вследствие этого нельзя искать «однозначную определенность» в течении исторических процессов, ибо действия людей неизбежно придают, как говорил Плеханов, индивидуальную физиономию событиям. Не в центре действия необходимости, а на ее периферии необходимость могла бы проявиться иначе, чем она проявилась, некоторые процессы, если бы их осуществляли другие люди, могли бы иметь иную «индивидуальную физиономию». Иначе говоря, здесь имеется широкий простор для проявления случайностей, ибо индивидуальные психические особенности действующих лиц в общем не обусловлены сущностью исторических процессов и имеют свое основание не в них, а в другом. Поэтому по отношению к исторической необходимости они случайны. И случайность, как было показано, не беспричинна, но это такая причинная связь, которую в отличие от вышеуказанной нельзя отождествлять с необходимостью.

Таким образом, процессы протекают в двух противоположных формах связи — необходимых и случайных. Эти две формы следует различать, с тем чтобы не выдавать одно за другое. Однако различение этих противоположностей в диалектической логике относительно, оно должно стать предпосылкой их соединения, перехода друг в друга в соответствии с самой действительностью. Действие отдельного человека, его поступки

могут казаться случайностью [1], но если взять действия не одного человека, а массы людей, то нетрудно обнаружить необходимость в качестве основы этих действий. Это значит, что и поступки отдельных людей в своей основе необходимы, но необходимость реализуется в форме, обусловленной особенностями и перипетиями жизни каждого индивидуума. Иначе говоря, необходимость осуществляется и пробивает себе дорогу через случайности, а сама случайность оказывается формой выражения необходимости, дополнением к ней.

Отсюда ясно, почему В. И. Ленин критиковал Петцольдта, который отрицал наличие объективной закономерности, необходимости в психических и — шире — исторических явлениях. Петцольдт оперировал соответствующими понятиями и категориями как абсолютными противоположностями, в то время как они по природе своей будучи отражением сложной действительности, диалектичны, едины в противоположностях, переходят друг в друга.

Приведенные рассуждения позволяют разобраться и в тех неверных выводах, которые делают некоторые физики и философы-идеалисты из статистических закономерностей. Как известно, эти закономерности имеют дело с большими совокупностями явлений. Каждое из этих явлений ведет себя «по-своему» и только из массы взаимодействующих друг с другом отдельных явлений складывается определенная тенденция, имеющая характер необходимости. Возьмем в качестве примера процесс диффузии. Если в сосуд с водой добавить какое-то количество растворенного в воде вещества, то через некоторое время диффузия приведет к равномерному распределению этого вещества в воде. Каждая частица, взятая изолированно от других, под влиянием испытываемых ею толчков молекул воды будет передвигаться хаотично то в одну, то в другую сторону. Предвидеть направление ее движения невозможно. Но движение всей совокуп-

[1] В социалистическом обществе, где воля, стремления, побуждения миллионов людей организуются и направляются руководящей силой этого общества — коммунистической партией, где индивидуумы сообразуют свои личные интересы с интересами развития всего общества, роль случайности сокращается, что, разумеется, не означает, будто она совсем исчезает и перестает оказывать свое влияние на ход событий.

ности частиц растворенного вещества подчинено определенной и предсказуемой необходимости, выражаемой процессом диффузии.

Анализ этого факта сталкивает нас со странным противоречием: каждая отдельная частица, казалось бы, не подчинена необходимости движения в направлении убывания концентрации, а совокупность частиц подчинена этой необходимости. На этом основании некоторые ученые приходят к заключению, что в явлениях, обобщаемых статистическими законами, господствует случайность, индетерминизм.

Действительно, нельзя не признать в рассмотренном факте (а такова природа всех статистических явлений) наличия указанного противоречия, необходимость здесь возникает из «чистых» случайностей. Но удивительным это противоречие кажется только, если метафизически оперировать категориями необходимости и случайности, не видеть их диалектической связи и взаимоперехода. Прежде всего не обоснованы утверждения об индетерминированности и «свободе» действия каждой отдельной частицы, взятой изолированно от других. В рассмотренном примере движение каждой частицы растворенного в воде вещества детерминировано действием на них молекул воды. Столь же неверно утверждение об индетерминизме в движении всей совокупности частиц, хотя его общий результат и находится в противоречии с движением изолированных частиц. Движение всех частиц как целого детерминировано связью, взаимодействием отдельных частиц, и вне этого взаимодействия невозможен был бы и общий результат. В области большей концентрации вещества происходит более интенсивное перемещение частиц, что обусловливает необходимое направление движения всей массы частиц. Следовательно, существует определенная причинная обусловленность процесса диффузии.

Но как же возможна и вообще возможна ли необходимость целого процесса на основе случайности и хаотичности в движении отдельных частей, из которых он состоит? Когда мы анализируем природу явлений, подчиненных статистической закономерности, то невозможно рассматривать движение отдельной частицы вне связи и взаимодействия с другими частицами. До тех пор пока мы рассматриваем частицу изолированно от дру-

гих, ее поведение кажется чистейшей случайностью. Если же мы рассмотрим ее в связи с другими частицами, с массой частиц, то увидим, что случайное связано с необходимым, что общее движение в конечном счете определяет и движение отдельной частицы в необходимом направлении, но не в прямолинейной, непосредственной форме, а так, что необходимость осуществляется в форме постоянных отклонений отдельной частицы в разные направления и необходимость проявляется как среднее массы явлений. В таком случае каждое отдельное движение нужно рассматривать как единство необходимого и случайного, а движение всей совокупности, целого как необходимость, прокладывающую себе путь через случайности единичного, отдельного. Таким образом, ничего «страшного» не будет обнаружено в противоречии между движением массы единичных явлений и движением каждого единичного явления. Это диалектически противоречивый процесс, в котором необходимость и случайность взаимосвязаны, переплетены и невозможны друг без друга. Следовательно, рассматривая статистические процессы, нельзя противопоставлять необходимое и случайное как абсолютные противоположности, допускать, что совокупность единичных явлений подчинена только необходимости, а каждое отдельное явление только случайности. В действительности здесь мы имеем диалектическое взаимодействие и взаимопереходы необходимого и случайного: необходимость осуществляется через случайности, случайности подчиняются необходимости, становятся частью необходимого процесса.

В этом взаимодействии и взаимопереходе противоположностей ведущей силой является *необходимость*, которая всегда пробьет себе дорогу, ибо она есть выражение действия объективных законов развития. Эти законы могут быть до определенного времени неизвестны, но рано или поздно они будут обнаружены.

Из сказанного следует, что неправильно определять вероятность — как это делают некоторые физики и философы-идеалисты — как порождение случайности. Если бы это было так, то вероятность утратила бы всякий смысл. Ведь если существует возможность — пусть с приближенной степенью точности — определить вероятность того или иного явления, то это свидетельствует

о необходимости как основе вероятности. С другой стороны, вероятность есть выражение связи необходимости со случайностью, так как сама необходимость в рассматриваемых явлениях выступает как результат взаимодействия массы явлений, на каждом из которых неизбежно лежит печать случайности.

Здесь мы сталкиваемся с новыми категориями, которые позволяют еще *глубже, конкретнее* подойти к рассматриваемым вопросам. Мы имеем в виду категории возможности и действительности. Не случайно в последнее время физики стали привлекать эти категории для объяснения сложного поведения микрообъектов.

С помощью этих категорий мышление может подойти к явлениям, схватывая их состояние в различных положениях, на разных стадиях. В случае с движением микрообъектов оказывается, что нельзя отождествлять их потенциальное, возможное состояние с тем, как эта возможность реализуется в связи со всей совокупностью условий. Указанные категории позволяют мыслить о явлениях, учитывая это различие и связь возможного и действительного.

Эти категории различны, поскольку они непосредственно не совпадают друг с другом, и тождественны, так как одна превращается в другую. Отношения между ними глубоко вскрыл еще Аристотель, у которого имеются замечательные в сущности диалектические мысли по поводу взаимополагания и взаимоотрицания возможности и действительности. Не соглашаясь с положением мегарцев о том, что возможность и действительность одно и то же, Аристотель доказывал, что «[вполне] допустимо, что та или другая вещь способна («способность» здесь есть синоним «возможности». — *М. Р.)* существовать, а [между тем] не существует, и способна не существовать, а[между тем] существует» [1]. Иначе говоря, различие между этими категориями вытекает из того, что возможное может не превратиться в действительность, но может и стать таковой. Вместе с тем Аристотель подчеркивает связь возможности и действительности, которую он усматривает в том, что сама возможность существует в наличной действительности, ибо ей неоткуда больше взяться; в силу этого он

[1] *Аристотель,* Метафизика, стр. 152.

указывает, что «по времени действительность прежде способности»[1]. Слово «прежде» следует понимать в том смысле, что должны существовать реальные вещи, которые порождают другие вещи и тем превращают возможное, существующее в вещах, в действительное. Так, чтобы хлеб из возможного стал реальностью, нужны прежде всего такие *действительные* вещи, как семя; сама возможность того, чтобы человек стал действительностью, существует благодаря другим людям и т. д. По выражению Аристотеля, «то, что его (возможное. — *М. Р.*) вызывает, уже существует в действительности»[2]. В то же время он утверждает, что возможность *впереди* действительности, поскольку она хотя и существует в реальных вещах, но еще не реализовала себя. Лишь постольку, поскольку вещи находятся в *движении*, возможность может стать действительностью, а действительность — осуществившейся возможностью. Вне движения и развития нет ни возможности, ни действительности. Поэтому диалектическая природа данных понятий совершенно очевидна.

Понятие возможности чрезвычайно многогранно, оно позволяет отражать в мышлении самые различные состояния действительности, стадии ее развития. Возможность может иметь различные степени приближения к действительности или, если угодно, различные степени вероятности превращения в действительность. Возможность может существовать в общей, «абстрактной» форме и в реальной форме. Возможно, например, что одна звезда столкнется с другой. В самом этом явлении нет ничего, что противоречило бы ему, и в этом смысле оно возможно. Но как показывают вычисления, «каждой звезде дана возможность странствовать около триллиона лет, прежде чем она столкнется с другой»[3]. По утверждению советского астронома академика Фесенкова, даже при беспорядочном движении в пространстве можно ожидать очень близкого прохождения для каждой данной звезды один раз в 10^{17} лет. Ясно, что, хотя эта возможность и существует, она имеет чисто абстрактный характер.

---

[1] *Аристотель*, Метафизика, стр. 158.
[2] Там же.
[3] *Дж. Джинс*, Вселенная вокруг нас, М.—Л., 1932, стр. 7.

В. И. Ленин называл чисто абстрактной возможностью образование при капитализме единого мирового треста, который бы поглотил все конкурирующие между собой государственно-обособленные финансовые капиталы. «Абстрактно мыслить подобную фазу, — писал Ленин, — можно»[1]. Ее можно мыслить, поскольку она не противоречит себе.

Называя такого рода возможности формальными, абстрактными, нельзя сказать, что они не имеют *абсолютно* никакой почвы в реальной действительности. Всякая возможность отражает какие-то свойства и условия реальных объектов и процессов, и это относится и к формальным возможностям. Столкновение звезд хотя и мало вероятно, но все же имеет некоторое основание в самой действительности. О возможности единого мирового финансового треста В. И. Ленин писал: «Не подлежит сомнению, что развитие идет в *направлении* к одному единственному тресту всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства»[2].

Категории возможности и действительности ориентируют мышление, процесс исследования на анализ реальных условий. В зависимости от условий возможность выступает либо как формальная, либо как реальная.

Многие формальные, абстрактные возможности не превращаются в действительность, однако некоторые из них вполне могут стать таковой, и мышление это должно учитывать. Гибкость понятия возможности, богатство его оттенков позволяют проследить и выразить развитие, изменение действительности. Формальная возможность может стать *реальной,* т. е. такой, степень превращения которой в действительность несравнимо больше, чем у первой. То, что в одних условиях есть лишь формальная, то в других условиях становится реальной возможностью. Иначе говоря, оба эти понятия отражают в мышлении процесс изменения действительности.

Например, создание искусственных спутников и планет несколько десятилетий назад можно было с полным основанием считать абстрактной возможностью. В наше время это стало не только реальной возможностью, но

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, стр. 94.
[2] Там же.

и действительностью. Гибкость, пластичность понятий возможности и действительности совершенно очевидна.

Возможность содержит в себе противоречие — на это указал еще Гегель. Оно состоит в том, что возможность есть одновременно и *невозможность,* так как она может осуществиться, а может и не осуществиться. В этом смысле понятие возможности тесно связано с понятием случайности. Ведь случайность в противовес необходимости это то, что может быть и может не быть. Взятое в своей существенной основе, понятие возможности отражает закономерные и необходимые тенденции развития объектов. Смысл этой философской категории в том, чтобы при ее помощи обнаружить необходимое, закономерное, существующее еще в зародыше и при известных условиях превращающееся в действительность. Маркс, например, анализируя товар, обнаруживает в нем в *возможности* те глубокие противоречия капитализма, которые становятся действительностью в развитой форме товарного производства. Маркс показывает, как эта возможность превращается в действительность. Если бы существующая в товаре возможность развитых противоречий капиталистического способа производства не выражала *закона, закономерной тенденции,* то понятие возможности утратило бы свое познавательное значение. Приведем еще такой пример. Когда в СССР строился социализм, Коммунистическая партия была глубоко убеждена в возможности построения полного коммунизма, сейчас же советское общество практически вступило в период развернутого коммунистического строительства, т. е. в период превращения этой возможности в действительность. XXI съезд КПСС указал конкретные пути перехода от социализма к коммунизму. Предвидение этой возможности, путей и способов превращения ее в действительность основано на том, что это объективно закономерный процесс.

Подчеркивая наличие необходимых тенденций развития в понятии возможности, нельзя упускать из виду и другой, противоположной стороны, момента случайности. Если бы мы учитывали только первую сторону возможности, т. е. необходимость, закономерно существующую в виде зародыша, тенденции, то наша мысль была бы не способна отразить всей сложности и противоречивости развития; это привело бы к отождествлению

возможного и необходимого. Это недопустимо, во-первых, потому, что возможны и совершенно случайные явления, которые не поддаются предвидению, во-вторых, потому, что возможность как выражение необходимости в процессе своего превращения в действительность обрастает всякого рода случайностями, которые не поддаются точному учету. Иначе говоря, и здесь возможность и действительность не тождественны, а противоположны, и не только потому, что их нельзя подменять, но и потому, что возможность реализуется неоднозначно, она опосредствуется конкретными условиями, в которых осуществляется процесс ее реализации.

Отсюда очевидна тесная связь понятия вероятности с категориями возможности и действительности. Вероятность есть мера реализации возможности в определенных условиях. Такое усложнение анализа развития явлений по сравнению с предыдущим свидетельствует об углублении познания.

Постановка вопроса о возможности и действительности, их различии в классической механике не возникала, потому что там постулировалась в основном однозначная предопределенность хода событий. Иное положение в квантовой механике. «Можно сказать, — пишет академик В. А. Фок, — что для атомного объекта существует *потенциальная возможность* проявлять себя в зависимости от внешних условий либо как волна, либо как частица, либо промежуточным образом. Именно в этой потенциальной возможности различных проявлений свойств, присущих атомному объекту, и состоит дуализм волна — частица»[1]. Отмеченные различные возможности непосредственно не тождественны действительности, ибо возможность и действительность суть противоположности. Какая из указанных возможностей превратится в действительность, зависит от ряда условий. Волновая функция отражает объективную возможность поведения отдельного микрообъекта, вероятность нахождения, например электрона, в определенном объеме пространства. Действительность же возникает из сложного процесса реализации возможности, из взаимодействия атомного объекта с внешними условиями и

[1] *В. Фок*, Об интерпретации квантовой механики, «Успехи физических наук», т. LXII, вып. 4, август 1957, стр. 466.

взаимодействия между многими атомными объектами. Но как ни различны возможность и действительность, они существуют в противоречивом единстве, ибо действительность есть реализованная сложным, опосредованным путем возможность.

Из рассмотрения некоторых логических категорий видно, как мышление при их помощи выражает противоречия движения реального мира. Потому они и являются категориями мышления, без коих мышление, мысль не может достигнуть своей главной цели.

Мышление в процессе исследования какого-либо объекта оперирует не отдельными категориями, а *всей совокупностью* логических категорий, выдвигая в соответствии с конкретным ходом познания на первый план то одни, то другие категории. При рассмотрении вопроса о детерминированности явлений мы стремились показать, что для правильного подхода к данному вопросу с точки зрения современной науки необходимо проанализировать *связь* ряда категорий, таких, как причина и следствие, необходимость и случайность, возможность и действительность и т. п. Каждая из этих категорий вскрывает какую-то одну сторону сложных противоречий действительности в ее движении, и только рассмотрение всех этих сторон в их синтезе способно воспроизвести в мышлении представление об объекте. Но если в процессе мышления мы односторонне подойдем к анализу сложных противоречий и возьмем одну из этих категорий, скажем, случайность, и затем абсолютизируем ее, как это и делают некоторые ученые, тогда познание даст искаженную картину реального мира.

Образцом использования *совокупности* логических категорий служит анализ Марксом товара как клеточки капиталистического способа производства. В процессе исследования он использует различные категории. С помощью понятий сущности и явления он вскрывает соотношение между внутренней и внешней сторонами в товаре, т. е. между стоимостью и ценой товара. Категории содержания и формы дают возможность обнаружить его субстанцию, то, что товар — это воплощение общественно необходимого труда, а меновая стоимость — его форма. Понятия общего и единичного помогают Марксу объяснить стоимость как то существенно общее, что находит свое выражение в массе единичных

цен. Категории необходимости и случайности позволяют понять то необходимое в товаре и движении товарных цен, что прокладывает себе дорогу сквозь случайности (колебания цен). В противоречии потребительной стоимости и стоимости товара Маркс при помощи категорий возможности и действительности обнаруживает потенциальную возможность экономических кризисов, которые в известных условиях становятся действительностью, и т. д. и т. д. В результате такого анализа простое явление, клеточка капиталистического производства — товар предстает перед нами во всех связях и опосредствованиях, с массой противоречий, связанных в один узел и раскрытых с разных сторон.

Логические категории как формы движения, углубления познания

Этот вопрос был уже частично рассмотрен в предыдущем разделе, так как логика выражения объективных противоречий требует перехода в процессе познания от одних категорий к другим, притом последовательность этого перехода не произвольна, а соответствует той роли, которую выполняет каждая категория. Так, например, как ни важны категории причинно-следственной связи для понимания детерминированности явлений, но такие категории, как необходимость и случайность, возможность и действительность, углубляют, конкретизируют наши понятия о связи явлений, вводя в них усложняющие моменты. Глубоко закономерным было развитие познания от абстрактного механического детерминизма XVII—XVIII вв. к современному детерминизму, основанному на понимании диалектического взаимодействия причины и следствия, необходимости и случайности, возможности и действительности и т. д. В отдельном акте познания категории также служат формой движения, развертывания познания, ступеньками углубления в объективные связи и взаимозависимости явлений.

Рассмотрим этот вопрос на примере таких важных для познания категорий, как сущность и явление. Это особенно важно потому, что непонимание диалектической взаимосвязи и переходов таких противоположностей, как внутренняя сущность вещей и их внешнее про-

явление, было одним из важнейших источников идеалистических заблуждений на протяжении всей истории философии. В философии Канта разрыв сущности и явления приобрел поистине трагический характер, и все усилия этого философа были направлены на то, чтобы доказать неспособность человеческого разума проникнуть в мир «вещей в себе». Его «критическая» философия вступила в резкий конфликт с научным познанием, цель которого состоит в обнаружении внутренних существенных связей вещей, в превращении «вещей в себе» в «вещи для нас».

Гегель хорошо понял слабость кантовской философии и подверг ее серьезной критике. Главным его оружием против метафизического противопоставления внутреннего и внешнего была диалектика, диалектический тезис о том, что сущность существует, лишь переходя во внешнее, проявляясь вовне, а внешнее выражает внутреннее, существенное, вне которого оно немыслимо. Но Гегель сам вел в этом вопросе борьбу против Канта с шатких, идеалистических позиций. Развивая правильную мысль о диалектической связи сущности и явления, внутреннего и внешнего, Гегель саму сущность вещей трактовал с позиции абсолютного идеализма, т. е. как понятие, существующее до природы и помимо нее. В результате метафизический разрыв между сущностью вещей и явлением, имевший место у Канта, у Гегеля не только не исчез, но в определенном смысле еще больше усилился: вся материальная природа была провозглашена «внешним», «несущественным», «инобытием», «явлением» абсолютного духа. И хотя Гегель на словах объединил сущность и явление, утвердил их единство, действительной диалектической взаимосвязи и взаимоперехода их в силу указанного обстоятельства он не видел. Под кантовской «вещью в себе» еще можно было понимать сущность реальных вещей, которые якобы непознаваемы. Гегелевская сущность вещей идеальна, она витает над миром реальных вещей как бог, сотворивший их и давший им жизнь.

Таким образом, действительное соотношение сущности и явления в логике движения познания не было решено Гегелем. Задача состояла в том, чтобы показать, что явления самого материального мира имеют внутреннюю, существенную сторону и внешнюю, поверхностную.

Эти стороны явлений противоположны, поскольку, во-первых, сущность вещей и их внешнее проявление различны, непосредственно не совпадают друг с другом, а часто даже находятся в состоянии резкого противоречия между собой и, во-вторых, потому, что сущность скрыта от непосредственного взора, в то время как явление лежит на поверхности и доступно созерцанию.

Но, будучи противоположностями, сущность и явление находятся в единстве. Вещь есть единство сущности и явления, внутреннего и внешнего, и только в целях анализа, познания вещи их можно разделять. Поскольку между этими категориями существуют сложные диалектические связи, их необходимо исследовать как «категории-переходы», как одновременно взаимополагающие и взаимоотрицающие друг друга.

В современной идеалистической гносеологии и логике идет борьба различных тенденций и направлений по вопросу о соотношении категорий сущности и явления. Современный, как и старый, позитивизм основан на метафизическом противопоставлении опытного, «эмпирического» мира вещей внутренней их сущности, познаваемой с помощью законов науки. В работах выдающихся естествоиспытателей можно встретить мысль о том, что природа подобна часам, на которых мы видим движение стрелок на циферблате, но скрытый механизм которых навсегда остается для нас недоступным. Весь смысл конвенционализма, операционализма, инструментализма и прочих модных «измов» состоит в отрицании тезиса, что познание способно воспроизвести объективную сущность вещей [1].

С другой стороны, современный неотомизм «признает» сущность вещей, но видит ее в боге; в его аргументах нет ничего нового по сравнению со старыми идеалистическими представлениями.

Вопрос о сущности и явлении не сводится только к тому, познаваемы ли вещи или непознаваемы. Можно отвечать утвердительно на вопрос о способности мышле-

[1] Б. Рассел объявил сущность «безнадежно сбивающим с толку» понятием; это, по его выражению, некий «крюк», на котором должны висеть явления. По Расселу, вопрос о сущности — это чисто лингвистический вопрос. Только слово может иметь сущность, но не вещь (см. *Б. Рассел*, История западной философии, М., 1959, стр. 221, 222).

ния проникнуть в сущность явлений и тем не менее неправильно представлять логику связи этих категорий, взаимоотношения их в процессе познания.

Самое важное в диалектике категорий сущности и явления — это разрешение, преодоление противоречия между ними в процессе познания. Смысл познания состоит в том, чтобы понять это живое противоречие самой действительности путем сведения явления к сущности и применения познанной сущности к живому многообразию явлений.

Соответственно этой задаче логика движения мысли схематично распадается на два этапа: 1) движение мысли от явления к сущности и 2) движение ее от сущности к явлению. Сложность и трудность движения мышления состоит здесь в том, что на первом этапе мышление должно обнаружить в многообразии явлений их противоположность — сущность, а на втором — применить открытую сущность путем перехода ее в противоположные ей внешние явления. Хотя оба эти этапа представляют собой единый процесс, они имеют относительно самостоятельное значение, и на каждом из них познание сталкивается со специфическими противоречиями.

На первом этапе движения познания в противоречии находится то, что быстро меняется, не так устойчиво, с тем, что относительно устойчиво, «инвариантно», не так быстротечно и изменчиво, как внешние явления. Это противоречие составляет источник мучительных трудностей для эмпириков, которые не могут понять, как возможно сведение многообразия явлений, каждому из которых присуща своеобразная индивидуальная жизнь, к некоей «сухой», «мертвой» сущности. Противопоставление Джемсом единого и многообразного как нельзя лучше демонстрирует эти страдания эмпиризма. Представители последнего правы, когда они восстают против мистического «абсолюта», в котором тонет живое многообразие явлений, и бунтуют против «всевластия» этой вымышленной силы. Как заявлял Джемс, его «плюралистический» мир, т. е. мир, состоящий из множества явлений, более похож на федеративную республику, чем на империю или на королевство. Но, отрекаясь от концепции абсолютизма в природе, вульгарный эмпиризм заодно отказывается и от сведения внешних явлений к

их объективной сущности и проповедует субъективистский произвол в познании, отрицание объективных законов, т. е. федерацию анархизма. Это не мешает эмпирикам, изгоняя мистическую высшую силу из природы через дверь, впустить ее через окно. Как показал Энгельс, эмпиризм, кичащийся своей приверженностью к опыту, более чем какое-либо другое направление в науке подвержен влиянию спиритуализма. Ибо нельзя не признавать того, что природа, как ни разделена она на множество единичных явлений, все же едина, вследствие того что все ее проявления имеют одну и ту же материальную сущность. Наука не может не познавать сущности явлений, не отрекаясь от самой себя, не отказываясь от самого смысла своего бытия. И эту задачу должны решать даже самые крайние, или, как определял Джемс, радикальные, эмпирики. Но вместо того, чтобы искать сущность явлений природы в самих этих явлениях, они видят сущность многообразного в конце концов в боге. При этом они принимают бога «в силу определенных прагматических соображений» [1].

Эмпиризм во всех его проявлениях, включая и современный позитивизм, вертится в заколдованном кругу противоречий между «беспокойством», быстротечностью, изменчивостью внешних явлений и устойчивостью, относительной тождественностью сущности явлений. Он не может разрешить это противоречие. Диалектика же познания состоит в том, что, сводя внешнее к внутреннему, относительно устойчивому, оно вскрывает *сущность* явлений, их законы. Это не значит, что сущность неизменна. Сущность вещей также изменчива и находится в состоянии непрерывного развития. Об устойчивости сущности можно говорить лишь в ее соотношении с внешними проявлениями, которые в силу своей внешности более подвержены различным колебаниям, смене форм, т. е. имеется в виду *относительная*, а не абсолютная устойчивость. Наука добивается успеха не тогда, когда она эмпирически фиксирует многообразие явлений, а тогда, когда ее поиски направлены на обнаружение единства как чего-то относительно постоянного, когда она из этого последнего выводит объяснение внешних изменчивых проявлений. Прогресс ее измеряется

[1] См. *У. Джемс*, Прагматизм, стр. 65 (примечание).

этой способностью перевода изменчивого многообразия явлений в их относительно постоянную и устойчивую сущность.

Рассказывая об исследовании периодического закона элементов, Д. И. Менделеев говорит, что он стремился найти в нескольких десятках известных тогда химических элементов то «нечто», что было постоянным, неизменяющимся в различных соединениях элементов. Он нашел это нечто в атомном весе. Свойства элементов различны, при переходе в соединения, говорил он, они меняются. «А между тем, всякий из нас понимает, что при всей перемене в свойствах простых тел, в свободном их состоянии, *нечто* остается постоянным, и *при переходе элемента в соединения это нечто — материальное и составляет характеристику соединений, заключающих данный элемент* (курсив мой. *М. Р.*). В этом отношении нельзя известно только одно числовое данное, это именно атомный вес, свойственный элементу. Величина атомного веса, по самому существу предмета, есть данное, относящееся не к самому состоянию отдельного простого тела, а к той материальной части, которая обща и свободному простому телу, и всем его соединениям» [1].

Это открытие явилось триумфом науки, так как она нашла сущность явлений, т. е. ту точку опоры, которая позволила понять многообразие явлений и дать им объяснение. Дальнейшие успехи науки позволили ей еще более глубоко проникнуть в сущность связи химических элементов и вскрыть эту основу в положительном заряде ядра.

Раскрывая сущность явлений, опираясь на нее, познание на втором этапе движения мысли применяет ее к объяснению многообразных явлений. Познание в этом случае развертывается, движется в обратном направлении и разрешает уже другое, специфическое для этого этапа противоречие. Здесь сущность, т. е. устойчивое, постоянное, должна перейти в свою противоположность, в изменяющееся, беспокойное, неустойчивое. Правильное отражение в мысли этого перехода дает возможность понять, как сущность проявляется во вне, в своих многообразных выражениях. Эта сторона процесса познания

[1] *Д. И. Менделеев,* Избранные сочинения, т. II, 1934, стр. 8.

чрезвычайно важна, так как внешние проявления сущности вещей и сама сущность нередко столь противоречивы, что без исследования причин этой противоречивости и того, как они связаны между собой, одно установление сущности не дает знания конкретного. Движение познания от сущности и — шире — от законов к явлениям представляет особые трудности для одностороннего рационалистического подхода к анализу действительности, который стремится *непосредственно* подвести сущность под явление, не считаясь с особенностями последнего, со всеми сложными связями между внутренним и внешним. При таком подходе предполагается, что раз сущность вещей открыта, то каждая вещь в качестве ее проявления должна быть непосредственно тождественна со своей сущностью. Любые отклонения внешних свойств вещи от ее сущности приводят сторонников такого подхода в замешательство. Они пытаются либо насильно втиснуть явление в сущность т. е. искусственно связать его с сущностью, либо, если это не удается, они отбрасывают явление, объявляя его случайностью, хотя действительность не дает для этого никаких оснований. Это противоречие, несовпадение сущности с явлением и трудности исследования обстоятельств, в силу которых сущность проявляется в столь несхожих и даже противоречащих ей формах, используются противниками науки, для того чтобы объявить саму сущность, законы несуществующими. Этот вопрос был нами специально рассмотрен на материале развития экономической науки в другой работе, к которой мы и отсылаем читателя [1].

Когда познание, двигаясь от внешнего к внутреннему, отвлекается от неустойчивой формы явлений, от их сложных внешних связей, вызывающих эту неустойчивость, чтобы обнаружить их сущность, то такое отвлечение вполне правомерно и необходимо. Иным путем невозможно преобразование *в мышлении* явлений в их противоположность, т. е. в их сущность. Когда же познание идет от *сущности* к явлениям, применяет сущность к явлениям, оно уже не может отвлечься от внешних связей и должно, так сказать, вывести сущность из мира

[1] См. *М. Розенталь*, Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса, глава VI.

чисто внутреннего бытия во внешний мир со всеми его сложными перипетиями. Только таким путем можно *в мышлении* осуществить переход сущности в ее противоположность, во внешние явления и понять, почему сущность тождественна, совпадает с явлением не непосредственно, а опосредствованно. Иными словами, сущность и явление связаны между собой через ряд посредствующих звеньев, без анализа которых невозможно установить совпадения сущности с явлениями.

Маркс открыл прибавочную стоимость как сущность всех форм капиталистической прибыли. В третьем томе «Капитала» он показал, как эта сущность проявляется в многообразных формах: в торговой прибыли, ренте, проценте и т. п. Трудно сказать, что́ с методологической точки зрения представляло более сложную задачу — обоснование самой теории прибавочной стоимости или исследование того, почему эта сущность капитала проявляется в столь сложных и создающих ложную видимость формах. Во всяком случае вторая сторона марксова исследования ставила труднейшие задачи, и не случайно враги марксизма рассчитывали на мнимую неразрешимость именно этих задач. Но их расчеты потерпели крах.

Современные противники марксизма также спекулируют на противоречии сущности и внешних форм ее проявления. Буржуазные экономисты, реформисты, ревизионисты атакуют марксово экономическое учение, пытаясь «доказать» несоответствие его современным изменившимся формам капитализма. Апологеты капиталистического строя не прочь признать, что Маркс был прав по отношению к капитализму XIX в., лишь бы сделать вывод, что теперь его учение устарело. Главный их довод состоит в том, что раньше капитал существовал в форме индивидуальных капиталов, а ныне преимущественно в форме акционерного капитала; раньше в производстве распоряжались отдельные капиталисты, а сейчас — государство, которое-де все больше становится руководителем экономической жизни; раньше рабочий нанимался к отдельному хозяину предприятия, а теперь к государству, которое изображается как надклассовая сила, и т. д.

Империалистическая стадия капитализма принесла с собой ряд важных изменений, которые нельзя игнори-

ровать. Эти изменения были исследованы марксистами и прежде всего В. И. Лениным, который глубоко раскрыл новые экономические и политические тенденции, характерные для последней стадии капитализма. Но чтобы правильно мыслить об этих изменениях, необходимо исследовать сущность этих изменений, рассмотреть, выражают ли они новую сущность. Однако анализ изменений ряда сторон и свойств капитализма показывает, что они не затронули *сущности* буржуазного способа производства. Эта сущность заключается в том, что средства производства находятся в руках капиталистов, а рабочие лишены их, они вынуждены наниматься к владельцам средств производства, эксплуатируются ими. Сущность капиталистического способа производства проявляется в двух сменяющих друг друга формах — в форме домонополистического капитала, когда средства производства находятся в руках отдельных капиталистов, и в форме капиталистических, а также государственно-капиталистических монополий, когда средства производства находятся в собственности монополий или капиталистического государства. Было бы большой ошибкой отождествлять эти отдельные формы проявления капитала с его сущностью. Между тем защитники современного капитализма именно так и поступают. Этот прием особенно характерен для реформистов и ревизионистов. Они считают капиталистическим лишь такой способ производства, который основан на наемном труде рабочих у отдельных фабрикантов и предпринимателей. Акционерная форма капитала, с их точки зрения, изменяет природу капитализма, поскольку же отдельные рабочие становятся владельцами акций, то капитализм становится якобы народным. В государственных монополиях они видят уже социализм, так как здесь-де нет частной собственности. Но дело в том, что не только государственные предприятия, но и государство в целом, весь государственный аппарат подчинены интересам буржуазии и особенно крупнейших капиталистических монополий.

Защитники капитализма игнорируют тот факт, что во всех изменениях, которые капиталистический способ производства претерпел за свою историю, в том числе и в последние десятилетия, остается незыблемой его сущность, его святая святых: капиталистическая собствен-

ность, а следовательно, и буржуазный характер государства, используемого в целях обогащения капиталистов.

Опровергая буржуазную апологетику современного капитализма, марксисты показывают, каковы те «посредствующие звенья», т. е. новые условия, которые не отменяют сущности капитализма, а видоизменяют его проявления в настоящую историческую эпоху. Такими опосредствующими условиями являются небывалый рост концентрации капитала, образование монополий, сращение монополистического капитала с государственным аппаратом и т. п. При таком анализе становится ясным, что в государственно-монополистическом капитализме, в переходе ряда хозяйственных функций из рук отдельных капиталистов к капиталистическому государству и т. п. нет ни грана социализма, что это лишь симптомы, свидетельствующие о давно созревшей исторической необходимости обобществления средств производства на основе социалистической собственности и в рамках социалистического государства.

Таким образом, категории сущности и явления, будучи мысленным выражением диалектической взаимосвязи внутренних и внешних сторон объектов, указывают путь, логику развертывания познания от явления, от форм проявления вещей к их сущности, внутренним связям и от них снова к внешним проявлениям, к анализу того, почему сущность выступает именно в таких, а не иных внешних формах.

Этой же цели — логике развертывания познания — служат и другие категории, имеющие подобный логический аспект. В следующем разделе это будет показано на категориях содержания и формы, имеющих важное значение для понимания логики развития познания, смены одних понятий другими, наполнения старых понятий новым содержанием и т. д.

До сих пор мы подчеркивали, что гибкость общих философских категорий находится в соответствии с развивающимися явлениями объективного мира. Важно, однако, выяснить и их отношение с развивающимися представлениями науки о природе. Здесь мы как будто сталкиваемся с неразрешимым противоречием. С одной стороны, общие философские категории, такие, как материя, пространство, время, причинность, необходимость

и т. п., в силу своей всеобщности выступают в качестве устойчивого, «незыблемого» момента в процессе познания. Как бы ни менялись конкретные знания о материи, причинности и т. д., сами эти категории не утрачивают своего значения опорных пунктов познания, логического фундамента человеческих знаний. Они, разумеется, обогащаются благодаря развитию наших знаний о природе, но не перестают быть в своей *сущности* тем, чем они были, например, до и после новейших открытий физики о строении материи. Именно в этом смысле философские категории — «устойчивый», «незыблемый» момент процесса познания.

С другой стороны, всеобщие философские категории не могут быть отгорожены от быстро изменяющихся конкретных знаний об объектах действительности и если они не будут обобщать этого развития науки, то они перестанут играть роль опорных пунктов познания. Но как они могут это делать, будучи предельно общими понятиями? Ведь в определении материи как философской категории, отражающей существование объективной, независимой от сознания реальности, не видно *непосредственного* учета таких достижений физики, как открытие электрона, радиоактивности, двойственной природы вещества и поля и т. д. И тем не менее это определение единственно правильное, не нуждающееся в исправлении или дополнении.

Такова, казалось бы, неразрешимая антиномия философских категорий и изменяющихся конкретных естественнонаучных представлений о природе. Но антиномия эта неразрешима лишь при том условии, если не учитывать диалектической связи и взаимодействия той и другой стороны этого противоречия. В сущности мы здесь сталкиваемся с той же проблемой единства устойчивости и изменчивости, которая выше была рассмотрена при анализе процесса отражения действительности в понятиях. Сейчас она возникает перед нами как проблема единства устойчивости и изменчивости в *процессе самого познания*. Указанное единство заключается в том, что, как бы ни изменялись конкретные знания об объективном мире, должно быть нечто незыблемое и устойчивое, в противном случае нарушится связь и исчезнет закономерность развития познания. Этим устойчивым и незыблемым является то, что изменяющиеся знания суть зна-

ния об объективно существующей природе, материи и ее коренных наиболее общих законах. Могут меняться и меняются представления науки о материи, о ее свойствах, строении и т. д., но как бы не менялись указанные свойства, открытые наукой, это — свойства материи, а не чего-либо иного. Могут меняться и меняются конкретные знания о причинности, о том, какова форма детерминированности явлений в разных сферах природы, но это изменение знаний о всеобщем законе причинности, столь же объективно существующем, как и материя.

Научные философские категории потому и служат опорными пунктами познания, логическими формами мышления, потому и устойчивы, незыблемы при смене конкретных знаний, что они отражают эти всеобщие свойства изучаемых специальными науками объектов.

Из сказанного следуют два вывода. Во-первых, нельзя непосредственно отождествлять развивающиеся естественнонаучные понятия с философскими категориями, отражающими общие свойства и законы объективного мира, ибо такое отождествление порождает глубоко ошибочную мысль о том, что смена представлений о материи, причинности и т. п. может сделать устаревшими и соответствующие философские категории. Как известно, именно такое отождествление привело к тому, что в связи с революцией в физике конца XIX и начала XX в. некоторые ученые начали утверждать, что «материя исчезла», что новые данные науки несовместимы с принципом детерминизма и т. п. Во-вторых, недопустимо и абсолютизировать момент различия, нетождественности устойчивого и изменчивого в познании, т. е. нельзя разделять стеной общие философские категории и конкретные естественнонаучные понятия, ибо без опоры на общие категории быстро изменяющееся знание неизбежно порождает агностические и релятивистские заблуждения. Познание есть единство устойчивого и изменчивого — моментов, которые взаимно связаны и взаимно оплодотворяют друг друга. Опираясь на философские категории, естествоиспытатель не собьется на опасный путь релятивизма, абсолютизации относительного характера знаний и будет иметь в своих руках прочную логическую нить, связывающую воедино все его искания. В свою очередь философские категории должны быть настолько гибкими и пластичными, на-

столько подвижными формами мышления, чтобы вбирать и впитывать в себя новые достижения наук.

Гибкость самых широких философских понятий состоит в их всеобщности. Когда мы определяем материю как существующую независимо от человеческого сознания реальность и не наполняем это понятие более конкретным содержанием, то тем самым мы делаем его максимально гибким, соответствующим *любой* ступени развития науки о материи, любым ее открытиям. Диалектика здесь такова, что чем общее выраженное в понятии содержание, тем понятие гибче. Всякая попытка внести в философскую категорию содержание, характеризующее какой-либо *частный* момент или сторону явления, или в ее определении абсолютизировать какие-то конкретные знания, достигнутые на данном этапе, будет иметь своим результатом окостенение общих категорий, приведет к неспособности их отражать развивающиеся знания.

Развитие и изменение понятий. Конкретность понятий

Формальная логика, как было уже сказано, имеет дело с готовыми понятиями. Она не исследует процессов развития, изменения понятий. Ее задача — выяснить связи и отношения между готовыми понятиями, показать, какие следствия и выводы можно сделать из этих связей и отношений.

Этим, однако, не исчерпывается проблема понятий. Познание есть *исторический* процесс развития от незнания к знанию, от менее глубокого к более глубокому знанию, от знания внешних сторон явлений к знанию их внутренних сторон, исследованию законов объективного мира и т. д.

Движение познания находит свое выражение в развитии и изменении понятий, суждений, гипотез, теорий, научных идей и т. п. В науке нет понятий, которые бы не претерпели изменений, не углублялись и не совершенствовались с развитием человеческих знаний о мире. Развитие и изменение понятий обусловливают две главные причины: 1) развитие объективной действительности вызывает противоречие между старыми понятиями и

новыми условиями и необходимость преодоления этого противоречия путем выработки новых или изменения старых понятий в соответствии с изменившейся действительностью. Эта причина изменения понятий имеет отношение главным образом к социальным наукам, так как общество по сравнению с природой особенно быстро изменяется и коренная смена форм общественной жизни, нередко происходящая при жизни одного и того же поколения, требует преобразования понятий; 2) закономерность развития научного познания заключается в том, что понятия и представления об объективном мире не могут возникнуть сразу в готовом, завершенном виде. Это относится к любым объектам познания, независимо от того, претерпевают ли они сравнительно быстрые или медленные изменения.

Последняя причина, обусловливающая развитие и изменение понятий, требует некоторых пояснений. Развитие познания — это *общественный* процесс, т. е. процесс, неразрывно связанный с историческими условиями общественной жизни. Не верно представлять себе познание как абсолютно автономный процесс, протекающий в границах чистого разума. Познание зависит от развития производительных сил общества, от техники исследования и эксперимента, которую общество в силах предоставить науке; оно зависит также от того, насколько благоприятствуют развитию науки социальные порядки, господствующие в тот или иной исторический период развития общества. Чем выше уровень производительных сил общества, чем прогрессивнее общественный строй, тем больше возможностей существует для развития познания. Но так как условия общественной жизни на различных исторических стадиях не одинаковы, то и человеческие понятия и представления об объективном мире вырабатываются не сразу, а по мере развития и обогащения общественной практики. В этом смысле можно сказать, что история развития понятий науки отражает историю развития самого общества и во всяком случае неразрывно связана с ним.

Далее, познанию в целом, а следовательно, и понятиям присуща собственная логика развития, несводимая к указанным общим условиям прогресса науки, хотя ее нельзя понять изолированно от последних. Выше речь уже шла о специфических законах познания. Этим

законам подчиняется и развитие, изменение понятий. Так как специфическим законом познания является движение от относительных истин к абсолютной истине, то и понятия на каждой ступени развития познания ограничены историческими условиями, в которых они создаются, они отмечают вехи движения познания к полному постижению истины.

В этом смысле понятия науки историчны, поскольку они отражают определенную ступень знаний, достигнутую в тот или иной период развития науки. Они историчны и вследствие того, что составляют *результат* предшествующего развития мысли и могут быть поняты лишь в связи со всей совокупностью представлений и понятий, выработанных ранее.

История развития познания свидетельствует об ошибочности концепции об априорном характере понятий. Эту точку зрения еще можно было отстаивать, например, в период господства ньютоновской механики, когда казалось, что понятия этой науки обладают непоколебимой прочностью или претерпевают очень медленные изменения. Но она лишена всяких оснований теперь, когда, как ни в какую другую эпоху, происходит коренная ломка понятий (например, в физике, социологии и др.). Одни понятия заменяются другими, старые понятия наполняются новым, более глубоким содержанием, расширяются возможности формирования и образования понятий, более адекватно отражающих объективный мир. Современный этап в развитии естествознания, особенно физики, характеризуется борьбой различных взглядов именно по вопросу о границах применимости понятий в связи с углублением познания, переходом из одной области мира в другую.

Поэтому нельзя пройти мимо рассуждений об априорности понятий современной науки тех естествоиспытателей, которые сами делают много для того, чтобы заменять устаревшие понятия новыми. Таковы, например, рассуждения В. Гейзенберга о том, что квантовая теория содержит существенные элементы философии Канта, именно его учение об априорности понятий [1].

---

[1] См. *В. Гейзенберг*, Открытие Планка и основные философские проблемы атомной теории, «Успехи физических наук», т. LXVI, вып. 2, октябрь 1958, стр. 169.

И хотя он делает некоторые оговорки, заявляя, что «априорные понятия не являются неизменяемой основой точного естествознания», но его утверждение об априорности понятий в познании находится в логическом противоречии с этими оговорками. Априорность понятий означает независимость их от опыта, а следовательно, и от исторического изменения опыта. Этот вывод вытекает из философии Канта, ибо если понятия выводятся из разума до опыта и независимо от него, то они не могут изменяться, развиваться. Кант считал априорными, например, понятия пространства и времени. Но какую революцию претерпели эти понятия в наше время! П. Ланжевен правильно заметил, что эволюция этих понятий дает возможность делать очень важные выводы по вопросу об их априорности. «Понятия времени и пространства, — говорил он, — не могут быть априорными. Каждому этапу наших познаний, каждой стадии в развитии наших теорий о физическом мире соответствует определенное представление о пространстве и времени» [1].

Новейшее развитие науки предоставляет в наше распоряжение неисчерпаемый материал, подтверждающий и развивающий диалектический подход к понятиям. Этот подход насильно навязывается объективными фактами современному исследователю природы, сознательно или стихийно применяющему диалектику в своих трудах. Разве не на языке диалектической логики рассуждает Н. Бор, когда, имея в виду понятия науки, он говорит о «никогда не кончающейся борьбе за гармонию между содержанием и формой», о том, что «никакое содержание нельзя уловить без привлечения соответствующей формы», что «всякая форма, как бы ни была она полезна в прошлом, может оказаться слишком узкой для того, чтобы охватить новые результаты» [2].

Эти высказывания довольно точно схватывают сущность проблемы развития понятий. В них особенно подчеркивается логическое значение таких категорий, как содержание и форма. Эти противоположные категории

---

[1] *П. Ланжевен,* Избранные произведения. Статьи и речи по общим вопросам науки, стр. 112.

[2] *Н. Бор,* Дискуссия с Эйнштейном о проблемах теории познания в атомной физике. «Успехи физических наук», т. LXVI, вып. 4, декабрь 1958 г., стр. 597.

взаимно проникают друг друга. Мысль не может существовать, не будучи выраженной в форме понятия, суждения или в какой-либо другой форме. В свою очередь формы мышления пусты без содержания. Когда мы говорим о *формах* мышления, то уже заранее предполагаем, что они связаны с содержанием, т. е. с мыслью, и без нее невозможны. Но единство содержания и формы мысли противоречиво. Общий закон, согласно которому изменившееся содержание требует соответствующего развития формы, всецело относится и к мышлению. Понятия как форма отражения объективного мира должны развиваться, углубляться, совершенствоваться на базе прогрессивного развития содержания знаний. Движение познания — это бесконечный процесс совпадения, приближения мысли к объекту, выражения в формах понятий, суждений, теорий реального объективного содержания явлений. Содержание наших знаний об объективном мире беспрерывно изменяется, углубляется. В процессе этого развития некоторые понятия вступают в противоречие с новым содержанием наших знаний. Возникает потребность разрешения этого противоречия и приведения понятия в соответствии с этим содержанием знаний. Вот почему так важно положение диалектической логики об изменчивости, гибкости, историчности понятий.

Развитие и изменение понятий идет по различным направлениям. Во-первых, в связи с расширяющимся и изменяющимся содержанием научных знаний образуются *новые* понятия. Во-вторых, происходит развитие, уточнение и изменение *старых* понятий, наполнение их новым содержанием на основе прогресса знаний. В-третьих, идет процесс *конкретизации* понятий, под которым понимается их изменение не в смысле появления новых или уточнения старых понятий, а в смысле расширения охватываемых ими аспектов, граней обусловленного их применением к разным явлениям, в различных условиях, в разных связях и т. п. По этим направлениям мы и рассмотрим кратко вопрос об изменении понятий.

Образование и формулирование новых понятий в связи с изменяющимся содержанием знаний. Вся история науки — это история возникновения новых понятий, в которых находит свое выражение процесс развития и углубления познания объективного мира. Обра-

зование и формулирование новых научных понятий свидетельствует о завоевании наукой и практикой новых областей знания, о том, что познание проникает в более глубокие пласты действительности, умножая крупицы абсолютной истины. В этом отношении развитие науки в последние полвека наиболее поучительно.

С одной стороны, происходит революция в физике, начавшаяся в конце прошлого века и продолжающаяся поныне. Физика обогатила человечество множеством понятий о совершенно неведомом до этого мире, она позволила человеку проникнуть в тайны атомных объектов, мельчайших частиц материи. Понятия об электроне, протоне, нейтроне и других «элементарных» частицах материи, понятия об атомной энергии, о корпускулярно-волновой природе вещества и поля, радиоактивности, взаимопревращаемости элементарных частиц и многие другие понятия стали теми новыми «узловыми пунктами» познания и практики, без которых немыслимо современное представление о природе. То же самое следует сказать и о других науках, например о космогонии и ее современных понятиях, с помощью которых человечество расширяет и углубляет свои познания, так сказать, другого «конца» природы, мира неисчислимых галактик, находящихся от нас на фантастически далеких расстояниях. Это же можно сказать о физиологии, в которой И. П. Павлов и его последователи сформулировали ряд новых понятий (условный и безусловный рефлексы, торможение и возбуждение, иррадиирование и концентрирование возбуждения и т. п.), раскрывающих механизм деятельности мозга. С другой стороны, в течение указанного полувека произошла величайшая социальная революция — Октябрьская социалистическая революция 1917 г., которая изменила лицо современного общества. А ныне социализм стал уже мировой системой, на социалистический путь становятся все новые страны. Эти глубочайшие изменения в социальной структуре общества нашли свое отражение в новых экономических, политических, нравственных, эстетических и прочих понятиях. Такие понятия, как Советы, индустриализация, коллективизация, народная демократия, социалистическое планирование, социалистическое соревнование и т. п., выражают новые знания человека о закономерностях революционного преобразования об-

щества и путях создания новых общественных отношений. В них воплощен богатейший опыт новой исторической эпохи, которую без этих понятий так же невозможно осмыслить, как без новых физических понятий немыслима современная наука о природе.

Оба эти переворота первой половины XX в.— поворот в социальной жизни и великие достижения науки о природе — неразрывно связаны между собой. Невиданные достижения науки требуют такой организации и таких форм общественного устройства, которые подчинили бы науку интересам человека, его благополучия, а не войнам и разрушению. Такой организацией может быть лишь социализм, а не изживший себя капитализм. Социализм есть та форма общественной жизни, которая способна реализовать в интересах человечества любое достижение науки. В свою очередь наука находит в социалистической организации общества такую форму, которая создает для нее безграничные возможности для развития. Не случайно именно в стране социализма впервые были созданы искусственные спутники Земли, а затем и искусственная планета, впервые советская ракета достигла Луны, и именно эти новые понятия стали символом неограниченных возможностей человека на пути познания и овладения силами природы.

Новые понятия в науке возникают по-разному. Один путь — это замена тех старых понятий, которые не выдерживают испытания в практическом опыте людей, новыми понятиями, правильно отражающими реальный объективный мир. Такими отжившими понятиями оказались, например, понятия флогистона, теплорода, электрической жидкости, «жизненной силы» и многие другие. Научное познание выявило несоответствие таких понятий содержанию явлений и заменило их понятиями, адекватно отражающими природу. Это развитие, изменение понятий — один из аспектов разрешения противоречий между содержанием и формой, той борьбы за гармонию между содержанием (реальным объективным миром) и формой (понятиями, теориями), которая служит источником развития познания. Другой путь образования новых понятий, на наш взгляд главный, в основе которого также лежит развитие и разрешение указанного противоречия, состоит в уточнении границ старых понятий, сферы их применения и т. п. Выработ-

танные на предшествующих этапах развития познания научные понятия не отменяются, а оказываются недостаточными, ограниченными, отражающими лишь узкий круг явлений. Новые понятия расширяют сферу познания, отражают более глубоко сущность вещей, включают в орбиту науки качественно более сложные процессы природы.

Этот путь не только соответствует общему закону развития познания от явления к сущности, но и соответствует объективной природе, неисчерпаемой в своих качественных особенностях и превращениях. Последнее обстоятельство показывает нам, почему понятия, пригодные для объяснения одних явлений, непригодны для объяснения других, качественно отличающихся от них явлений. Новые понятия возникают именно потому, что углубляющееся познание сталкивается с такими качественно новыми областями, к которым старые понятия неприменимы или применимы с ограничениями. Эта причина возникновения новых понятий особенно действует в условиях современного развития науки, которая обнаруживает противоречия между новыми областями природы, открываемыми ею, и старыми понятиями, оказывающимися узкими для них.

В настоящее время наука, как никогда раньше, вскрывает качественное многообразие природы, неисчерпаемость форм ее существования. Природа развертывается в бесконечности не по принципу чисто количественного накопления *одних и тех же* однородных форм и свойств, а по принципу роста *качественного разнообразия* этих форм и свойств.

Картина развития материи «вглубь» не может быть уподоблена, пользуясь остроумным сравнением, сделанным Ланжевеном, тем абсолютно похожим игрушечным куколкам, которые вставляются одна в другую. Переход от макрообъектов к микрообъектам не есть подобное количественное уменьшение материальных частиц. Действительность, по справедливому замечанию П. Ланжевена, «оказывается гораздо богаче и несравненно интереснее» [1], т. е. богаче и интереснее в смысле качественной неоднородности и усложненности.

---

[1] *П. Ланжевен*, Избранные произведения. Статьи и речи по общим вопросам науки, стр. 361.

Что же касается развития материи «вширь», то и здесь понятия об однородности галактик, по заявлениям авторитетных представителей астрономии, вступили в противоречие с новыми данными: «Если попытаться двумя словами охарактеризовать то представление о распределении галактик, которое начинает складываться за последние годы на основе новейших данных, то, пожалуй, наиболее удачным выражением будет «крайняя неоднородность»» [1].

Таким образом, процесс развития и углубления познания требует формирования новых понятий, выработки новых способов исследования, выражающих специфику новых объектов, их качественное отличие по сравнению с теми объектами, которые наука изучала до этого. На этом пути неизбежно возникают противоречия. Обычно познание движется таким путем: опираясь на достигнутое, наука переходит к исследованию более глубокой сущности вещей, например, опираясь на знание макрообъектов, наука переходит к познанию микрообъектов. На новую, неизвестную еще область природы экстраполируются понятия и принципы уже познанной области. Иначе говоря, наука стремится штурмовать новые крепости с имеющимися уже в ее распоряжении средствами, распространить на новые объекты понятия и представления, выработанные на материале других явлений и процессов. Например, на первых порах изучения электронов и других микрообъектов ученые пытались применить к ним понятия классической механики и электромагнетизма. На них распространяли понятие траектории, частицы, локализованной в пространстве, волны и др. Они пытались трактовать движение отдельной микрочастицы так, как трактовалось движение отдельных тел в старой механике, стремились применять принципы лапласовского детерминизма к объяснению причинности в квантовой механике и т. п. Эта экстраполяция старых представлений на новые явления предпринимается отдельными физиками и до сих пор.

Возможен ли в ходе познания подобный перенос старых понятий и представлений на качественно новые объекты? Несомненно, он имеет некоторые основания.

---

[1] *В. Амбарцумян.* Некоторые вопросы космогонической науки, «Коммунист» № 8, 1959 г., стр. 89.

С психологической точки зрения нетрудно объяснить стремление познать новые явления с помощью понятий, уже оправдавших себя в теории и на практике. Говоря о применении понятий классической механики к атомным и субатомным объектам, П. Ланжевен заявлял: «В этом случае мы поступили так, как поступают физики во всех тех случаях, когда им приходится столкнуться с совершенно новым явлением: мы попытались объяснить неизвестное с помощью уже известного и использовать в данном случае представления, оказавшиеся пригодными для объяснения других явлений. Другого пути не существует, и лишь неудача такой попытки заставляет пересмотреть проблему с самого начала и искать выхода на пути создания совершенно новых представлений» [1].

Слова о том, что «другого пути не существует», представляются нам слишком категоричными. Нам кажется, что положение диалектического материализма о том, что качественно специфическим объектам присущи свои особые закономерности, предохраняет до некоторой степени от силы инерции в познании и ориентирует на сознательное исследование своеобразных законов движения этих объектов. Поэтому применение понятий и представлений, выработанных на одних явлениях, к качественно отличным от них явлениям, хотя и имеет место, как об этом свидетельствует история познания, но это не закон познания, а скорее действие сил инерции, привычки в познании.

Но, как бы там ни было, противоречия между старыми понятиями и новыми объективными законами явлений с качественно более сложными свойствами неизбежны. Такова закономерность развития познания. Возникающие противоречия разрешаются путем выработки новых понятий, точно или с приблизительной точностью отражающих качественно специфические закономерности новых объектов. Именно так решены указанные противоречия в квантовой физике, которая сформулировала целый ряд новых понятий, отличных от понятий классической физики. При этом, однако, старые понятия не были уничтожены, как это происходит с ложными понятиями в науке, они сохранились, но уже как понятия,

[1] *П. Ланжевен,* Избранные произведения. Статьи и речи по общим вопросам науки, стр. 351.

имеющие свои границы, подчиненные более общим и широким понятиям и представлениям. На новой ступени развития знаний используются и некоторые старые понятия. Например, квантовая механика использует для описания атомных объектов такие понятия, как импульс и координата. Но так как эти понятия, взятые из классической механики, не могут точно учитывать своеобразные свойства микрообъектов, то для уточнения применимости их вводится так называемое соотношение неопределенности.

Дальнейшее развитие физических представлений о материи безусловно потребует формулирования новых понятий и теорий, которые разрешат и преодолеют многочисленные трудности и неясности, существующие на современном этапе развития науки. Некоторые понятия, которые сейчас имеют широкую область применения, в свою очередь станут ограниченными, недостаточными для выражения нового содержания знаний. Такова объективная диалектика развития понятий.

Уточнение, углубление старых понятий, наполнение их новым содержанием на основе новых данных науки и практики. Значительная часть понятий науки, выработанных на сравнительно ранних стадиях ее развития, не отбрасывается в дальнейшем, их значение для объяснения явлений не ограничивается, а напротив, они обнаруживают чрезвычайную устойчивость, «живучесть». К этой категории относятся наиболее общие и кардинальные понятия каждой науки, а также философские понятия, применяемые во всех науках. Таковы, например, понятия материи, движения, пространства, времени, причинности и т. п., а также более узкие понятия — масса, химический элемент, атом и им подобные.

Эти понятия науки отражают наиболее существенные связи и отношения вещей, важные стороны и формы объективного развития, без которых научное познание не могло обойтись уже на ранних ступенях своего развития. Например, человеческая мысль рано установила, что ничто в мире не существует вне пространства и времени или что все имеет свою причину. Конкретные представления о пространстве и времени, о причинности могли быть и действительно были при своем возникновении неясными, неточными, но человеческая мысль

правильно схватила в этих и подобных им понятиях то, что существенно для познания объективного мира. И поэтому они проходят через всю историю науки, через весь многовековой процесс познания, не сменяясь другими понятиями. Аналогичную картину можно наблюдать и в истории отдельных наук. Например, понятие «химический элемент» возникло в химии давно, его первоначальное содержание было далеким от настоящего его содержания, но оно сохранилось и сейчас, оставаясь одним из основных понятий этой науки. В эстетике еще во времена Платона и Аристотеля возникли такие понятия, как прекрасное, трагическое, комическое и т. п., т. е. понятия, которые теперь составляют основу этой науки.

Будучи наиболее устойчивыми, подобные понятия также развиваются и изменяются. И здесь устойчивость существует неразрывно со своей противоположностью — изменчивостью, вне которой нет никакой устойчивости. Здесь процесс развития понятий иной, отличный от рассмотренного выше. Развитие здесь состоит не в том, что с открытием новых объектов, новых сторон ранее известных явлений требуется смена этих понятий новыми или их ограничение, а в том, что уточняется их содержание, раскрываются их новые стороны, понятия становятся глубже, точнее, более адекватно отражают действительность. Иными словами, происходит процесс *обновления понятий.*

Например, теория относительности, как частная, так и общая, внесла существенные изменения в научные представления о пространстве и времени, их связи и взаимоотношения между собой, а также с материей, их «содержанием». Но теория относительности не отменила этих понятий, а лишь углубила, наполнила их новым, более богатым содержанием. Она «обновила» их, привела в соответствие с нынешним уровнем научных знаний, вследствие чего их значение для познания возросло. С помощью современных понятий пространства и времени мы можем объяснять сложные, ранее не известные пространственно-временные свойства, проявляющиеся при движении материи, приближающемся к скорости света, или возникающие в зависимости от распределения и движения материальных тяготеющих масс.

Развитие и изменение сохраняющихся старых понятий имеет определенное направление, которое можно определить как процесс *конкретизации*. В этом процессе в полной мере проявляется действие закона развития познания от абстрактного к конкретному, который мы рассмотрим в специальной главе. Первоначально понятия неизбежно имеют абстрактный характер в том смысле, что они строятся и выводятся на основе каких-то односторонних, неполных данных. Например, в понятиях геометрии Эвклида были отражены общие пространственные свойства вещей, заимствованные из тогдашней узкой практики людей, не учитывавшей многообразия геометрических свойств, их зависимости от движущейся материи.

По мере расширения человеческой практики и роста знаний абстрактные понятия становятся более конкретными, наполняются конкретным содержанием. Они становятся более конкретными в силу того, что в них отражаются и обобщаются не одна какая-нибудь сторона целого, не отдельные свойства явлений, прежде всего доступные познанию, а все или многие стороны явления, свойства вещей, раскрываемые постепенно наукой на основе роста практического отношения людей к природе. Если конкретное есть единство многообразных явлений, то, естественно, что, по мере того как познается многообразие свойств вещей, сами понятия о них становятся конкретнее.

Этот процесс можно проиллюстрировать на примере одного из важнейших понятий теории научного коммунизма — понятия диктатуры пролетариата. Это понятие возникло не сразу во всей своей конкретности. Эволюция этого понятия шла от первоначально общей и абстрактной постановки вопроса к более конкретному выражению его сущности, к раскрытию все новых сторон диктатуры пролетариата. При этом решающее значение имело развитие опыта, практика революционной борьбы. Понятия развиваются не чисто логическим путем, а вбирая в себя и перерабатывая новейший исторический опыт. Чем разнообразнее и конкретнее становится этот опыт, чем больше понятия выходят за пределы одной теории и применяются на практике, тем «реальнее» они становятся сами, реальнее в смысле более конкретного отражения действительности.

Понятие о политической власти пролетариата как орудии преобразования капиталистического общества в социалистическое появилось уже в «Немецкой идеологии» и особенно в «Манифесте Коммунистической партии» Маркса и Энгельса. В последнем ясно и четко ставится вопрос о том, что пролетариату нужно политическое господство, для того чтобы развить производительные силы и построить новое общество. Но здесь еще не ставится вопрос о том, что делать с буржуазной государственной машиной. В. И. Ленин, давший в работе «Государство и революция» великолепный анализ развития учения о диктатуре пролетариата в трудах Маркса и Энгельса, отмечал, что только на опыте революции 1848—1851 гг. Маркс в произведении «Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта» сделал вывод о необходимости слома буржуазного государства. Сравнивая постановку этого вопроса у Маркса раньше и в 1852 г., Ленин пишет: «Там (т. е. в «Манифесте Коммунистической партии». — *М. Р.*) вопрос о государстве ставится еще крайне абстрактно, в самых общих понятиях и выражениях. Здесь (т. е. в книге «Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта». — *М. Р.*) вопрос ставится конкретно, и вывод делается чрезвычайно точный, определенный, практически осязательный: все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать» [1].

Как видно, В. И. Ленин говорит о наполнении марксистского понятия о государстве, о диктатуре пролетариата конкретным содержанием. При этом он подчеркивает, что понятие это, как и всякое другое, становится конкретнее лишь в результате подытоживания исторического опыта.

Однако на этом не закончилась эволюция указанного понятия. В. И. Ленин отмечает, что Маркс в то время «не ставит еще конкретно» [2] вопроса о том, чем заменить машину буржуазного государства, в какой форме должна осуществиться диктатура пролетариата. Эта сторона понятия также не могла быть конкретно выражена без соответствующего опыта, поэтому Ленин подчеркивает, что в период «Коммунистического манифеста» и на данный вопрос «Маркс давал ответ еще

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 25, стр. 378.
[2] Там же, стр. 381.

совершенно абстрактный, вернее, указывающий задачи, но не способы их разрешения»[1]. Опыт Парижской коммуны 1871 г. дал возможность конкретизировать и эту сторону понятия диктатуры пролетариата, что было сделано Марксом в книге «Гражданская война во Франции».

Парижская коммуна просуществовала недолго, и ее опыт был недостаточен для того, чтобы раскрыть все стороны понятия диктатуры пролетариата. Исходя из опыта первых двух русских революций, В. И. Ленин конкретизировал понятие диктатуры пролетариата, указав на Советы как одну из ее конкретных форм. Особенно великое значение для дальнейшей конкретизации понятия диктатуры пролетариата имеет опыт Великой Октябрьской социалистической революции, более чем сорокалетняя практика Советского государства и практика стран народной демократии. Здесь нет возможности подробно рассматривать вопрос, как на этом грандиозном опыте развивалось и конкретизировалось дальше данное понятие, обогащаясь все новыми определениями. Но следует отметить хотя бы два момента.

Опыт создания формы советского социалистического государства, а затем и образование народно-демократической формы показали, что диктатура пролетариата находит свое конкретное выражение не в одной, а в различных формах. Этот факт объясняется специфическими историческими условиями развития каждой страны к социализму. Нечего показывать, какое огромное значение имеет это развитие для конкретизации понятия о диктатуре пролетариата.

Важное значение также имело уточнение вопроса о соотношении различных сторон и задач диктатуры пролетариата, например вопроса о соотношении насильственной стороны и мирной созидательной деятельности в системе диктатуры пролетариата. Маркс и Энгельс и этот вопрос могли рассмотреть лишь в самой общей форме, указав, что насилие требуется лишь для того, чтобы подавить попытки реставрировать власть буржуазии и обеспечить преобразование общества. Даже первые годы практического строительства советского государства не давали еще материала для конкретиза-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 25, стр. 389.

ции этой важнейшей стороны понятия о диктатуре пролетариата, так как на первый план в то время выступала насильственная ее сторона, что было вызвано гражданской войной, попыткой внутренней и международной контрреволюции уничтожить молодое Советское государство. Только дальнейший опыт показал, что главное в диктатуре пролетариата — мирная созидательная работа по социалистическому преобразованию общества, по строительству новой экономики, демократии, новой культуры. Насилие же есть вынужденная мера по отношению к тем силам, которые враждебны политическому руководству рабочего класса, к злостным элементам, сознательно подрывающим социалистические порядки.

Дальнейший опыт развернутого строительства коммунистического общества позволит конкретизировать и тот вопрос, который в настоящих условиях может ставиться лишь в общей форме — вопрос о путях отмирания социалистического государства. Но уже и сейчас, на основе опыта строительства коммунизма в СССР, положение об отмирании государства может быть наполнено несравненно более конкретным содержанием, чем это можно было сделать несколько десятилетий раньше. XXI съезд КПСС указал, что многие функции, выполняемые в настоящее время государственными органами, будут переходить в ведение общественных организаций. Этот процесс начинается уже на настоящем этапе.

Таким образом, анализ показывает, что и «старые» понятия также развиваются и изменяются. Их устойчивость возможна лишь в силу того, что их содержание изменяется, развивается. Если бы понятия пространства, времени и т. п. не изменялись, не обогащались новым, более конкретным содержанием, они не могли бы служить научному познанию. Возникающее противоречие между содержанием и формой наших знаний в данном аспекте нашего анализа требует не образования *новых* понятий, а лишь дальнейшего развития существующих понятий. Здесь соответствие формы содержанию создается путем наполнения сушествующей формы более глубоким и конкретным содержанием. Изменение понятия в данном случае осуществляется в форме его эволюции от абстрактного к конкретному,

это процесс конкретизации содержания понятий. Без такого постоянного обновления эти понятия не могли бы сохранять своего значения как форм отражения действительности.

Конкретность, релятивность понятия как выражение изменчивости связей и отношений между предметами. Мы видели, что история развития понятий — это история их конкретизации, наполнения более богатым содержанием. Но понятия конкретны и в том смысле, что одно и то же понятие, отражающее явление, может иметь *различное содержание* в зависимости от изменения связей и отношений данного явления с другими явлениями.

Конкретность понятия в этом смысле вытекает из того, что понятие содержит в себе различия, отражает различия обобщаемых им единичных явлений. Поэтому, будучи применено к каждому данному единичному, общие существенные свойства которого оно выражает, понятие обнаруживает все богатство своего конкретного содержания.

Далее, каждая вещь находится во всесторонних связях с другими вещами. В этих связях и отношениях выступает то одна, то другая сторона вещи. Оставаясь тождественной себе, вещь в то же время меняется, проявляя многочисленные свои свойства. Как говорил Дицген, вещи подобны окраске шелка, который хотя и остается самим собой, но имеет в то же время различные оттенки. Понятия о вещах должны отражать эти их многочисленные оттенки, иначе говоря, отражать их конкретное содержание, меняющееся в зависимости от изменения их связей и отношений с другими вещами. Эта способность понятий и означает их конкретность, релятивность, гибкость. Для диалектической логики эти черты понятия имеют решающее значение, ибо только с помощью таких гибких, *конкретных* понятий мышление способно отразить сложные и неисчерпаемые свойства реальных явлений и процессов.

Современная наука имеет дело именно с такого рода понятиями и представлениями. Раньше наука оперировала понятиями, имевшими содержание, независимое от конкретных связей и условий, в которых находится вещь. Понятия, например, массы, времени, пространства и т. п. брались как абсолютные, без учета сложного

взаимодействия между различными процессами. Считалось, что время протекает всюду одинаково, имеет одно и то же значение в различных системах движения. Подобно этому, и пространство считалось абсолютно одинаковым и независимым от времени. Все эти представления исходили из понимания движения как чего-то абсолютного. Но в действительности движение абсолютно лишь в том смысле, что оно есть постоянная форма, способ существования материи и вне движения ничего не существует. Но за границами этого общего вопроса о соотношении материи и движения последнее имеет относительный характер: в этом смысле относительны все конкретные проявления материального движения, т. е. они приобретают различное содержание, различные свойства в зависимости от конкретных связей и взаимодействия между предметами.

Именно это выражено в тезисе диалектического материализма о том, что нет отвлеченной истины, истина всегда конкретна. Конкретность понятия и конкретность истины неразрывно связаны между собой. Из конкретности истины вытекает конкретный характер понятий. Конкретность понятий и конкретность истины представляют собой формы отражения в мысли всесторонней, универсальной связи и взаимодействия реальных вещей и процессов.

Значение связи, взаимодействия вещей для познания их конкретного содержания, конкретных свойств особенно важно, ибо эти свойства неизбежно изменяются вследствие изменения связей и отношений между предметами.

В современной идеалистической философии распространена точка зрения, согласно которой существуют не вещи, обладающие определенными свойствами, а лишь отношения между вещами, которые создают их качества и свойства. Это точка зрения «безсубстанциональности» мира, она не выдерживает критики. Если бы вещи не обладали объективными качествами и свойствами, то откуда они могли бы возникнуть? В процессе отношения между вещами их свойства и качества могут проявляться, изменяться, но не возникать на пустом месте. С другой стороны, в отношениях между явлениями и процессами качества и свойства предметов не только проявляются, но и изменяются. Точка зрения,

отрицающая это, метафизична, как и метафизичен отрыв отношений от предметов. Сторонники ее нередко ссылаются на известные указания Маркса о том, что стоимость товаров не создается в обмене, т. е. в отношениях между товарами, а лишь проявляется. Это указание Маркса справедливо, но Маркс подчеркивает здесь только одну сторону вопроса. Но это не значит, что он недооценивает вторую сторону: роль отношений между товарами и их влияние на стоимость. Конечно, никакой обмен между товарами не способен создавать стоимость, последняя создается трудом в процессе производства товаров. Но если товарные отношения не могут производить стоимость, то они оказывают большое влияние на видоизменение действия закона стоимости в разных условиях, на различных этапах истории.

В условиях наиболее развитых товарных отношений, т. е. при капиталистическом производстве, стоимость приобретает превращенную форму цены производства. Поэтому нельзя игнорировать значение отношений, связей между вещами, их роль в изменении свойств и качеств вещей. Именно потому так велико значение *взаимодействия* вещей. Энгельс говорил о взаимодействии как об истинной причине вещей. «Мы не можем, — писал он, — пойти дальше познания этого взаимодействия именно потому, что позади него нечего больше познавать»[1]. Энгельс указывал, что только исходя из «универсального взаимодействия, мы приходим к действительному каузальному отношению»[2].

Конкретность понятий и истины — следствие универсальной связи и взаимодействия явлений. Относительность движения, на которой так настаивает современная наука, также есть выражение этой универсальной связи и взаимодействия. То, что истинно в одной связи, то неистинно в другой связи, это и означает конкретность понятия. Понятие о вещи в разных связях и отношениях имеет разное конкретное содержание. Понятие массы всегда тождественно в том смысле, что оно отражает именно данное свойство материи. Но в то же время оно имеет разные оттенки, отражая разные связи и взаимодействия вещи с другими вещами. В связи с одной, незначительной скоростью движения тел масса

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, стр. 184.
[2] Там же.

их остается неизменной или, точнее, изменения эти столь незначительны, что их можно игнорировать. Во взаимодействии с другой скоростью, приближающейся к скорости света, масса тел изменяется. Понятие о величине стержня по отношению к покоящейся системе и системе движущейся не одно и то же, так же как различно и понятие о времени по отношению к этим разным системам. Длина автомобиля при скорости в 30 тыс. *км/сек.* была бы равна 2,26 *м.* Длина этого же автомобиля при скорости 100 *км/час* равнялась бы 2,27 *м*[1]. Понятие длины, таким образом, конкретно, оно имеет различное содержание в разных связях с другими явлениями, оставаясь при этом длиной, а не чем-либо другим. То же самое можно сказать о сумме углов треугольника. В геометрии Эвклида она равна двум прямым, в неэвклидовых геометриях она или меньше, или больше этого и т. д.

Энгельс указывал, что взаимодействие явлений исключает признание чего-то абсолютно первичным, а другого абсолютно вторичным[2]. Прекрасным подтверждением этого диалектического положения может служить та же специальная теория относительности. Если совершаются два события и второе событие происходит после того, как получен сигнал о первом событии, то они могут находиться в причинной связи друг с другом, первое событие может быть первичным, а второе — следствием. Но если второе событие совершается до получения сигнала о первом событии, то между ними нет причинной связи, в этом случае безразлично, в какой последовательности рассматривать их. Событие, которое для одной движущейся системы есть первичное, в другой движущейся системе может быть вторичным и наоборот.

Когда мы говорим о невозможности признания чего-то абсолютно первичным или вторичным, то мы оставляем в стороне основной *гносеологический* вопрос о соотношении материи и сознания. В пределах этого основного гносеологического вопроса материя абсолютно первична, а сознание — абсолютно вторично. Но за этими пределами понятия первичного и вторичного становятся относительными: первичное в одной связи

[1] См. *Томас А. Броди,* Образование и область применимости научных понятий, «Вопросы философии» № 2, 1957 г., стр. 84.

[2] См. *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, стр. 129.

вторично в другой связи, и наоборот. Когда, например, человек строит дом, то вначале у него в голове зарождается план строительства, а затем сооружается дом: материальное здесь выступает как следствие по отношению к сознательному акту человеческой деятельности. В общественной жизни решающее значение имеют материальные условия, бытие людей, но в общих рамках действия этого закона наступают такие исторические периоды, когда первостепенное значение приобретает сознательная воля целых классов, народов. И тогда простое повторение истины, что общественное бытие первично, а сознание вторично, недостаточно для решения назревших исторических задач.

В этой релятивности существо конкретности понятий. Вне ее, без учета подвижности, гибкости понятий невозможно правильно ориентироваться в действительности, где каждое явление находится во многих связях и взаимодействиях с другими явлениями и где взаимодействие обусловливает проявление то одних, то других свойств, черт, сторон вещей. Поэтому и наука не может оперировать простой схемой — или истина или заблуждение. Меняющиеся свойства вещей требуют от понятия истины максимальной гибкости и конкретности, ибо и понятие истины относительно: истинное в одно время, в одной связи становится заблуждением в другое время, в другой связи.

Мы рассмотрели некоторые аспекты учения диалектической логики о понятии. Эти аспекты отличны от подхода, характерного для традиционной и современной формальной логики, они диктуются задачей познания явлений в их связи и развитии, изменении. Учение диалектической логики о понятиях лишает всяческой почвы утверждения о том, что понятия не способны отразить вечно живой и бурлящий поток жизни. Конечно, и такой подход к понятиям не может с абсолютной точностью воспроизвести сложную объективную действительность. Но диалектическое понимание понятий дает возможность с наибольшей точностью и с той приблизительностью, которая вообще доступна силам человеческого разума, отражать реальный мир, охватывать все шире и глубже объективную истину.

ГЛАВА VI

СУЖДЕНИЕ В ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКЕ

Суждение как форма мышления

Суждение — более сложная форма мышления, чем понятие. Необходимо, однако, разобраться, в каком смысле эта логическая форма более сложна. Выше было показано, какое огромное значение для познания объективного мира имеют понятия. Диалектическая логика определяет их как узловые, опорные пункты мышления, в них концентрируется богатство содержания, постигнутое мышлением в процессе теоретического и практического овладения действительностью. Не снижаем ли мы значения понятий, называя суждение более сложной формой мышления? Разве суждение не воспроизводит то же содержание знаний, которое уже имеется в понятии?

Чтобы разобраться в этих вопросах, сопоставим, например, понятие «империализм» с суждением «империализм есть последняя, высшая стадия капитализма». В понятии «империализм» содержится уже то, что высказывается суждением о нем как о последней стадии капиталистического строя. Кроме того, указанное суждение невозможно было бы без опоры на определенные понятия, каковы в данном случае понятия «империализм» и «капиталистический строй». Но тем не менее эти формы не тождественны, и суждение по сравнению с понятием представляет собой нечто качественно новое, некую новую ступень развития мышления о предметах. В чем заключается это новое качество?

В понятиях содержание нашего знания о вещах и их существенных связях существует как бы в слитной, нерасчлененной, свернутой форме, которая в целях познания требует своего дальнейшего развития, раскрытия, развертывания своего содержания. Опираясь на понятие империализма, мы с помощью суждений раскрываем его содержание по самым разнообразным направлениям: мы утверждаем, что империализм — это монополистический капитализм, что империализм есть реакция в политической области, что империализм порождает захватнические войны и т. д.

Но было бы неправильно понимать соотношение между понятием и суждением так, что суждение только развертывает имеющееся уже в понятии готовое знание, делая, так сказать, неразвернутое содержание развернутым, нераскрытое — раскрытым. Суждения используют понятия как опорные пункты для достижения новых знаний, для познания новых существенных связей и отношений между вещами, в целях формулирования новых понятий, законов и т. д. Какое колоссальное богатство новых знаний развила марксистско-ленинская теория, опираясь на научное понятие империализма! Эти знания не выводились чисто логическим путем из этого понятия, а достигались на основе применения его ко всем различным формам общественной жизни. Среди логических средств, служивших делу этого развития познания, широко используется и форма суждений.

Когда анализ проявления существенных черт империализма позволяет, например, в области искусства высказать суждение о том, что для части буржуазного искусства периода империализма характерен распад художественной формы, то это суждение не есть результат простого раскрытия понятия империализма. Здесь налицо развитие знания, достигнутое, в частности, благодаря суждению как новой по сравнению с понятием форме мышления. Чтобы стало возможным такое новое знание, необходима другая логическая форма, при посредстве которой понятие как бы приходит в движение в связи с другими понятиями, развертывает, развивает богатство своего содержания, порождает новые знания о свойствах и отношениях вещей. Поэтому суждение есть форма дальнейшего движения

мышления, опирающаяся на понятия и сохраняющая их в «снятом» виде. В силу выясненного выше значения понятий они составляют основу, фундамент суждений, как, впрочем, и всех других форм мышления.

Суждение обычно определяется как мысль, в которой что-либо утверждается или отрицается о предмете. Это определение в общем правильно и охватывает одну из особенностей суждения в отличие от понятий. Формальная логика разработала ряд важных сторон проблемы суждения: выяснила состав, структуру суждений, определила деление суждений на простые и сложные, дала классификацию различных видов простых и сложных суждений и т. д. Современная формальная логика, впитавшая в себя достижения математической логики, не ограничивается исследованием одних лишь суждений, в которых что-либо утверждается или отрицается о предмете. Она рассматривает также суждения, в которых высказывается отношение между двумя или многими предметами. Основное внимание она обращает на анализ логических форм связи, которые рассматриваются как функции истинности. В логике высказываний, например, анализируются такие формы связи между суждениями, как логическое отрицание, конъюнкция, дизъюнкция, импликация и др. Нельзя сказать, что традиционная логика совсем не исследовала отношений. Но современная формальная логика значительно расширила круг исследования отношений, она изучает теперь и такие, которые раньше не рассматривались (например, отношения: «быть больше», «быть меньше, чем», «быть между», «быть старше» и т. д. и т. д.). Теперь в логике рассматриваются отношения любого характера и законы, которым они подчиняются [1]. Вся эта работа, проделанная формальной логикой, остается в силе и с точки зрения диалектической логики. Вместе с тем следует сказать, что эти результаты не исчерпывают все стороны суждения как логической формы. По крайней мере два аспекта, две стороны его остаются вне целей и интересов формальной логики. Это, во-первых, вопрос о том, как в форме суждений отражаются и выражаются противоречия раз-

[1] См. *А. Тарский*, Введение в логику и методологию дедуктивных наук, гл. V.

вития и изменения объективного мира, поскольку, как было уже выяснено, логика движения мысли должна соответствовать объективной логике, развивающейся через противоречия действительности. Во-вторых, это вопрос о том, какова логика движения, развития форм суждения, посредством которой познание углубляется в сущность вещей, идет от внешнего к внутреннему, от случайного к необходимому, от единичного к общему и т. д.

Этими и другими подобными вопросами занимается диалектическая логика, и важность этих сторон логической формы суждения едва ли можно переоценить. Но эти вопросы накладывают свой отпечаток и на подход диалектической логики к суждению как форме мысли в отличие от подхода формальной логики. Различие двух подходов к суждениям заключается не в том, что диалектическая логика отбрасывает эту форму, а формальная логика изучает ее, а в том, что первая исследует ее под углом зрения мысленного выражения текучей, противоречивой действительности и развития, углубления самого познания.

Анализируя понятие, мы все внимание обращали на раскрытие его диалектической природы, его внутренних противоречий, этот же вопрос стоит в центре исследования формы суждения. В «Диалектике природы» Энгельс писал: «Взаимопротивоположность рассудочных определений мысли: *поляризация*. Подобно тому как электричество, магнетизм и т. д. поляризируются, движутся в противоположностях, так и мысли. Как там нельзя удержать одну какую-нибудь односторонность,.. так и здесь тоже» [1].

Эти слова вполне применимы и к такой форме мысли, как суждение. Диалектическая логика не изобретает своей особой формы суждения, она находит диалектические противоречия в обычной форме, которой занимается традиционная логика. Формальная логика не исследует форму суждения с этой точки зрения. Но эта сторона имеет большое значение для диалектики познания, для изучения того, как в форме суждений отражаются и познаются реальные противоречия жизни. Правда, как будет видно в дальнейшем, диалектическая логика в из-

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, стр. 168.

вестном смысле конкретизирует, преобразует форму суждения, делая ее более гибкой для выражения противоречий развития, изменения, переходов.

Суждение состоит из субъекта, предиката и связки. Субъект и предикат суть противоположности, которые в полном согласии с диалектикой взаимополагают и взаимоотрицают друг друга. Субъект невозможен без предиката, предикат — без субъекта, обе эти противоположности переходят друг в друга. Гегель по праву называл суждение расщеплением понятия. То, что в понятии находилось в единстве, в процессе движения мысли, перехода понятия в суждение раздвоилось: внутренние противоположности получили свое выражение в форме внешних противоположностей — субъекта и предиката. Одно из важных противоречий, свойственных понятию, как уже говорилось, состоит в том, что понятия в качестве общего есть синтез единичного, что противоположности общего и единичного в нем сплавлены воедино.

В суждении это противоречие понятия приобретает форму своего дальнейшего развития, оно здесь раскрывается, обнажается. Обычно субъект в суждении представляет собой нечто единичное, предикат общее. Высказывая простое суждение: «Иван есть человек», мы объединяем противоположности единичного и общего, благодаря чему раскрывается сущность субъекта. Диалектика здесь состоит не только в том, что противоположности единичного и общего схватываются в единстве, но и в переходе каждой части суждения в свою противоположность. Общее в суждении не присоединяется к единичному внешним образом, а обнаруживается в самом единичном, в субъекте, как его собственное иное. С другой стороны, предикат — общее, находит свое выражение и конкретизацию в единичном, т. е. переходит в единичное.

Таким образом, благодаря форме суждения мышление постигает закономерную связь явлений, ибо каждое единичное существует в связи с другими единичными и, следовательно, с общим, общее в свою очередь связано с единичным, выражая те или иные стороны единичного и т. д. Поэтому когда мы высказываем суждения: «единичное есть общее», «общее есть единичное», то в этом нет игры слов, а есть глубокая

диалектика, отображающая реальную связь вещей, связь и переходы противоположностей. Эта диалектика имеется в любом суждении. Говоря «электрон есть частица материи», мы связываем конкретный, единичный вид материи с материей как общим понятием, выражающим сущность материального вообще: единичное переходит в общее. В то же время мы расщепляем понятие материи как единство общего и единичного, обнаруживая единичное в общем, переводя, как сказал бы Гегель, общее в его отрицательность, т. е. в единичное.

Но в форме суждения раскрываются связь и переходы не только таких противоположностей, как единичное и общее, но и массы других противоположностей: явления и сущности, случайности и необходимости, тождества и различия, возможности и действительности и т. д. В. И. Ленин показал это на примерах простых суждений: «Случайное и необходимое, явление и сущность имеются уже здесь, ибо говоря: Иван есть человек, Жучка есть собака, *это* есть лист дерева и т. д., мы *отбрасываем* ряд признаков, как *случайные*, мы отделяем существенное от являющегося и противополагаем одно другому»[1].

В формальной логике тождество и различие распределяются по различным суждениям. В одних суждениях утверждается тождество предмета, о котором высказывается суждение, с другими предметами (утвердительные суждения), в других — отрицается их тождество, констатируется различие их (отрицательные суждения). Диалектическая логика рассматривает тождественное и различное в единстве, и они оказываются не свойствами, признаками разных предметов, а одного и того же предмета. Этот вопрос мы подробно разберем в дальнейшем. Уже сама форма любого суждения есть единство тождества и различия, ибо субъект тождественен с предикатом и в то же время отличен от него. Говоря, что электрон есть частица материи, мы выявляем тождество электрона с материей (единичное есть общее, явление есть выражение сущности) и различие его с материей в целом (единичное противоположно общему, явление противоположно сущности).

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 38, стр. 359.

Таким образом, суждение как форма мышления служит орудием выявления и выражения диалектики связей и отношений между предметами. Отличие суждения от понятия в этом смысле состоит в том, что оно есть форма дальнейшего движения этих противоречий. В нем противоречия переводятся из скрытого состояния, какими они пребывают в понятии, в открытое. Мысль расщепляет их на два полярных полюса (субъект и предикат, отношения между предметами) и выясняет их связи.

После этих замечаний перейдем к конкретному рассмотрению диалектической природы суждения.

Логические и диалектические противоречия в суждении

В последние годы вопрос об отображении в суждениях диалектических противоречий явлений и процессов объективного мира приобрел актуальное значение. Наука в своем поступательном развитии все глубже проникает во внутренне противоречивую сущность вещей и их отношений и формулирует суждения, в которых тождество и различие, противоположности вообще неразрывно связаны между собой. Таковы, например, научные суждения о единстве корпускулярных и волновых свойств вещества и поля, единство частиц и античастиц, бесконечности и конечности, непрерывности и прерывности, необходимости и случайности в статистических процессах и т. д. Для людей, незнакомых с диалектикой, подобные суждения непривычны как по содержанию, так и особенно по своей логической форме. Уже это определяет интерес к указанному вопросу и необходимость логического исследования указанных суждений. При этом на первый план выдвигается проблема взаимоотношения диалектических и логических противоречий или, конкретнее, вопрос о том, совместимо ли в суждениях отражение диалектических противоречий вещей с соблюдением формально-логического закона запрета противоречий в мыслях. Именно этот вопрос стал предметом острых споров в философской литературе. Он обсуждается в марксистской литературе, он используется буржуазными философами для борьбы против марксистской диалектики.

В чем же сущность этого вопроса?

Формально-логический закон противоречия, как уже говорилось, запрещает совмещение в суждениях о предмете, взятом в одном и том же отношении и в одно и то же время, противоречащих друг другу признаков. Нельзя одновременно приписывать предмету какой-либо признак и отрицать его, нельзя высказывать два суждения о чем-либо, из которых одно утверждает нечто, а другое то же самое отрицает. Два таких суждения не могут быть сразу истинными, конъюнкция (т. е. соединение) противоречащих суждений невозможна. Правильны ли эти положения формальной логики с точки зрения диалектической логики? Безусловно! Без соблюдения этого закона невозможно последовательное, непротиворечивое мышление.

В то же время известно, что вещам и явлениям объективного мира свойственны внутренние противоречия и что только отражение этих противоречий в мышлении есть условие познания истины. Наука установила, например, что пространство одновременно имеет свойство прерывности и непрерывности. Эти противоречивые свойства должны быть выражены в суждении: «пространство прерывно и непрерывно». Как видно, это суждение состоит, собственно, из двух суждений: 1) пространство прерывно и 2) пространство непрерывно. Мы их соединяем вместе соответственно природе самого объективного пространства. Получается, что, высказывая предложение о том, что пространство прерывно и непрерывно, мы соединяем в одном суждении два противоречащих друг другу признака. Как же тогда быть с формально-логическим законом противоречия? Не нарушаем ли мы его, высказывая такого рода суждения? Не попадаем ли мы в безвыходное положение, поскольку признается правильность формально-логического закона противоречий и не может быть подвергнута сомнению истинность диалектического закона единства противоположностей? Такова суть этого вопроса.

Рассматриваемый вопрос и споры вокруг него не новы. В буржуазной философии давно уже ведется борьба против диалектической логики под флагом защиты формально-логического закона непротиворечия, выдвигаемого в качестве верховного критерия всех на-

учных истин. Эпигоны философского идеализма задолго до современных буржуазных критиков марксистской диалектики выступили с тезисом о том, что диалектика и ее учение о противоречиях несовместимы с требованием формальной логики о непротиворечивости суждений. Сегодняшние критики марксизма ничего нового не прибавляют к тому, что уже было давно сказано. Не бесполезно напомнить об этой критике и привести некоторые «аргументы» ее против диалектики, прибавив к ним доводы современных буржуазных критиков.

В 1868 г. вышла книжка известного немецкого идеалиста Э. Гартмана «О диалектическом методе». На книжку Гартмана ссылались позднейшие противники диалектической логики чуть ли не как на образец защиты формально-логического закона непротиворечия от мнимых покушений диалектики.

В своем ничтожном пасквиле против диалектического способа мышления Гартман характеризует диалектику как «болезненное замешательство духа». Закон непротиворечия он называет законом «здорового мышления». Главным критерием оценки диалектической логики он считает вопрос о том, согласуется или не согласуется она с этим законом «здорового мышления». Так как, с его точки зрения, диалектика якобы отрицает этот закон, то она должна быть предана анафеме и объявлена врагом человеческого мышления.

Весь свой пыл Гартман тратит на опровержение учения диалектики о противоречиях как источнике развития. Положение формальной логики о недопустимости противоречий в мышлении он переносит на объективную действительность и отрицает наличие противоречий в реальных вещах и процессах. Что же касается логических форм, то он не допускает и мысли о том, чтобы в понятиях и суждениях отразить противоречия явлений. Гартман утверждает, что отношения между вещами — чисто внешние, не вытекающие из их внутренних противоречий. Например, отношение между событиями *A* и *B* можно, с его точки зрения, понять, лишь приняв во внимание, что *A* и *B* свободны от внутренних различий и противоречий и представляют собой простые тождества: *A* не содержит в себе *B* и наоборот. Отношение между ними не таково, говорит он, «будто одна сторона со-

держит в себе другую, она просто лишь внешним образом предполагает ее и только одновременно с ней это отношение может быть схвачено, только одновременно с ней возникает в мышлении»[1].

Чтобы яснее стала абсурдность подобных утверждений, подставим вместо буквенных обозначений реальные вещи. Допустим, A — это неорганическая природа, *«не-жизнь»*, B — органическая природа, *«жизнь»*, или A — это материя, B — сознание. Согласно логике Гартмана и ему подобных, «не-жизнь» и жизнь, неощущающая материя и ощущающая, должны быть лишь в качестве внешнего отношения схвачены мышлением одновременно. Неживая материя, «не-жизнь», не содержит в себе возможности своего отрицания, своей противоположности — живой материи, она не способна превратиться в свою противоположность. Точно так же обстоит дело с неощущающей и ощущающей материей. Но если так, то возникает вопрос: откуда взялась жизнь, откуда появилось сознание? Если A и B должны быть схвачены мышлением как внешнее отношение одновременно существующих вещей, то отсюда напрашивается вывод о том, что жизнь вечно существовала или ее создал высший творец, что сознание внешне по отношению к материи и тоже неизвестно, в силу какого чуда возникло. Таков единственный смысл отрицания суждений, в которых отражены внутренние противоречия объективных предметов.

Закон формальной логики используется, таким образом, для того, чтобы под видом мнимого противоречия между ним и диалектикой опровергнуть ее коренное положение о том, что противоречия есть источник движения, что вне противоречий нет и не может быть движения. В действительности никакого конфликта между ними нет. Необходимо строго различать логические противоречия и диалектические противоречия. Очень часто путаница в рассматриваемом вопросе происходит из-за смешения, отождествления этих различных по своей природе противоречий. Когда формальная логика запрещает соединять в одном суждении противоречащие друг другу положения, то это требование имеет цель не допустить путаницы, непоследовательности мысли, разру-

[1] *E. Hartmann*, Über die dialectische Methode, 1910, S. 84.

шающих форму мышления. Если человек в своих рассуждениях противоречит самому себе, то это разрушает форму его мысли, ибо форма есть связь, внутренняя структура мысли. Бессвязная форма мысли перестает быть формой, организующей, упорядочивающей мышление.

Диалектика также призывает строго соблюдать требование непротиворечивости мысли. В. И. Ленин неоднократно говорил, что «логической противоречивости» не должно быть ни в каком анализе. Конечно, термин «логические противоречивости» не очень удачен, и, очевидно, поэтому Ленин берет эти слова в кавычки[1]. Этот термин неудачен потому, что из него можно сделать вывод, будто вообще в логике, в логических рассуждениях недопустимы какие бы то ни было противоречия, в том числе и отражение в логических формах мышления диалектических противоречий действительности. Ведь когда мы утверждаем, что сама форма суждения диалектически противоречива, ибо в единстве и отношениях субъекта и предиката отражается единство таких противоположностей, как единичное и общее, случайное и необходимое и т. д., то с полным правом мы можем это назвать логическим противоречием, ибо в нем логически выражаются реальные противоречия вещей. Но так как термин «логическое противоречие» в истории философии, а также в современной литературе приобрел именно тот оттенок мысли, о котором шла речь выше, т. е. так как под ним подразумевают логическую непоследовательность и путаницу мысли, то приходится оперировать им именно в этом смысле.

Итак, мы выяснили, что понимается под «логическими противоречиями» и в каком смысле необходимо трактовать формально-логический закон запрета противоречия в мысли.

Теперь возьмем суждение, в котором выражена диалектическая противоречивость вещей, и посмотрим, как обстоит здесь дело с соблюдением указанного формально-логического закона. Воспользуемся следующим положением Энгельса из «Анти-Дюринга», которое приводит один из критиков диалектической логики в целях ее опровержения:

---

[1] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 23, стр. 29.

«Бесконечность *есть* противоречие, и она полна противоречий. Противоречием является уже то, что бесконечность слагается из одних только конечных величин, а между тем это именно так... Именно *потому,* что бесконечность есть противоречие, она представляет собой бесконечный, без конца развертывающийся во времени и пространстве процесс»[1].

Это положение состоит из диалектически противоречивых суждений. Суждения: «бесконечное состоит из конечного», «бесконечное есть единство конечного и бесконечного», несомненно противоречивы. Но в каком смысле? В них нет нарушения принципа логической непротиворечивости, нет путаницы и непоследовательности мысли. Они отражают объективную диалектику, реальные противоречия любого бесконечного процесса. Человек, стоящий на почве науки, не может не высказывать такого рода противоречивые суждения. Можно, конечно, стоять на позициях, враждебных науке, и отрицать вообще бесконечность, как это делает упоминавшийся уже Житловский, пытающийся опровергнуть положение Энгельса. Он заявляет, что проблема бесконечности вообще неразрешима и небо бесконечности нужно предоставить «den Philosophen und den Spatzen» (т. е. «философам и воробьям»). «Но во всяком случае, — пишет он, — понятие о бесконечности само по себе не заключает в себе *никакого* противоречия, несмотря на то, что бесконечное «состоит из конечных величин». Ведь и простое понятие о целом, состоящем из отдельных частей, не заключает в себе никаких внутренних противоречий»[2].

Удивительная логика! Отрицая внутренние противоречия вещей, отражаемые в суждениях, «критик» тут же высказывает именно такого рода суждения. Ибо когда он заявляет, что «бесконечное состоит из конечных величин», что «целое складывается из отдельных частей», то он задним числом признает то, что пытается опровергнуть. Это значит, что нет иного способа выразить в суждении диалектическое понятие, не прибегая к его противоположности, содержащейся в нем самом. Конкретнее, невозможно судить о бесконечности, не прибе-

---

[1] *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, стр. 49.

[2] *Х. Житловский,* Материализм и диалектическая логика, стр. 48.

гая к помощи ее противоположности — конечности, невозможно судить о целом без его противоположности — понятия о частях, из которых оно состоит. Притом бесконечное и конечное, целое и части вопреки Гартману и другим «критикам» диалектики не относятся друг к другу внешне, а представляют собой внутренне связанные противоречия. Это — такое отношение между различными сторонами вещи, при котором они одновременно взаимно обусловливают и отрицают друг друга. Если бы не было этого виутреннего противоречия в бесконечном, в целом, то, как справедливо писал Энгельс, не было бы и самой бесконечности, как и целого.

Таким образом, в суждениях, отражающих противоречия диалектического существования и развития явлений объективного мира, нет никаких логических противоречий в указанном выше смысле слова и в полной мере соблюдается закон формальной логики о недопустимости подобных противоречий. Если бы я, высказывая суждение о том, что материя прерывна и непрерывна, тут же утверждал нечто прямо противоположное этой научной истине, то тогда я действительно вносил бы путаницу в свои мысли. Но нельзя же называть логической путаницей правильное отражение реальных противоречий вещей. Одно из двух: либо признавать эти реальные диалектические противоречия и тогда необходимо признать неизбежность их отражения в логической форме суждений, либо не признавать их и тогда можно утверждать что угодно, ибо это уже выходит за пределы научного подхода к действительности.

Ссылка же на то, что диалектика якобы отрицает логический закон непротиворечия в мыслях, выдумана в целях опровержения материалистической диалектики. Марксисты более чем кто-либо соблюдают элементарные правила логического мышления, ибо им нет нужды прибегать к софистическим уловкам и трюкам, чтобы оправдать свой научный взгляд на мир, как это сплошь и рядом делают идеалисты-метафизики, кичащиеся своей «логичностью», но отстаивающие ретроградное мировоззрение, а также буржуазные политики, вынужденные черное выдавать за белое.

В самом деле, есть ли хотя бы какая-нибудь доля логики в следующем рассуждении современного противника диалектической логики С. Хука, также понося-

щего ее под флагом защиты закона непротиворечия? «Если все в природе противоречиво, — пишет он, — и если, как утверждает Энгельс, правильное мышление есть образ или отражение вещи, тогда последовательность будет постоянным признаком ложности. Наука, которая рассматривает последовательность необходимым условием истины, при таком условии не могла бы сделать ни одного шага вперед. Если все в природе противоречиво, тогда Энгельс едва ли сможет сказать, что мысль, являющаяся продуктом природы, материи, должна «соответствовать», вместо того чтобы противоречить»[1]. Странная логика... Ведь совершенно логично утверждать, что раз в природе все противоречиво, то мышление *должно* отражать эти противоречия, т. е. соответствовать объективной действительности. И в этом состоит подлинная последовательность мысли. Последняя была бы «постоянным признаком ложности» лишь в том случае, если бы мысль, исходя из неверного, несогласованного с реальными объектами, предрассудка, «последовательно» отстаивала этот взгляд. Конечно, Сидней Хук в своем рассуждении соблюдает закон непротиворечия, но это не мешает ему высказывать ложные мысли. Еще Кант доказывал, что, «хотя бы в нашем суждении и не было никакого противоречия, тем не менее оно может соединить понятия не так, как это требуется предметом». И еще: «Суждение, хотя и свободное от всяких внутренних противоречий, тем не менее может быть ложным или необоснованным»[2].

Это значит, что нельзя закон непротиворечия считать единственным критерием в вопросах суждений. Необходимо еще, чтобы непротиворечивое в формально-логическом смысле суждение было истинным, т. е. правильно отражало свойства и отношения реальных вещей. Конечно, наука не могла бы развиваться, если бы она в своих суждениях о природе не соблюдала закона непротиворечия, как формального условия истины. Но она тем более не могла бы развиваться, если бы до сих пор находилась на позициях метафизики XVIII в. и продолжала, подобно С. Хуку, отрицать противоречивость развития, изменения объективного мира. Помимо всего

---

[1] *S. Hook,* Dialectical Materialism and Scientific Method, p. 7.
[2] *И. Кант,* Критика чистого разума, стр. 124.

этого, в приведенном рассуждении Хук допускает элементарную логическую ошибку, он подменяет понятие об объективных диалектических противоречиях, свойственных вещам и отражаемых в суждениях, понятием о логических противоречиях, логической путанице в мысли.

Итак, вся критика диалектической логики в буржуазной философии в связи с вопросом о законе непротиворечия безосновательна. Она исходит из ложной предпосылки, будто диалектика отрицает необходимость соблюдения в суждениях правил логической непротиворечивости мысли. Цель этой критики — под флагом защиты правил формальной логики отвергнуть главное в диалектике: учение о развитии через преодоление противоречий.

Рассмотрим теперь кратко, как ставится вопрос о допустимости противоречий в суждениях в работах некоторых марксистских философов. Известный польский философ-марксист А. Шафф в статье «Марксистская диалектика и закон логического противоречия»[1] правильно указывает, что нет конфликта между диалектическим законом единства и борьбы противоположностей и законом логического противоречия, что, как ни парадоксально это звучит, о диалектических противоречиях мы должны мыслить логически непротиворечивым образом, т. е. не допуская никакой логической непоследовательности и путаницы.

Однако Шафф считает, что признание недопустимости логических противоречий в суждениях требует пересмотра положения диалектики о движении как противоречии. Он подвергает критике взгляды Гегеля на этот вопрос и доказывает, что ошибочная позиция немецкого философа «оказала влияние на Маркса и Энгельса, а через их посредство и на Ленина». Что же конкретно А. Шафф считает ошибочным в трактовке движения у Гегеля, а также у Маркса, Энгельса и Ленина?

Он полагает, что формула о противоречивости движения тела, выражающаяся в том, что оно одновременно и находится и не находится в данной точке, не со-

[1] *A. Schaff*, Dialektyka marksistowska a zasada sprzeczności, «Myśl filozoficzna» (Warszawa) № 4(18), 1955, str. 143—158.

гласуется с формально-логическим законом противоречия. В этой формуле, указывает он, объединяются два противоречащих суждения — тело находится в данном месте и тело не находится в данном месте (в одно и то же время), что означает нарушение закона формальной логики. Чтобы избежать «нарушения» этого закона логики, А. Шафф предлагает вместо слов «находится» и «не находится» употреблять слово «проходит».

Нам кажется, что подобное согласование закона формальной логики с реальными противоречиями движения есть иллюзорное, а не действительное решение вопроса. Замена одного слова другим не может спасти от решения проблемы: противоречиво объективное движение или не противоречиво? Если оно противоречиво, то как иначе его выразить в суждениях, как не посредством отражения в них реальных противоречий движения?

В самом деле, оттого, что я скажу «тело проходит это место», нисколько не снимаются реальные противоречия движения, ибо прохождение есть то же движение и, следовательно, снова возникает тот же вопрос. Неверно также отрицать момент покоя, когда речь идет о движении, ибо движение, развитие, изменение включает в себя этот момент. Движение есть единство движения и покоя, и формула «тело находится и не находится в данном месте» выражает это противоречивое единство того и другого. А. Шафф лишь чисто внешним образом преодолевает противоречивый характер суждения о движении. Ибо когда я скажу: «движущееся тело проходит данную точку пространства», то внешне, словесно здесь не выражено противоречие движения. Но в действительности прохождение тоже есть противоречие, ибо прохождение точки пространства движущимся телом есть единство таких противоречий, как движение и покой, прерывность и непрерывность пространства и времени; вне этих противоречий нет движения. Можно привести немало суждений, которые точно так же внешне свободны от диалектических противоречий, но в действительности они заключены в них. Когда мы, например, высказываем суждение: «материя существует бесконечно», то действительный, внутренний смысл этого суждения состоит в том, что бесконечность существования материи реализуется в форме конкретных конечных

ее состояний и снова возникает то же противоречие: материя и конечна, и не конечна, т. е. бесконечна. Таким образом, заменой слов, которую производит А. Шафф, вряд ли удастся что-либо достигнуть.

Защищая закон непротиворечия указанным образом, А. Шафф невольно подвергает сомнению диалектическую теорию развития. Альтернатива у него такова: либо признавать противоречия движения и тогда неизбежно нарушение в суждениях закона формальной логики о непротиворечии; либо отрицать противоречия движения и тогда останется в сохранности этот закон.

Было бы неправильно думать, что речь идет лишь об одной формуле, касающейся того, как выразить противоречия простого механического перемещения тела. Любую формулу можно улучшить, видоизменить. У классиков марксизма-ленинизма формула о простейшем виде движения есть одно из выражений их общего понимания движения. Нельзя критиковать эту формулу, оставляя нетронутым общее понимание движения, развития и их противоречивость. Разве только в случае с перемещающимся в пространстве телом мы сталкиваемся с противоречивостью движения и необходимостью отразить ее в суждениях? Это *общий* принцип диалектической логики, и, как увидим дальше, в науке на каждом шагу встречаются такого рода суждения.

Поэтому истинная альтернатива такова: или выдавать диалектические, т. е. реально существующие в самом объективном мире, противоречия за логические противоречия, т. е. противоречия субъективные, выражающие непоследовательность мысли, и тогда нужно от них отказаться; или признавать эти диалектические противоречия и отражать их в суждениях в логически последовательной ясной форме. Иначе вопрос стоять не может.

Таким образом, начав с правильного утверждения о том, что не существует конфликта между диалектическим законом единства противоположностей и формально-логическим законом непротиворечия, А. Шафф закончил мыслью о непримиримости этих двух законов. Ошибка автора объясняется преувеличением роли закона непротиворечия в мышлении и познании. А. Шафф заявляет, что, «только учитывая закон логического противоречия, мы можем понять диалектическую концеп-

цию изменения в развитии, обоснованно о ней говорить»[1]. С этим нельзя согласиться.

Конечно, этот закон логики важен как принцип последовательного, несбивчивого мышления. Он указывает на необходимость логически непротиворечивого построения теорий, сигнализируя о неблагополучии, если такого рода логические противоречия возникают. Но за этими пределами, т. е. за границами своей роли как формального условия истины, он перестает быть руководителем в познании, уступая место другим, более существенным законам познания, соответствующим самому содержанию явлений и процессов, вскрывающим источники и движущие силы развития, изменения объективного мира. Мы целиком согласны с оценкой роли этого закона в научном познании, данной одним из выдающихся современных физиков — М. Борном. «Логическая последовательность, — пишет он, — есть чисто отрицательный критерий; без нее не может быть принята никакая система, но никакая система не приемлема только в силу того, что логически непротиворечива»[2]. В этих словах совершенно точно указана роль этого закона в познании. Взваливать же на него непосильные задачи — значит мешать ему выполнять предназначенную роль.

Было бы ошибкой во имя диалектического учения о внутренних противоречиях развития и изменения выбрасывать за борт закон логического непротиворечия в мышлении. Но нельзя впадать и в другую крайность и во имя формальной логики отрицать объективность противоречий движения и развития. А что именно таков смысл рассматриваемой точки зрения, свидетельствует статья А. Шаффа «Еще раз о диалектике и принципе логической противоречивости».

«По моему мнению, однако, недопустимо закрывать глаза на тот факт, — пишет автор, — что провозглашение объективной противоречивости движения равносильно зачеркиванию применимости формальной логики. Ситуация выглядит следующим образом: либо мы от-

---

[1] *A. Schaff.* Dialecktyka marksistowska a zasada sprzeczności, «My i filozoficzna» (Warszawa) № 4(18), 1955, str. 158.

[2] *М. Борн.* Физическая реальность, «Успехи физических наук», т. LXII, вып. 2, июнь 1957 г., стр. 130.

вергаем формальную логику, либо находим решение вопроса о мнимых объективных противоречиях движения»[1]. И еще: «Следует понять, что... уже не может быть достаточным формальное и ни к чему не обязывающее признание ценности формальной логики. Если признавать ее, то нельзя примирить это признание с допущением логической противоречивости, неизбежно вытекающей из принятия объективной противоречивости (! — *М. Р.*), которая содержится в материальном движении. Либо ошибочна формальная логика, либо ошибочно положение об объективной противоречивости движения»[2].

Как видно, здесь уже нет речи о логически непротиворечивом выражении диалектических противоречий, как в первой статье. Теперь автор говорит «о мнимых объективных противоречиях движения». И так как, по мнению автора, из диалектического подхода к движению неизбежно вытекает логическая противоречивость суждений, то выход, оказывается, может быть только такой: твердо стоять на страже запрета логических противоречий и провозгласить мнимыми противоречия движения.

Такая постановка вопроса ошибочна. Из признания диалектического характера движения не вытекает неизбежность логических противоречий. Что же касается противоречий объективного движения, то они существуют независимо от нашей воли, от нас только зависит научное исследование вопроса о том, как в суждениях выражаются эти противоречия.

В заключение этого раздела мы остановимся на одном поучительном примере ленинской критики подмены диалектических противоречий логическими. В статье «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»» В. И. Ленин подверг критике взгляды П. Киевского (Ю. Пятакова) по вопросу о самоопределении наций и — шире — борьбе за демократические свободы в условиях империализма. Пятаков доказывал, что в силу реакционного характера империализма борьба за самоопределение наций в условиях

---

[1] *A. Schaff*, Jeszcze raz o dialektyce i zasadzie logicznej sprzeczności, «Studia filosofizne» (Warszawa) № 1, 1957, str. 210.
[2] Ibidem.

империализма бессмысленна. Он утверждал, что самоопределение наций так же неосуществимо, как, например, рабочие деньги при товарном производстве. Пятаков находил «логическую противоречивость между двумя социальными категориями: «империализм» и «самоопределение наций»»[1]. Ленин не отрицает глубокого противоречия между ними, как и между империализмом и демократическими формами развития вообще. Указывая, что в суждениях не должно быть логических противоречий, Ленин все внимание обращает на анализ существа вопроса. Он показывает, что противоречие между империализмом и демократией (демократической республикой, самоопределением наций и т. п.) есть реальное, живое противоречие объективной действительности. Ленин доказывает, что вообще между капитализмом и демократией существует противоречие. «Демократическая республика, — пишет он, — противоречит «логически» капитализму, ибо «официально» приравнивает богатого и бедного. Это есть противоречие между экономическим строем и политической надстройкой. С империализмом у республики то же противоречие, углубленное или усугубленное тем, что смена свободной конкуренции монополией еще более «затрудняет» осуществление всяких политических свобод»[2].

Но значит ли это, что капитализм и демократия, как ни противоречат они друг другу, не могут совмещаться и не совмещаются? В. И. Ленин указывает, что буржуазия осуществляет свою власть в демократических республиках путем подкупа должностных лиц и союза правительства с биржей. То же самое происходит и при империализме. Империализм еще больше противоречит демократии, он есть усиление реакции по всем линиям, в том числе и по политической линии. Монополистический капитал имеет в своем распоряжении еще больше средств для подчинения своим интересам любого, в том числе и демократического, государства. Насколько был прав Ленин, мы видим сейчас на примере любого современного капиталистического государства. В настоящее время происходит прямое сращение монополистического капитала и буржуазного (в том числе и демокра-

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 23, стр. 29.
[2] Там же, стр. 35.

тического) государства, прямое подчинение государственного аппарата монополиям.

Из положения о противоречии между империализмом и демократией Пятаков делал вывод о том, что не следует выставлять в программе партии пролетариата демократические требования и бороться за них. Выражаясь языком логики, он выступал против формулировки в программе такого суждения, в котором были бы связаны эти противоположности. В. И. Ленин в другой статье глубоко вскрывает, в чем *«основная* логическая ошибка» Пятакова [1]. Она заключается в том, что, видя действительные, реальные противоречия — империализм и демократия, империализм и самоопределение наций и т. д., — Пятаков противопоставлял их как несовместимые, разрывая живую связь между ними, объявляя их «логически» несоединимыми. Раз империализм есть отрицание демократии, значит, рассуждал он, демократия неосуществима, бессмысленно поэтому бороться за демократические свободы. Раз империализм враждебен независимости наций, значит, опять-таки бесполезно бороться за нее в условиях империализма.

В противовес этому подходу В. И. Ленин показывает, как в самой жизни данные противоположности совмещаются, переплетаются, образуя сложную, полную диалектических противоречий картину. Опять-таки, выражаясь языком логики, Ленин высказывает ряд суждений, в которых находят отражение эти реальные противоречия. Вот эти суждения: «Капитализм вообще и империализм в особенности превращает демократию в иллюзию — и в то же время капитализм порождает демократические стремления в массах, создает демократические учреждения, обостряет антагонизм между отрицающим демократию империализмом и стремящимся к демократии массами». «Свергнуть капитализм и империализм нельзя никакими, самыми «идеальными» демократическими преобразованиями, а только экономическим переворотом, но пролетариат, не воспитывающийся в борьбе за демократию, не способен совершить экономического переворота». «Социализм ведет к отмиранию *всякого* государства, следовательно, и всякой демократии, но социализм не осуществим иначе как *че-*

[1] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 23, стр. 12.

рез диктатуру пролетариата, которая соединяет насилие против буржуазии, т. е. меньшинства населения, с *полным* развитием демократии...»[1]

Если стоять на позициях одной формальной логики, то можно увидеть в этих суждениях «конъюнкцию противоречащих предложений» и объявить их «логическими противоречиями». Но формальная логика бессильна при анализе столь сложных вопросов общественного развития. Только диалектическая логика позволяет понять, что через посредство такого рода суждений познаются реальные противоречия жизни. В таких суждениях нет никакой логической непоследовательности, путаницы, т. е. того, против чего направлено острие формально-логического закона непротиворечия.

Жизнь, новейший исторический опыт полностью подтвердили истинность диалектики, отраженной в приведенных ленинских суждениях. В послевоенный период борьба за национальную независимость и свободу народов против империализма, борьба за сохранение демократических свобод приобрела невиданные масштабы. Вместе с этим жизнь полностью опровергла теорию о том, что условия империализма и борьба за демократию, национальное самоопределение суть якобы логически несовместимые противоположности, «логический парадокс».

В статье «О карикатуре на марксизм и «империалистическом экономизме»» В. И. Ленин подверг критике еще один образец отрицания диалектических противоречий, проводимого под тем же флагом недопустимости «логических противоречий». Пятаков выступил против тезиса о том, что в национальном вопросе рабочие угнетенных и рабочие угнетающих наций должны, добиваясь одной и той же цели, идти разными путями. Ленинскую постановку вопроса о том, что рабочие угнетающей нации должны бороться за право угнетенных наций на самоопределение, вплоть до отделения, а рабочие угнетенной нации должны бороться за единство с рабочим классом угнетающей нации, он называл «дуализмом». Суждение это действительно противоречиво. Но что собой представляет это противоречие, есть ли оно «логи-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 23, стр. 13.

ческое» или реальное, жизненное противоречие, а это суждение лишь отражает его?

Отвечая Пятакову, В. И. Ленин показывает, что положение рабочих угнетающих и угнетенных наций при капитализме различное и что поэтому и их подход к решению национального вопроса должен отражать это различие, противоречие. Единство их действия и цели складывается из различного подхода к этому вопросу. Ясно, что это противоречие в мысли есть отражение в человеческом суждении живого противоречия реальности.

О форме отражения в суждениях диалектических противоречий

Итак, нет и не может существовать альтернативы: либо признание объективности противоречий движения и связанного с этим отрицания закона непротиворечия, либо признание данного закона и связанного с ним отрицания объективности противоречий движения. Вопрос стоит только так: и то, и другое, т. е. и признание диалектических противоречий развития и недопустимость никакой логической путаницы в суждениях. Следует строго различать суждения, в которых противоречия есть результат логической непоследовательности мысли, и суждения, в которых противоречия отражают диалектическую природу вещей. Современная наука все больше и больше пользуется суждениями последнего рода. Наука ставит вопросы, на которые можно и нужно отвечать не по принципу «или — или», а по принципу «и — и», т. е. и то, и другое, и да, и нет.

Необходимость выразить диалектическое содержание явлений объективного мира, диалектику их изменения требует дальнейшей конкретизации и развития формы суждения. Уже современная формальная логика выработала в соответствии с назревшими потребностями науки новые формы суждений, которые не отменяют, а расширяют, углубляют прежние возможности формальной логики. Диалектическая логика с ее неизмеримо более сложными по сравнению с формальной логикой задачами и запросами идет в этом направлении значительно дальше. Правда, она не сочиняет какие-то

новые, чисто «диалектические», суждения, а лишь развивает дальше те формы мысли, которые были выработаны всей исторической практикой мыслительной деятельности человечества. Чтобы стало ясно, о чем идет речь, рассмотрим положение о форме суждений, высказанное в одной из недавно изданных книг по логике. Пытаясь дать объяснение вопросу о той, казалось бы, двойственности, в которую ввергает нас необходимость в логически непротиворечивой форме суждения отразить объективные диалектические противоречия, автор одной из глав ее пишет: «Так, рассматривая суждение «Движение — прерывно и непрерывно» со стороны его формы, мы должны сделать заключение, что данное суждение противоречиво, хотя по содержанию оно является истинным. С точки зрения же методов формальной логики, применяемых к анализу наших мыслей, всякая противоречивая по форме мысль должна быть ложной. Методы формальной логики в таких случаях перестают быть эффективными, и поэтому мы обязаны в этих случаях анализировать мысль по существу ее конкретного содержания. Анализ же существа содержания такого суждения позволяет оперировать с ним как с истинным *вопреки его форме*. В дальнейшем мы можем оперировать с этим суждением как с истинным *вопреки его противоречивой форме*. Например, отрицая суждение «Движение — прерывно и непрерывно», мы получаем суждение «Неверно, что движение прерывно и непрерывно». К этим двум суждениям мы можем применить закон противоречия уже в силу анализа формы этих суждений. И действительно, суждения эти не могут быть одновременно истинными»[1].

В этих словах много правильного. Однако нельзя согласиться с тем, что якобы данное суждение истинно лишь по содержанию и «вопреки его форме», «вопреки его противоречивой форме». Диалектическую логику не может удовлетворить такое противопоставление содержания форме. Как мы пытались показать, суть диалектической логики сводится к тому, чтобы отразить в формах мышления диалектическое содержание изменяющихся явлений. Следовательно, чтобы выразить

[1] «Логика», Госполитиздат, М., 1956, стр. 19 (курсив мой. — *М. Р.*).

содержание, форма мысли должна ему соответствовать. Это соответствие имеется в суждении «Движение — прерывно и непрерывно». Здесь форма суждения, несомненно, противоречива. Но эта диалектичность формы — не порок, а достоинство данного суждения, иначе оно не могло бы отразить диалектическую противоречивость самого объекта суждения, т. е. движения. Лишь в «противоречивой» форме и возможно вообще высказать суждения о вещи как единстве, сумме противоположностей.

Противоречивость формы можно понимать по-разному. Противоречие в форме суждения «Этот роман очень интересен и неинтересен» — одного рода, в форме суждения «Движение — прерывно и непрерывно» — другого рода. Форма первого суждения логически противоречива и с ее помощью никакого содержания невозможно выразить, — ни развивающееся, ни неизменное. Форма второго суждения диалектически противоречива, и постольку она объективно выражает содержание явления. Поэтому, даже с точки зрения формальной логики, неправильно ее определять как ложную. Она была бы ложной с этой точки зрения, если бы она вносила путаницу, непоследовательность в наше рассуждение. Но этого нет в действительности. Поэтому дело не в том, что эта форма суждения якобы ложна в силу своей противоречивости, а в том, что формальная логика, будучи логикой относительного покоя, постоянства, не оперирует с подобными суждениями. Нельзя сейчас, когда достигнута более высокая, диалектическая ступень мышления, которая стремится отразить действительность во всей ее противоречивости, по-прежнему думать, что всякое соединение в мысли противоречий, противоречивых сторон явлений и процессов есть логическое противоречие. В настоящее время диалектическая логика как высшая форма мышления есть ключ к пониманию формальной логики, а не наоборот. С точки зрения этой высшей формы можно и должно понять, какое противоречие есть логическое и какое противоречие ничего общего с ним не имеет, а представляет собою отражение реальных противоречий действительности. Если же исходить из того, что не существует диалектического способа мышления, то тогда неизбежно ошибочное мнение, будто всякая диалектически противоречивая

по форме мысль означает нарушение закона противоречия, есть «логическое противоречие». Действительный же вывод, который вытекает отсюда, состоит в том, что форма суждений, с которыми обычно оперирует формальная логика, недостаточна для выражения диалектически противоречивых явлений и последние требуют дальнейшего развития, обогащения формы выражения. Это развитие заключается в том, что появляются суждения, подобные суждению «Движение — прерывно и непрерывно», посредством которых передается объективное свойство явлений содержать в себе внутренние противоречия. В таких суждениях позитивное содержание формально-логического закона противоречия не уничтожается, а сохраняется, поскольку они свободны от логической путаницы. Вместе с тем в них совершается переход к закону единства противоположностей, так как их цель — адекватно отразить объективную диалектику явлений и процессов.

Эта черта диалектических суждений была подмечена еще Гегелем. Он исходил из того, что сущность вещи заключается не только в ее тождестве с собой, но и в том отрицательном, что содержится в ней, ибо тождественное и различное находятся в противоречивом отношении друг к другу, они составляют движущую силу развития вещей. Форма суждения, используемая формальной логикой и приспособленная к выражению сравнительно не изменяющихся явлений, не передает этого единства тождественности и нетождественности вещи. Мы высказываем, например, суждение «Тождество и различие едины». Но ведь тождество и различие не только едины, но и противоположны. В первом утвердительном суждении это различие не выражено, чтобы выразить его, мы высказываем отрицательное суждение «Тождество и различие не едины». Однако и это еще не полная истина, так как тождество и различие одновременно и едины и не едины, и, чтобы преодолеть эту внешнюю связь двух положений, отражающих одну и ту же сущность вещи, нужно их соединить. Тогда, указывал Гегель, «получается соединение, которое может быть высказано лишь как некое *беспокойство несовместимых* вместе определений, как *некое движение*»[1].

[1] *Гегель*, Соч., т. V, стр. 78.

Иначе говоря, получится суждение «Тождество и различие едины и противоположны», в котором мысль схватит и передаст движение. Или взять такой пример: если бы пространство и время были только прерывны или только непрерывны, то невозможно было бы движение, ибо при абсолютной прерывности пространства и времени мы имели бы сумму состояний покоя, а в случае абсолютной непрерывности не было бы никакого покоя. Движение же есть единство того и другого, движения и покоя, изменчивости и устойчивости, непрерывности и прерывности.

Диалектическая логика стремится выразить в форме суждения, как и в других логических формах, «беспокойство» вещей, заложенное в их внутренней противоречивости, в единстве их устойчивости и изменчивости передать движение. Отсюда и неизбежная диалектическая противоречивость самой формы, соединяющей воедино положительное и отрицательное, присущее самим вещам.

Диалектический принцип «и да, и нет» представляет собой форму выражения противоречивой сущности вещей, отражения ее в суждениях. Этот принцип формулирования суждений особенно пугает некоторых противников диалектической логики. Упомянутый выше Гартман видит в нем сокрушение всяких устоев бытия и мышления. С этим принципом, заявлял он, диалектик не может жить: проломится или не проломится подо мною лед, язвил Гартман, полагая, что этим обывательским представлением о диалектике он наносит ей непоправимый ущерб. «Критики», подобные Гартману, полагают, что серьезные научные принципы пригодны и для мелочной торговли. Что бы мы сказали о человеке, которому захотелось применить теорию относительности к футбольной игре? Но когда речь идет о диалектике, то иные ее противники не пренебрегают и такого рода приемами. Когда мы исследуем вещи в их развитии и изменении, когда мы высказываемся о развивающихся и изменяющихся вещах, суждения *должны* отражать диалектические противоречия. Принцип «и да, и нет» выражает в мысли развитие, изменение, противоречивость движения.

Даже противоречие обыденных вещей и явлений невозможно передать иначе, как формулой «и да, и нет».

Франсуа Рабле в романе «Гаргантюа и Пантагрюэль» рассказывает, что один из его героев был невероятно смущен, когда в ответ на вопрос: «жениться ли ему, или нет», он услышал сначала: «и то, и другое вместе», а затем: «ни то, ни другое». Он никак не мог совместить эти противоречивые и, казалось бы, взаимоисключающие ответы, пока Пантагрюэль не выручил его. «Я это толкую так, — сказал он, — иметь и в то же время не иметь жену — значит иметь ее в соответствии с ее природным предназначением, то есть в качестве помощницы, забавницы и жизненной спутницы». Не иметь жены — это значит не поступаться из-за семьи высоким назначением человека, «не забывать служения родине, государству и друзьям; не пренебрегать занятиями и работами из-за непрерывного угождения жене». И, заключая свое разъяснение, Пантагрюэль заявлял, что если так истолковать совет, изложенный в словах «и то, и другое», и «ни то, ни другое», то в них «не будет никакого противоречия». Если бы Пантагрюэль знал о современных спорах вокруг вопроса о логических и диалектических противоречиях, он сказал бы точнее: нет никакого логического противоречия.

В целом же слова Пантагрюэля — яркий образчик гуманистического понимания сущности и назначения человека, а заодно и прекрасный образец диалектики эпохи Возрождения.

Формула «и да, и нет» не означает, что вещь, о которой высказывается суждение в духе этого принципа, каждое мгновенье существует и исчезает. Это вульгарное истолкование данной диалектической формулы. Даже Пантагрюэль понимал, что суждение одновременно «иметь и не иметь жену» нелепо истолковывать в этом духе. Автор романа глубоко понимал противоречия семьи той эпохи, заключающиеся в том, что если абсолютизировать одну сторону этих противоречий, — то, что мы называем узкосемейной жизнью, — то человек превратится в мещанина, если же абсолютизировать другую сторону этого противоречия — общественные интересы человека и пренебречь своими семейными обязанностями, то получится столь же пагубная односторонность. В жизни эти противоречия слиты воедино, и суждение по принципу «и да, и нет» выражает эти противоречия. Между тем даже некоторые марксистские

философы, на наш взгляд, неправильно понимающие отношение между диалектическими и логическими противоречиями, представляют этот принцип упрощенно. Они отвергают его на том основании, что если-де взять вещь в одном и том же отношении, в один и тот же момент, то истинным будет либо то, что она существует, либо то, что она не существует, но ни в коем случае не то и другое вместе. Они предлагают вещь разложить на разные отношения и рассматривать ее в данный момент лишь в одном отношении. Цель подобной постановки вопроса опять-таки направлена на то, чтобы ликвидировать мнимый конфликт между диалектическими и логическими противоречиями. С точки зрения представителей этого взгляда подход к вещи, взятой в одном отношении, не требует-де нарушения закона непротиворечия.

Наиболее полно эта точка зрения представлена в статье польского философа В. Рольбецкого «Некоторые вопросы формальной логики в свете теории марксизма-ленинизма»[1]. В статье дается разбор одного суждения, взятого из книги И. В. Сталина «Анархизм или социализм?» Вот это суждение: «Демократическая республика (буржуазная. — *М. Р.*) в одно и то же время и «хороша» и «плоха» — и «да» и «нет»». Это положение направлено против анархистов, мысливших метафизически и не понимавших того, что каждому явлению свойственны внутренние противоречия и что они существуют в неразрывной связи. Буржуазно-демократическая республика хороша, поскольку она разрушает феодальные порядки, она плоха, поскольку закрепляет буржуазные порядки и служит способом политического закабаления трудящихся.

В. Рольбецкий полагает, что суждения, высказанные в подобной форме, логически противоречивы, так как они соединяют воедино два противоречащих друг другу положения. Нужно, на его взгляд, так проанализировать эти суждения, чтобы исчезло логическое противоречие. Автор считает, что противоречие будет преодолено, если сложную проблему разложить на ее разные аспекты и рассматривать предмет не каким-то общим

---

[1] *W. Rolbiecki,* Niektóre zagadnienia logiki formalnej w świetle teorii marksizmu-leninismu, «Myśl filozoficzna» (Warszawa) № 2(16), 1955, str. 43—78.

образом, не «вообще», а отдельно в каждом из этих аспектов, отдельно с разных точек зрения.

Например, разложим суждение «буржуазно-демократическая республика в одно и то же время и хороша и плоха» на два аспекта: сначала выясним, что она хороша с точки зрения борьбы против феодальных порядков, затем установим, что она плоха с точки зрения укрепления буржуазных порядков. Таким образом, мы получим два суждения, каждое из которых либо истинно, либо ложно. С точки зрения борьбы против феодализма суждение о том, что демократическая республика хороша, истинно, а противоречащее ему суждение ложно. И наоборот, с точки зрения борьбы против буржуазного строя суждение о том, что демократическая республика плоха, истинно, а суждение о том, что она хороша, уже будет ложным.

Иначе говоря, ликвидация логических противоречий, по мнению автора, производится посредством анализа исследуемого предмета и рассмотрения отдельных аспектов этого предмета. Путем этого анализа мы получим ряд не противоречащих друг другу партикулярных частичных истин.

Эта операция, однако, не ликвидирует *логического* противоречия, ибо его нет в рассматриваемом суждении, но она ликвидирует *диалектическое* противоречие, уничтожив суждение, в котором был схвачен и выражен дух «беспокойства», свойственный самим вещам, самому развитию. Весь смысл этого суждения в том, чтобы показать и отразить неразрывную связь противоречивых сторон данного явления. Сказать же, что оно только «хорошо» или только «плохо» — пусть в разных отношениях и в разное время, — значит рассуждать не диалектически, а метафизически. Характерная черта последнего способа рассуждения состоит в том, что живая связь противоречий разрывается и движение, переход одной противоположности в другую, исчезает. Главная же черта диалектики в том, что она подчеркивает невозможность существования одной стороны противоречия без другой, что она требует не упускать из виду связи, единства противоположностей в одном и том же явлении в одно и то же время и в одном и том же отношении. Когда говорят, что «демократическая республика хороша с точки зрения борьбы против феодальных

порядков», то подходят к явлению статически, лишают его внутренних противоречий, констатируя только «хорошее». Но в конкретной действительности это «хорошее» имеет свое иное, отрицательное, составляющее источник его дальнейшего развития. Этого источника нет в суждениях «демократическая республика хороша» или «демократическая республика плоха», он полностью исчезает. Конечно, можно анализировать и отдельные стороны противоречия, выделять их и т. д. Но это необходимо делать не для того, чтобы их изолировать друг от друга, а для того, чтобы понять, почему нет одного противоречия без другого, почему противоположности составляют органически связанные стороны единого целого.

Хотя В. Рольбецкий также говорит о «синтезе» двух аспектов и сторон демократической республики, но у него этот синтез исключает единство противоположностей. Картина, которая получается в результате такого объединения, пишет он, «уже не будет внутренне противоречивой и мы, благодаря более глубокому познанию предмета, теперь уже не скажем вообще, напр., что «демократическая республика есть одновременно и хороша, и плоха», а что с «некоторых точек зрения она хороша, с других же плоха», «причем эти точки зрения уже сумеем назвать»»[1]. Как видим, автор против того, чтобы рассматривать «хорошее» и «плохое» в единстве, ибо это-де «логическое» противоречие.

Аналогичным по форме с рассмотренным выше является высказанное Марксом в «Капитале» суждение о том, что вещи становятся товарами «лишь в силу своего двойственного характера, лишь в силу того, что они одновременно и предметы потребления и носители стоимости»[2]. Потребительная стоимость и стоимость — это противоположности, которые так же не могут существовать друг без друга в товаре, как «хорошая» сторона буржуазно-демократической республики без «плохой».

Если следовать указанным выше советам, то и в данном случае необходимо было бы разложить это суждение на различные аспекты, в результате чего обра-

[1] «Myśl filozoficzna» (Warszawa) № 2(16), 1955, str. 56.
[2] *К. Маркс.* Капитал, т. I, стр. 54.

зуются два «партикулярных» суждения, уже «не противоречащих» друг другу: 1) «товар есть потребительная стоимость» и 2) «товар есть стоимость». Но такие суждения уже не отражают того единства потребительной стоимости и стоимости, которые существуют в товаре. Именно в этой двойственности товара и труда, создающего товары, Маркс находит истоки противоречий капиталистического способа производства.

Нам могут возразить, что Маркс рассматривал потребительную стоимость и стоимость как противоположности в разных отношениях: товар выступает как потребительная стоимость по отношению к покупателю, потребителю, а как носитель стоимости — по отношению к товаровладельцу. Следовательно, противоположностями они являются не в одном и том же отношении, а в разных отношениях. Конечно, покупателя интересует потребительная стоимость товара, а товаровладельца — его стоимость, но и по отношению к каждой из этих сторон двойственная, противоречивая природа товара не исчезает. В самом деле, если бы по отношению к потребителю товар являлся лишь потребительной стоимостью, то в условиях капиталистического производства не стояла бы так остро проблема реализации произведенных товаров. Потребители покупали бы столько товаров, сколько им необходимо для жизни. Но дело в том, что и по отношению к потребителю товар выступает со своей двойственной противоречивой душой. За оболочкой потребительной стоимости скрывается самая существенная сторона товара — его стоимость, которая требует от потребителя соответствующей мзды. Поэтому потребитель может сколько угодно любоваться потребительной стоимостью товара, но если у него нет средств приобрести товар, то он легко убеждается, что и для него он не только потребительная стоимость, но и стоимость.

Что же касается капиталиста-товаропроизводителя, то как бы он был счастлив, если бы по отношению к нему товар представлял только стоимость. Если бы это было так, то перед ним не возникала бы проблема границы производства и он мог бы не страшиться призрака экономического кризиса. Но все зло для него заключается в том, что стоимость не существует вне потребительной стоимости, что стоимостная субстанция

товара, к которой он питает столь пылкую любовь, прикована, как Гефест к скале цепями, к потребительной стоимости. А это значит, что она, по выражению Маркса, должна быть посеребрена, т. е. продана, но это не так просто в силу низкой покупательной способности трудящихся масс.

Таким образом, не только в разных, но и *в одном и том же отношении* товар выступает как противоречивая сущность. Величие Маркса состояло в том, что он понял эти, как и другие, противоречия капиталистического товарного производства, вскрыл законы их движения и развития и гениально предсказал преходящий характер этого способа производства.

Таким образом, вышеприведенные суждения не содержат логических противоречий, а представляют собой необходимую форму выражения объективных диалектических противоречий вещей.

* *

*

Когда мы говорим, что логическое противоречие свидетельствует о непоследовательности мысли, сбивчивом рассуждении, то это не значит, что всякое такое противоречие служит доказательством непоследовательности тех, кто так мыслит, рассуждает. Во многих случаях, особенно в обыденной жизни, положение именно таково. Значительно сложнее обстоит дело с логическими противоречиями в науке, в процессе научного познания. И здесь бывают простые нарушения этого закона, логическая путаница. Однако логические противоречия здесь возникают прежде всего не из-за неумения исследователей природы или общественной жизни соблюдать формально-логический закон противоречия. Ученые сознают, что логические противоречия в теории недопустимы, наличие их свидетельствует о неточности или недоработанности теории. В одной из статей Н. Бор, например, пишет: «Единственным обязательным требованием является отсутствие логических противоречий...» в научной теории[1]. Эти слова свиде-

[1] *Н. Бор,* Дискуссия с Эйнштейном о проблемах теории познания в атомной физике, «Успехи физических наук», т. LXVI, вып. 4, декабрь 1958, стр. 589.

тельствуют о важном значении этого требования для всякой научной концепции, о том, что ученые сознают это требование. И тем не менее в ходе развития науки такие логические противоречия возникают, и затрачиваются большие усилия, чтобы их преодолеть.

В таких случаях вопрос нельзя сводить к элементарному нарушению принципа непротиворечивости. Чтобы разобраться в этом вопросе, приведем некоторые факты из истории науки и проанализируем их. Открытие М. Планком универсального кванта действия имело огромное философское значение, оно произвело настоящий переворот в физической картине мира, позволило значительно глубже познать некоторые общие законы природы. Но это открытие логически противоречило существовавшей тогда электромагнитной теории. Согласно положению Планка, излучение атома может осуществляться лишь прерывно, определенными порциями, квантами. Электромагнитная же теория базировалась на принципе непрерывности. Универсальный квант действия столкнулся с волновой теорией, принцип прерывности — с принципом непрерывности. Это противоречие необходимо было преодолеть тем или иным путем. Как рассказывает Планк в своей «Научной автобиографии», он пытался ввести новый принцип в рамки классической теории. «Мои тщетные попытки как-то ввести квант действия в классическую теорию, — писал он, — продолжались в течение ряда лет и стоили мне немалых трудов» [1].

Эти попытки не привели и не могли привести к успеху, так как речь шла о необходимости совершенно иного подхода к явлениям атомной физики, ибо в открытии Планка, по его словам, было «заложено нечто, до того времени неслыханное, что призвано радикально преобразить наше физическое мышление, построенное на понятии непрерывности всех причинных связей...» [2]

Таким образом, выявилось логическое противоречие между понятиями и методами классической механики и атомной физики. Но как ни разнородны и качественно ни многообразны явления природы, требующие для своего объяснения специфических понятий и способов

[1] *М. Планк,* Научная автобиография, «Успехи физических наук», т. LXIV, вып. 4, апрель 1958, стр. 635.

[2] Там же.

исследования, природа едина во всех своих проявлениях. Поэтому наука не могла ограничиться констатированием существования противоречащих друг другу принципов. Наука не могла довольствоваться простой регистрацией того факта, что между старой классической механикой и новыми знаниями нет никакой связи. В наличии этого разрыва, в столкновении на первый взгляд несовместимых принципов и заключалось логическое противоречие, без преодоления которого научное исследование природы не могло двигаться дальше.

Нельзя было истолковать данное логическое противоречие как простое несоблюдение формально-логического требования о недопустимости конъюнкции противоречащих друг другу суждений. Само возникновение этого противоречия было выражением какого-то нового, более глубокого понимания объективного мира и его законов. Действительно, оказалось, что микрообъектам свойственна двойственная, корпускулярно-волновая природа и то, что представлялось как нечто несовместимое, по новым понятиям физики является внутренней сущностью самих объектов. Логическое противоречие было преодолено созданием новой, квантовой механики. Наметившийся разрыв между классической и новой механикой был устранен разработкой так называемого принципа соответствия, представляющего собой в сущности физический эквивалент философской теории о соотношении между абсолютной и относительной истиной. Согласно этому принципу при открытии новых, более общих законов природы законы определенной области явлений, в данном случае законы классической механики, оказываются частным случаем и проявлением этих общих законов (в данном случае законов квантовой механики). Тем самым исчезло логическое противоречие в теории.

Приведем теперь пример из политической экономии. В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс анализирует противоречия, с которыми столкнулся А. Смит при исследовании закона стоимости, существо которых заключалось в следующем. Согласно закону стоимости товары обмениваются соответственно количеству общественно необходимого труда, затраченного на их производство. Это — обмен по принципу эквивалентности. Пока Смит анализировал простое товарное производ-

ство, все шло благополучно. Но при переходе к исследованию капиталистического способа производства возникли значительные осложнения и трудности, перед которыми он стал в тупик. Как указывает К. Маркс, «А. Смит чувствует, что из закона, определяющего обмен товаров (т. е. закона стоимости. — *М. Р.*), трудно вывести обмен между капиталом и трудом, имеющий, очевидно, своей основой совершенно противоположные этому закону и противоречащие ему принципы»[1].

Смиту казалось, что в условиях капитализма нарушается и отменяется действие всеобщего закона стоимости. Он понимал, что для того, чтобы капиталист мог получить прибыль, он должен, грубо говоря, недоплачивать рабочим. Но если это так, то нарушается закон эквивалентного обмена по стоимости: рабочий большее количество своего труда обменивает на меньшее количество. Это значит, что закон стоимости превращается в свою противоположность.

Как видно, и в данном случае столкнулись два, с точки зрения Смита, логически противоречащих принципа: принцип эквивалентного обмена товаров и принципы неэквивалентного обмена. Смит так и не нашел выхода из этого противоречия. Утверждая, что обмен производился по закону стоимости, он делал отступления от этого закона при анализе источников прибыли капиталиста. Он полагал, что на стоимость товаров, производимых в условиях капиталистического производства, оказывают влияние капитал, земля и т. п.

Только Маркс разрешил этот вопрос со всеми его кажущимися и действительными противоречиями. Маркс доказал, что противоречие остается необъяснимым до тех пор, пока капитал непосредственно противопоставляется труду, а не рабочей силе. Ни Смит, ни другие экономисты до Маркса не поняли того, что рабочая сила, приобретаемая капиталистом, представляет специфический товар с особой потребительной стоимостью, тайна которой состоит в способности создавать большую стоимость, чем та, которая нужна для ее воспроизводства. Маркс, следовательно, показал, что и этот товар обменивается по закону стоимости, в силу чего

[1] *К. Маркс,* Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. I, Госполитиздат, М., 1955, стр. 40.

никакого нарушения его в акте продажи и покупки рабочей силы не происходит. Но это еще не значит, что Смит очутился в тупике перед лицом *мнимых* противоречий. Он нащупал действительное противоречие, но не смог его понять и объяснить. Маркс сам раскрывает за «внешней видимостью» эквивалентного обмена между наемным трудом и капиталом вопиющее неравенство и в своем анализе процесса воспроизводства капитала показывает, что та часть последнего, которая авансируется на приобретение рабочей силы, есть не что иное, как часть прибавочной стоимости, созданной ранее рабочими. Поэтому эквивалентный обмен между ними Маркс называет пустой формой, чуждой собственному содержанию.

Таким образом, Смит понял, что с законом стоимости в условиях капиталистического товарного производства «что-то» происходит. «Заслуга Смита, — отмечает Маркс, — состоит в том, что он подчеркивает, — но это-то как раз и сбивает его с толку, — что с *накоплением капитала и с возникновением собственности на землю,* следовательно вместе с обособлением условий труда, противостоящих теперь самому труду, происходит поворот, *кажущееся (и фактическое по своему результату)* превращение закона стоимости в его противоположность»[1].

Примечательны последние, подчеркнутые нами слова Маркса, выражающие сущность того противоречия, на которое наткнулся Смит. Превращение закона стоимости в свою противоположность есть одновременно и кажущееся и фактическое, реальное. Кажущееся оно потому, что при всех изменениях, происходящих в новых условиях, закон стоимости не исчезает, а, наоборот, получает свое полное развитие, он лежит в основе всех процессов капиталистического производства и обращения. Фактическим, а не только кажущимся это превращение является потому, что закон стоимости приобретает при капитализме форму закона цен производства, и это имеет в виду Маркс, говоря о фактическом по своему результату превращении закона стоимости «в его противоположность».

---

[1] *К. Маркс,* Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. I, стр. 55.

Какие же выводы вытекают из рассмотренных фактов?

1. Не всякое логическое противоречие есть результат несоблюдения закона запрета противоречий в мысли. В развитии науки за такими противоречиями нередко стоят сложные, реальные проблемы дальнейшего развития, углубления знаний. Их возникновение свидетельствует о том, что наука в своем поступательном развитии нащупывает какие-то новые, неведомые ранее стороны, свойства вещей, новые закономерности и потому такие «логические» противоречия дороже догматического повторения достигнутых истин. С этой точки зрения интересно сравнить оценку Марксом Смита и Рикардо. Первый противоречил себе, своим собственным утверждениям, он не мог свести концы с концами. Рикардо же твердо держался в своих воззрениях принципа стоимости, и в этом содержался ценный элемент его экономической теории. И тем не менее Маркс в этом отношении отдает предпочтение Смиту, ибо в логических противоречиях его теории он увидел стремление понять те модификации, которые закон стоимости претерпевает в развитии товарного производства.

«Противоречия А. Смита, — пишет Маркс, — важны в том смысле, что они заключают в себе проблемы, которых он, правда, не разрешает, но которые он ставит уже тем, *что сам себе противоречит*. Его верный инстинкт в этом отношении доказывается лучше всего тем обстоятельством, что последующие экономисты, споря друг с другом, воспринимают от Смита то одну, то другую сторону»[1]. Рикардо же, по Марксу, «уступает А. Смиту в том отношении, что даже не подозревает здесь наличие проблемы и что поэтому то *специфическое* развитие, которое претерпевает закон стоимости с возникновением капитала, ни на минуту не смущает его и нисколько даже не интересует»[2].

Таким образом, под формой логических противоречий в развитии науки часто скрываются новые, не решенные еще проблемы. Такие противоречия толкают на решение этих новых проблем. Это следует иметь

---

[1] *К. Маркс,* Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. I, стр. 120 (курсив мой. — *М. Р.*).

[2] Там же, стр. 55.

в виду, чтобы не игнорировать здоровой тенденции в подобных противоречиях.

2. Объективным источником возникновения этих противоречий в мысли являются диалектические противоречия исследуемых наукой объектов. В истории человеческих знаний имеется много примеров, доказывающих, что свойственные объекту внутренние противоречия, противоположные свойства, на первых порах познаются в одностороннем виде. Сначала познается какая-то одна сторона противоречия, затем другая его сторона, нередко каждая из этих сторон имеет в науке своих защитников. Классическим примером может служить история развития представлений о природе света: одни натуралисты объясняли свет движением корпускул, другие объясняли его движением электромагнитных волн. Споры шли до тех пор, пока наука не доказала единство тех и других свойств. Так же развивались взгляды на вещество и поле.

В развитии способов и форм познания также имело место одностороннее выражение диалектических противоречий, т. е. выражение их в форме логически несовместимых противоположностей. Например, в определенные периоды развития мышления односторонне выпячивались или дедукция, или индукция, или чувственное, эмпирическое, или рациональное познание, или анализ, или синтез. В действительности каждая из этих сторон не существует вне диалектической связи со своей противоположностью

Указанные логические противоречия обычно появляются тогда, когда открываются новые стороны и свойства объектов, но исследователи еще не умеют в силу тех или иных причин понять действительное отношение между новыми и старыми представлениями, дать их *диалектический синтез*, создать более обобщенную теорию, включающую в себя старую в качестве момента, черты, стороны. Поэтому очень важно, чтобы указанные новые факты, вызвавшие логические противоречия, получили объяснение в логически непротиворечивой теории. Без преодоления логических противоречий невозможно движение познания вперед, невозможно создание более обобщенных концепций, означающих углубление наших знаний об объективном мире.

3. Из сказанного выше вытекает и способ преодоления подобных логических противоречий. Поскольку они выражают диалектику объективных явлений и процессов, содержащих в себе противоположные стороны и свойства, то логические противоречия преодолеваются не путем примирения, эклектического соединения различных сторон и свойств предметов, а путем выработки новой, более глубокой теории, обобщающей воедино односторонние представления, вскрывающей их внутреннюю неразрывную связь как единых в своей противоречивости. Мучительные переживания Планка, пытавшегося как-то примирить, внешним образом связать свое открытие со старыми представлениями, которые они коренным образом изменяли, тем и объяснялось, что таким путем невозможно освободиться от логических противоречий. Наука пошла по другому пути — по пути диалектического синтеза прерывности и непрерывности физических объектов.

Точно так же и Маркс преодолел «логическое» противоречие во взглядах Смита. Он, образно выражаясь, развил сильную сторону теории этого экономиста, инстинктивно чувствовавшего видоизменение действия закона стоимости с возникновением капитала, и отбросил его слабую сторону — неумение диалектически разрешить противоречие.

Может быть, после сказанного некоторые читатели хотели бы сделать еще один вывод, а именно тот, что нет смысла считать рассмотренные выше противоречия логическими, поскольку за такими противоречиями скрываются объективные диалектические противоречия самой действительности. С этим нельзя согласиться. Как бы ни был диалектичен объективный источник, порождающий их, они остаются логическими противоречиями до тех пор, пока мысль путем выработки новых взглядов на объект не станет адекватным выражением его диалектического характера. Пока эта ступень в процессе познания не достигнута, мысль, сталкиваясь с подобными явлениями, не может выйти за пределы логического противоречия в подлинном смысле этого слова, т. е. противоречия самой себе, непоследовательного рассуждения и т. п. Как заметил Маркс, Смит ставил не выдуманную, а действительную проблему, которая выражала реальные противоречия капитала,

но ставит их так, в такой форме, что «сам себе противоречит». Это и есть логическое противоречие. Важно только не упускать из виду, что означают такие логические противоречия, что за ними скрывается.

Движение форм суждений как отражение закономерного процесса углубления познания

При исследовании суждений, как и при исследовании понятий, главная задача диалектической логики состоит в анализе их становления, развития, движения. Руководящей идеей здесь служит указание Энгельса, вскрывающее различие в подходе к этой стороне учения о суждениях формальной и диалектической логики. «Диалектическая логика, — писал Энгельс, — в противоположность старой, чисто формальной логике, не довольствуется тем, чтобы перечислить и без всякой связи поставить рядом друг возле друга формы движения мышления, т. е. различные формы суждений и умозаключений. Она, наоборот, выводит эти формы одну из другой, устанавливая между ними отношение субординации, а не координации, она развивает более высокие формы из нижестоящих» [1].

Это указание Энгельса имеет принципиальное значение не только для правильного подхода к вопросу о движении суждений, но и для понимания задач диалектической логики в целом. Как было уже отмечено, познание по своей сущности есть процесс развития. Оно развивается от низших форм к высшим, от менее глубокого к более глубокому содержанию, от узкого, ограниченного охвата явлений к исследованию все более широкого круга явлений.

Диалектическая логика, опираясь на весь опыт познания, должна дать обобщение закономерностей этого развития, обосновать логику движения форм мышления. В этом специфическая задача диалектической логики, поскольку формальная логика, исследующая готовые формы мышления, не может решить ее и не ставит перед собой подобные цели. Сказанное выше полностью относится и к суждениям.

---

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, стр. 177.

Формальная логика, рассматривая различные формы суждений, не исследует развитие и переход их друг в друга с точки зрения выражения в них процесса углубления познания. Этот аспект один из самых существенных в вопросе о суждениях. Субординация форм суждения выражает их движение, такое выведение одних форм из других, которое основано на закономерном развитии познания, на объективных тенденциях развития самого познания.

Первую попытку подойти к суждениям с этой точки зрения предпринял Гегель. Энгельс отметил положительное значение этой попытки Гегеля дать классификацию форм суждения с точки зрения движения познания. Здесь не место заниматься характеристикой основных (с его точки зрения) форм суждения и критической оценкой их. Сейчас важно установить принцип движения форм суждений, который он разрабатывал, ибо именно это Энгельс справедливо считал достойным высшей оценки. Гегель заимствовал из формальной логики, в частности у Канта, схему классификации суждений по качеству, количеству, отношению и модальности, наполнив ее новым содержанием. Но главная его заслуга в этом вопросе в том, что он привел в движение те обычные формы, которые до него рассматривались вне движения, вне связи и переходов друг в друга. Следует отметить, что до сих пор еще нет трудов, в которых был бы конкретно рассмотрен вопрос о том, как диалектическая логика трактует основные формы суждения и их движение. Эта работа должна быть проделана на основе обобщения истории познания и развития современной науки с учетом всего положительного, что дала логика до сих пор. При этом, разумеется, не следует проходить мимо ценных идей, имеющихся по этому вопросу в логике Гегеля.

Для Гегеля (если очистить его взгляды от мистики идей и взять лишь жизнеспособное, здоровое зерно) важно определить познавательное значение каждой формы суждения и ее место в развитии знаний о вещах. Начиная от первой, простейшей формы — суждения «наличного бытия» — и кончая высшими формами — суждениями необходимости и понятия — формы суждений развиваются, переходят друг в друга, приближаясь к все более глубокому выражению «имманентной при-

роды» вещей. Это движение мысли реализуется в различных отношениях между субъектом и предикатом, причем Гегель придает особенно важное значение предикату и различие между формами суждения он видит в различном логическом значении предиката. В первых, низших формах суждения мысль охватывает единичное, не существенное, затем мысль движется к раскрытию более существенных сторон явлений, пока она не познает их в их субстанциональности, необходимости.

Как ни искусственны переходы у Гегеля от одних форм суждения к другим, их движение соответствует общей тенденции, общим законам развития познания от явления к сущности, от случайного и несущественного к существенному и необходимому, от единичного к особенному и общему. В этом и состоит то положительное у Гегеля, что не может быть утрачено в дальнейшем развитии логической науки. Учение о суждениях в диалектической логике пронизано историзмом, есть вывод из истории познания. А последняя свидетельствует о том, что суждения сразу не могут адекватно выразить природу вещей, что познание проходит известные стадии развития, на каждой из которых осуществляется движение к главной цели — понять явления в их необходимости и существенности, в их закономерности. Ввиду этого классификация форм суждения и их субординация, соподчинение должны отражать историческое развитие познания. Здесь в полной мере действует один из важнейших законов познания — закон соответствия логического историческому.

Энгельс придавал особенное значение классификации форм суждений соответственно движению мысли от единичного к особенному и общему. Это положение Энгельса — один из важнейших принципов учения марксистской диалектической логики о суждениях. Познание начинается с единичных явлений, с констатации отдельных связей и от них переходит к анализу явлений в их всеобщности, т. е. необходимости и закономерности. Известен классический пример Энгельса с превращением движения в теплоту и одной формы движения в другую и отражения познания этих превращений в суждениях. Энгельс показал, что исторически познание развивалось от суждения единичности (т. е. установления того факта, что трение производит теплоту)

к суждению особенности (к познанию того, что особая форма движения — механическая — при известных обстоятельствах переходит в другую форму движения — теплоту) и, наконец к суждению всеобщности (к познанию закона, согласно которому всякая форма движения способна превращаться в другую форму движения материи).

Движение форм суждения от суждения единичности к суждениям особенности и всеобщности есть выражение общего закона познания и подтверждается массой фактов из развития естественных и общественных наук в прошлом и настоящем. Например, всеобщий закон превращения химических элементов не был открыт и обнаружен сразу. Вначале превращаемость элементов была доказана в отношении отдельных элементов (радий и др.), затем на «особенной» группе тяжелых элементов, и, наконец, было установлено, что любой химический элемент способен в известных условиях превратиться в другой элемент. Аналогичную картину развития мысли можно видеть и в вопросе о способности одних элементарных частиц превращаться в другие частицы. В 30-х годах XX в. было открыто превращение фотона в вещественную пару (электрон и позитрон) и обратно. На базе этого открытия было сформулировано соответствующее «суждение единичности», фиксирующее этот факт. В 40-е и последующие годы было доказано, что не только эти, но и некоторые другие частицы (мезоны, фотоны, нейтроны и др.) претерпевают превращения. Установление такого суждения можно назвать «суждением особенности», так как положение о способности к превращениям касалось уже не единичных, а целой группы микрообъектов. Наконец, сейчас на основе новых открытий превращаемость представляется наукой как всеобщий закон всех «простейших» форм материи.

Число подобных фактов можно во много раз увеличить. В работах естествоиспытателей, трактующих о законах научных открытий, эта сторона движения мысли подчеркивается со всей силой. Например, В. Гейзенберг указывает, что идея прерывности, дискретности, которая раньше применялась лишь к веществу, с открытием Планком кванта действия «должна быть понята как следствие значительно более общего

закона природы»[1]. И действительно, гипотеза Планка впоследствии была полностью доказана и подтверждена на анализе различных микрообъектов и процессов, причем и в данном случае мысль двигалась от суждения единичности (подтверждение гипотезы на опыте, относящемся к отдельным областям явлений, например фотоэлектрическим явлениям) к суждениям особенности и всеобщности (когда в 20-х годах было установлено, что прерывность и непрерывность в их единстве есть свойство всех без исключений микрообъектов).

Общественная наука, познание общественных явлений, также подтверждает указанный принцип субординации форм суждений. И здесь суждение единичности представляет собой низшую, первичную форму, из которой на основе практики и развития знания выводятся высшие формы, выражающие всеобщность связей и отношений вещей. Ярким примером соподчинения различных форм суждений может служить развитие представлений об источнике стоимости. Физиократы впервые связали стоимость товара с трудом. Источником стоимости они считали некий единичный вид труда — земледельческий труд, труд в промышленности, согласно их воззрениям, не создавал стоимости. Огромным шагом вперед по сравнению с физиократами было учение представителей классической политической экономики — Смита и Рикардо, доказывавших, что всякий производительный труд есть источник стоимости. Но они еще не различали конкретного и абстрактного труда, часто смешивали их. Маркс впервые дал понятие об абстрактном труде как расходовании человеческой рабочей силы вообще, независимо от конкретного вида труда. Именно этот всеобщий труд и образует стоимость. Стало быть, и в данном случае суждения о стоимости и ее источниках развивались от отражения единичных связей к отражению всеобщей, необходимой сущности этого явления.

Рассматриваемый принцип движения форм суждений находится в соответствии и обобщает не только

---

[1] *В. Гейзенберг,* Открытие Планка и основные философские проблемы атомной теории, «Успехи физических наук», т. LXVI, вып. 2, октябрь 1958, стр. 165.

историю познания, но и нередко историю развития самой объективной действительности. Это служит еще одним существенным доказательством истинности и плодотворности такого подхода к классификации суждений.

Замечательный образец такого согласования логики движения суждений с историческим развитием самой действительности дал Маркс в «Капитале» при анализе форм стоимости. Исследуя вопрос о формах выражения стоимости, Маркс формулирует ряд суждений, в которых он стремится выразить диалектический процесс их развития и перехода. Он устанавливает следующие формы стоимости: 1) единичную, или простую, 2) полную, или развернутую, 3) всеобщую и 4) денежную. Первая форма стоимости характерна для той исторической ступени развития общества, когда обмен носил случайный характер и обменивались лишь единичные товары. Вторая форма — для той ступени, когда в обмен включается уже ряд товаров. Наконец, третья форма стоимости стала господствующей, когда обмен приобрел всеобщий характер, и тогда вскоре осуществляется переход к денежному выражению стоимости. Таким образом, в движении формы суждения отражено объективное движение реальной исторической действительности.

Движение суждения от формы единичности к форме всеобщности важно еще и потому, что в нем реализуется процесс развития познания от явления к сущности, от случайного к необходимому, от констатации непосредственного бытия к раскрытию закона явлений. Всеобщее есть форма выражения закономерного, необходимого, существенного. Так, например, суждение о том, что трение порождает теплоту, фиксирует лишь непосредственное бытие, явление, в то время как переход этого суждения в особенную и всеобщую форму выражает более глубокую ступень познания — познания сущности, закона этого явления. Точно так же в суждениях о переходе единичной, простой формы стоимости в развернутую, а затем во всеобщую и денежную формы то, что было ранее случайным (Маркс называет единичную форму стоимости случайной), познается теперь как превращающееся в необходимое, становящееся необходимым.

Таким образом, суждения единичности, особенности и всеобщности — это формы движения мысли в целях познания сущности, необходимости, закономерности процессов. Эти формы суждений характерны не только для исторического, но и для логического развития мысли. Вернее, именно потому, что они исторические формы, обоснованные всем опытом и практикой развития человеческого познания, они выступают и как формы развития суждений индивидуальной человеческой мысли о явлениях объективного мира.

Мы не ставим здесь перед собой задачи исследовать другие возможные и специфические для диалектической логики формы суждений. Это требует специальных исследований. Но нам хотелось бы в самом общем виде поставить и осветить вопрос о еще одной группе форм суждений, имеющих для диалектического способа мышления огромное значение.

Выше уже было сказано о фундаментальном значении для диалектической логики вопроса о противоречиях. Вне противоречий нет развития, следовательно, без исследования противоречий развития нет и познания. «Условие познания всех процессов мира в их „*самодвижении*", в их спонтанейном развитии, в их живой жизни, есть познание их, как единства противоположностей»[1], — пишет В. И. Ленин. Развитие современной науки, если рассмотреть ее с этой точки зрения, подтверждает это положение диалектической теории познания. Тенденция развития науки такова: познание движется от того, что ранее казалось тождественным, свободным от внутренних различий и противоречий, к выяснению сложной противоречивой сущности явлений, ранее неразличимое тождество явлений мысль теперь представляет как диалектическое тождество, т. е. как единство противоположных сторон, свойств, тенденций.

Познание противоречий в явлениях и процессах имеет свою объективную логику. Исторический опыт развития науки показывает, что познание внутренне противоречивой природы вещей — это длительный и сложный процесс, имеющий, подобно движению познания от единичного к особенному и общему, свои стадии

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 38, стр. 358.

и ступени. И здесь историческая практика человеческого познания должна служить базисом для исследования вопроса о том, какова логика развития мысли о диалектических противоречиях природы. Обобщение этой практики, на наш взгляд, позволяет сделать вывод о том, что логика познания движется от фиксирования тождества в предметах к установлению различий и противоречий в них, т. е. от первоначального восприятия явлений как тождественных к раскрытию свойственных им внутренних различий и противоречий. Эта тенденция развития мысли имеет глубокое основание также и в согласованности законов мышления с законами природы, на этом вопросе мы прежде всего и остановимся.

Развитие явлений в природе в самой общей форме, схематично можно представить так: явление представляет собой вначале нечто «тождественное», затем в нем возникают различия и противоречия, которые со временем приведут к изменению данного состояния явления или к смене его иным явлением. Утверждение о том, что явление вначале представляет собой нечто тождественное, нельзя понимать в метафизическом смысле. Предмет всегда есть не мертвое и абстрактное, а конкретное тождество, т. е. в нем всегда происходят какие-то изменения и уже в силу этого он содержит внутренние различия и противоречия. Но дело в том, что те или иные конкретные противоречия не могут сразу возникнуть в *развитом* виде. Понятие «тождества» явлений как раз и фиксирует такую стадию в их развитии, когда те внутренние различия и противоречия, которые нас интересуют в данный момент, еще не развернулись и не раскрылись, когда они существуют как противоречия «в себе», в дремлющем состоянии. Еще Аристотель говорил, что противоположность есть наибольшее различие, «законченное различие»[1]. Тождественностью вещи в диалектическом смысле этого слова можно считать состояние «наименьшего различия». Впоследствии «наименьшее различие» закономерно превращается в наибольшее, в «законченное» различие, в противоречие. Такова основная тенденция развития явлений.

[1] См. *Аристотель*, Метафизика, стр. 170.

Движение форм суждений о вещах и процессах должно выразить эту диалектику превращения тождества в различие и противоречие. Без этого нельзя понять сущность вещей. Именно это имел в виду В. И. Ленин, говоря, что условие познания объектов есть познание их как единства противоположностей. С этой точки зрения «суждение тождества», «суждение различия» и «суждение противоречия» будут ступеньками отражения соответствующих стадий объективного процесса развития явлений. «Суждение тождества» есть форма суждения об объекте на той его стадии развития, когда он еще устойчив и устойчивость его превалирует над элементами изменчивости. Такое суждение мы высказываем, например, о виде растений или животных, когда наследственность их не «расшатана», что, как известно, происходит в результате изменения внешних условий их существования. Но новая среда, новые условия, в которые попадают органические существа, могут вызвать и вызывают различие между наследственностью и приспособлением (изменчивостью), и это различие ученые фиксируют в соответствующем типе суждений — «суждении различия». В суждении противоречия мы выражаем такую стадию в развитии вида, когда наследственность и изменчивость (новые признаки) находятся в состоянии резкой противоположности, служащей источником и движущей силой перехода в качественно новый вид. Как известно, эти стадии процесса развития органических видов обобщены в эволюционной теории Дарвина и мичуринском учении при помощи соответствующих суждений, в которых отражается эта объективная диалектика вида.

В «Капитале» параллельно с формулированием суждений об единичной, развернутой и всеобщей формах стоимости Маркс развертывает анализ превращения конкретного тождества продуктов обмена в различие и противоречие. В начале исторического процесса развития обмена продукт, обменивавшийся на другой продукт, есть нечто тождественное, ибо в нем еще нет развитой противоположности потребительной и меновой стоимости. В единичной форме стоимости эта противоположность только зарождается. Когда Маркс говорит: «простая форма стоимости товара есть простая форма проявления заключающейся в нем противоположности

потребительной стоимости и стоимости»[1], то он, собственно, высказывает суждение конкретного тождества, т. е. суждение, отражающее такую историческую ступень в развитии товара, когда продукт становится товаром случайно, в исключительных случаях, в этот период господствует не товарное, а натуральное хозяйство. Но это уже тождество с возникающими внутренними различиями, без учета которых нельзя понять дальнейших изменений товара.

Далее, когда Маркс, характеризуя развернутую форму стоимости, говорит, что она «полнее, чем первая, отделяет стоимость товара от его собственной потребительной стоимости»[2], то он высказывает суждение различия, ибо в нем отражается дальнейшее раздвоение единого, рост и углубление внутренней двойственности товара. В положениях о всеобщей и денежной формах стоимости Маркс высказывает суждение противоречия, поскольку в этих формах различие потребительной стоимости и стоимости превратилось в «полярную противоположность»[3].

Таким образом, в переходе от одних форм суждений этого типа к другим реализуется движение мысли на пути исследования возникновения, роста, развертывания объективных противоречий. Это позволяет понять источники и движущие силы развития явлений, их перехода в новое состояние.

В приведенных примерах движение суждений соответствовало историческому развитию самих объектов. Однако научное познание проходит *тот же путь* и в том случае, когда оно имеет дело с объектами, в которых внутренние противоречия составляют не результат исторического развития, а существуют постоянно. Например, атом есть единство противоположностей ядра и электронной оболочки; вещество, как и поле, обладает противоположными корпускулярными и волновыми свойствами и т. п. Эти противоположности в них существуют постоянно. Тем не менее и при познании подобных объектов также действителен принцип движения от суждения тождества к суждениям различия и противоречия. Основание такого движения

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. I, стр. 68.
[2] Там же, стр. 72.
[3] Там же, стр. 74.

мысли здесь находится не в развитии самой действительности, ибо ясно, что атомы всегда имели одни и те же основные свойства, а в *законах самого познания,* в исторической практике развития познания.

Как было уже указано, познание развивается от простого к сложному, от явления к сущности, от непосредственного к опосредованному. Тождественность вещи есть нечто более простое и непосредственное, чем вещь с внутренними различиями и противоречиями. Поэтому в развитии науки она и познается раньше, чем второе. Чтобы понять внутренние различия, противоречия вещей, нужно проникнуть за внешнюю оболочку во внутрь предмета. Возможность такого проникновения определяется не столько познавательными способностями человека, сколько объективными условиями, каковы степень развития общественных отношений, уровень промышленности, экспериментальной техники и т. п. Но и с точки зрения внутренней логики познания восприятие тождества объекта предшествует восприятию различия. Вещь должна быть сначала воспринята как нечто цельное, тождественное, чтобы стал возможен следующий шаг — раскрытие ее внутренней раздвоенности. Историческая практика подтверждает такое поступательное движение познания.

В исследовании важнейших вопросов естественных и общественных наук развитие знаний шло от познания объектов как тождественных, лишенных внутренних различий и противоречий, к познанию их как единства противоположностей. Например, в химии еще в XIX в. некоторые соединения считались неразложимыми, тождественными, и только к концу XIX в. ученые научились их разлагать на химические элементы. Сами же эти элементы до сравнительно недавнего времени определялись как абсолютно тождественные, лишь открытие радиоактивности положило конец этому представлению. Затем было открыто, что большинство химических элементов состоит не из одинаковых атомов, а из изотопов с различными атомными весами, т. е. что химический элемент не тождественен и в этом смысле, что он есть единство в различии.

Со времени Демокрита и до конца XIX в. наука была твердо убеждена в тождественности атомов, в отсутствии в них внутренних различий, противополож-

ностей. Физика XX в. до основания разрушила эти представления, установив, что атомы — это сложные образования, состоящие из противоположностей, взаимодействующих между собой: атомного ядра и электронной оболочки. Одно время казалось, что эти образования материи представляют собой искомое «тождество», неизменные кирпичики мироздания. Но скоро наука похоронила и эту надежду. Атомные ядра оказались также сложными образованиями, состоящими из частиц с противоположными свойствами; в ядре действуют противоположные силы — притяжения и отталкивания.

Выше было показано, как Маркс исследовал движение товара от состояния относительного тождества к раздвоению его на взаимоисключающие части и как это движение он выразил в соответствующих суждениях. Если мы сопоставим с этим процессом реального исторического развития и его отражением в логике движения суждений процесс *исторического* развития знаний о двойственности товара, мы обнаружим удивительное совпадение логики обоих процессов познания. В процессе исторического развития знаний о сущности товара логика движения суждений шла от констатации тождества к выяснению различия и от них — к противоречиям. Физиократы, например, не понимали двойственности товара; в центре их исследования была только потребительная стоимость товаров, т. е. товар воспринимался как нечто тождественное. У Смита и Рикардо уже было представление о различии между потребительной стоимостью и стоимостью. Но это различие они еще не понимали как единство противоположностей, они не исходили из данного противоречия как зародыша всех противоречий капиталистического производства. Можно поэтому сказать, что у предшественников классической буржуазной политической экономии суждения о товаре фиксировали его тождество, поэтому их можно назвать суждениями тождества; суждения Смита и Рикардо о товаре были суждениями различия, и только мысль Маркса поднялась до охвата в суждениях о товаре его глубочайших противоречий.

В том же направлении развивались представления экономистов о сущности труда, производящего стои-

мость: от понимания его как чего-то тождественного наука двигалась к пониманию его как единства абстрактного и конкретного труда.

Все это позволяет сделать вывод о том, что ввиду огромной важности обнаружения и раскрытия диалектической противоречивости явлений и процессов и ввиду того, что мысль объективно развивается от тождества к различиям и противоречиям, диалектическая логика должна классифицировать и суждения в соответствии с этой тенденцией.

Конечно, не все факты строго укладываются в указанную схему. Но едва ли можно и нужно требовать такого полного соответствия фактов схемам. Нам кажется достаточным обнаружение основной тенденции развития познания. Вопрос же о том, проходит ли процесс познания *все три* ступени развития суждений или он иногда сокращен, не имеет существенного значения. Это дело конкретного анализа.

Здесь может возникнуть вопрос: если познание вещей есть познание их как единства противоположностей, то правильно ли строить классификацию суждений в логике индивидуального познания соответственно историческому процессу познания? Если мы знаем, что представление о тождественности вещей это преходящий момент в развитии познания, то почему бы нам в своих суждениях о вещах сразу не начинать с суждения противоречия? Несомненно, диалектика с ее учением о единстве противоположностей указывает нам путь познания, и в этом ее великая сила. Это учение вооружает нас пониманием того, что за кажущейся тождественностью вещи скрываются внутренние противоположности, которые нужно обнаружить и объяснить, и толкает науку в этом направлении. В этом огромное, как удачно выразился Бернал, стратегическое значение диалектики для науки. Однако на какой бы высокой ступени развития науки мы ни познавали новые явления, мы не можем освободиться от действия закона совпадения логического и исторического в познании, т. е. от необходимости в сокращенном, сжатом виде пройти тот путь, которым исторически развивалось познание. Этот путь мы совершаем на более высокой основе, избегая многих зигзагов и заблуждений, которые неизбежно были свойственны историческому раз-

витию познания. Но мы его проделываем иногда в явственной, иногда в сложной, незаметной форме. Поэтому и индивидуальный логический процесс познания должен пройти — пусть в самой сокращенной форме — эти определенные стадии развития.

Энгельс, например, будучи диалектиком, понимал уже в свое время, что атом не есть нечто абсолютно тождественное. Эту идею он выразил в «Диалектике природы», указав, что «атомы отнюдь не являются чем-то простым, не являются вообще мельчайшими известными нам частицами вещества»[1]. Но Энгельс не развивал и не мог дальше конкретизировать данную идею, так как уровень науки того времени не давал материала для этого. Только в конце XIX в. начались открытия, приведшие к новым представлениям об атоме.

В аналогичной ситуации находится и современная наука. Ее суждения по конкретным вопросам не могут перепрыгнуть через необходимые промежуточные стадии. Такое положение сложилось сейчас, например, с представлением о единстве корпускулярных и волновых свойств материи. Нельзя думать, что подход к этим свойствам как единству взаимопроникающих противоположностей позволяет с необыкновенной легкостью решить сложные вопросы, связанные с проблемой физического объяснения синтеза указанных противоположностей в микрообъектах. Помимо правильного методологического подхода, имеющего огромное значение, требуются и другие — объективные — условия, создающие возможность для такого объяснения, требуется определенное время, чтобы мучительные поиски истины привели к положительным результатам. Не этим ли объясняется тот факт, что указанная проблема конкретно решается наукой в современных условиях пока больше путем подчеркивания различия волновых и корпускулярных свойств микрообъектов, делаются попытки установить их внутреннюю связь, но пока что мало материала для выяснения их взаимного проникновения и единства как неразрывно связанных противоположностей. Наука стремится к установлению подлинного синтеза волновых и корпускулярных свойств

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, стр. 216.

вещества и света, но еще не достигла этого. Однако и то, что достигнуто в этом отношении, есть уже великое завоевание, так как познание внутренних различий и противоречий вещей составляет веху на пути к полному раскрытию их диалектической природы. Ибо, как отмечал В. И. Ленин, лишь «поднятые на вершину противоречия» различия «становятся подвижными... и живыми по отношению одного к другому,—...приобретают ту негативность, которая является *внутренней пульсацией самодвижения и жизненности*»[1].

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 38, стр. 132.

ГЛАВА VII

ПРОБЛЕМЫ ВЫВОДНОГО ЗНАНИЯ В ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКЕ

Сущность проблемы

Умозаключение — это такая форма мышления, при которой из имеющихся посылок, из известных данных выводится новое знание. Это — форма *выводного* знания. Оно представляет собой закономерную связь суждений, при помощи которой мы делаем определенные выводы о вещах. Умозаключение по своей структуре более сложная форма мышления, чем понятия и суждения. Но оно и по существу более сложная форма, ибо цель научного познания состоит в том, чтобы, оперируя всеми имеющимися в его распоряжении средствами, в том числе понятиями и суждениями, сделать определенные выводы о сущности явлений. Разумеется, было бы неправильно считать, что понятия и суждения, так сказать, абсолютно предшествуют умозаключениям. Действительный процесс познания не знает такого резкого разграничения. Все формы мышления неразрывно связаны и выступают по отношению друг к другу то как предшествующие, то как последующие. Научное понятие и суждение формулируется в результате большой цепи умозаключений, и наоборот, умозаключение получается из многих понятий и суждений. Об умозаключении как более сложной форме мышления по сравнению с понятиями и суждениями можно говорить не в историческом, генетическом, а в логическом плане, который заключается в том, что умозаключение — это форма выраже-

ния более сложных связей и отношений между вещами. В этом можно убедиться на рассмотрении того же главного вопроса познания — о соотношении единичного, особенного и всеобщего.

Цель познания состоит в том, чтобы единичное возвести во всеобщее, т. е. подвести единичное под закон, объяснить закономерность явлений, вскрыть их существенные свойства. Все формы мышления направлены на решение этой главной задачи познания, но каждая из них решает свою часть задачи. В понятии единичное и общее слиты воедино и существуют в нерасчлененном виде. Понятие отражает сущность массы единичных явлений, но само по себе оно недостаточно для раскрытия связи единичного и общего.

В суждении противоположность единичного и общего обнаруживается, раскрывается. Когда мы говорим: «электрон есть вид материи», то в этом суждении скрытая в понятии «электрон» противоположность превращается в открытую форму: единичное отделяется от общего и указывается, что единичное есть общее, электрон есть материя.

В умозаключении движение единичного и общего достигает новой, логически более сложной формы. Два суждения, представляющие собой исходные посылки силлогизма, соединяются так, чтобы получилось необходимо вытекающее из них заключение. Например, мы имеем два суждения: «Материя — объективная реальность, существующая независимо от сознания». «Электрон есть вид материи». В умозаключении эти два суждения связываются, в результате получается закономерный вывод о том, что «электрон есть объективная реальность, существующая независимо от сознания». Здесь, таким образом, единичное и общее путем опосредствования снова связываются в единство, но уже на высшей основе: в логике идет движение от нерасчлененного единства общего и единичного в понятии к расчленению их в суждении и восстановлении их единства в новой, высшей форме путем опосредствования в умозаключении. Значение умозаключения состоит в этом опосредствовании, т. е. в такой связи единичного и общего, которое вскрывает их *единство,* при том не внешнее, а внутреннее, закономерное единство явлений, их объективную связь. В приведенном примере умозаклю-

чения мы благодаря такому опосредствованию получаем определенный вывод, представляющий собой новое знание о предмете. В этом отношении мы и считаем умозаключение по сравнению с понятием и суждением относительно более сложной формой мышления.

Формальная логика, как известно, не исследует ни структуру умозаключений, ни их формы с точки зрения взаимоотношения и движения противоположностей единичного и общего. Им занимается диалектическая логика, однако сущность проблемы выводного знания в этой логике не в том, чтобы наполнить разработанную традиционной логикой форму умозаключения диалектическим содержанием. Поскольку диалектическая логика — это логика развития, изменения, включающая в себя признание диалектических противоположностей как источника развития, то важно выяснить, как эта главная сторона, суть диалектической логики, отражается на решении проблемы выводного знания. Исследование этого вопроса должно показать различие, существующее между формальной и диалектической логикой в трактовке проблем выводного знания. С этим главным вопросом связан ряд других вопросов: отражается ли сущность диалектической логики как логики развития на самой форме выводного знания, т. е. как на пути и способе исследования, ведущих к выводу, так и на форме выражения вывода; сказывается ли, далее, эта особенность диалектической логики на методах и способах доказательства истинности выводов; каковы критерии истинности выводов в диалектической логике, отличаются ли они от критериев, которыми пользуется формальная логика, и т. д. Рассмотрением этих принципиальных вопросов мы здесь и ограничимся.

Указанные вопросы приобретают особенно большое значение потому, что противники диалектической логики отрицают всякую возможность строить прочные выводы на основе принципа развития и изменения. Абсолютизируя ту форму выводного знания, которую исследует формальная логика, они не допускают и мысли о возможности выхода за эти узкие границы. Исходя из ложной предпосылки о том, что мышление текучими понятиями должно неизбежно нарушить элементарные логические законы, Э. Гартман, например, писал: «Бесконечное или текучее мышление должно или отказаться

от заключений или, если оно заключает, прийти к фальшивым выводам»[1].

Современная наука, как известно, оперирует текучими понятиями и тем не менее с их помощью она строит истинные выводы о сущности вещей. Это значит, что научное знание, используя те возможности выводного знания, которые исследованы формальной логикой — не только традиционной, но и современной, значительно расширившей эти возможности, — идет дальше, раздвигает рамки формальной логики, становится и в этом вопросе на позиции диалектической логики. В тех же областях науки, где ее задача состоит в том, чтобы выразить динамичность, изменчивость явлений, правильный вывод возможен лишь при условии оперирования текучими понятиями и суждениями. Конечно, это не может не повлиять и на саму логическую структуру вывода, на весь процесс выводного знания. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Выводное знание о развивающихся и изменяющихся явлениях

Положение о том, что выводное знание невозможно получить из посылок, в которых выражено изменение предметов, правильно лишь постольку, поскольку мы находимся в пределах формально-логического учения об умозаключениях. Здесь действительно *в основе* всех форм выводов лежат закон тождества и другие законы формальной логики. Это объясняется тем, что здесь мы имеем дело преимущественно с совпадением или несовпадением мыслей по объему, по признакам, свойственным явлениям, принадлежащим или не принадлежащим к данному классу, по свойствам отношений. Если такое-то свойство присуще всем явлениям определенного класса, то оно присуще и каждому отдельному явлению, принадлежащему этому классу, и наоборот. Таким путем мы делаем дедуктивное умозаключение. По признакам же, свойственным некоторым явлениям, мы делаем вывод о том, что они суть признаки всех других подобных же явлений (индуктивное умозаключение).

[1] *E. Hartmann,* Über die dialectische Methode, S. 99.

Как видно, в формальной логике принцип построения вывода основан на численном соотношении класса явлений и некоторых явлений. Формально-логическое умозаключение оперирует понятиями «все» и «некоторые». Если все металлы электропроводны, то и отдельные металлы должны обладать свойством электропроводности. Если различные металлы проводят электричество, то, очевидно, все металлы имеют это свойство. Основанием для такого подхода к выводам служит классификация явлений на виды, классы и т. п.

Принципы формальной логики лежат в основе и тех умозаключений, которые касаются отношений между предметами. Например, одно из логических свойств отношений состоит в том, что если *а* равно *в*, то *в* равно *а;* или «если Иванов поступил в университет одновременно с Петровым, то Петров вступил туда же одновременно с Ивановым» и т. п. Из истинности одного суждения об отношении можно умозаключить об истинности другого такого суждения. Логическим базисом такого рода выводов служат принципы тождества, непротиворечия и т. п.

Указанные формулы умозаключений отражают действительные отношения между вещами и постольку они имеют большое значение для познания объективного мира. Но эти правила построения выводов достаточны лишь тогда, когда мы отвлекаемся от развития, изменения явлений, от перехода их из одного качественного состояния в другое. В этих пределах действительно важное значение имеют законы формальной логики, которые обеспечивают правильность выводов. Например, вывод о том, что медь электропроводна, будет правильным лишь при том условии, если это свойство отдельного металла тождественно свойству всего класса явлений, к которому примыкает это отдельное свойство, если нет противоречия между свойством отдельного предмета и свойством целого класса, если имеется в виду либо данное, либо иное свойство, а не и то и другое одновременно.

Если же в схему формально-логического умозаключения ввести момент развития, изменения, то мы сразу столкнемся с непреодолимыми в этих рамках трудностями. Допустим, мы исходим из предпосылки, что свойства вида и свойства отдельной особи растений или

животных тождественны. Когда мы распространим свойства вида на свойства отдельной особи, то тем самым закроется путь для познания *изменчивости вида*, ибо, как известно, изменение вида начинается обычно с того, что отдельные особи, приспособляясь к изменениям среды, приобретают какие-то новые существенные признаки, которые *не тождественны* со свойствами вида в целом. Вид становится «единством противоположностей», тождеством в различии. Если эти новые свойства полезны для приспособления растений или животных к условиям их существования, то при благоприятных обстоятельствах, передаваясь из поколения в поколение, они изменят вид в целом, превратят его в новое качество. Таков в общих чертах механизм развития органических видов. Понятно, что если мы попытаемся чисто формальным путем вывести заключение об отдельной особи из свойств общего вида, то как раз главного и существенного, т. е. приобретение отдельным организмом новых признаков, мы не постигнем.

Силлогизм и другие формы умозаключений, которые изучаются формальной логикой, отражают реальные отношения и связь вещей, но их сила преимущественно *формальная*, т. е. она основывается только на форме, но не на сущности связей тех предметов, из анализа которых делается вывод. Форма требует такого-то вывода, но когда мы исследуем сложные развивающиеся явления, то задача состоит в том, чтобы руководствоваться не формальным моментом, не формальной схемой, а познанием *содержания* явлений.

Маркс в «Теориях прибавочной стоимости», где наряду с научным анализом различных экономических систем дан и анализ применяемого в них метода, логики, заметил по поводу метода Милля: «Милль был первым, пригвавшим теории Рикардо систематическую, хотя и довольно абстрактную, форму. *К чему он стремится — это формально логическая последовательность.* С него *поэтому* (курсив мой. — *М. Р.*) начинается *разложение* риккардианской школы»[1].

Следовательно, Маркс усматривает в «формально-логической последовательности» причину или одну из

[1] *К. Маркс,* Теории прибавочной стоимости, т. III, Партиздат, М., 1932, стр. 63

причин разложения школы последователей Рикардо. В чем же здесь дело? Можно ли утверждать на основании этих слов, что Маркс был вообще против соблюдения правил формально-логической последовательности в процессе построения выводов? Конечно, Маркс был вовсе не против соблюдения элементарных правил логики в процессе всякого рассуждения. Смысл упрека Маркса в том, что с помощью простейших логических правил Милль пытался решать сложнейшие проблемы, где нужны иные подходы, иные логические принципы.

Что же Маркс конкретно имеет в виду под этой «логической последовательностью?» Поясним это на таком примере. На производство вина (этот пример принадлежит Рикардо) требуется затрата определенного труда. Этот труд определяет стоимость вина. Но если затем вино будет лежать в погребе в течение определенного количества лет, то за это время к тому труду, который затрачен на его производство, не прибавляется никакой или почти никакой труд, тем не менее выдержанное вино продается по цене, превышающей действительные затраты труда. Получается полное несоответствие с законом стоимости, а с логической точки зрения вопиющая непоследовательность вывода. В форме силлогизма это выглядело бы так.

Большая посылка: цена товаров согласно закону стоимости определяется количеством общественно необходимого труда, затраченного на его производство.

Малая посылка: выдержанное вино есть товар.

Вывод: цена этого вина определяется количеством труда, необходимого для его производства.

Но вывод этот явно противоречил реальному положению вещей, ибо вино продается по цене, значительно превышающей его действительную стоимость.

Рикардо видел, что реальное положение противоречит логике, и он честно указывал, что не может преодолеть этого затруднения. Но он твердо стоял на позициях теории стоимости, видя в подобных фактах какое-то исключение. Д. Милль же поступал так: если факты противоречат логике, то тем хуже для фактов. Он пошел по пути, ведущему к отрицанию закона стоимости, лишь бы сохранить логическую последовательность выводов. И вот здесь-то и играет отрицательную роль отмеченное Марксом стремление Милля и других вульгар-

ных экономистов придать теории Рикардо характер формально логической последовательности. Эта «последовательность» состоит в том, что вывод чисто внешним образом, по правилам силлогизма, приводится в соответствие с исходными посылками. Рассуждение строится в плане формально логического заключения. Раз цены товаров по закону стоимости определяются трудом, затраченным на их производство, то этим определяется и цена такого товара, как выдержанное вино. Но так как это не согласуется с фактами, то Милль во имя мнимой последовательности чисто внешнего согласования закона стоимости с фактами заявляет, что время, в течение которого вино лежит в погребе, можно рассматривать как время, которое впитывает в себя труд. Таким образом, получалось, что время (не рабочее время, а время вообще) создает стоимость. Формально логическая последовательность привела к отрицанию закона стоимости. По этому же пути пошел и такой вульгаризатор политической экономии, как Мак-Куллох, который в еще большей мере разрушает научную теорию стоимости под тем же, как выражается Маркс, «видом ее усовершенствования до полной последовательности»[1].

В чем же конкретно здесь «вина» «формально логической последовательности»? Вернее было бы сказать, что это вина не формальной логики, а тех, кто, опираясь на ее ограниченные принципы, пытается объяснить сложные развивающиеся явления. Они не учитывали тех *неизбежных исторических изменений*, которые претерпевает каждое явление в различных условиях. Формальная логика отвлекается от этих изменений, она, так сказать, аналитически выводит из свойств, присущих всем явлениям данного класса, свойства отдельного элемента этого класса. Но в действительности, когда речь идет о сложных развивающихся явлениях, не может быть полного тождества общего и единичного, закона и явления, «всех» и «некоторых». Случай с вином представляет собой только особенно резкое выражение общего положения, при котором невозможно формально логически выводить из закона стоимости цены товаров. В условиях капитализма закон стоимости модифицируется, приобретает превращенную форму закона цен

[1] *К. Маркс*, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 133.

производства. Не только вино, но и другие товары продаются по ценам, не совпадающим с их стоимостью. Чтобы правильно вывести из закона стоимости *цены* товаров, необходимо их выводить не в порядке формально логической последовательности, а проанализировать конкретные условия капиталистического производства, свойственный ему механизм образования средней прибыли, который объясняет, почему неизбежны подобные расхождения стоимости и цены.

Можно привести еще один пример попытки при помощи формально логического силлогизма решить сложные вопросы. Г. В. Плеханов, исходя из посылки, что революция 1905 г. в России была по своему характеру буржуазно-демократической, а также из того положения, что движущей силой буржуазной революции является буржуазия (так было во всех прежних революциях), делал вывод: буржуазия — движущая сила русской революции. Отсюда затем он определял и тактику русских социал-демократов в революции.

И в данном случае налицо стремление к чисто формально логической последовательности. Плеханов делал свой вывод, минуя конкретный исторический анализ реальных фактов. Он не учитывал того, что русская буржуазная революция происходила в новых исторических условиях по сравнению с прежними буржуазными революциями и что эти новые условия не могли не видоизменить общие законы, характерные для буржуазных революций. Поэтому здесь нельзя непосредственно, прямолинейно умозаключать от общего к частному, как этого требуют принципы формально логической последовательности. Действительно, в прежних революциях буржуазия выступала в качестве одной из главных движущих сил, а в русской революции 1905 г. этого не случилось. Таким образом, возникло реальное противоречие, которое всецело объясняется новыми историческими условиями эпохи империализма. Его невозможно уложить в форму простого силлогизма и посредством него объяснить особенности русской революции. Здесь также требуется обращение к реальной исторической практике и из нее делать выводы, а не из чисто логического развития какого-то общего положения.

Именно за это критиковал Плеханова В. И. Ленин, показывая различие между принципами заключения

формальной и диалектической логики. «Выводить конкретное положение об определенной тактике в определенном случае, — писал Ленин, — об отношении к различным партиям буржуазной демократии из общей *фразы*, об «общем характере» революции, вместо того, чтобы этот «общий характер русской революции» выводить из точного разбора конкретных данных об интересах и положении различных классов в русской революции; — разве же это не подделка? разве это не явная насмешка над диалектическим материализмом Маркса?

Да — да, нет — нет, а что сверх того, то от лукавого! Либо буржуазная революция, либо социалистическая революция, а остальное можно «вывести» из основного «решения» посредством простых силлогизмов!»[1]

В. И. Ленин, давая пример не формально логического, а диалектико логического выведения заключения о характере первой русской революции, все внимание обратил на конкретный анализ *исторических особенностей* революции 1905 г. Он поставил вопрос об этой революции в конкретные исторические условия, исследовал, какое влияние они оказывают на ее характер, на ее движущие силы, а также на тактику социал-демократии в ней. Его выводы, таким образом, были сделаны в результате изучения такого явления, как русская буржуазная революция в *развитии, в изменении*, в результате *конкретного* изучения поведения разных классов в революции.

Нам могут возразить, что ошибка Плеханова состояла не в том, что он стремился к формально логической последовательности в построении вывода, а в том, что он исходил не из истинных посылок, вследствие чего пришел к неверному выводу. Ведь указывал же Энгельс, что если посылки истинны и если мы соблюдаем правила умозаключения, то и вывод будет истинным; если бы Плеханов исходил из той истинной посылки, что русская революция 1905 г. это своеобразная революция, то он пришел бы к правильному выводу о ее движущих силах, о тактике и т. п. Это возражение, на наш взгляд, лишено оснований. Плеханов в своих рассуждениях не допускал какой-либо элементарной логической ошибки, не нарушал правил построения силло-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 11, стр. 372.

гизма. Ошибка его, помимо неправильной политической концепции, состояла в том, что он ограничивался при анализе такого сложного и противоречивого явления как революция 1905 г. формальной логикой, тогда как к этому явлению необходимо было подойти с позиций диалектической логики. Он брал готовые посылки, которые обобщали опыт прежних революций. При построении вывода формальная логика оперирует готовыми посылками, готовыми понятиями и суждениями, она не исследует истинности этих посылок. Да ее средствами это и невозможно сделать. В самом деле, что означало установить истинность посылок в том умозаключении, из которого исходил Плеханов? Это означало исследовать и установить внутренне противоречивый характер революции 1905 г. Вот как В. И. Ленин определял ее характер и из чего он исходил после тщательного анализа конкретных фактов: «Революция в России не буржуазная, ибо буржуазия не принадлежит к движущим силам теперешнего революционного движения России. И революция в России не социалистическая, ибо она *никоим образом* не может привести пролетариат к *единственному* господству или диктатуре»[1]. Можно ли средствами формальной логики установить подобную посылку? Эту посылку можно было выработать лишь с позиции последовательного марксизма в результате сложного диалектического анализа конкретной обстановки, избегая малейшего шаблона, основанного на простой аналогии с прошлым.

Когда речь идет о получении выводов из суждений, в которых отражены развивающиеся и изменяющиеся явления, т. е. явления относительные, подвижные, гибкие по самой своей диалектической природе, то проблему умозаключения невозможно сводить к простому логическому *выведению* из посылок определенных следствий. Так что речь идет вовсе не о внесении каких-то поправок и улучшений в обычные, разработанные формальной логикой принципы заключения. В таких случаях выводы делаются в результате исследования конкретных фактов и обстоятельств, на основе подхода к явлениям как развивающимся. А вследствие этого здесь невозможно втиснуть принципы вывода в какую-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 11, стр. 372.

нибудь постоянную форму наподобие силлогизма. Это положение не следует понимать так, что диалектическая логика не признает силлогизма или другие формы умозаключения, с которыми имеет дело формальная логика, что она считает невозможным использовать их в своих целях. Но дело в том, что формы, в которых и посредством которых делается вывод о том или ином объекте, должны быть целиком подчинены конкретному анализу конкретного содержания явлений. *Формальное* заключение из посылок здесь имеет узкое и ограниченное значение. Возьмем еще такой пример. Анализ существенных особенностей эпохи империализма, опыт революции 1905 г. и Февральской революции 1917 г. в России показывают, что буржуазия не способна быть движущей силой в таких революциях. А что получилось бы, если бы мы попытались из этого тезиса формально логически выводить какие-то заключения в применении к буржуазным революциям, например, в колониях или полуколониях? Здесь опять-таки были бы неизбежны ошибки. Опыт этих революций показывает, что национальная буржуазия или во всяком случае какая-то часть национальной буржуазии принимает активное участие в подобных революциях, как это имело место в Китае, Индии, Египте и т. д. Более того, как показывает современный исторический опыт, даже в неколониальных странах нельзя отбрасывать или игнорировать возможность участия национальной буржуазии в демократической революции. Поэтому малейший шаблон в подходе к этим условиям может стать источником грубейших просчетов. Значит, и в данном случае истинный вывод может быть получен не путем простого выведения его из готовых посылок, а путем конкретного анализа с помощью общих теоретических принципов исторических фактов и обстоятельств, путем исследования исторического развития явлений. И в *таком* выведении заключений участвуют не только индукция и дедукция, а весь арсенал логических средств: анализ и синтез, восхождение от абстрактного к конкретному и др. Именно поэтому формы силлогизма или индуктивных умозаключений, правомерные и необходимые на своем месте и в определенных рамках, недостаточны для диалектического исследования и выражения вывода.

То, что было сказано о выводном знании на основе анализа конкретного материала из общественных наук, относится в принципе и к научному знанию о развитии и изменении природы. Естествознание исходит из признания качественной разнородности явлений, качественного различия законов природы при переходе от одних форм материального движения к другим. Законы науки, пригодные для объяснения одних явлений, непригодны для объяснения других явлений. Принципы и понятия естествознания, способы и приемы исследования становятся все более гибкими и подвижными. Поэтому и здесь главное направление познания заключается не столько в выведении из каких-то готовых посылок определенных заключений, сколько в конкретном исследовании новых фактов, новых областей явлений, с которыми сталкивается наука, и обобщение их в теории, выражающей их специфические законы. Кто-то из ученых заметил, что науку двигают вперед не факты, укладывающиеся в уже проверенные теории, а факты, *вступающие в противоречие* с ними и требующие новых обобщений, новых теорий. Такова особенность развития научного познания. На основе определенного исторического опыта и выработанных представлений наука создает синтетическую картину мира. Такой была, например, механистическая картина мира, созданная в XVII—XVIII вв. В дальнейшем при объяснении новых явлений, например света и др., попытки исходить из готовых посылок, созданных механикой, окончились неудачей и привели к новым теориям. Сложившееся на основе великих достижений механики представление о том, что из нескольких всеобщих принципов и посылок можно вывести заключения о всех сторонах природы, оказалось глубочайшим заблуждением. Все большую роль в науке стал играть эксперимент, опытное обоснование физических и прочих теорий. Так, в XIX в. наука создала новый синтез представлений о природе, существенно отличающийся от механистической картины мира прошлых веков. Основными устоями этого нового научного синтеза были электромагнитная теория, открытие закона сохранения и превращения энергии, теория о происхождении видов Дарвина и др.

С конца XIX в. началось новое великое движение науки, революция в естествознании, также вызванная

необходимостью объяснения новых фактов (электрон, радиоактивность и др.). Их нельзя было объяснить путем простого выведения из каких-то уже известных универсальных принципов. Это можно было сделать лишь конкретным изучением этих неведомых ранее конкретных явлений. Подобно тому, как невозможно было объяснить сущность и особенности русской революции 1905 г. с помощью формального выведения их из общих посылок, основанных на предыдущем историческом опыте, подобно этому и в новом естествознании нельзя было данные, например, теории относительности, квантовой механики вывести из принципов классической механики. Задача состояла в том, чтобы установить ограниченность тех принципов, из которых физика исходила при объяснении явлений на прошлом этапе, и создать новые, более точные исходные данные, которые могли помочь объяснить новый открывшийся перед человеческим взором мир природы.

Если обобщить все сказанное выше, то сущность и особенность выводного знания, заключения в диалектической логике можно было бы охарактеризовать следующими чертами:

1. Формальная логика изучает проблему вывода главным образом с точки зрения структуры и форм следования одних положений из других. Главная задача диалектической логики состоит в том, чтобы исследовать эту проблему с точки зрения того, как должен строиться вывод из изучения сложного содержания действительности, качественно чрезвычайно разнообразной и разнородной. Поэтому в формальной логике акцент делается на формальные требования заключения, в диалектической логике основной упор делается на наиболее *точное, адекватное отображение содержания явлений*. И хотя форма мысли и содержание, отражаемое в ней, связаны между собой, такое разделение подхода формальной и диалектической логики в вопросе о заключении, как и в других аспектах, вполне правомерно и необходимо.

Говоря о том, что формальная логика делает упор на форму следования одного положения из другого, мы не отрицаем, что эта форма извлечена из реальных связей и отношений между вещами, т. е. из содержания самих вещей. Но при этом формальная логика прежде всего стоит на страже точного соблюдения определен-

ных формальных правил, обеспечивающих логическую последовательность мысли, обязательность вывода. Она не интересуется тем, каковы по содержанию исходные посылки заключения. Можно выбрать любые посылки, но если они уже избраны, то необходимо соблюдать определенные правила логического следования одних мыслей из других.

Утверждая, что диалектическая логика переносит акцент на содержание заключения, мы должны учитывать, что содержание выражается в определенной логической форме и вне последней, вне известных логических способов и приемов оно не может быть выражено. Значит здесь нет разрыва или противопоставления формы и содержания. Но при этом диалектическая логика в отличие от формальной изучает проблему вывода с целью установления таких форм, приемов, способов, законов исследования, которые обеспечивают истинность отражения содержания рассматриваемых вещей.

2. Для диалектической логики, как логики содержательной, характерен также особый подход к этому содержанию. Последнее она рассматривает как содержание развивающееся, изменяющееся. Поэтому главным и решающим в обосновании выводов здесь служит способ исследования явлений в их возникновении, развитии и неизбежных качественных превращениях. Прийти к правильному, истинному выводу о вещах можно только тогда, когда мы проследим весь путь от их возникновения до неизбежного конца. Ничто другое не может быть столь эффективным средством обоснования истинности научных выводов и их доказательности.

Когда логические позитивисты заявляют, что «никаким образом нельзя заключать из существования какого-либо одного положения вещей о существовании другого, полностью отличного от первого»[1], то это объясняется тем, что они не признают причиной зависимости между последовательными «положениями вещей». Витгенштейн исходит из логики «атомарных фактов», согласно которой каждый отдельный факт существует в готовом виде и независимо от других фактов. С этой точки зрения мир представляется в виде суммы застывших, изолированных друг от друга вещей. При таком

[1] *Л. Витгенштейн*, Логико-философский трактат, стр. 63.

подходе действительно невозможно умозаключать от одного состояния вещей к другому, отличному от него.

В действительности же причинная зависимость существует, все вещи связаны между собой каузальной и множеством других форм связи и одни состояния их происходят из других. Сами объективные явления *«выводятся»* друг из друга в том смысле, что развитие вещей закономерно приводит к их новому состоянию, к качественному изменению и превращению. А если это так, то и логически правильное построение вывода в мысли требует прослеживать явления в их развитии и изменении. Это относится как к готовым вещам, так и к их возможному состоянию в будущем.

Что касается готовых вещей, то их качественное состояние нередко бывает настолько своеобразным, представляется разуму настолько вырванным из естественной связи с окружающими их явлениями, что мысль останавливается перед ними как перед неразрешимой загадкой. Разве не так, например, в прошлом подходила наука к вопросу о том, чем объясняется качественное разнообразие органических видов? Их первоначально также объявляли готовыми, раз навсегда данными, но затем этот взгляд был опровергнут и наука пришла к выводу о том, что их теперешнее состояние есть результат всего исторического развития органических форм. Этот вывод был построен на основе исследования их развития, изменения, качественных превращений из одного состояния в другое.

Без исторического подхода к явлениям не может быть науки о выводе по отношению к развивающимся вещам. Принцип историзма лежит в основе диалектического учения о выводе, во-первых, потому, что только анализ объективных явлений с точки зрения их развития и изменения дает возможность прийти к правильному выводу о их сущности, природе, о причинах их современного состояния; во-вторых, потому, что само заключение не есть нечто готовое, появляющееся сразу в неизменном виде. Заключения о вещах имеют свою историю, они развиваются от одних форм к другим, от заключений менее глубоких к заключениям более глубоким, от выводов, выражающих внешнюю сторону явлений, к выводам, отражающим их глубокую сущность. Теорию умозаключений Гегель справедливо строил на

основе движения от одних форм к другим, от простых к сложным, от таких форм, которые фиксируют «наличное бытие», внешнюю видимость вещей, к формам, выражающим сущность, необходимость вещей.

Второй аспект принципа историзма и его значение для учения о выводном знании требует специального исследования, и мы на нем не будем останавливаться. Но необходимо подробнее рассмотреть первый аспект. Как было уже сказано, вывод о сущности уже имеющихся, готовых вещей может быть научно обоснованным при условии подхода к ним как исторически возникшим, развившимся в их современное состояние из другого, отличного от этого состояния. Посмотрим, как, например, Маркс приходит к научно обоснованному выводу о *сущности денег*. Это была сложная задача, ибо деньги представляют собой настоящую загадку, так как кажется, что они по своей натуральной, физической природе обладают способностью обмениваться на любой товар.

Поставив задачу выяснить эту загадку, Маркс сразу разъясняет, каким путем, по какому «закону вывода» можно прийти к правильному заключению о сущности денег. «Нам предстоит здесь совершить то, — пишет Маркс, — чего буржуазная политическая экономия даже и не пыталась сделать, — именно показать происхождение этой денежной формы, т. е. проследить развитие выражения стоимости, заключающегося в стоимостном отношении товаров, от простейшего, едва заметного образа и вплоть до ослепительной денежной формы. *Вместе с тем исчезнет и загадочность денег*»[1].

Таким образом, Маркс считает, что исторический подход, анализ происхождения категории денег дает возможность сделать вывод о их сущности. Маркс, как известно, проделал эту работу, проследив историческое развитие форм стоимости, приведшее в процессе роста товарных отношений к выделению одного из товаров — золота — в качестве денежной формы, в которой находит свое выражение стоимость всех других товаров. В конце своего анализа Маркс делает вывод: «Золото лишь потому противостоит другим товарам как деньги, что оно раньше уже противостояло им как товар»[2].

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. I, стр. 54 (курсив мой. — *М. Р.*).
[2] Там же, стр. 76.

Этот вывод неопровержим, ибо он сделан из анализа развития, исторического становления соответствующих явлений. Заключение это получено не на основе формальных требований определенной схемы умозаключения, а благодаря исследованию самого содержания явления, в результате исторического подхода к этому содержанию. Единственным «формальным» требованием (если можно так выразиться) в данном случае является принцип исторического подхода к задаче выведения определенного заключения о сущности вещи.

Это же логическое требование имеет огромное значение для построения вывода о будущем состоянии вещей. Витгенштейн говорит, что «события будущего *не могут* выводиться из событий настоящего»[1]. Но если они не могут выводиться из настоящего, то из чего же они возникают? Они возникают из событий настоящего и в этом — объективная, независимая от сознания людей логика вещей. Подобно тому, как современное состояние «выведено» из прошлого состояния вещи, так и ее будущее «выводится» из настоящего. И в данном случае логика мышления в своем учении о выводе должна сообразоваться с этой объективной логикой вещей. Научный вывод Маркса о неизбежности гибели капиталистического способа производства имел своей *логической основой* исторический подход к капитализму, рассмотрение его в развитии не только по отношению к предыдущей формации, из которой он возник, но и по отношению к своему будущему.

Развитие явлений имеет свои причины, источники и движущие силы. Они заключены во внутренних противоречиях явления, борьбе противоположных сил и тенденций, свойственных ему. Анализ противоречий развития, их состояния в прошлом, настоящем и будущем также является важнейшим требованием диалектической логики при получении выводного знания. Поскольку противоречия есть источник, двигательная сила развития, то из анализа их современного состояния, тенденций их движения можно сделать выводы не только о настоящей сущности явления, но заключить в общих чертах о его будущем развитии, прийти к правильному заключению относительно того, к чему приведет раз-

[1] *Л. Витгенштейн,* Логико-философский трактат, стр. 64.

витие, развертывание противоречий. Именно так, путем анализа противоречий капитализма от их зародышевого состояния до того момента, когда они уже не могут уживаться в единстве, Маркс обосновывал свой вывод о неизбежной гибели капиталистического способа производства и замене его социалистическим строем.

3. Главной особенностью учения диалектической логики о выводном знании следует считать обращение к практике, к фактам при определении истинности выводов. Если диалектическая логика акцентирует свое внимание на содержании знаний, прослеживает, как выражается это содержание в соответствующей адекватной форме, то понятно, что без постоянного обращения к практике, к реальным фактам немыслимы истинные выводы о вещах. Это также необходимый принцип диалектического подхода к проблеме заключений.

При рассмотрении значения принципа историзма для построения вывода было сказано, что действительность не остается тождественной в разных исторических условиях, что она изменяется. Это требует от нашей мысли анализа тех конкретных условий, которые порождают соответствующие изменения действительности. Без изучения конкретных фактов, исторической практики достигнуть этого невозможно. Чисто формальный способ рассуждений не может здесь, как правило, быть основанием истинного вывода. В этом одно из важнейших отличий диалектической логики от формальной.

Формальная логика в своей основе преимущественно аналитична в том смысле, что то или иное положение она выводит из другого готового положения чисто логическим путем, без непосредственного обращения к фактам.

Из аналитического характера формальной логики вытекает и определенное решение вопроса о связи этой логики с опытом, с практикой. Конечно, надо отграничить наше понимание аналитичности этой логики от того, как ее понимают неопозитивисты. Говоря об аналитическом характере логики, Витгенштейн, например, пишет: «Логические предложения могут подтверждаться опытом не более, чем они могут опровергаться опытом. Предложение логики не только не должно опровергать-

ся никаким возможным опытом, но оно также не может им подтверждаться»[1].

Как видно, он противопоставляет логику человеческой практике, опыту. Но в действительности все обстоит наоборот: абстрактные логические формулы и принципы взяты в конечном счете из опыта и представляют собой его обобщение. Но после того, как в известных логических схемах закреплен и обобщен опыт, нет надобности постоянно обращаться к опыту, каждый раз подтверждать эти схемы опытом. Геометрия, например, выводя из известных аксиом целую цепь логически необходимых следствий, также не обращается каждый раз к практике. В этом смысле и формальная логика не ориентирует на необходимость установления непосредственной связи с практикой, с опытом. Здесь связь с практикой опосредствованная, не прямая. Это объясняется в значительной мере тем, что формальная логика имеет дело с относительно постоянными, неизменными данными. Но если в логику ввести принципы конкретного тождества, изменчивости, тогда сразу приобретает главное, первостепенное значение задача *непосредственной* связи логики с исторической практикой, с опытом. Здесь уже нельзя говорить об опосредствованной связи логики с практикой. Эта связь непосредственна. Невозможно установить изменение, развитие без непосредственного изучения конкретных фактов, обстоятельств в конкретных же условиях. Аналитическим путем, т. е. одними формальными рассуждениями, невозможно достигнуть данной цели. Такой характер рассуждений Плеханова относительно русской революции 1905 г., помимо его ошибочных политических позиций, привел его к грубым ошибкам, и именно этот характер рассуждений имел в виду В. И. Ленин, когда говорил, что нельзя выводить конкретные положения о революции из общих положений о ее характере без «точного разбора конкретных данных».

Или мог ли Маркс из истинного положения о том, что пролетариат должен завоевать политическую власть, чтобы создать новое общество, «аналитическим путем» сделать вывод о том, как поступить с буржуазной государственной машиной, какой конкретной формой заме-

[1] *Л. Витгенштейн,* Логико-философский трактат, стр. 86.

нить ее? Отвечая на этот вопрос, Ленин писал: «Не логические рассуждения, а действительное развитие событий, живой опыт 1848—1851 годов (а также опыт 1871 г.—*М. Р.*) привели к такой постановке задачи»[1].

Конечно, логики, не признающие иной необходимости, кроме логической, могут сказать о диалектической логике: «Хороша логика, которая требует и настаивает на том, чтобы избегать логических рассуждений; логика без логики — вот что такое ваша диалектическая логика». Мы на это ответим, что высшее назначение логики — указать человеческому мышлению путь к правильному отражению действительности, поэтому когда диалектическая логика говорит о недостаточности одних логических рассуждений при решении сложных вопросов науки и что правильный подход к ним возможен лишь при условии обращения к опыту и практике, то эти указания дают истинную логику исследования. Ибо она тем самым ориентирует и помогает мысли следовать за сложной логикой движения и развития самой действительности. Одни только логические рассуждения неизбежно приводят к конфликту с законами действительности.

Подчеркивая указанную особенность диалектической логики, нельзя, конечно, принижать значение и роль чисто аналитического выведения заключений. Науке известны многие примеры открытия этим путем великих истин. Диалектическая логика признает значение и данного способа, включая его в свой арсенал многообразных средств познания реального мира. Но этот способ ограничен, главный путь познания пролегает через выведение заключений о сущности вещей посредством постоянного обращения к практике, к опыту, связи теории с практикой, с новыми опытными данными.

На эту решающую особенность получения новых выводов указывают и те естествоиспытатели, которые не исходят сознательно из диалектического материализма. М. Борн, например, различая в вышеуказанном смысле аналитический и синтетический способы исследования, с особенной силой подчеркивает значение второго способа. Синтетическим же он считает такой способ, при котором выводы делаются из тщательного теоретиче-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 25, стр. 381.

ского изучения фактов, из соединения теории с фактами, экспериментами. Правда, при этом у него проскальзывает неправильная тенденция умаления значения общих философских, гносеологических принципов при движении к определенным научным выводам. Но основная мысль о связи теории с опытом, с экспериментом, несомненно, верна и ценна. «Новая теория, — пишет М. Борн, — является гигантским синтезом длинной цепи опытных результатов, а не самопроизвольного колебания мозга»[1].

4. Возникает вопрос: существуют ли помимо обычных форм умозаключений какие-то особые формы, в которых протекает сложный процесс выводного знания на основе принципов диалектической логики? Можно ли вообще выразить эти принципы в какой-то схеме умозаключения, как это имеет место в формальной логике?

Прежде всего следует подчеркнуть, что диалектическая логика не отрицает важной роли в процессе познания тех форм умозаключения, которые были выработаны всем предшествующим развитием человеческой мысли и которые обобщены формальной логикой: индуктивных, дедуктивных и других форм умозаключений. Более того, эти формы должны быть использованы с точки зрения диалектической логики, поскольку они отражают объективную связь единичного, особенного и общего, поскольку посредством этих форм мышление воспроизводит процесс реального опосредствования различных явлений. Примеры использования указанных форм умозаключения встречаются на каждом шагу и в обыденной жизни, и в науке, и в мышлении о простых связях и отношениях, и в мышлении о самых сложных процессах. Посредством этих форм мысль идет от известного к неизвестному и делает важные заключения о непознанных еще вещах.

Например, В. И. Ленин в произведении «Материализм и эмпириокритицизм» высказал мысль об изменчивости электрона, не имея еще для этого необходимых опытных данных. К этому выводу он пришел путем *умозаключения,* которое вполне укладывается в форму традиционного силлогизма. Ленин исходил из общего

---

[1] *М. Борн.* Эксперимент и теория в физике, «Успехи физических наук», т. LXVI, вып. 3, ноябрь 1958, стр. 360.

положения диалектического материализма о том, что материя неисчерпаема и что она находится в состоянии изменения. Так как недавно перед этим открытый электрон представлял собой частицу, вид материи, то Ленин распространил на него свойство, присущее всей материи, свойство разрушимости, неисчерпаемости, способности к превращениям. Конечно, подобный вывод можно было сделать только с позиций диалектической теории развития, только она давала для него необходимые основания. Но факт использования традиционного силлогизма не подлежит здесь сомнению.

Вместе с тем, как показал анализ ряда примеров, было бы неправильно считать, что эти формы умозаключений исчерпывают все богатство способов и приемов получения выводного знания. Современные достижения математической логики дали ряд новых форм и способов выводного знания, отличающихся от форм старой аристотелевской логики. Можно ли ограничиться одними обычными формами умозаключений тогда, когда перед логикой стоит совершенно новая задача: выразить в мыслительных формах развитие и изменение предметов, задача, которая не ставилась и не может ставиться формальной логикой? В этих случаях далеко не всегда можно использовать старые формы умозаключений, ибо сложное содержание, т. е. изменчивость, текучесть явлений, приходит в столкновение с этими формами, требует более гибких форм, способных отразить это содержание. При построении вывода и формальная и диалектическая логика оперируют единичным, особенным и общим, но первая видит только тождество этих сторон и моментов, вторая же делает упор на конкретности этого тождества, т. е. требует видеть не только тождество единичного и общего, но и противоречие, несовпадение между ними. Далее, формальная логика исходит при построении умозаключения из готовых общих посылок (например, при дедуктивных умозаключениях), но эти общие посылки есть нечто конкретное, исторически развивающееся. Их также необходимо проанализировать с точки зрения их истинности, выяснить, соответствуют ли они конкретным условиям.

При таком подходе формально логические схемы умозаключений не соответствуют потребностям познания, они становятся недостаточными, неспособными

выразить все связи и противоречия явлений. Поэтому новые выводы в таких случаях не дедуцируются из ранее установленных истин по правилам формальных схем, а выводятся из исследования конкретных явлений и процессов, изменчивого и беспрерывно обогащающегося опыта. При этом формы этих выводов очень многообразны, они определяются содержанием того конкретного материала, который исследуется.

После сказанного выше нетрудно дать ответ на вопрос о том, можно ли диалектические принципы выводного знания отлить в какие-то схемы умозаключений, подобно тем, какие имеются в формальной логике. Именно потому, что главная задача диалектической логики состоит не в формальном, чисто логическом выведении одних истин из других, подобные схемы, на наш взгляд, невозможны и ненужны. Единственное, что здесь требуется — это исследование тех логических принципов и законов познания, которые позволяют делать истинные выводы из анализа сложных процессов развития явлений, изменяющейся исторической практики людей, накапливающегося опыта самой науки. В. И. Ленин потому критиковал Плеханова за попытку вывести *конкретное* решение вопроса о характере первой русской революции посредством силлогизмов, что при помощи силлогизмов этого никак нельзя сделать.

Что же касается *логических* принципов и законов познания, которые позволяют делать научные выводы о сложных развивающихся явлениях, то они были указаны выше. Это — принцип историзма, тщательный анализ изменчивой практики, конкретный анализ конкретных фактов, это — исследование противоречий явлений и тенденций их развития, учет качественной специфики явлений и т. д. Это, собственно, все то, что мы определяем как принципы и законы диалектического мышления. Подобно тому, как без законов мышления, исследуемых формальной логикой, невозможно правильно строить умозаключения по устанавливаемым ею правилам, подобно этому законы диалектической логики служат руководящими принципами и основой характерного для нее подхода к проблеме вывода.

5. Вследствие указанных особенностей подхода диалектической логики к умозаключениям сам процесс вывода в диалектической логике происходит сложнее,

чем в формальной логике. Здесь нельзя указать какие-то постоянные, стандартные формы осуществления этого процесса. Ход этого процесса в силу указанных выше причин существенно отличается от процесса, типичного для формального выведения одних истин из других.

Проиллюстрируем это на примере одного из глубочайших научных выводов, сделанном XX съездом КПСС, выводе о том, что мировые войны сейчас не являются неизбежными, что в настоящее время возможно предотвратить новую мировую войну.

Совершенно очевидно, что этот вывод не являлся результатом *формального* заключения из каких-то готовых посылок. Напротив, если стать на путь формального умозаключения, то вывод должен быть прямо противоположным тому, который был сделан XX съездом партии. Ибо весь предшествующий опыт существования и развития капитализма свидетельствует об истинности положения о неизбежности войн в эту эпоху, что они вытекают из самого его существа, особенно на империалистической стадии капитализма. Следовательно, идя путем формально логических умозаключений, отправляясь либо от частных фактов возникновения мировых войн в эпоху империализма к общему выводу (индукция), либо от общего вывода о неизбежности войн заключать о частном случае на будущее время (дедукция), можно было бы прийти к прямо противоположному заключению.

Таким образом, формально логический способ умозаключений в данном случае привел бы нас к явно ошибочному выводу.

Как же можно представить процесс мышления, подводящий к истинному выводу? Несомненно, капитализм, особенно в его империалистической стадии, неразрывно связан с войной. Одна из существенных черт империализма — борьба за передел мира путем войн. Не подвергая сомнению эту истину, основанную на неопровержимых фактах, диалектическая логика требует подойти к ней конкретно исторически, т. е. с точки зрения современных исторических условий. Следовательно, началом процесса познания, который должен привести к определенному выводу, будет не готовая посылка, из которой затем по известным правилам будет произведено опре-

деленное заключение, а исследование того, не произошло ли каких-либо изменений, которые требуют нового подхода к вопросу о неизбежности войн в нашу эпоху. В этом вопросе формальный подход не поможет, тут необходимо обратиться к новым фактам, рассмотреть их и включить в процесс производства выводов. Таких новых фактов по крайней мере три: 1) хотя капитализм еще существует во многих странах и, стало быть, вместе с ним действуют и присущие ему закономерности, но он уже теперь не составляет *единственной* социальной системы, ибо наряду с ним возникла и развивается новая *мировая* система — социализм, который по своей социальной природе чужд захватническим войнам; 2) в колониях и полуколониях развернулось мощное национально-освободительное движение против империализма, ряд ранее колониальных стран завоевал независимость и решительно выступает против новой мировой войны; 3) в самих капиталистических странах против войны выступают широкие народные массы.

Решая вопрос о войне в настоящих условиях, необходимо исходить из этих фактов. Анализ их позволяет прийти к правильному выводу о том, что сейчас существуют такие мощные силы мира, которые способны обуздать силы войны, ограничить действие тех законов капитализма, которые стимулируют новую разрушительную войну. Вывод, сделанный из этого анализа, должен отразить глубокие противоречия современности, заключающиеся в борьбе между социализмом и капитализмом, в стремлении империализма при помощи войны остановить поступательное развитие социализма. В нем должно быть также отражено различие между возможностью предотвращения новой мировой войны и действительностью. Следовательно, вывод должен включать в себя и фактор активной практической борьбы сил мира против сил войны, вне которой возможность не может быть превращена в действительность.

Таким образом, процесс мышления ведет к истинному выводу сложными путями. Он, во-первых, критически проверяет существующие исходные данные, а не берет на веру в качестве готовых посылок; во-вторых, создавая свои исходные данные, он обращается к новым фактам, к конкретно историческому анализу, стремясь из него извлечь необходимые предпосылки для

научного подхода к рассматриваемому вопросу. Самые верные, но данные в абстрактной форме положения он конкретизирует соответственно новым условиям; в-третьих, он вскрывает противоречия изучаемого явления, прослеживая тенденции их развития, стремясь обосновать вывод посредством максимально возможного учета этих противоречий, поскольку именно в них заложена двигательная сила развития.

В разобранном выше примере мы имеем дело со специфической формой процесса мышления, направленного к достижению истинного вывода. Эту форму трудно выразить в какой-либо постоянной схеме.

6. По-новому в диалектической логике стоит и вопрос о критериях правильности построения заключения, вывода. Так как эта логика не стремится подчинить процесс вывода формальной схеме, а, наоборот, пытается сделать его максимально приспособленным к изменяющемуся и развивающемуся содержанию явлений, то главным критерием здесь служат уже не вопросы о том, тождествен или нет средний термин в обеих посылках, соблюдается или не соблюдается закон запрета противоречия и т. п. Конечно, всюду необходимо соблюдать элементарные принципы логического мышления. В любых диалектических заключениях нельзя подменять одни понятия другими, противоречить себе и т. п. Однако при соблюдении правил логического мышления в качестве основных критериев диалектически истинного построения вывода выступают уже другие вопросы: учитывается ли изменчивость явлений, а следовательно, и относительность понятий и суждений, которыми оперирует мышление, соблюден ли принцип конкретного анализа фактов, поставлено ли исследуемое явление в определенные исторические рамки и т. д. Вывод будет истинным лишь тогда, когда он будет построен соответственно этим критериям.

Все сказанное выше дает ответ и на вопрос о способах доказательства истинности заключений в диалектической логике. Нет необходимости разрабатывать какие-то особые способы доказательства, отличные от общих принципов диалектической логики. Последние указывают путь движения познания и вместе с этим они служат условием достижения максимальной доказательности в выводах. Если же говорить о специфиче-

ских для диалектической логики способах и приемах доказательства, то необходимо указать на два момента.

Во-первых, доказательными выводы и заключения могут быть лишь тогда, когда в формах мышления отражается историческое развития изучаемых явлений, когда эти формы соответствуют развитию объективной действительности. Понимание связи совпадения логического процесса познания с историческим развитием действительности, того, что логика мысли отражает логику развития вещей, дает надежнейшую гарантию доказательности выводов и способов их обоснования. Этот момент вытекает из всей сущности диалектической логики как учения о познании развивающейся, изменяющейся действительности, как учения о том, как в логике понятий, суждений, заключений выразить движение, развитие, изменение.

Например, почему мы считаем строго обоснованным, доказанным заключение Маркса о том, что деньги представляют собой форму стоимости, особый товар, в котором находит свое выражение стоимость всех остальных товаров? Потому, что Маркс рассмотрел данное явление в возникновении и развитии и его понятия, суждения, заключения об этом факте адекватны развивающемуся содержанию. Подобно тому как деньги суть результат исторического развития форм стоимости, «вывод» из истории развития самой действительности (товарного производства), подобно этому и положение о сущности денег у Маркса есть вывод из движения понятий о развивающихся формах стоимости. Логический вывод соответствует историческому «выводу» самого общественного процесса.

Когда В. И. Ленин в лекции «О государстве» обосновывал и доказывал вывод о том, что государство есть орган господства одного класса над другим, он шел тем же путем, применял те же способы аргументации. Он требовал «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [1].

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т 29, стр. 436.

И в данном случае логический вывод построен в строгом соответствии с «выводом» объективной логики исторического развития общества, ибо государство возникло в результате превращения родового бесклассового строя в классовый строй.

Во-вторых, доказательными с точки зрения диалектической логики выводы и заключения могут быть тогда, когда они опираются на практику, на человеческий опыт, понимаемый как взаимодействие человека с объективно существующей природой. Это условие доказательности тесно связано с первым, так как рассмотрение явлений в их изменении включает в себя учет исторически развивающейся практики человечества.

Энгельс указывал, что «доказательство необходимости заключается в человеческой деятельности, в эксперименте, в труде»[1]. В. И. Ленин не случайно, характеризуя диалектическую логику, назвал в числе ее основных особенностей и ту, что «вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку»[2].

Приведенные выше данные опровергают положение о том, что заключение якобы невозможно строить на основе текучих понятий, мыслей. Наоборот, все они свидетельствуют о том, что без гибкости понятий, суждений, без учета растущей человеческой практики и изменяющихся вследствие этого представлений о природе вещей нельзя ни правильно подходить к вопросу о сущности заключений, ни правильно строить процесс заключений о развивающихся явлениях. Поэтому учение о выводном знании, которое дано формальной логикой, есть лишь одна из сторон, частный случай более широкой и глубокой постановки этого вопроса в диалектической логике.

Роль и место индукции и дедукции в диалектической логике

Из всех форм выводного знания наиболее обстоятельную разработку в прошлом получили индукция и

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, стр. 182.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 32, стр. 72.

дедукция. Это объясняется их важным значением в процессе познания. Сущность индукции заключается в движении мысли от частного к общему, от меньшей степени общности к большей степени обобщения явлений. Дедукция же, наоборот, есть движение мысли от общего к частному, от знания общих свойств, присущих многим явлениям, к познанию свойств отдельных явлений. В обоих случаях смысл и сущность вывода состоит в движении от известного к неизвестному.

Как видно, индукция и дедукция представляют собой противоположности, противоположно направленные способы познания. Как это часто бывало в истории познания, то что в действительности составляет единство противоположных способов познания первоначально воспринималось как несовместимые методы познания, и каждый из этих моментов познания односторонне выдавался за целое. Опыт же развития науки показывает, что истиной является единство индукции и дедукции, последние, хотя и представляют собой противоположности, но такие, которые не могут существовать друг без друга. Однако, прежде чем эта истина обнаруживается, проходит длительное время, в течение которого одни ученые считают истинным один момент познания, другие — противоположный момент. Например, Аристотель разработал дедуктивную форму умозаключения, Бэкон, напротив, истинной считал индуктивную теорию выводного знания. Одностороннее подчеркивание роли дедукции и индукции у этих великих мыслителей имело свое историческое оправдание. В силу известных исторических условий во времена Аристотеля опытное знание не могло еще получить широкого развития и его место заполняли натурфилософские догадки. Напротив, в новое время, когда выступил со своей теорией Бэкон, задача опытного обоснования знаний, обращение непосредственно к природе, поиски истины в анализе самих явлений природы выдвинулись на первый план.

В дальнейшем в истории логики и шире — в философии — шла борьба между сторонниками дедуктивного и индуктивного методов познания. В основе этой борьбы лежит вопрос о понимании природы общего, о взаимоотношении общего и единичного, их связи и взаимодействии. Например, Дж. Ст. Милль, один из видных представителей индуктивной логики, внесший полезный вклад

в разработку этой теории, был ярым противником дедукции. Единственно верным и плодотворным способом заключения он считал индукцию. В чем же на его взгляд слабость дедукции? В том, что большая посылка силлогизма, т. е. дедуктивного вывода — внеопытного происхождения, такого же происхождения и понятие об общем. Но сам он это общее трактует в номиналистском духе, обесценивая тем самым его значение. Общее для него есть простая сумма частных фактов. Отрицая существование общего в той форме, в которой признали его средневековые реалисты, он сводит последнее к простой операции сложения всего знания о частных фактах. «Общие истины, — пишет он, — представляют собою только совокупность частных»[1]. Поэтому умозаключение может делаться только от частного к частному. Если бы у человека была обширная память, то, по мнению Милля, не было бы никакой нужды в общих предложениях, ибо они не что иное, как форма сокращения многих частных суждений.

Главный довод против дедукции у Милля сводится к тому, что общее положение не только не может доказывать частного случая, но и само не может считаться истинным, «пока доказательством aliunde (из другого источника. — *М. Р.*) не рассеяна всякая тень сомнения относительно каждого частного случая данного рода»[2]. Он, несомненно, прав, когда утверждает, что общее не висит в воздухе, что оно само должно быть выведено из чего-то и подтверждено, без этого оно неспособно доказывать истинность частного случая. Иначе говоря, общее не может быть абсолютно первичным по отношению к частному. Поэтому он и признает одну лишь индукцию, которая основывается на наблюдении и от него идет к неизвестному, от частных фактов к какому-то общему выводу относительно неизвестных явлений этого класса. Но то, что выдвигают индуктивисты против дедукции, можно повернуть и против индукции. Из того обстоятельства, что на основе ряда наблюдаемых фактов можно сделать общий вывод и распространить его на еще ненаблюдавшиеся факты, не следует, что во

[1] *Дж. Ст. Милль*, Система логики силлогистической и индуктивной, стр. 167.

[2] Там же, стр. 165.

всех случаях это будет именно так и что сделанный индуктивным путем вывод будет подтвержден. Любой неизвестный ранее факт может опрокинуть заключение, построенное путем индукции. Поэтому, чтобы общее заключение о частных фактах, сделанное на основании наблюдения последних, было прочным, требуется дополнение индукции дедукцией. Иначе говоря, частное, единичное столь же мало может считаться абсолютно первичным по отношению к общему, как и общее по отношению к частному. Существо ошибочного противопоставления индукции дедукции состоит в конце концов в том, что общее или частное рассматриваются как *абсолютно первичное* друг по отношению к другу. Но этого нет в действительности.

Конечно, при рассмотрении вопроса о *происхождении* той и другой формы знания необходимо признать, что мы сначала познаем единичное, частное, а затем путем обобщения единичного приходим к знанию общего. Формула диалектического материализма: от живого созерцания к абстрактному мышлению и выражает эту закономерность познания. Пока мы находимся в рамках вопроса о том, может ли знание общего не основываться в конечном счете на живом созерцании единичного, частного, мы принуждены считать последнее первичным, а знание общего — вторичным. Однако, за границами этого вопроса они находятся в состоянии постоянного взаимодействия, так что не может быть индукции без дедукции и наоборот.

Милль, например, это сам чувствует. Он указывает, что для правильности всех индуктивных умозаключений требуется признание «принципа единообразия порядка природы». Но что такое этот принцип? Это и есть знание общего, при этом такого общего, которое выступает не в качестве простой совокупности частных фактов, а *закона* этих последних. Таким законом Милль считает, например, закон причинности. Вполне понятно, почему индуктивист *должен* в конце концов апеллировать к необходимости такого общего. Ибо если не будет «единообразия порядка природы», то как можно утверждать, что свеча, которая сейчас жжет, будет производить то же действие и завтра и через тысячу лет. Значит, чтобы индуктивное умозаключение об этом свойстве горящей свечи, полученное на осно-

вании наблюдаемых фактов, было истинным и по отношению к ненаблюдаемым еще случаям, оно должно быть дополнено общим положением: горящая свеча всегда жжет. А это уже есть исходная посылка той самой дедукции, которую Милль отрицает. Общее положение об «единообразии порядка природы» он называет «большой посылкой» всех индуктивных умозаключений [1].

Таким образом, неумение понять диалектическое взаимоотношение общего и единичного приводит к противопоставлению индукции и дедукции, к разрыву этих взаимосвязанных противоположностей.

Эта же причина лежит в основе ошибочного решения данного вопроса современными идеалистами. Рассел, например, различает познание фактов и познание общей связи между ними. Первый вид познания состоит в восприятии явлений и есть невыводное знание. Второй основан на психологической привычке, — это выводное знание. Обобщение есть вера в то, что за событием *A* последует *B*, что так было, так будет и впредь. В этом смысле обобщение имеет индуктивную природу. Для Рассела вся проблема сводится к тому, что выводное знание, общие предложения основываются на невыводном знании и в то же время последние не дают прочных оснований для выводного знания, для обобщений. С одной стороны, он видит связь между ними, а с другой стороны, понимает всю ограниченность индукции как фундамента для обобщений. Таким образом, эта диалектически противоречивая задача принимает у него вид проблемы квадратуры круга. Так как индукция через перечисление не может быть полной и вероятность достоверного обобщения вследствие этого очень сомнительна, то она сама нуждается в какой-то подпорке, благодаря которой она способна была бы достигать ступени «конечной вероятности», т. е. наиболее приближающейся к достоверному знанию. «Если, — пишет Рассел, — мы сможем найти принцип, обеспечивающий такую конечную вероятность для данного обобщения, тогда мы будем иметь право использовать индукцию для того, чтобы делать обобщение вероятным.

---

[1] См. *Дж. Ст. Милль*, Система логики силлогистической и индуктивной, стр. 279.

Но при отсутствии такого принципа индукции не могут считаться делающими обобщения вероятными»[1].

Каковы же те общие положения, или, как выражается Рассел, постулаты, служащие основаниями индукции? Они якобы вытекают не из индукции и вообще не из опыта, а имеют дедуктивную природу. Эти постулаты должны делать обобщения вероятными еще до свидетельства в пользу этих обобщений. Одним из таких постулатов является причинность, постулат «причинных линий». Знание причинных связей явлений, говорит Рассел, делает индуктивные обобщения более или менее вероятными, правдоподобными. Но откуда берется знание причинных связей явлений? И снова и снова неумение диалектически подойти к связи единичного и общего толкает идеалистическую логику к единственному убежищу, в котором она находит видимость удовлетворения, — к идее об априорности, т. е. внеопытном происхождении общих принципов. Опытное индуктивное знание должно опираться на внеопытные и неизвестно откуда взявшиеся общие принципы. По существу Рассел вращается в заколдованном кругу: выводное знание для получения хотя бы вероятной достоверности должно иметь своим основанием то, что само не является выводом из чего-то, что невозможно вывести из мира реальных вещей.

Общий подход Рассела к вопросу о соотношении индукции и дедукции очень напоминает постановку этой проблемы у Милля, последний только не относил причинность к внеопытной сфере и считал вполне возможным вывести ее путем индукции. Так, в работах, написанных более чем столетие спустя после работ Милля, мы сталкиваемся с одним и тем же противопоставлением индукции и дедукции как двух несвязанных между собой способов познания, с одними и теми же источниками ошибок.

Правильное решение вопроса о сущности индукции и дедукции и их роли и месте в процессе познания возможно лишь при учете их диалектического единства и взаимосвязи. Выше уже было указано, что они суть противоположные способы познания, взаимно дополняющие и предполагающие друг друга. Каждый из них

---

[1] *Б. Рассел,* Человеческое познание. Его сфера и границы, стр. 471.

имеет свою границу, за пределами которой познание нуждается в дополнении другим способом, и вместе с тем оба они не исчерпывают всех форм выводного знания. Каждому способу присущи свои положительные и отрицательные стороны, в силу чего они не могут существовать самостоятельно и только в единстве друг с другом они находят источник реализации своих возможностей познания. Рассмотрим теперь эти способы.

Индукция. Разработка Бэконом индуктивных методов познания, обобщения ознаменовала собой начало новой эры в развитии науки — эры опытного обоснования сущности природы. Нельзя сказать, что в истории философии до этого полностью игнорировалось значение познания путем движения мысли от частного к общему. Аристотель, например, знал этот способ познания, но в силу исторических обстоятельств он односторонне подчеркивал роль дедукции. Огромное значение индукции состоит в том, что она акцентирует внимание на наблюдении и изучении отдельных явлений, фактов. Обобщение основывается на этом изучении отдельного и возможно лишь в результате движения мысли от единичного к общему. Это неизбежный объективный закон познания, и всякая попытка обойти его ведет к идеализму. Уже из этого видна связь, единство индукции и дедукции. Последняя немыслима без первой, ибо общее положение, служащее исходным моментом дедукции, есть результат индукции. Дедукция начинается там, где заканчивается работа индукции. Когда некоторые логики, игнорирующие индукцию, заявляют, что общие законы, которыми оперирует, например, логика, независимы от индукции, от опытного знания, что это — законы, найденные умозрительным путем, то они исходят из чисто идеалистического понимания сущности общего, закона. Э. Гуссерль, например, заявлял, что умозрительно познанные закономерности независимы «от каких бы то ни было фактов как в своем содержании, так и в своем обосновании» [1].

В действительности ни одна наука не обходится без использования познавательных возможностей индукции. Даже математика — наука преимущественно дедуктивная — строилась и развивалась при помощи таких спо-

[1] *Э. Гуссерль,* Логические исследования, СПб., 1909, стр. 62.

собов, которые использовали индукцию, иначе пришлось бы признать ее аксиомы и принципы априорными.

Однако индукция имеет ряд существенных недостатков, без учета которых невозможно понять необходимость ее перехода в свою противоположность — в дедукцию:

а) Полученные индуктивным путем выводы, обобщения проблематичны. Ее выводы не проблематичны лишь тогда, когда обобщение охватывает *все* явления данного класса или рода. Но, как правило, научное познание имеет дело с такими явлениями, количество которых неограниченно велико, вследствие чего охватить их все немыслимо. Индуктивное обобщение, основанное на наблюдении нескольких или даже многих единичных фактов, может привести и к ложному выводу. Открытие какого-нибудь нового явления, противоречащего по некоторым своим свойствам остальным явлениям этого же класса, может опрокинуть сделанное ранее обобщение. Следовательно, индукция, играющая важную роль в получении научных обобщений, не может быть признана *единственным* способом, а лишь одним из многих способов и путей, ведущих к этому результату.

б) Абсолютизация индукции как способа обобщения и выводного знания ведет к эмпиризму, к нагромождению фактов по принципу «дурной бесконечности». Так как все факты и явления, на основании которых необходимо сделать общий вывод, невозможно ни перечислить, ни изучить, то абсолютизация индукции приводит к страху перед обобщениями, к боязни делать их под тем предлогом, что «не все явления еще изучены». Под этим предлогом в прошлом нередко скрывалась ненависть ко всяким законам, к смелым научным обобщениям. Конечно, сама индукция как способ познания неповинна в этом, но в ней заложена возможность такого подхода.

Бэкон в свое время призывал к открытию лишь «средних истин», стремясь удержать мысль от чрезмерных, не связанных с опытом, обобщений. Бэкон был прав по отношению к схоластическим обобщениям, производившимся чисто умозрительным путем. Выпячивание индуктивного метода служило этой цели. Для развития науки характерно то, что с прогрессом знаний растет потребность во все более широких обоб-

щениях, связывающих воедино законы объективного мира. Целью науки становятся уже не «средние», а наиболее обобщающие истины, но их-то уже нельзя получить при помощи одной индукции.

в) Индукция не способна рассматривать явления в развитии. Энгельс указывал, что относительные понятия, т. е. понятия, отражающие развивающиеся и изменяющиеся явления, не поддаются индукции. Посредством индуктивных умозаключений можно получить вывод об общем, содержащемся в явлениях *а, в, с* и т. д., но дело в том, что каждое отдельное явление может иметь такие специфические особенности, которые являются зародышем чего-то нового, что не укладывается в понятие данного класса. Иначе говоря, индукция обобщает тождественное в вещах, но не их внутренние различия и противоречия, служащие источником развития. Одна индукция может привести к заблуждениям там, где особенно важную роль играет принцип развития, изменения, необходимость учета исторической изменчивости условий, в которых существуют и с которыми связаны явления.

Дедукция. Отмеченные выше ограниченности индукции свидетельствуют о том, что она должна быть дополнена другим, противоположным ей направлением движения мысли. Ограниченность индукции состоит в том, что посредством одной индукции невозможно понять значение общего в познании явлений. Следовательно, наряду с ней должен существовать такой способ познания, который акцентирует внимание на общем и показывает, как, идя от общего, мы познаем частное. Эту функцию выполняет дедукция.

Роль дедукции в познании была вскрыта еще на ранней ступени развития философской мысли, задолго до того, как был обоснован индуктивный метод умозаключений. То, что было сделано в этом отношении Аристотелем, не утратило своей ценности и до настоящего времени. В его «Аналитиках» дан изумительно тонкий и глубокий анализ значения общего для познания.

Аристотель выделяет три момента, имеющих важное значение и свидетельствующих о преимуществе доказательства, идущего от общего к частному, перед противоположным путем.

1) «Тот, кто знает общее, — указывает он, — лучше знает [нечто] как присущее, чем тот, кто [знает] частное». Этот тезис он обосновывает тем, что в общем содержится больше непреходящего, чем в частном, которое менее устойчиво, подвержено случайностям и т. д.

2) Общее в большей мере отражает причину, чем частное, «оно в большей мере [касается] причины и того, почему есть [данная вещь]». Эта мысль Аристотеля чрезвычайно глубока, ибо знание вещей невозможно без знания их причины, закона, а это достигается путем обобщения.

3) «Чем более частным [что-то] является, — говорит далее Аристотель, — тем более оно подходит к бесконечному, тогда как [доказательством] общего [достигается] простое и предел»[1]. В этих словах Аристотель отмечает одну из ограниченностей индукции, заключающейся в том, что она не устанавливает «предела» в изучении отдельных явлений, в то время как в общем достигается этот предел, выражается сущность вещей, уже не зависящая от того, основана ли она на изучении ста или тысячи отдельных вещей.

Эти положения характеризуют действительно то существенное, что свойственно общему в познании. Поскольку общее, точнее, существенно общее, выражает *закон* явлений, постольку без знания общего и движения мысли от более общего к менее общему не может быть познания.

Дедукция, таким образом, восполняет те пробелы, которые отмечались при характеристике индукции: проблематичность, отсутствие предела в изучении частного и т. п. Однако и дедукция также имеет свои недостатки, которые необходимо учитывать, чтобы не возводить ее в абсолют.

а) Прежде всего ее нельзя считать абсолютным способом выводного знания уже потому, что тот исходный момент, от которого она начинает свое движение — знание общего само нуждается в обосновании и есть результат каких-то других способов познания, в том числе и индуктивного. Следовательно, своими истоками дедукция упирается в то, что не есть дедукция.

---

[1] *Аристотель*, Аналитики первая и вторая, стр. 232, 233, 234.

б) Сила дедукции состоит в движении мысли от общего к частному, но это определяет вместе с тем и известную ее слабость: дедукция допускает возможность прямолинейного, непосредственного выведения отдельного, частного из общего. Исходной посылкой дедуктивного умозаключения является абстракция, фиксирующая тождественное в многообразии отдельных вещей. Стремление вывести *непосредственно* из абстракции конкретные свойства единичного явления в тех случаях, когда исследуются сложные, опосредствованные многими связями явления, не может увенчаться успехом. Только учет многочисленных связей, опосредствующих данное явление и обусловливающих тот факт, что общее и единичное непосредственно *не тождественны,* может привести к истинному познанию явлений. Даже если мы будем исходить из диалектического понимания природы общего как единства противоположностей, т. е. единства общего и единичного, то это само по себе еще не обеспечивает истинного результата, поскольку в общем эти различия существуют в слитном виде и их нужно обнаружить путем тщательного, конкретного анализа. Дедукция сама не может решить этой задачи, требуется ряд других способов и приемов познания (анализ и синтез, восхождение от абстрактного к конкретному и т. п.), чтобы указанная цель была достигнута.

Из краткого рассмотрения роли и значения индукции и дедукции вытекает ряд выводов относительно их места в диалектической логике. Прежде всего следует указать на существование неправильного мнения по этому вопросу. Согласно этому мнению исследование проблемы индукции и дедукции есть специфическая задача формальной, а не диалектической логики. Некоторые логики считают совершенно излишней саму попытку истолковать эти приемы и способы мышления в духе диалектического материализма и включить их в арсенал марксистской логики. При этом они отрицают тот факт, что Маркс в «Капитале» использовал индукцию и дедукцию при анализе капиталистического способа производства [1].

---

[1] См. *А. А. Зиновьев,* О разработке диалектики как логики, «Вопросы философии» № 4, 1957, стр. 188—190.

Подобный взгляд неправилен уже потому, что сами творцы диалектической логики были иного мнения на этот счет. Основоположники марксизма не выбрасывали индукцию и дедукцию из диалектической логики. Энгельс резко критиковал «всеиндуктивистов» за то, что они рассматривали индукцию как единственно непогрешимый метод, за абсолютизацию индукции. За это же он подвергал критике и чистых «дедуктивистов». Собственное же понимание этого вопроса Энгельс выразил в следующих словах: «Вместо того, чтобы односторонне превозносить одну из них до небес за счет другой, надо стараться применять каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если не упустить из виду их связь между собою, их взаимное дополнение друг друга» [1].

В. И. Ленин, говоря о методе и способах исследования, примененных в «Капитале», включает сюда и индукцию и дедукцию [2]. Да это и невозможно отрицать по существу, если проанализировать метод исследования в «Капитале» с данной точки зрения. Было бы неправильно не рассматривать вопрос о индукции и дедукции в диалектической логике на том только основании, что им занимается формальная логика. При таком подходе диалектическая логика не должна исследовать и проблему понятий. Конечно, в диалектической логике разрабатывается ряд специфических способов познания, которые не изучает формальная логика. Но это не исключает того, что она исследует и некоторые общие с традиционной логикой формы и способы человеческого мышления, только исследует их с точки зрения своих задач, под другим углом зрения. Это целиком относится и к вопросу об индукции и дедукции. Характерной особенностью подхода диалектической логики к этим способам познания является, во-первых, то, что последняя преодолевает разрыв между индукцией и дедукцией, который был свойственен старой логике и который до сих пор не изжит в работах некоторых современных логиков, считающих единственно возможной лишь дедуктивную форму познания. Этот односторонний подход основан на абсолютизации методов математической

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, стр. 181.
[2] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 38, стр. 136.

логики, хотя по существу и в этой последней дедукция предполагает предварительную работу индукции и других способов обобщения.

Недооценка индукции многими логическими позитивистами обусловлена идеалистическим отрицанием того факта, что обобщение опыта дает знание закона явлений. Как мы уже показали на примере Рассела, опыт, с их точки зрения, может породить в человеке лишь веру, психологическую привычку верить в то, что за событием *A* последует событие *B*. Подобная оценка индукции характерна и для Витгенштейна. «Процесс индукции состоит в том, — писал он, — что мы принимаем *простейший* закон, согласующийся с нашим опытом... Но этот процесс имеет не логическое, а только психологическое основание» [1]. Марксизм признает ценность индукции как одного из способов познания на том основании, что в самой реальной действительности существуют законы, которые проявляются в отдельных явлениях, вследствие чего изучение последних приводит к правильным обобщениям. Поэтому процесс индукции имеет не психологическое, а *логическое* основание, т. е. он есть отражение объективной логики вещей. Таково же с точки зрения марксизма логическое основание дедукции: ее корни не в чистой «логической необходимости», не в логике знаков, символов, языка, и т. п., а в объективных законах природы, отражаемых в процессе дедукции. Роль индукции и дедукции в познании объясняется объективной связью единичного и общего в самой действительности, переходами этих противоположностей друг в друга. Но именно в силу того, что они противоположности, они невозможны одна без другой, они «единство противоположностей».

Во-вторых, индукция и дедукция не исчерпывают всего богатства форм умозаключения, способов познания. Как было сказано, каждой из этих форм свойственны такие недостатки, которые ясно указывают на их ограниченное значение, на то, что процесс обобщения, выводного знания требует ряда других форм и способов. Такими способами познания являются анализ и синтез, движение мысли от конкретного к абстрактному и наоборот и т. д. Не будучи формами

---

[1] *Л. Витгенштейн*, Логико-философский трактат, стр. 93.

умозаключения в обычном смысле этого слова, они играют огромную роль в познании вообще, в получении истинных выводов в частности. Иначе говоря, *все* богатство логических средств и способов познания участвует в производстве научных заключений, *в том числе* индукция и дедукция. В этом смысле Энгельс, например, противопоставлял индукцию и анализ. На примере изучения паровой машины он показывает, что не индукция, а *анализ* ее действия, отвлечение от побочных влияний, заслоняющих основной процесс, изучение ее в чистом виде привели к известным теоретическим результатам и что 100 тыс. паровых машин доказывали эти результаты не более убедительно, чем одна машина [1]. Анализ — это уже особый, специфический способ исследования, с помощью которого раскрывается сущность вещей (о чем будет речь в следующей главе). Когда Эйнштейн указывает, что нет никакого индуктивного метода, который вел бы к фундаментальным понятиям и принципам современной науки, то он, собственно, имеет в виду ту же мысль о сложности и неисчерпаемости способов познания. Как уже было сказано, он придает большое значение творческой фантазии, которая, опираясь на исходные математические аксиомы, ищет обобщающих теорий, способных объяснить факты. При этом он не уставал подчеркивать, что опыт, опытные данные остаются и в этом случае верховным и «всемогущим судьей» теории [2]. Особенность современной науки о природе, однако, состоит в том, что приговор опыта, практики возможен лишь на основе «трудной работы мысли», которая позволяет перекинуть мост между теоретическими аксиомами и опытными данными.

Если взять область общественных явлений, то увидим, что Маркс установил законы капиталистического способа производства также не путем индукции; он не взял для исследования много капиталистических стран, для того чтобы на основании их изучения вывести ка-

---

[1] *См. Ф. Энгельс,* Диалектика природы, стр. 181.

[2] См. *A. Einstein,* Mein Weltbild, S. 239. Следует отметить, что Эйнштейн ошибочно полагал, что задача науки состоит в том, чтобы чисто умственным путем обнаружить какие-то основополагающие теоретические принципы, из которых затем нужно с помощью дедукции объяснить и вывести соответствующие опытные факты и данные.

кие-то общие заключения. Как он сам указывает, объектом его изучения были законы капиталистического способа производства. Эти законы Маркс исследовал преимущественно на примере *одной* Англии, наиболее развитой в то время капиталистической страны. И тем не менее он сделал выводы относительно капитализма *вообще;* это удалось ему потому, что благодаря анализу сущности капитализма, его места в истории общества, качественного своеобразия, развития присущих ему противоречий и т. д., он вскрыл его законы. Для Маркса было не столь важно, существовал ли уже капитализм в ряде стран и как его законы проявляются в этих странах. «Существенны, — указывал он, — сами эти законы, сами эти тенденции, действующие и осуществляющиеся с железной необходимостью»[1]. Путем одной индукции или дедукции невозможно было открыть эти законы, но при оценке значения этих законов для других стран известную роль они сыграли. На примере одной страны Маркс вывел законы капитализма, касающиеся всех других стран, развивающихся по этому пути. Поэтому в предисловии к I тому «Капитала» он мог сказать, адресуясь к немецкому читателю, который стал бы доказывать, что в Германии-де условия отличаются от Англии и что законы капитализма на нее не распространяются: «О тебе эта история рассказывается».

В ходе исследования отдельных сторон капиталистического способа производства Маркс также использует индукцию, делает общие выводы при помощи наблюдений отдельных фактов. Так, например, приступая к изучению процесса превращения денег в капитал, Маркс указывает, что исходным пунктом движения капитала являются деньги. Так было исторически, так должно быть и логически. Чтобы в этом убедиться, указывает он, нет надобности обращаться к истории. «История эта ежедневно разыгрывается на наших глазах. Каждый новый капитал при своем первом появлении на сцене, т. е. на товарном, рабочем или денежном рынке, неизменно является в виде денег, — денег, которые путем определенных процессов должны превратиться в капитал»[2]. Таким образом, общий вывод он

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 4.
[2] Там же, стр. 153.

делает на основании частных фактов, т. е. индуктивным способом. Но когда, установив этот простой факт, Маркс обращается к исследованию вопроса, каким образом деньги превращаются в капитал, то он делает это не путем индукции, которая не может решить этой задачи, а с помощью глубокого теоретического анализа сущности этого процесса. Решающую роль здесь играют другие способы исследования. Определив общую формулу капитала, Маркс сопоставляет ее с формулой простого товарного обращения, вскрывает и общность и различие между ними, расчленяет процесс кругооборота капитала на его отдельные стадии, изучает каждую стадию отдельно (Д—Т и Т—Д). Весь этот процесс он берет в чистом виде, абстрагируясь от всех усложняющих моментов. Маркс обнаруживает глубокую противоречивость этого процесса, заключающуюся в том, что капиталист должен купить товары по их стоимости, продать их по стоимости и тем не менее извлечь из этого процесса эквивалентного обмена стоимость бóльшую, чем он авансировал. Вывод, который Маркс сделал из своего исследования о прибавочной стоимости как источнике самовозрастания капитала, явился результатом всего этого движения познания, в котором главную роль играла не индукция. Нельзя сказать этого в данном случае и о дедукции, поскольку Маркс не отправлялся от уже готового общего результата, а лишь исследовал его.

Наконец, в-третьих, индукция и дедукция, применяемые в диалектической логике, используются с учетом развития и изменения исследуемых процессов. Это можно показать на примере дедукции. В «Капитале» Маркс использует дедукцию как форму исследования тогда, когда он из общего положения (закона) о том, что все виды капиталистической прибыли имеют своим источником прибавочную стоимость, выводит, «дедуцирует» соответствующие положения, касающиеся отдельных видов прибыли (процента, ренты, торговой прибыли). Нельзя согласиться с тем мнением, что переход от прибавочной стоимости вообще к отдельным ее разновидностям регулируется не принципами дедукции, а особыми принципами, определяющими порядок анализа сложной системы связей. Конечно, Маркс использует ряд логических способов и средств исследования

этого вопроса, как например, восхождение мысли от абстрактного (прибавочная стоимость вообще) к конкретному (различные ее конкретные проявления), синтез как способ соединения абстрактного и конкретного, тождества и различия, общего и единичного и т. д. Но нельзя исключать из числа этих способов и дедукцию, а тем более противопоставлять эти способы дедукции как форме, находящейся за пределами диалектической логики. Дедукция есть также один из способов «анатомирования» связей между явлениями. Разве когда мысль движется от общего к частному, то это не включает в себя и момент дедукции, т. е. логическую операцию, помогающую установить связь между общим и единичным? Конечно, нельзя сложный процесс обобщения сводить только к этой операции. В диалектической логике это движение к общему значительно сложнее, чем в формальной логике. Здесь оно опосредовано рядом других моментов, особенно тем обстоятельством, что общее, особенное и единичное рассматриваются не как абстрактное тождество, а как тождество противоположностей, что исследуемые явления берутся в развитии и изменении. Как было уже сказано, предшественники Маркса пытались непосредственно дедуцировать из общего положения о стоимости все сложные явления капиталистической действительности. Маркс также шел в этом вопросе от общего к единичному, от абстрактного к конкретному, но он подчинял процесс дедукции диалектической теории развития, сочетал ее со способом исторического рассмотрения явлений, с диалектическим синтезом общего и частного. Его дедукция — это не способ формального выведения частного факта из общего, а *развитие* из общего (закона) частных его проявлений в соответствии с историческим развитием самой действительности. Такой способ «дедуцирования» находит свое глубокое воплощение при помощи таких логических средств как анализ и синтез, восхождение от абстрактного к конкретному, к рассмотрению которых мы сейчас переходим.

ГЛАВА VIII

АНАЛИТИЧЕСКИЙ И СИНТЕТИЧЕСКИЙ СПОСОБЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Таким образом, индукция и дедукция занимают определенное место в арсенале средств, которые использует диалектическая логика. Но все же в сложном процессе познания, открытия законов действительности они играют вспомогательную роль. Только путем открытия законов достигается та степень познания явлений, которая позволяет с уверенностью делать о них истинные заключения, ибо закон объясняет необходимость явления. Индукция же, как мы видели, в силу своей проблематичности необходимости дать не может. В этом смысле Энгельс и противопоставляет индукцию анализу, считая последний более глубокой формой научных открытий. С другой стороны, дедуцирование выводов из определенных посылок также может протекать успешно лишь при условии, что исходные посылки истинны, иначе этот процесс может завершиться неправильным выводом. Следовательно, сама дедукция как процесс движения от общего к частному или менее общему, образно говоря, нуждается в подпорке более основательной, чем индукция. Чтобы всеобщее, из которого делаются заключения, могло выполнить свою роль, оно должно выражать существенное в массе явлений, короче говоря, оно должно быть выражением закона. Процесс выведения из общего как закона определенных заключений о частном явлении, конкретизации общего в частном осуществляется с помощью синтеза.

На первый взгляд может показаться, что анализ и синтез тождественны с индукцией и дедукцией. Но это

не так, хотя у них имеются некоторые общие черты. Анализ и индукция имеют непосредственно дело с единичными явлениями, с фактами, которые они обобщают в процессе движения познания от единичного к общему. Но этим заканчивается их сходство. В то время как в ходе индукции мы сравниваем и сопоставляем единичные явления, берем в них то общее, что вытекает из такого сопоставления, в процессе анализа мы идем дальше. Здесь мы не просто сравниваем явления для того, чтобы заметить общее, а доискиваемся их основы, сути.

У синтеза и дедукции также сходство в том, что они имеют дело непосредственно с общим и от него идут к частному или менее общему. Но они не покрывают друг друга. В то время как в ходе формальной дедукции мы выводим частное из общего на основании связи рода и вида явлений, в процессе синтеза мы вскрываем внутреннюю связь общего как закона с отдельными явлениями, выводя из закона его необходимые изменчивые проявления.

Сила силлогизма есть формальная сила, тогда как сила синтеза — реальная сила. То же самое можно сказать и об индукции. Последняя делает свои заключения на том основании, что поскольку единичное имеет такие черты, то и общее должно быть таким же, дедукция же исходит из того, что раз общее таково, то и частное должно быть таким же. Анализ и синтез свои заключения делают не на этом в конце концов формальном основании, а из установления необходимой природы общего и единичного, закона и явления, их внутренней связи. Поэтому анализ и синтез позволяют глубже проникать в природу вещей. Рассмотрим теперь каждый из этих способов познания, с тем чтобы определить их место и роль в процессе познания, а также отношение между собой.

Анализ и его сущность

Обычно анализ определяют как форму, способ разложения целого на отдельные части и познания каждой из них, и противопоставляют его синтезу как способу воссоединения частей в целое. Это в общем верно, но

это еще не полная и не самая глубокая истина о них. Понять их действительную сущность можно лишь тогда, когда будет принята во внимание общая картина движения познания. Выше уже говорилось, что процесс познания начинается со слитного представления явлений, которые возникают перед познающим субъектом в своей внешней связи. Исходным моментом познания всегда является нечто конкретное, понимаемое как нерасчлененное на свои составные части. Задача познания состоит в том, чтобы в этой внешней связи явлений, в потоке их движения выделить то, что составляет их основу, сущность, связывающие их воедино. Для этого необходимо расчленить целое на части. В этом огромная познавательная роль анализа. Следовательно, анализ действительно есть разложение (мысленное или фактическое, как, например, в физических, химических и прочих экспериментах) целого на части.

Однако разложение целого на части не самоцель. Если этим ограничить сущность анализа, то мы придем к механистическому его пониманию. Таким разложением целого последнее омертвляется и не достигается главная цель познания — раскрытие внутренней сущности и основы многообразия вещей. Именно только эту внешнюю сторону анализа и видят представители некоторых идеалистических течений (например, интуитивисты). Они из этого делают вывод, что анализ способен лишь на омертвление живого, противопоставляют ему интуицию как единственное средство постижения сущности вещей.

Но анализ не сводится просто к расчленению целого на его составные элементы. Расчленение есть лишь средство, с помощью которого познание обнаруживает в многообразии явлений, в множестве свойств и сторон вещи то главное, существенное, что составляет их «порождающую основу». Без этого расчленения достигнуть указанную цель невозможно, но аналитическое рассмотрение объекта при этом не только не омертвляет его, а, напротив, есть способ, при посредстве которого он только и познается в своей «жизненности». Каким бы живым ни было непосредственное восприятие вещи как совокупности многих сторон и свойств, многих связей и отношений, но если мы не знаем основы этих свойств и сторон, решающей связи и отношения его с другими

вещами, польза от этого небольшая. Знание вещи в единстве ее сторон и свойств, знание той основы, которая связывает их в единстве и проявляется в любом свойстве, в любой стороне вещи — в достижении этого состоит самая глубокая роль анализа.

Рассмотрим, например, как подходит В. И. Ленин к анализу такого сложного и многообразного явления, как империализм. Ленин мысленно расчленяет это целое на его основные признаки. Как известно, он сводит империализм к пяти признакам. Но он не ограничивается одним расчленением данного явления на составные части. Всем своим анализом он доказывает, что решающим признаком империализма, тем единством, которое связывает все его стороны и свойства, тем источником, из которого проистекают все многообразные проявления империалистической стадии капитализма, является монополия.

Никакая индукция не способна открыть и познать эту основу. Она служит в таких случаях лишь подготовляющей ступенью аналитического рассмотрения явления, средством накопления наблюдений, фактов, помогающим выделять некоторые общие признаки и свойства процесса. Чтобы обнаружить сущность империализма, нужно рассмотреть капиталистический способ производства в его развитии, найти его основную тенденцию, увидеть, что монополия вырастает из процесса концентрации производства и капитала, есть результат, вывод из этого процесса.

Анализ восполняет слабую сторону индукции — проблематический характер ее заключений. Случайности не могут оказать существенное влияние на результат анализа, ибо анализ направлен не просто на то, чтобы взять единичные факты с их общей стороны, а на то, чтобы найти их сущность, основу. Например, никакие новые проявления империализма не могут отменить его главную черту, то, что он есть ступень в развитии капитализма, когда главное значение приобретают монополии. Современные ревизионисты обнаружили это «новое» в том, что в капиталистических странах большое влияние на ход экономической жизни приобрело буржуазное государство, что в его руках сосредоточивается все большее количество предприятий и других экономических рычагов, что, одним словом, капитализм ныне

это уже в значительной степени государственный капитализм. Отсюда они делают выводы о том, что капитализм перестает быть капитализмом, что будто бы все больше социалистических элементов проникает в его организм и он незаметно перерастает в социализм.

Несомненно, усиление государственно-капиталистических тенденций в буржуазных странах имеет место. Но это, во-первых, вовсе не новый процесс. В. И. Ленин констатировал этот факт еще в тот период, когда он исследовал империалистическую стадию капитализма. Из анализа сущности империализма он пришел к выводу о тенденции сращения капиталистических монополий с государством и роста государственно-монополистического капитализма. Во-вторых, сам факт возрастания удельного веса государственно-монополистических предприятий может быть понят лишь из учета сущности империализма, т. е. из его монополистической природы. Конечно, государственный капитализм есть более высокая по сравнению с просто монополистическими объединениями ступень обобществления производства в условиях буржуазного общества. Но в этом обобществлении ничего нет от социалистического способа производства, это лишь общая объективная тенденция развития в современную историческую эпоху, она свидетельствует о том, насколько уже назрел и стал необходимым переход от капитализма к социализму.

Огромное значение анализа, аналитического способа исследования состоит в том, что он дает возможность, так сказать, срывать всяческие «маски» с явлений, освобождая их от той внешней «кажимости», которая искажает сущность вещей. В этой связи анализ должен быть рассмотрен как орудие познания противоречия между сущностью и внешним проявлением вещей. При этом следует учитывать, что сущность вещей многоступенчата, многослойна, т. е. имеется сущность менее глубокая, лежащая ближе к поверхности вещей, и сущность более глубокая, объясняющая их самые сокровенные основы. Если анализ остановится на какой-либо сущности первого или второго порядка и не пойдет дальше до более глубокой сущности явления, то исследуемый объект предстанет перед нами в искаженном состоянии.

Эту особенность анализа интересно показать на материале «Экономическо-философских рукописей 1844

года» Маркса. Это особенно важно сделать потому, что современные враги марксизма пытаются использовать анализируемое в этой работе понятие «отчуждения» для фальсификации научного социализма. Сознательно игнорируя глубокое революционное содержание, которое Маркс вкладывал в это понятие, они стремятся превратить его учение в некую разновидность морального, «этического» социализма.

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс только нащупывал путь к объяснению капиталистической эксплуатации, к учению о том, что единственный источник капиталистической прибыли следует искать в неоплаченной части труда рабочего. Маркс здесь оперирует понятием «отчужденного труда». Это понятие сыграло важную роль в процессе движения мысли к обнаружению самой глубокой основы капиталистического способа производства. В своей работе Маркс подчеркивает, что сущность понятия отчужденного труда может быть обнаружена лишь в результате сложного анализа явлений.

Посмотрим, как Маркс использует орудие анализа, для того чтобы обнажить один слой явления за другим и добраться до глубинной его сущности, из которой по его тогдашним воззрениям можно объяснить все стороны явления в целом, в их связи и единстве.

Маркс критикует буржуазную политическую экономию за то, что в своем анализе взаимоотношения между капиталистом и рабочим, капиталом и трудом она не идет дальше факта частной собственности. Это не значит, что он подвергает сомнению важность категории частной собственности на средства производства для понимания буржуазного способа производства. Маркс не удовлетворен лишь тем, что экономисты останавливаются на частной собственности, что они не видят сущности, источника самой частной собственности. Последнюю, по словам Маркса, они рассматривают как некий материальный, вещественный процесс, за которым не стоят люди и отношения между ними. Труд людей для них ничто, а частная собственность все [1]. Они берут факт частной собственности, как таковой, и не объясняют

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, Госполитиздат, М., 1956, стр. 570.

его, не анализируют дальше, вследствие этого причины капиталистического обогащения остаются не вскрытыми.

Как же строит свой анализ Маркс?

Он также исходит из факта частной собственности, но подвергает его глубокому анализу. Частную собственность он разлагает на ее составные части и рассматривает их существенные связи. Прежде всего частная собственность означает, что продукт труда не принадлежит тому, кто трудится, кто его производит, а другому лицу. Анализ ее приводит к выводу о том, что продукт труда отчуждается от рабочего. Чем больше трудится рабочий, указывает Маркс, тем богаче становится предметный мир, который он творит, но тем беднее становится его собственный внутренний мир, его жизнь. «Рабочий вкладывает в предмет свою жизнь, но отныне эта жизнь принадлежит уже не ему, а предмету. Таким образом, чем больше эта его деятельность, тем беспредметнее рабочий. Что отошло в продукт его труда, того уже нет у него самого. Поэтому, чем больше этот продукт, тем меньше он сам» [1].

В результате продукт труда рабочего становится внешней и чуждой по отношению к нему силой и господствует над ним. Не он властвует над продуктами своего труда, а наоборот. Буржуазная экономия, показывает Маркс, *«замалчивает отчуждение в самом существе труда тем, что она не подвергает рассмотрению непосредственное отношение между рабочим* (трудом) и *производимым им продуктом»* [2].

Так, при помощи анализа отношения производителя к продукту своего труда Маркс обнажает сущность частной собственности. Но это еще не самая глубокая сущность, а лишь первая ступень углубления в нее. Вслед за этим Маркс устанавливает, что отчуждение проявляет себя не только в результате труда, т. е. в продукте, но и в *самом* труде, внутри самой производительной деятельности. «Ведь продукт, — пишет он, — есть лишь итог деятельности, производства. Следовательно, если продукт труда есть самоотчуждение, то и само производство должно быть деятельным самоотчу-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, стр. 561.
[2] Там же, стр. 562.

ждением, самоотчуждением деятельности, деятельностью самоотчуждения. В отчуждении предмета труда только подытоживается отчуждение, самоотчуждение в деятельности самого труда»[1].

В силу такого отчуждения труд рабочего не доставляет ему ни удовлетворения, ни радости. Рабочий чувствует себя самим собой только вне труда, а в труде — он подневольное существо. Его труд не свободный, а принудительный, он господствует над ним как внешняя и чуждая ему сила.

Достигнув этой ступени анализа, Маркс еще глубже обнажает сущность частной собственности на средства производства, подходя вплотную к коренному вопросу о том, кому же принадлежат результаты труда и сам труд рабочих.

Ответ на этот вопрос Маркс получает на последней ступени анализа. Маркс так ставит вопрос: если продукт труда рабочего не принадлежит ему, а противостоит как чуждая сила, то кому он принадлежит? Если, далее, деятельность рабочего, его труд не принадлежат ему, а составляют чуждую и принудительную для его сущности силу, то кому они принадлежат? Маркс дает следующий ответ на эти вопросы: не бог и не природа, а другие люди присваивают себе продукт труда и самый труд. «Если он (рабочий. — *М. Р.)* относится к своей собственной деятельности как к деятельности подневольной, то он относится к ней как к деятельности, находящейся на службе другому человеку...»[2] Этот другой человек — капиталист.

Приведенные слова Маркса, написанные сто с лишним лет назад, и сейчас как нельзя ярче характеризуют тот мир, который современные идеологи буржуазии словно в насмешку называют «свободным миром».

Так Маркс в своей ранней работе при помощи анализа раскрывал сущность частной собственности. Подводя итог своему аналитическому рассмотрению вопроса, Маркс писал: «Таким образом, понятие *частной собственности* получается посредством анализа из понятия *самоотчужденного труда*...»[3] Конечно, частная

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, стр. 563.
[2] Там же, стр. 568.
[3] Там же, стр. 569.

собственность и отчужденный труд взаимосвязаны, находятся в состоянии взаимодействия. Можно считать и частную собственность причиной отчуждения труда, но именно последний, т. е. присвоение чужого труда, есть источник самой частной собственности. Подобно этому, указывает Маркс, боги первоначально представляют собой не причину, а следствие запутанного сознания, хотя позже оба эти фактора взаимопорождают друг друга.

Понятие отчуждения Маркс заимствовал у Гегеля и Фейербаха. Но насколько глубже их он анализирует это понятие! Его предшественники не пошли дальше внешних идеологических покровов, окутывающих общественные явления, в то время как Маркс своим анализом обнаруживает глубочайшую основу отчуждения человека в характере труда при капитализме. Маркс вскрывает историческую обусловленность этого отчуждения, доказывая, что в других, а именно социалистических условиях, ему не может быть места. Прямо противоположны и те выводы, которые делали из этого понятия Гегель и Маркс. Гегель полагал, что отчуждение, имея чисто идеологический характер, может быть преодолено в сфере чистого сознания. В противоположность ему Маркс видел источник ликвидации «самоотчуждения» человека в уничтожении капиталистических отношений.

Современные буржуазные идеологи и ревизионисты цепляются за понятие «отчуждения», чтобы извратить взгляды молодого Маркса и противопоставить их марксизму в целом. Если им поверить, то главный смысл этого понятия, по Марксу, состоял якобы в том, что отчуждение труда можно устранить без социалистического переворота. Но все их попытки подобной «обработки» Маркса тщетны, ибо в рассматриваемой работе Маркс доказывает, что только политическое и социальное освобождение рабочих, уничтожение частной собственности на средства производства и изменение характера общественного труда может быть основой преодоления отчуждения всех «сущностных сил» человека. Все отношения рабства, существующего при капиталистическом строе, писал Маркс, суть лишь модификации и следствия экономического отношения между пролетариатом и буржуазией. Поэтому только социальная

эмансипация рабочего способна разрушить эти отношения и дать свободу человеку, вернуть ему те силы, которые капиталистический строй отчуждает от него и противопоставляет ему.

Позднее, особенно в «Капитале» Маркс строит свой экономический анализ не на базе понятия отчужденного труда. В основе «Капитала» лежит понятие прибавочной стоимости — этого краеугольного камня политической экономии капитализма. Но анализ понятия «отчуждения» на определенном историческом этапе сыграл свою историческую роль. Главное значение этого анализа состояло в том, что он за отношениями вещей обнажил социальные, классовые отношения между людьми и в труде рабочих открыл источник капиталистической собственности. «Ведь когда говорят о *частной собственности*, — писал Маркс, — то думают, что имеют дело с некоей вещью вне человека. А когда говорят о труде, то имеют дело непосредственно с самим человеком. Эта новая постановка вопроса уже включает в себя и его разрешение» [1].

В «Капитале» отчуждение труда и вообще человеческих сил Маркс обобщил в понятии товарного фетишизма, а открытие им прибавочной стоимости объяснило самую глубокую тайну буржуазного способа производства.

Приведенный пример анализа показывает его огромную познавательную силу, проникающую за внешность явлений в их сущность, открывающую за видимостью вещей их действительную природу.

Если анализ — это такой способ познания явлений, который вскрывает истинную природу и «порождающую основу» вещей, то в отличие от индукции он способен давать прочные исходные данные для предвидения будущего развития. Не говоря уже о проблематичности индуктивного заключения для будущего, индукция вообще бессильна тогда, когда еще отсутствуют такие единичные факты, которые можно было бы возвести в степень всеобщности.

Иначе обстоит дело с анализом, который основан не на принципе формального следования из частного общего, а на познании сущности, закона явлений. Благо-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Из ранних произведений, стр. 571.

даря анализу конкретных условий современного общества, учету новых тенденций развития, борьбы противоположных сил современного мира мы можем сделать правильный вывод о реальных возможностях развития в будущем.

Таким образом, сущность и значение анализа можно свести к следующим основным моментам.

1. Анализ есть способ исследования, играющий огромную роль в процессе движения мысли от внешней видимости явлений к их сущности, в процессе преодоления противоречия между внешним и внутренним. Расчленяя сложное целое на его части, анализ это делает не только для того, чтобы показать, из каких составных частей состоит предмет, а для того, чтобы обнаружить сущность предмета.

2. Поскольку сущность вещей многоступенчата, то мысль должна дойти до такой стороны, момента, которые не просто относятся к сущности вещей, а есть их самая глубокая сущность, то, что представляет основу, единство всех сторон вещи и из чего можно объяснить все сложные связи и отношения предметов. Эту роль в движении познания и выполняет анализ. Когда Маркс в отчужденном труде видел сущность капитализма, то он указывал, что во всех других категориях буржуазного способа производства, каковы конкуренция, капитал, деньги, нужно находить «лишь то или иное *определенное* и *развернутое выражение*» этой основополагающей категории [1].

Без аналитической деятельности мышления, имеющей своим результатом нахождение основы, единства всех сторон вещей, невозможно движение познания от абстрактного к воспроизведению в мышлении конкретного во всей его сложности, о чем речь будет идти в следующей главе.

3. Приемы анализа очень разнообразны. В различных науках аналитический способ исследования конкретизируется в зависимости от природы исследуемых объектов. Особенно важное значение в анализе имеет анатомирование сложных взаимопереплетающихся связей и отношений предметов. Любое явление связано с другими явлениями, точно так же, как разные сто-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Из ранних произведений, стр. 570.

роны и свойства одного и того же явления взаимно связаны между собой и находятся в состоянии взаимодействия. Факт взаимодействия этих связей, сторон создает возможность принять за сущность явления ту сторону, которая хотя и важна, но все же не представляет собой его «порождающую основу». Например, общественное бытие и общественное сознание воздействуют друг на друга, но, как известно, было бы ошибкой ограничиться анализом этого взаимодействия или взять в качестве сущности последнего сознание. Всесторонний анализ и анатомирование взаимных связей требуется для того, чтобы преодолеть, как говаривал Плеханов, мертвую точку взаимодействия и нащупать наиболее существенную связь, вне которой непонятны другие связи.

Нередко связь и взаимодействие явлений имеет характер круговорота, в котором трудно найти начало и конец, и все настолько переплетено между собой, что, кажется, невозможно выделить какую-то сторону в качестве основы. Такой характер имеет, например, движение промышленного капитала, выступающего в форме денежного, производительного и товарного капиталов. Каждая из этих форм в процессе общего движения превращается в другую и все они представляются равноправными по выполняемым функциям. Больше того, на первый взгляд кажется, что денежный капитал является более существенным, поскольку с него начинается цикл круговорота, т. е. капиталист должен сначала пустить в оборот денежный капитал, чтобы стал возможным весь круговорот. Отсюда возникает иллюзия, что деньги обладают чудодейственным средством к самовозрастанию. Между тем анализ этих трех форм капитала показывает, что только в сфере производства, когда капитал выступает в форме производительного капитала, кроются источники его самовозрастания, а значит и сущность всего движения промышленного капитала. В таких случаях только расчленение и анатомирование целого, изучение каждой отдельной связи и ее роли в общем круговороте и взаимодействии делает понятным все движение и его действительную основу.

Изложенное выше понимание анализа глубоко отличается от того, что разумеют под ним различные позитивистские школы. Представители этих школ подчер-

кивают аналитический характер своих логических теорий. Существо анализа они сводят к «прояснению» предложений науки, отрицая его главную функцию — быть логическим способом исследования сущности самих вещей. «Общее понятие анализа, — сказано в одной из статей сборника «Революция в философии», — это понятие перевода или, лучше сказать, понятие перефразировки, так как перевод производится в самом языке, но не с одного языка на другой: перевод производится с менее ясной формы на более ясную форму, или с формы вводящей в заблуждение в форму, которая не вводит в заблуждение»[1].

Далее, современные позитивисты отождествляют аналитическое с тавтологическим. Анализ трактуется в кантовском смысле этого слова, как способ лишь поясняющий, а не расширяющий наше знание.

С точки зрения диалектической логики анализ, как мы видели, есть нечто несравненно более сложное и глубокое, чем указанное представление. Она исследует не готовые результаты анализа, а изучает последний как процесс, как движение мысли. С помощью анализа мысль постигает сущность вещей, единство многообразных явлений. Поэтому неверно утверждать, что анализ — это способ лишь поясняющий, а не расширяющий знание. В этом смысле кантовское деление на аналитические и синтетические суждения искусственно и не имеет никакой почвы. Это становится особенно ясным, когда мы исследуем формы мышления в их развитии. Анализ отправляется от единичных явлений и фактов, стремясь найти, открыть их сущность. Постижение сущности, которая не находится на поверхности вещей, есть результат аналитической деятельности мышления. Таким образом, путем анализа мы не просто поясняем, а расширяем, углубляем свои знания об объективном мире. Когда мы оперируем уже выработанными понятиями о вещах, тогда действительно анализ готовых понятий не прибавляет ничего нового к их содержанию. Но необходимо помнить, что в этом результате содержится путь, сделавший возможным этот результат. Кант приводил в качестве примера аналитического суждения предложение: «Все тела протяженны», и делал

[1] «The Revolution in Philosophy», London, 1956, p. 99.

вывод, что предикат заранее содержится в субъекте, вследствие чего данное суждение не прибавляет ничего нового к нашим знаниям, а лишь разлагает его путем анализа на части: в понятии тела заранее-де содержится их свойство быть протяженными. Однако Кант не учитывал того обстоятельства, что получить любое понятие — в данном случае понятия «тела» и «протяженности» — можно лишь посредством анализа многообразных явлений, что, следовательно, суждение «все тела протяженны» ничего «не прибавляет» к знаниям лишь тогда, когда оно уже имеется налицо. Но дело в том, что анализ раньше привел к этому знанию, т. е. дал нам знание того, что тела протяженны.

И аналитические и синтетические суждения одинаково служат для расширения и получения новых знаний. Пример, приводимый Кантом в качестве синтетического суждения: «все тела тяжелы», столь же аналитичен как и суждение о протяженности тел, ибо только посредством анализа можно было установить такое общее свойство всех тел, как тяжесть. И, наоборот, суждение «все тела протяженны» столь же синтетично, как и суждение «все тела тяжелы», так как оно дает представление о целом. Кант сам утверждал, что где рассудок раньше ничего не соединял, там ему нечего анализировать, разлагать. Именно поэтому невозможно метафизически разграничивать аналитические и синтетические суждения, абсолютизировать различие между ними. Вопрос о взаимосвязи анализа и синтеза мы рассмотрим позднее.

Неправильно также видеть различие между анализом и синтезом в том, что первый в отличие от второго не нуждается в обращении к опыту. Если посредством анализа осуществляется движение мысли от многообразия явлений к их единству, от случайного к необходимому, от беспокойной смены явлений к относительно постоянному и прочному в них, к «инвариантному»[1] в явлениях, то без обобщения опыта так же невозможен анализ, как и синтез. По существу же различие

[1] М. Борн в статье «Физическая реальность» пишет: «Мы применяем анализ, чтобы отыскать в потоке явлений нечто постоянное, которое как раз и есть инвариант» («Успехи физических наук», т. LXII, вып. 2, июнь 1957, стр. 138—139).

между анализом и синтезом находится в другом. Это различие станет ясным, когда мы рассмотрим вопрос о синтезе, выясним его роль в познании.

Синтез и его сущность

В отличие от анализа, который представляет собой деятельность мышления по разложению целого на части, синтез обычно определяется как воссоединение целого из частей на основе познанных составных элементов целого. Это определение синтеза, в общем правильное, нуждается в более глубоком рассмотрении.

Синтетическая деятельность мышления начинается с того, на чем заканчивается анализ. Главная задача синтеза состоит в том, чтобы открытую посредством анализа «порождающую основу», сущность вещи или явления провести через все движение явлений, показать, как единство, внутренняя связь вещей проявляются в конкретном их многообразии. Если в процессе аналитической деятельности мысль движется от многообразия к тождеству и единству, то в процессе синтеза направление движения ее прямо противоположно: от тождественного, существенного к различию и многообразию, в форме которых обнаруживает себя сущность вещей. Синтез соединяет части, составные элементы в целое, но это не механическая «сборка» разрозненных частей в единый механизм, а процесс исследования того, как основа, сущность вещи воплощается в конкретном многообразии ее сторон и свойств. Синтез соединяет общее и единичное, абстрактное и конкретное, единство и многообразие в живое целое, где все стороны развиваются из определенной основы, из главного, существенного элемента или качества явления. Если в исходном пункте познания действительность предстает перед человеческим взором как хаотическое многообразие, как многообразие без единства, то в результате анализа и синтеза она познается уже как единство в многообразии или многообразие в единстве.

Продолжим рассмотрение ленинского способа исследования империализма. Выше указывалось, что с помощью анализа экономических процессов, характерных для этой новой стадии, В. И. Ленин показал, что опре-

деляющей сущностью ее является монополия. В первых шести главах книги «Империализм, как высшая стадия капитализма» он вычленяет и анализирует отдельные стороны империализма, выделяя монополию в качестве главной стороны. В седьмой главе Ленин переходит от анализа к синтезу. Он говорит в начале этой главы о необходимости «свести вместе сказанное выше об империализме»[1]. Ввиду того, что монополии составляют суть империализма, Ленин в своем итоговом, синтетическом определении пишет, что «империализм есть монополистическая стадия капитализма»[2]. Но так как это определение, хотя и верное, все же слишком общее, то требуется, по выражению Ленина, дать более широкое определение, которое охватывало бы все основные признаки и стороны империализма. И Ленин дает следующее научное определение империализма: «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами»[3].

В этой синтетической характеристике империализма разные его стороны и свойства уже не просто сосуществуют друг подле друга, все они связаны главной особенностью его как монополистического капитализма, ибо эта особенность есть та основа, причина, которая порождает все остальное, без которой связь сторон и признаков распадается как здание, лишенное фундамента. В «Капитале» Маркс так же не механически соединяет различные формы капитала, каковы промышленный и торговый капитал, процент, рента, а синтетически выводит из прибавочной стоимости как сути, основы всего бытия капитала, его конкретные проявления и формы.

В. И. Ленин не ограничивается указанным выше синтезом экономических черт и признаков империализма. Основываясь на результатах анализа, он дает более широкую синтетическую картину империализма,

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 22, стр. 252.
[2] Там же, стр. 253.
[3] Там же.

выводя из его монополистического характера и политику правящих классов, связывая монополистическую сущность империализма с необходимыми тенденциями в области политики. Он подвергает критике ошибки К. Каутского, который отрывал политику империализма от экономики и полагал, что монополии в экономике совместимы с ненасильственным образом действий в политике. Ленин связывает, «синтезирует» монополии с империалистической политикой, показывая, что финансовый капитал и монополии «всюду несут стремления к господству, а не к свободе»[1], что для империализма характерна реакция по всей линии.

Из всего сказанного выясняется роль синтеза в исследовании взаимосвязи внутренней сущности и внешних форм проявления вещей. Как ни велика роль анализа в обнаружении сущности явлений, сведении внешнего их многообразия к «порождающей основе», это все же лишь часть процесса познания. Не менее важно исследовать и вопрос о том, почему сущность проявляется именно в таких, а не других внешних формах. Без этого сущность и явление, внутреннее и внешнее, закон и формы его действия, проявления не смогут быть отражены мышлением в их единстве, неразрывной связи, так, как они существуют в самой действительности. Только в мысли мы выделяем разнообразные формы вещей, анализируя их в отдельности, беря их как некие самостоятельные объекты. В действительности они сплавлены воедино, и задача состоит не только в том, чтобы отделить их, расчленить ради постижения сущности вещей, но и соединить для того, чтобы понять, что как ни противоположно внутреннее и внешнее, но именно внутреннее лежит в основе внешних форм, последние же суть проявление внутреннего. В этом мысленном «соединении» сущности и явления, внутреннего и внешнего, общего и единичного, постоянного и переменного, однородного и многообразного главную функцию выполняет уже не анализ, а синтез. Когда Маркс в «Капитале» идет от прибавочной стоимости (сущность) к такой форме ее проявления, как рента, и объединяет их, т. е. объясняет последнюю через прибавочную стоимость, то он использует синтез, доказывает, почему и

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 22, стр. 283.

как сущность проявляется в такой-то форме, нередко искажающей истинный смысл вещей.

Поэтому, если цель познания заключается в «снятии» противоречия между сущностью и внешними формами ее проявления, т. е. в осознании законов вещей и форм их проявления, то этого можно достигнуть не одним только анализом, но и синтезом, взятыми в их единстве.

Выше было указано, что в диалектической логике анализ строится на обобщении опыта, что его нельзя сводить к расчленению готовых понятий, в которых уже содержатся разлагаемые элементы. Синтез также основан на обобщении опыта, он немыслим вне его. Но в этом отношении имеется различие между анализом и синтезом, так как и здесь проявляется их природа как противоположностей. Если анализ идет от явлений и фактов опыта для того, чтобы прийти к результату, формулируемому в виде абстракции (так, например, монополия есть абстракция по отношению к многообразию сторон и свойств империализма как целого, атом также есть абстракция по отношению к молекуле, а последняя — абстракция по отношению к телу и т. п.), то синтез имеет противоположную направленность, ибо он идет от абстракции к многообразию явлений во всей их конкретности, он соединяет абстракцию с движением явлений, с опытом, с практикой. Поэтому хотя оба способа опираются на опыт и вне обобщения исторической практики человечества невозможны, для синтеза роль опыта, практики тем более важна, поскольку он выводит мысль из сферы абстрактного в мир конкретных явлений и процессов и имеет своей задачей облечь добытую анализом абстракцию в плоть и кровь реальных явлений и процессов действительности.

Отсюда становится понятным и различие между синтезом и дедукцией, ограниченность дедукции как способа заключения. Дедукция выводит из общего свойства единичных вещей в силу их сопричастности к единому роду, синтез же проводит, преломляет общее через частное, конкретное через данные практики и опыта, учитывает особенности последних. Вследствие этого общее, абстрактное получает новые определения, оно не просто воспроизводит в единичном то, что уже содержится в нем самом, а обогащается развитием содер-

жания единичного и конкретного. Иными словами, общее в процессе синтеза 1) конкретизируется и проявляет себя как основа реальных явлений и 2) в то же время общее должно доказать своей связью с единичным и частным — и только этой связью, — что оно действительно есть их основа. Общее, которое не синтезируется с единичным и частным, единство, не синтезирующееся с многообразным, не есть сущность этих единичных явлений, оно не есть единство общего и многообразного. Но вместе с этим следует помнить, что общее, закон, сущность не непосредственно тождественны с единичным и конкретным. И чтобы вывести единичное из общего, чтобы на основании последнего сделать правильное заключение, недостаточно подводить одно под другое, недостаточна одна «формальная» сила дедукции.

Если вспомнить пример, рассмотренный в предыдущей главе, то следует сказать, что Маркс именно потому и критиковал Рикардо, что тот формально связывал и подводил цены товаров в капиталистическом обществе под закон стоимости, т. е. под общее, в то время как надо было развить одно из другого. Это нельзя сделать при помощи чисто «формально логической последовательности», а лишь путем учета всех тех перипетий, которые переживает сущность, закон, реализуясь в действительности. Эту задачу и выполняет синтез, соединяя абстрактное с конкретным, закон с явлениями, тождественное с различным. Маркс сумел привести в соответствие закон стоимости и среднюю прибыль, которые на первый взгляд кажутся несовместимыми благодаря тому, что он синтетически вывел последнюю из закона стоимости посредством исследования развития простого товарного производства в капиталистическое. Приведем еще один пример. Вся экономическая наука до Маркса буквально зашла в тупик, не умея объяснить, откуда при сохранении действия закона стоимости в области земледельческого производства берется излишек в виде абсолютной ренты. Это также объяснялось ее неспособностью дать синтез этого закона с конкретными условиями проявления его в области земледельческого производства. Вопрос стоял так: если все капиталы получают среднюю прибыль, то это должно относиться и к земледельческому капиталу. Но откуда

в этом случае последний может получить излишек прибавочной стоимости для уплаты землевладельцу в качестве абсолютной ренты? Получалось так, что либо всеобщие законы капиталистического производства не распространяются на земледельческое производство, что было бы абсурдом, ибо тогда они перестали бы быть всеобщими; либо, как говорит Маркс, «в этой особой сфере производства существуют особые условия, такие влияния, в силу которых цены товаров реализуют [всю] имманентную им прибавочную стоимость — в отличие от... товаров, которые в своей цене реализуют лишь столько из содержащейся в них прибавочной стоимости, сколько оставляет им общая норма прибыли» [1].

Маркс все внимание обратил на исследование этих «особых условий», существующих в земледельческом производстве. Эту задачу нельзя решить было путем формального дедуктивного выведения частного из общего, ее можно было решить лишь путем синтеза общего закона и указанных «особых условий», которые модифицируют действие этого закона, но не нарушают, не отменяют его. Эту работу и выполнил Маркс в III томе «Капитала», дав замечательный образец применения синтетического метода исследования. В последнем можно видеть и проявление марксовой дедукции, обогащенной и подчиненной диалектической теории развития.

Взаимопроникновение анализа и синтеза

Мы рассмотрели аналитический и синтетический способы исследования в отдельности, выяснили их различие. Но уже из этого различия видно было, что, будучи противоположными по своим исходным моментам, по направлению движения мысли, они предполагают друг друга и не возможны один без другого. Их связь и взаимная зависимость чрезвычайно многосторонни. Рассмотрим кратко некоторые стороны этой связи.

Анализ и синтез представляют собой два способа единого диалектического процесса исследования и ка-

---

[1] *К. Маркс,* Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, Госполитиздат, М., 1957, стр. 25.

ждый из них выполняет функции, соответствующие определенным этапам этого общего пути познания. Это значит, что они дополняют друг друга. Абсолютизация каждого из них, превращение их в изолированные способы и приемы исследования сделали бы невозможным нормальный и естественный ход познания в целом. Если бы наше мышление только анализировало явления, оно остановилось бы на абстрактной сущности и не могло бы объяснить конкретных проявлений. Оно не может ограничиться и одним только синтезом, ибо для того, чтобы можно было что-то синтезировать, требуется сначала разложить единое на части и разобраться в них, т. е. необходим анализ.

Неразрывная связь аналитического и синтетического способов исследования заключается также и в том, что один из этих способов, например, анализ, выполнив в процессе познания свою функцию, уступает место другому способу — синтезу и наоборот. Эту особенность двух способов необходимо учитывать, но при таком объяснении их единства мы не выходим еще за пределы установления чисто внешней связи между ними. Значительно точнее и глубже передает отношение анализа и синтеза понятие единства, взаимопроникновения противоположностей. Анализ и синтез и представляют собой такое единство противоположно направленных процессов познания, каждый из которых возможен только потому, что содержит в себе свое иное, т. е. анализ содержит в себе синтез, синтез — анализ. Эта диалектически противоречивая природа рассматриваемых способов познания проявляется многообразно.

Анализ возможен лишь при том условии, что его исходный момент есть нечто целое, нерасчлененное, т. е. синтез, который существует либо в виде нерасчлененного объекта, либо в виде некоей синтетической мысли. В свою очередь синтез возможен лишь постольку, поскольку его исходный момент представляет собой также нечто противоположное ему, т. е. нечто расчлененное, абстрагированное от связи и взаимодействия сторон и частей целого.

Далее, если исходная предпосылка каждого из этих способов есть нечто противоположное им, то таков и конечный результат их деятельности: анализ, находя основу, единство многообразия сторон и свойств вещи,

создает базу для синтеза, а последний, обобщая явления на базе этого единства, открывает новые возможности для дальнейшей аналитической деятельности мышления. Одна форма движения мысли переходит в другую, противоположную себе. Это взаимопорождение своей противоположности характерная черта внутренней связи анализа и синтеза.

Переход от анализа к синтезу и наоборот не произволен, он регулируется определенными закономерностями познания. В этом переходе своеобразно проявляется общий закон превращения количественных изменений в качественные, завершающегося скачком. Всегда требуется доводить анализ действительности до определенного уровня, чтобы можно было в результате этой формы деятельности мышления перейти к синтезу, т. е. к качественно новой форме. Не случайно, например, наука могла дать в области химии такой синтез в виде периодического закона элементов лишь во второй половине XIX в. Для этого потребовалось длительное время, в течение которого открывались отдельные химические элементы, изучались их свойства, разнообразные соединения элементов и т. д. На известной ступени познания явлений, когда накоплено достаточно результатов аналитической деятельности мышления, дальнейшее развитие науки требует их синтетического обобщения, без этого невозможно подняться на высшую ступень познания. Синтез связывает воедино все результаты аналитической деятельности, он как бы освещает внутренним светом то, что было до этого раздроблено, что находилось во внешнем отношении друг к другу, выводит, так сказать, явления из состояния сосуществования, показывая их внутреннее органическое единство. Связывая единой идеей многочисленные и разрозненные факты, синтетические обобщения составляют узловые моменты в развитии науки. Они знаменуют собой открытие новых законов объективного мира, новых теорий, создающих более широкие возможности для дальнейшего прогресса познания.

Например, современный период в развитии физики настоятельно требует синтезирования накопленных данных, создания единой физической картины мира. Наука накопила много знаний о строении материи, об элементарных частицах и их свойствах, о законах их движе-

ния. Сейчас делаются попытки связать воедино эти знания, обнаружить более общие и глубокие законы, которые позволили бы понять объективную связь элементарных частиц, представить их как единую систему превращающихся друг в друга материальных объектов, наподобие периодической системы элементов.

Вместе с этим продолжается работа по дальнейшему анализу микрочастиц. Человеческое познание все глубже проникает в их природу. Уже становится очевидным, что структура так называемых элементарных частиц сложна, что их «элементарность» относительна. Так, анализ и синтез взаимооплодотворяют друг друга, и каждому шагу познания свойственно их неразрывное единство.

Взаимопроникновение анализа и синтеза основано также на том, что результаты деятельности каждого из этих способов могут быть проверены в противоположно направленном процессе: анализ проверяется синтезом, синтез проверяется анализом. Например, с помощью анализа мы выделяем из сложного общественного организма экономические отношения как «порождающую основу» всех сторон и процессов социальной жизни. Проверка истинности этого результата происходит затем в синтезе, который выводит, развивает из этой основы — конечно, сложным путем, далеким от простого подведения одного под другое, — все другие явления, связывает общее и частное в один узел. Если бы результаты аналитической деятельности мышления были ложными, то синтез, опирающийся на них, не мог бы вывести, развить из этой основы многообразные явления.

Правильность анализа, вскрывшего в способе производства главную причину, определяющую в конечном счете все остальные стороны общества, проверяется тем, что результаты анализа с успехом применимы к объяснению любой ступени человеческой истории, они служат ключом к пониманию многочисленных явлений общественного развития. Ложность идеалистического понимания истории видна из того, что выделенные в ходе анализа многообразных сторон и свойств общественного организма идеи, сознание в качестве решающего и определяющего фактора в развитии общества, не выдерживает критического испытания в процессе синтеза: из одной духовной стороны общества невозможно вывести

и развить всю сложную систему общественной жизни, такие ее явления, как производство, политику, право и т. д.

В свою очередь результаты синтеза проверяются дальнейшей аналитической деятельностью мышления. Истинность общей картины, правильное понимание целого испытывается тем, насколько она плодотворна для понимания новых, неисследованных еще явлений. Например, механистический синтез природы, механистическая картина мира, не выдержал такого испытания при объяснении электромагнитных явлений, а позднее и атомных процессов. Оказалось, что такой синтез действителен в сравнительно ограниченной области природы.

Диалектическая теория развития есть также результат общего синтетического представления о законах движения и развития мира. Она создана на основе данных науки и практической деятельности людей. Опираясь на эту теорию, используя ее как инструмент познания, мы можем правильно анализировать новые явления, открываемые наукой и прогрессирующей исторической практикой человечества, а значит и доказываем истинность этой теории.

Относительность, подвижность противоположности анализа и синтеза не позволяют укладывать сложный процесс познания в какие-то жесткие и раз навсегда данные схемы. Как правило, анализ предшествует синтезу, но история науки знает немало примеров того, как познание, не имея еще необходимых аналитических данных, смело строит синтетические теории, предвосхищая задолго до появления фактов общую и внутреннюю связь целого. В таких случаях синтез идет впереди анализа, указывая ему путь. Подобную роль синтез выполняет в гипотезах. Последующий анализ подтверждает или опровергает гипотетические построения.

Элемент гипотезы имеется в исходном пункте всякого процесса познания даже тогда, когда мышление производит чисто аналитическую работу. И. П. Павлов говорил о том, что и тогда, когда мы еще не имеем возможности сформулировать теорию и вынуждены анализировать факты, нужен какой-то общий стержень, на который можно было бы цеплять факты, без такого стержня факты рассыпались бы как карточный домик.

Приступая к анализу, познание уже заранее создает какие-то гипотетические предположения о целом, которые затем в процессе анализа проверяются и превращаются в определенную теоретическую систему.

Это значит, что нет «чистого» анализа, как и нет «чистого» синтеза. Одно содержит в себе другое и когда мы говорим об анализе, мы должны принимать во внимание его противоположность — синтез, и наоборот.

ГЛАВА IX

АБСТРАКТНОЕ И КОНКРЕТНОЕ. ВОСХОЖДЕНИЕ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ — ЗАКОН ПОЗНАНИЯ

Сущность вопроса

Главная трудность многих вопросов, связанных с процессом познания, с различными противоречиями этого процесса заключается в сложности соотношения единичного и общего, чувственного и рационального, непосредственного и опосредствованного. Сущность познания состоит в возведении единичного в общее, явления в закон. Так как единичное и общее — противоположности и между ними нет непосредственной, прямой связи, то это и порождает ряд трудностей.

Одним из аспектов этой общей проблемы является соотношение абстрактного и конкретного. Путь познания объективного мира лежит через абстракцию. Образно выражаясь, абстракция в виде понятий, законов, математических уравнений и т. п. — это тот горный перевал, через который необходимо пройти, для того чтобы действительность, кажущаяся нам первоначально хаотической, предстала перед человеческим взором как единство взаимообусловленных и взаимосвязанных явлений и процессов. Иного пути в познании нет. Но если это так, то мы снова сталкиваемся здесь с общим для всего познания противоречием, в данном случае с одним из его выражений — противоречием между абстрактным и конкретным. Ибо абстракция есть отход от конкретного, удаление от живого многообразия природы. Цель познания — представить действительность в ее конкретности, но к этой цели ведет дорога лишь через абстракцию, т. е.

отход от конкретного. В этом глубочайшее противоречие процесса познания.

Что же такое конкретное и абстрактное, какие черты характеризуют их?

Конкретное есть целостность вещи, явления в многообразии их свойств и определений, во взаимодействии всех их сторон и частей. Любая вещь имеет множество сторон и свойств и существует лишь как целостность в многообразии своих проявлений, в котором все стороны связаны между собой и взаимообусловливают друг друга. «Конкретное потому конкретно, — говорит Маркс, — что оно есть сочетание многочисленных определений, являясь единством многообразного» [1].

Вне этого «единства многообразного» нет конкретного. Конкретное — это данное дерево, данный человек и конкретное это — вся природа, природа как целое. И дерево и человек имеют различные особенности, и природе присущи многие качества, свойства, но они конкретны потому, что существуют лишь как единство многообразного, как система связей и отношений.

Конкретное — это не только целостность вещи или явления, но целостность их связей и отношений с другими вещами и явлениями, их естественных связей с условиями, в которых они существуют. Дерево, например, конкретно не только потому, что оно единство ряда сторон и свойств, но и потому, что оно представляет собою неразрывное целое с условиями своего существования — с почвой, климатом, воздухом и т. п. Человека можно также понять как совокупность общественных условий, в связи со всем обществом.

Если вещи, явления изолировать от этих условий, то они перестанут быть самими собой. Вне этих условий они не могут быть и поняты мыслью как нечто конкретное. Поэтому в понятие конкретного как целостности, единства входят и связь, отношения данного явления с другими, без учета которых оно немыслимо.

Абстрактное характеризуется другими чертами. Абстрактное есть часть целого, извлеченная из него и изолированная от связи и взаимодействия с другими его сторонами и отношениями. Это главная его черта, она делает его противоположностью конкретного. Так, на-

[1] *К. Маркс*, К критике политической экономии, стр. 213.

пример, электрон — абстракция по сравнению со сложным телом, ибо он составляет лишь часть тела, которую мы мысленно отвлекаем от него, чтобы понять сложное конкретное явление. Монополия также абстракция по отношению к империализму как конкретной совокупности свойств и качеств, искусственно отвлеченная от нее с той же целью.

Когда мы говорим об абстракции как продукте сознательного отвлечения части, стороны, свойства, отношения от целого, конкретного, то мы не совершаем насилия над реальными явлениями и процессами и не действуем по произволу. Если мы можем абстрагировать какую-то сторону или отношение целого, то это объясняется реальным существованием этих сторон или отношений. Электрон так же реален, как сложное материальное тело, состоящее из электронов и других материальных частиц; монополия столь же реальна, как и империалистическая форма капитализма в целом. Природа и конкретна и абстрактна. Поэтому аналитическая деятельность мышления, являющаяся главным средством процесса абстрагирования, синтетическая его деятельность, выступающая как орудие воспроизведения целого во всех его связях, в равной степени покоятся на свойствах и особенностях самой объективной действительности.

Различие между конкретным и абстрактным не абсолютно, а относительно. Конкретное в одной связи может быть абстрактным в другой и наоборот. Например, молекула по отношению к атому — это нечто конкретное, но по отношению к более сложному телу она абстракция, поскольку представляет собой лишь его часть, сторону. Что следует считать абстрактным и что конкретным, зависит от той ступени, которая достигнута в сложном процессе анализа, исследования явлений, ибо как противоположности эти категории в процессе познания переходят друг в друга: абстрактное становится конкретным, конкретное — абстрактным.

Чтобы понять диалектику абстрактного и конкретного в познании, важно прежде всего подчеркнуть их противоположность. Противоположность двух сторон, тенденций, способов познания находит свое выражение в понятиях «абстрактное» и «конкретное». Конкретное в познании — это целое, воспроизводимое в мышлении,

абстрактное — лишь односторонняя часть целого. Конкретное — это действительность, познанная в плоти и крови, абстрактное — область изолированных от целого отдельных сторон, свойств, черт, предметов и т. п.

Противоположность конкретного и абстрактного обычно усматривается также в том, что первое воспринимается непосредственно, оно видимо, осязаемо, второе же невидимо, неосязаемо и познается лишь опосредованным, окольным путем. В известной мере это правильно, ибо в чувственном созерцании предметы предстают перед нами в своей конкретности, осязаемости, непосредственно, чего нельзя сказать об абстракции. Однако эту противоположность нельзя абсолютизировать. Неправильно считать, что конкретным может быть только то, что чувственно осязаемо, а все остальное — это абстракция. Если абстракцию понимать лишь как вычленение из массы предметов каких-то общих признаков, свойственных им, то такое противопоставление абстрактного и конкретного было бы уместным. Тогда чувственно воспринимаемое было бы синонимом конкретного, а воспроизведение явлений с помощью мышления — синонимом абстрактного. В силу этого указанное представление об абстрактном и конкретном не идет дальше поверхностного их сопоставления. Диалектическая же логика понимает абстракцию значительно глубже, определяя ее как процесс отражения сущности, закона вещей. Если абстракция есть способ познания сущности, закона явлений, то, очевидно, вне абстрагирующей деятельности мышления невозможно конкретное понятие о них.

Таким образом осязаемость, непосредственную воспринимаемость нельзя считать главной чертой конкретного, хотя она в какой-то мере и присуща ему.

Познание развивается в форме двух полярных противоположностей. Это движение мысли от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному. Этот противоречивый характер познания порождает ряд объективных трудностей, которые при непонимании диалектического характера взаимоотношения между абстрактным и конкретным ведут к искажению сущности познания и законов его развития.

Отсюда возникают различного рода сомнения в способностях научного познания отразить и воспроизвести

конкретный, объективный мир; с ними мы встречаемся, например, при попытках обобщения особенностей современной науки и методов ее исследования. Некоторые ученые говорят о растущей пропасти между наукой и конкретной действительностью, объясняя это тем, что наука якобы становится абстрактной и недоступной здравому смыслу. Мир науки и мир действительности будто бы беспрерывно отдаляются друг от друга. Чем более абстрактными становятся понятия и формулы о мире, тем менее конкретной и жизненной предстает перед человеческим взором картина природы. Отсюда эти ученые пытаются сделать вывод, что возник непримиримый конфликт между конкретным и абстрактным, и в этом конфликте они усматривают чуть ли не трагедию современных способов познания и современного мировоззрения.

В той самой книге журнала «Erkenntnis», в которой была провозглашена «революция» в философии и программа «новой логики», выступил Рейхенбах со статьей «Философское значение современной физики». В этой статье он утверждал, что наступил странный разлад между миром науки и обычной жизнью, непосредственной действительностью, и всю вину за него он возлагает на философов. Причину этого разлада он объяснял тем, что философы по-прежнему пытаются применять к современной физике абстрактные понятия причинности, закономерности, пространства и т. п., в то время как естествознание перестало быть «метафизическим», т. е. оно не может быть подведено под эти философские категории. Чтобы уничтожить разлад между наукой и конкретной действительностью, он предлагал исходить из того, что та и другая есть область наших человеческих переживаний. В этом-де единство отвлеченной науки и конкретной действительности. «Только переживания, — писал он, — и их упорядочение в виде связной теории способны выразить содержание современного исследования природы» [1].

Это позитивистское решение вопроса обесценивает великие орудия познания — абстрактные понятия и категории, без которых невозможно никакое естествознание, как и научное знание вообще.

---

[1] «Erkenntnis», Erster Band, 1930—1931, S. 69.

Такое же противопоставление абстрактной науки и конкретного мира можно найти у Рассела и у многих других буржуазных философов. Противоположность абстрактного и конкретного, то обстоятельство, что наука со своими абстрактными математическими формулами как будто все дальше уходит от конкретного мира, волнует и ученых, непосредственно занимающихся исследованием природы. Причина таких представлений не только в неумении видеть диалектическую взаимосвязь абстрактного и конкретного, но и в действительной сложности современных методов исследования, создающих возможность иллюзии о том, что научное знание в силу своей абстрактности не есть отражение объективного мира. Ниже мы специально вернемся к этому вопросу, поскольку он чрезвычайно ясно показывает, что источником заблуждений служит в данном случае неуменье с помощью диалектической постановки вопроса об абстрактном и конкретном преодолеть действительные противоречия и трудности, порождаемые развитием науки.

Итак, сущность рассматриваемого вопроса ясна. Все дело в том, чтобы правильно понять диалектическую природу противоречия между абстрактным и конкретным и уяснить истинную логику движения познания и в этом отношении. Мы попытаемся рассмотреть эту логику в плане развития отдельного (индивидуального) процесса познания и в плане исторического развития познания. Оба эти аспекта важны не только потому, что они реально существуют как относительно самостоятельные сферы познания, но и потому, что и в данном вопросе имеет место совпадение логического и исторического.

Соотношение конкретного и абстрактного в отдельном процессе познания

Главная и наиболее трудная часть рассматриваемой проблемы заключается в *конкретном*. Труднее и сложнее познать явление в его конкретности. Конечно, абстракция имеет дело со скрытой, невидимой основой, с существенными связями и отношениями вещей, и постольку задача абстрагирующей деятельности мышле-

ния далеко не легкая. Кроме того, ставя этот вопрос, необходимо помнить, что познание — это процесс, в котором абстрактное и конкретное связаны воедино. Но именно потому, что они составляют две стороны или формы одного и того же процесса, важно выделить ту сторону, которой подчинен в конечном счете весь процесс. А такой стороной является конкретное. Ибо цель познания не только обнаружить законы действительности, но и объяснить посредством этих законов окружающие нас явления. Законы науки лишь тогда оправдают свое назначение, когда они выполняют эту роль, когда они служат практике, цели практического воздействия на объективный мир.

Это значит, что абстракция, с помощью которой выделяются какие-то отдельные, наиболее существенные стороны многообразного конкретного, есть лишь средство, которое необходимо для осуществления главной цели познания — воспроизведения явлений в их конкретности, в их связях и отношениях с другими явлениями. В свете сказанного выше можно понять жалобы тех естествоиспытателей, которые на достигнутых вершинах абстракции чувствуют непреодолимую жажду опуститься, так сказать, на землю и связать абстрактное с конкретным, так как наука совершает трудное восхождение на высокие горы абстракции только для того, чтобы понять конкретную природу в ее плоти и крови. В этом стремлении нельзя не видеть правильного и здорового понимания сущности и целей познания.

Весь обходный путь, проделываемый познанием, т. е. отход от конкретного к абстракциям, предпринимается только для того, чтобы лучше, глубже, адекватнее отразить в мысли конкретное. В этом смысле мы и утверждаем, что центральным моментом в проблеме соотношения абстрактного и конкретного является конкретное, что познание конкретного — наиболее сложная часть общей задачи.

В этой связи полезно вспомнить мысли, высказанные Гегелем в его превосходной статье под названием «Кто мыслит абстрактно?» Легче всего, говорит Гегель, мыслить абстрактно, при этом он имеет в виду мышление одностороннее, выхватывающее какую-то одну сторону, свойство или качество явления и не учитывающее

связи всех сторон, свойств, качеств явления, его отношения с другими явлениями, связи с условиями, его породившими. Такой способ мышления часто встречается в повседневной жизни. Гегель рисует ряд сценок. Ведут, например, убийцу на казнь. Толпа видит в нем только убийцу, не принимая во внимание всю совокупность условий, поставивших его на путь преступления. Это и значит мыслить абстрактно[1].

Или вот другая сценка.

««Эй, старая, ты торгуешь тухлыми яйцами», — сказала покупательница торговке.

«Что? — вспылила та, — мои яйца тухлые?! Сама ты тухлая! Ты мне смеешь говорить такое про мой товар! Ты? У которой отца вши заели, а мамаша якшалась с французами? Ты, у которой бабка померла в богадельне? Ишь, целую простыню на свой платок извела! Известно, небось, откуда у тебя все эти шляпки да тряпки! Если бы не офицеры, такие, как ты, не щеголяли бы в нарядах! Порядочные-то женщины больше за домом смотрят, а таким, как ты, самое место в каталажке! Заштопай лучше дырки-то на чулках!» Короче, она не может допустить в покупательнице ни зернышка хорошего. Она и мыслит абстрактно — подытоживает в покупательнице все, начиная с шляпок, кончая простынями, с головы до пят, вкупе с папашей и всей остальной родней, — исключительно в свете того преступления, что та нашла ее яйца тухлыми. Все оказывается окрашенным в цвет этих тухлых яиц...»[2]

Односторонне абстрактный подход имеет место и в науке, когда в целях познания выделяют какое-то свойство природы, игнорируя другие свойства, их связь и взаимодействие, развитие, переход в новое качество и т. д. В критике абсолютизации абстрактного подхода к познанию Гегель прав, так как абстракция есть лишь путь, ступенька к конкретному, прав он также и в том, что подчеркивает трудность воспроизведения конкретного в мышлении как конечной задачи и цели познания.

Необходимо теперь уточнить определение конкретного. До сих пор мы рассуждали о конкретном незави-

---

[1] См. *Гегель*, Кто мыслит абстрактно? «Вопросы философии» № 6, 1956, стр. 139.

[2] Там же, стр. 140.

симо от того, где и когда, на каких ступенях мысль встречается с ним. Но если иметь в виду весь процесс познания, то в мышлении конкретное отражается дважды: в начале познания и в конце его, в исходном пункте и в конечной точке процесса. Это не одно и то же конкретное. Правда, отсюда нельзя делать вывод, что мышление, совершая свою сложную работу, сталкивается с двумя конкретными действительностями. Действительность одна и она существует как конкретная действительность, как единство многообразного. Но в мышлении, в процессе познания конкретное на разных ступенях, в начале и в конце процесса не одно и то же.

Исходным пунктом познания является объективная, конкретная действительность и все операции мысль производит на ней, на ее материале. Но на различных ступенях познания конкретная действительность отражается по-разному. Мы ничего о ней не знали бы, если бы она не была дана нам первоначально в чувственном созерцании, в наших ощущениях. Конкретное дано чувственному созерцанию непосредственно и в этом отношении оно определяется нами как непосредственно воспринимаемое, видимое. Только с этого непосредственно данного и видимого, осязаемого конкретного и может начаться познание. Но чувственно-конкретное — это такое конкретное, которое еще не может на этой ступени познания выступить как единство многообразных явлений, поскольку это единство скрыто от непосредственного взора и может быть охвачено лишь с помощью абстракций, формулирования законов, понятий, гипотез и т. п.

Поэтому о таком конкретном можно сказать, что оно столь же видимо, сколь и невидимо. Оно видимо в своих непосредственных проявлениях, в своей внешности, но оно невидимо как такое конкретное, в котором внешние, непосредственные проявления связаны с внутренней его сущностью, с законами его существования и развития. А знание такого конкретного — цель подлинно научного познания. Видимость и доступность конкретного на чувственной ступени познания оплачивается ценой незнания сущности конкретного, а, следовательно, непосредственная доступность его сопровождается элементами обманчивого, иллюзорного, нередко глубоко ошибочного понимания явлений. Видимое и осязаемое конкретное должно

быть просвечено абстракциями — этим своеобразным мыслительным рентгеном, чтобы в нем можно было обнаружить его скрытую основу, сущность и затем познать его как такое конкретное, в котором внешнее проявление и его сущность неразрывно связаны. Такое конкретное выступает на заключительной стадии процесса познания. Но это уже не чувственное, а мысленное конкретное, оплодотворенное познанием с помощью абстракций сущности, скрытой основы вещей.

Таким образом, если взять отдельный процесс познания, то его противоположные полюсы — это конкретное, но разное — чувственно воспринимаемое и мысленно-конкретное. На пути между этими полюсами находится абстракция. На стадии чувственного восприятия действительности познание получает те данные, тот материал, без которого оно ни шагу не может сделать вперед. На стадии абстрактного мышления отыскивается то, что составляет основу, единство многообразия. На стадии мысленного воспроизведения конкретного круг как бы замыкается в исходной точке, но на новой основе: многообразие предстает перед нами уже не как хаотическая совокупность сторон и отношений, а как «организованное» единство, подчиняющееся определенным законам. Мысленно воспроизведенное конкретное выступает уже не в форме суммы различных сведений, наблюдений, фактов, разрозненных положений и т. п., а как знание о явлениях, освещенное единой идеей.

Как видно, отход от конкретного на первой стадии процесса познания имеет двойственную природу: это отход для лучшего приближения к конкретному. Или, как писал В. И. Ленин: «Движение познания *к* объекту всегда может идти лишь диалектически: отойти, чтобы вернее попасть...» [1]

Этим положением решается главный вопрос, касающийся взаимоотношения абстрактного и конкретного. Диалектика взаимоотношения между ними такова, что переход чувственно-конкретного в абстрактное по существу не отдаляет нас от конкретного мира, а приближает к нему в том смысле, что он познается глубже, в своей существенности, что, только обнаружив посредством абстракций сущность явлений, мы можем затем познать

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 38, стр. 275.

явления в их конкретности. Движение познания в форме отмеченных полярных противоположностей, переход формы конкретного восприятия действительности в противоположную форму абстракции не только не разгораживает действительность с миром научных абстрактных формул, но, напротив, есть способ их сближения, совпадения.

Например, когда мы движемся в процессе познания от восприятия хаотического колебания цен на рынке к абстракции стоимости или от восприятия массы разнообразных материальных тел к абстракции материи, то такое удаление от конкретного есть на деле приближение к нему, способ его познания. Установление этого факта лишает всякой почвы утверждение о том, будто движение мысли от чувственно-конкретного к абстрактному (закону, понятию, научной формуле, математическому уравнению) означает абсолютный отход от конкретного видимого мира. В действительности это закономерное движение мысли имеет прямо противоположное значение. «Значение *общего*, — писал Ленин, — противоречиво: оно мертво, оно нечисто, неполно etc. etc., но оно только и есть *ступень* к познанию *конкретного*...»[1]

«Абстрактное есть ступень к конкретному» — эта диалектическая формула вскрывает взаимопроникновение противоположных форм движения мысли. Она противоположна метафизическому пониманию их взаимоотношения, согласно которому абстрактное есть только отход от конкретного, тогда как в действительности оно есть единство «отхода» и «приближения» или отход ради того, чтобы лучше прыгнуть вперед, лучше познать конкретное.

Если начальная фаза процесса познания совершается в форме перехода чуственно-конкретного в абстрактное, то следующая за ней фаза есть переход абстрактного в конкретное, т. е. и дальнейшее движение познания имеет диалектический характер. Абстракция не самоцель, а средство, способ познания явлений в их конкретности. Поэтому, когда достигнута необходимая ступень абстракции, когда вскрыты сущность, закон явлений, мысль начинает двигаться в обратном направлении, от

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 38, стр. 275.

абстрактного к конкретному с целью отражения конкретного на основе постигнутого абстрактным путем единства многообразия свойств и сторон вещи.

Эта последняя фаза процесса познания, которую можно определить как восхождение от абстрактного к конкретному, чрезвычайно важна, она требует более обстоятельного рассмотрения. Особенно здесь имеют значение два вопроса: 1) о начале, исходном пункте этого восхождения и 2) о том, как совершается это восхождение.

Начало восхождения от абстрактного к конкретному. После того как путем абстрагирования найдена какая-то сторона или свойство вещи, характеризующие то, что составляет существенную основу, единство всех проявлений вещи, начинается обратный процесс восхождения от этого абстрактного момента к конкретному. Но что представляет собой само абстрактное, служащее исходным моментом процесса восхождения к конкретному? Главная его черта — это то, что оно выражает, пусть в одностороннем, отвлеченном виде, сущность, основу исследуемого явления. В этом смысл движения от чувственно-конкретного к абстрактному.

В процессе анализа возможны различные степени абстрагирования от конкретного, возможно выделение различных абстракций. Например, когда мы имеем дело с таким сложным организмом, как общество, бытие которого проявляется в множестве сфер — в экономике, политике, идеологии, морали и т. п., каждая из которых в свою очередь может быть разложена на многие стороны и части, то становится понятным, что задача нахождения исходной абстракции не столь проста. Такое общественное явление, как класс, есть отвлечение, абстракция по отношению к общественному организму как целому. Но сам класс есть нечто сложное, для его понимания в свою очередь необходимо выделение наиболее существенной стороны его, вне которой понятие класса не может быть ясным и конкретным. Здесь мы сталкиваемся с вопросом об относительности понятий конкретного и абстрактного. Вне учета относительности этих понятий невозможно решить вопрос о том, какими чертами должна быть наделена исходная абстракция.

В самом деле, понятие общественного класса — абстракция по отношению к обществу в целом, но по

отношению к ряду признаков, характеризующих класс, это понятие чрезвычайно конкретно. Вспомним определение класса, данное В. И. Лениным: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»[1].

Как видно, класс — это сложное явление, и исследование самого этого объекта должно пройти все указанные выше стадии, т. е. движение от конкретного к абстрактному и затем восхождение от абстрактного к конкретному. Поэтому класс не может быть исходной абстракцией в познании общества, ибо сам он — сложное и конкретное явление. Попытаемся проанализировать этот объект с целью обнаружения исходной абстракции.

Рассмотрение понятия класса с интересующей нас точки зрения важно еще и потому, что современные противники марксизма пытаются его всячески запутать. Стараясь доказать, что в современном капиталистическом обществе уже стерлись или стираются различия между антагонистическими классами или что если классы существуют, то уже не на основе, указываемой марксизмом, противники его сознательно игнорируют решающие стороны понятия класса и совершенно выхолащивают его социальное содержание. Абстрагирование они доводят до такой ступени, когда утрачивается специфическое качество класса как общественно-исторического явления.

Из приведенного выше ленинского определения класса следует, что его характеризуют по крайней мере пять черт, сторон: 1) это большие группы людей, 2) они различаются по месту, занимаемому ими в исторически определенной системе общественного производства,

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, стр. 388.

3) по своему отношению к средствам производства, 4) по роли, которую они выполняют в общественной организации труда, 5) по способу и размерам получения определенной доли общественного богатства. К этому нужно добавить еще черту, специфическую для классов антагонистических формаций: одни классы присваивают себе плоды труда других классов.

Каждая из этих сторон должна быть отвлечена от целого, конкретного, для того чтобы можно было исследовать, что такое класс. Эту задачу познания мы уже частично рассмотрели, когда занимались проблемой анализа и синтеза. Тогда было установлено, что цель анализа состоит в разложении целого и нахождении наиболее существенной стороны, из которой можно воссоединить целое. Этим ограничивается задача анализа. Сейчас, когда исследуется вопрос о соотношении абстрактного и конкретного — категорий, тесно связанных с анализом и синтезом, задача заключается уже не просто в том, чтобы путем анализа найти, вскрыть сущность, существенную сторону целого. Это конечно важно и при решении проблемы абстрактного и конкретного; без анализа вообще невозможно выделение абстрактного из конкретного. Но специфическая задача абстрагирования состоит здесь в том, чтобы выделить посредством анализа такую существенную сторону, которая могла бы выполнить роль исходной абстракции на пути восхождения от абстрактного к конкретному. А это значит, что исходная абстракция должна характеризоваться какими-то новыми, дополнительными свойствами, помимо ее главного свойства — выражать в отвлеченном, чистом виде сущность вещи, явления, процесса.

На первый взгляд может показаться, что любой признак класса способен быть «исходной абстракцией», с которой можно начать восхождение к конкретному. Но это заблуждение. Возьмем такой признак класса, как роль людей в общественной организации труда. Это важная сторона понятия класса и вне ее нет классов: буржуазия, например, выполняет в капиталистическом обществе одни функции в производстве, она (либо непосредственно, либо через своих агентов) организует, направляет, командует и т. п. Пролетарии, напротив, затрачивают лишь свой труд, они не занимаются организацией производства и не командуют им. Но как ни

важен этот признак класса, он, во-первых, не самый существенный и, во-вторых, он сам опосредствован, определяется и вытекает из каких-то других признаков класса. Стало быть, абстракция эта не может быть исходной, чтобы с нее начать восхождение к классу как единству многообразного.

Или возьмем другой признак — размеры той доли общественного богатства, которую получают разные классы. Он тоже есть нечто опосредствованное, определяемое другим фактором. Из истории науки известно, что существовали такие теории классов, авторы которых считали, что члены общества делятся на классы в зависимости от способа распределения общественного богатства. Это были ненаучные теории, поскольку они выдавали следствие за причину. Подобно тому как капиталист является таковым не потому, что он управляет производством, а, напротив, он управляет производством в силу того, что он капиталист, подобно этому получаемая им львиная доля богатства обусловлена его положением как капиталиста.

Из сказанного следует, что исходная абстракция должна обладать по крайней мере двумя качествами: 1) она должна отражать сущность, причину вещи и 2) она должна быть предельной, т. е. такой абстракцией, которая не опосредствована другими, а напротив, сама опосредствует другие стороны и свойства явлений. Иначе говоря, исходные абстракции — это такие понятия, в которых достигнут предел абстрагирования от данного конкретного многообразия, это, так сказать, «последняя» абстракция, дальше которой нельзя уже идти без ущерба для адекватного отражения явления. Они сочетают в себе существенное, причину с элементарностью, простотой — простотой в том смысле, что они — неразвитое начало развитого целого, что от них тянется нить опосредствований, что они — исток, из которого выводится, развивается все остальное.

В разбираемом нами примере такой исходной абстракцией будет отношение людей к средствам производства, ибо оно определяет все остальное, все другие стороны и черты общественного класса. И доля общественного дохода, получаемого различными классами, и место в общественной организации труда, и возможность эксплуатации одним классом другого класса — все это обу-

словлено указанной главной стороной, характеризующей класс. Она опосредствует, определяет все другие признаки класса и потому в анализе выступает как простое, как исходный момент, из которого выводятся другие признаки.

Однако исходная абстракция, какой бы предельной она ни была, должна быть вместе с тем «конкретной абстракцией», т. е. такой абстракцией от конкретного, которая при всей своей отвлеченности выражала бы качественную специфику данного явления. Последняя абстракция, простое начало должны сохранить меру вещи, т. е. степень отвлечения от конкретного не может заходить настолько далеко, чтобы в нем терялось качество исследуемой вещи. В этом смысле мы и употребляем понятие «конкретной абстракции». Например, в нашем примере можно было бы сделать еще один шаг по пути абстрагирования и отвлечься также и от отношений людей к средствам производства и выделить в качестве предельной абстракции отношения между людьми в процессе технической организации в производстве. Кстати говоря, современные апологеты капитализма так и поступают, пытаясь доказать, что не собственность на средства производства, а функции, выполняемые людьми, их расстановка в производственном процессе обусловливают их классовую принадлежность. Это довольно распространенная в современной буржуазной и правосоциалистической литературе концепция. Согласно ей на современной ступени организации общества роль той или иной социальной группы людей определяется уже не отношениями собственности, а их местом в технической иерархии работников производства. Из этого делается вывод, что сейчас характерно не деление общества на буржуазию и трудящиеся классы, а деление его соответственно «технократическому порядку».

Несомненно, в современном обществе произошли огромные технические изменения, которые вызвали ряд новых явлений, каковы, например, небывалое раньше увеличение числа управляющих, организаторов и возросшая их роль в производстве. Но это не изменило того положения, что основные богатства в капиталистической стране сосредоточены в руках буржуазии, буржуазного государства, что класс, господствующий экономически, выступает и в качестве политически господ-

ствующего класса. Цель вышеизложенного подхода к вопросу о классовой структуре капиталистического общества ясна. Но здесь нарушаются и логические правила абстрагирования, теряется качество исследуемого явления. Техническая организация производства — это уже другое по своему качеству явление, оно не способно выразить сущность и качественную специфику общественного класса, в основе которого лежит отношение к средствам производства. Это так же верно, как и то, что (если взять пример из другой области) такое абстрактное понятие, как сила, действующая между неизменными частицами вещества, достаточно для того, чтобы из него вывести механические процессы, но уже недостаточно для понимания атомных явлений. Последние требуют иных исходных абстракций, выражающих специфику микрообъектов в отличие от специфики крупных тел.

Маркс, анализируя такое сложное явление, как капиталистический способ производства, также выделяет из конкретного многообразия его такую абстракцию, которая служит ему исходным пунктом дальнейшего восхождения к конкретному. В качестве такой предельной, исходной абстракции у Маркса выступает стоимость, воплощенная в товаре. Ее он называет самой абстрактной формой буржуазного богатства. Без стоимости невозможно понять ни одного процесса, характерного для этого способа производства. Это действительно «конкретная абстракция», дальше которой идти нельзя.

Если же мы будем анализировать социалистический способ производства, то понятие стоимости уже не сможет выполнять роль начала восхождения к конкретному, ибо это уже качественно иной социальный организм с новыми закономерностями развития.

Исходная абстракция, далее, должна в общем и целом совпадать с тем, что было исторически первым в реальном процессе развития самой действительности. Эта черта исходной абстракции имеет огромное значение, так как в процессе восхождения к конкретному должен быть отражен предмет в его развитии и изменении. По отношению к классу эта сторона может быть не так ярко выражена, как при исследовании других явлений. Но и здесь совершенно очевидно, что отношение к средствам производства есть тот фундамент или та причина, из которой вырастают и развиваются все

остальные стороны и свойства класса, его взаимоотношения с другими классами и т. д. Конечно, буржуазные отношения собственности не существуют, например, вне определенной психологии, свойственной этому классу. Но психология, будучи вторичной по отношению к материальным условиям бытия класса, вырастает, развивается из них как из своего семени. Капиталистические отношения собственности возникают до завоевания буржуазией политической власти в недрах феодального общества.

Еще яснее историчность исходной абстракции становится тогда, когда мышление специально исследует развитие явления. Так, в «Капитале» Маркса логически исходная абстракция — товар и его стоимость находятся в полном соответствии с историческим исходным моментом капиталистического развития. Из стоимости товара, из обмена товаров по закону стоимости, как из клеточки живого организма, развиваются все процессы капиталистического производства, и восхождение от абстрактного к конкретному должно воспроизвести эти исторические процессы.

Ботаник, биолог, исследуя происхождение видов растений и животных, также берут в качестве исходного пункта исследования исторически простые организмы, из которых возникают современные сложные организмы.

Так как двигательная сила развития находится в противоречиях, свойственных явлению, то исходная абстракция должна отразить в зародышевом виде его противоречия — те противоречия, развертывание и борьба которых служат стимулом его развития. Таковы противоречия товара и стоимости. В биологии это противоречия обмена веществ в живых организмах, они служат источником развития и изменения видов и т. д.

Таковы основные черты исходной абстракции, начала восхождения от абстрактного к конкретному. Рассмотрим теперь сущность самого этого процесса движения мысли от простейшего начала к конкретной целостности как единству многообразных явлений.

Восхождение от абстрактного к конкретному. Двигаясь от исходной абстракции, мысль должна воспроизвести явление как целостное конкретное единство всех его сторон и свойств, как многообразие в единстве, как

сочетание многочисленных определений. Процесс этот сложен и имеет свои трудности. Они обусловлены главным образом тем, что между абстрактным и конкретным в процессе познания существует противоречие, как правило, очень резкое, так что нужна большая и кропотливая работа мысли, для того чтобы соединить, сочетать эти противоположности. Противоречие между абстрактным и конкретным в мышлении есть выражение общего противоречия между общим и единичным, законом и явлением, сущностью и формой ее проявления. Исходная абстракция выражает сущность явления, но не всегда выражает ее полностью. Она отражает сущность, закон явлений отвлеченно, в чистом виде. Это можно видеть на примере с общественным классом. До сих пор мы рассматривали класс главным образом с экономической стороны. С этой стороны связь между исходной абстракцией и всеми остальными чертами класса не так уж сложна, она более или менее непосредственна. Из различного отношения к собственности на средства производства нетрудно вывести все другие черты и признаки, различающие людей по их классовому положению. Но если мы будем исследовать общественные классы со стороны политической, правовой, идеологической и т. д., другими словами, будем рассматривать политику, идеологию классов и т. п., то это явление предстанет перед нами в еще большей конкретности, чем с экономической стороны. Тогда окажется, что экономическое определение класса по отношению к этой более полной целостности хотя и остается наиболее важным и существенным, но все же есть абстракция, которую нужно наполнить конкретным содержанием. Это лишний раз показывает, как важно учитывать относительность понятий абстрактного и конкретного.

При этом если мы сопоставим исходную абстракцию в определении общественного класса, т. е. отношение людей к средствам производства, с такими ее конкретными проявлениями, как, например, идеология, мораль, философия того или иного класса, то мы увидим, что связь между абстрактным и конкретным не так уж проста и непосредственна. Эта связь существует, ибо отношение к средствам производства есть то главное, то искомое единство, которое проявляется во всем бытии

класса, начиная с экономических и кончая самыми отдаленными и «тонкими» сферами, каковы, например, идеология класса, его искусство, философия и т. п. Но дело в том, что эта связь не непосредственна, и для того, чтобы ее нащупать, обнаружить, мысль должна осуществить процесс *постепенного* восхождения от абстрактного к конкретному. И только тогда класс предстанет во всей своей плоти и крови, во всей своей конкретной полноте и целостности. Нельзя из отношения к средствам производства какого-либо класса непосредственно вывести, например, искусство этого класса. Но такой же ошибкой было бы на этом основании объявить исходную абстракцию фикцией. Такой фикцией буржуазные социологи объявляют классы, а позитивистские философы подобной же фикцией считают всякие законы природы и общества.

В связи с этим следует вспомнить высказывание Энгельса о природе экономических законов. Это высказывание очень метко схватывает сложные и опосредствованные отношения между абстрактным и конкретным. Отвечая К. Шмиду, который не понял взаимоотношения между законом стоимости и нормой прибыли и ввиду несовпадения между ними полагал, что закон стоимости это фикция, Энгельс писал: «Ваши упреки по адресу закона стоимости относятся ко *всем* понятиям (следует заметить, что под понятиями Энгельс здесь имеет в виду законы. — *М. Р.*) ...По той причине, что понятие обладает основной природой понятия, что оно, следовательно, не совпадает прямо и непосредственно с действительностью, от которой его сначала надо абстрагировать, по этой причине оно всегда все же больше, чем фикция; разве что Вы объявите все результаты мышления фикциями, потому что действительность соответствует им (результатам мышления. — *М. Р.*) лишь весьма косвенным окольным путем, да и то лишь в асимптотическом приближении (т. е. никогда не совпадая. — *М. Р.*)»[1].

Дальше Энгельс высказывает очень важные общие соображения относительно соотношения абстрактного и конкретного, закона и действительности. Он указывает, что если бы на каком-нибудь предприятии стали требовать, «чтобы норма прибыли под угрозой разжз-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Письма о «Капитале», стр. 307—308.

лования ее в фикцию была точь в точь одинаковой, скажем, 14,876934... с точностью до ста десятичных знаков в каждом предприятии и в каждом году, то мы бы совершенно превратно поняли природу нормы прибыли и экономических законов вообще; все они не имеют иной реальности, кроме как в приближении, в тенденции, в среднем, но не в непосредственной действительности. Это происходит отчасти вследствие того, что их действие перекрещивается одновременным действием других законов, отчасти же вследствие их природы как понятий» [1].

Из слов Энгельса видно, что отсутствие непосредственного совпадения абстрактного и конкретного объясняется существованием промежуточных звеньев, находящихся между этими обоими противоположными полюсами. Поскольку мысль в своем движении от чувственно-конкретного к абстрактному отвлекается от ряда усложняющих моментов и берет сущность вещи в чистом виде, то обратное движение от абстрактного к конкретному в мышлении требует учета этих выпущенных ранее моментов. Поэтому восхождение от абстрактного к конкретному есть процесс опосредствования исходной абстракции все новыми и новыми сторонами, которые ранее в целях выделения исходной абстракции приходилось опускать. При изучении закона падения тел мы абстрагируемся от сопротивления воздуха падающим телам, т. е. мысль берет явление в чистом виде, создавая абстракцию закона. Но последний не фикция, ибо, идя от абстрактного к конкретному, мысль с помощью найденного ею закона вполне объясняет конкретное, т. е. падение тел, как оно непосредственно нами воспринимается.

Как видно, между абстрактным и конкретным нет прямой связи, к последнему ведет, пользуясь словами Энгельса, окольный путь, путь соединения противоположностей (абстрактного и конкретного) с помощью анализа посредствующих звеньев. Понятие посредствующих звеньев охватывает чрезвычайно широкий круг явлений: в него входят и усложняющие моменты, от которых мы ранее отвлеклись, и новые, изменившиеся условия, в которых действует закон, и развитие самого

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Письма о «Капитале», стр. 308.

исследуемого явления, у которого возникают какие-то новые черты и свойства, модифицирующие действие закона, и ограничение действия одного закона другими, перекрещивание действия различных законов и т. д.

В силу сказанного процесс восхождения от абстрактного к конкретному, процесс воспроизведения в мышлении конкретного очень сложен. Главные его черты на наш взгляд характеризуются следующим.

а) На пути движения от абстрактного к конкретному основная задача состоит в том, чтобы воспроизвести в мышлении всю систему связей и отношений, характеризующих данный предмет как конкретную целостность. Только тогда, когда это будет достигнуто, завершается движение к конкретному в отдельном цикле познания. Чтобы такое движение стало возможным, мысль сначала должна разложить, анатомировать эту систему связей, выделяя из нее такие связи и отношения, которые служат началом, исходным пунктом процесса восхождения к конкретному. В соответствии с этим восхождение от абстрактного к конкретному должно означать построение из начальных простейших связей сложной системы связей и взаимодействия всех сторон и частей целого. Исходная сущность, начало включается в сложные связи, абстрактное — в конкретное, вследствие чего связи и отношения становятся все более многосторонними. При этом процесс воссоздания в мышлении конкретного как целостной системы связей и взаимодействия всех сторон и свойств явления как правило имеет характер отражения развития самого предмета. Явление как совокупность сложных, конкретных связей и отношений не возникает сразу в реальной действительности, поэтому и процесс восхождения от абстрактного к конкретному должен так или иначе отражать это развитие явления. Логика движения мысли не может не совпадать, хотя бы в общем и целом, с развитием самого исследуемого объекта.

б) В связи с этим было бы ошибкой путь к конкретному, которое есть сочетание многочисленных определений, понимать как процесс создания понятий о всех отдельных сторонах конкретного и последующее объединение этих понятий или определений воедино. В действительности это путь синтеза, синтетического выведения, развития из исходной абстракции всего конкретного

многообразия явления. Если главное орудие движения от чувственно-конкретного к абстрактному это анализ, то главным способом исследования на пути восхождения от абстрактного к мысленно-конкретному является синтез. Последний, как было уже сказано, — это не простая механическая сборка разрозненных частей в целое, а способ развития, выведения единичного и конкретного из общего и абстрактного. Только такое синтетическое развитие из одних понятий и определений других, более конкретных может в результате всего пути восхождения воспроизвести конкретное многообразие сторон явления в их единстве. Механическая же «сборка» частей приведет лишь к эклектическому определению целого как суммы сторон вещи.

в) Если восхождение есть процесс выведения, развития конкретного из абстрактного, то оно должно осуществляться таким образом, чтобы каждая новая ступень была непосредственно связана с предыдущей, следовательно, чтобы новое понятие или определение предмета содержало в себе предшествующие понятия и определения в «снятом» виде. Это значит, что путь восхождения должен быть *постепенным,* что недопустимо перепрыгивание через те посредствующие звенья, которые связывают всю цепь в единое целое. Подобно тому как поезд, движущийся к конечной цели, не может миновать промежуточные станции, так и процесс восхождения к конкретному не может опустить то или другое посредствующее звено, находящееся между абстрактным и конкретным. Только в отличие от движения поезда, который может не делать остановок на всех промежуточных станциях, мысленное воспроизведение конкретного не должно игнорировать ни одного посредствующего звена, имеющего хоть сколько-нибудь важное значение для приближения к цели. Любые попытки обойти этот окольный путь и непосредственно связать абстрактное с конкретным неизбежно ведут к ошибкам.

Если с этой точки зрения продолжить рассмотрение примера с общественными классами, то следует сказать, что хотя отношения собственности к средствам производства и связаны с формами сознания, характерными для того или иного класса, но для того, чтобы эту связь установить, нужен анализ многих посредствую-

щих звеньев, соединяющих абстрактное и конкретное. Мы не можем выводить *непосредственно* из экономических условий жизни класса его идеологию, искусство и т. п., подобно тому как Маркс не выводил сразу из стоимости среднюю норму прибыли. Экономические условия жизни класса определяют *непосредственно* политические и правовые отношения, эти последние обусловливают идеологию класса, определенное мировоззрение, мораль, наконец, идеология, мораль класса определяет направление, в котором развивается искусство, отношение искусства к действительности. Если мы все эти стороны жизни общественных классов переплавим в соответствующие понятия и категории, то их субординация, соподчинение могли бы принять вид такой примерно цепочки: экономика, политика и право, идеология, мораль, искусство и т. д. Из этого видно, что между экономикой и искусством находится ряд звеньев, опосредствующих характер классового искусства. Было бы вульгаризацией непосредственно выводить из буржуазных производственных отношений, например, такое направление в современном искусстве, как абстракционизм. Но если учесть, что эти производственные отношения давно уже отжили свой век и не дают широкого простора для развития производительных сил, то станет понятным, что через посредство таких факторов, как соответствующая политика господствующих классов и упадочническое мировоззрение, через антигуманистическую мораль буржуазного общества производственные отношения влияют и на процессы, совершающиеся в искусстве, выступают в роли той *конечной* причины, которая вызывает распад формы в искусстве.

Таким образом, восходя постепенно от такой абстракции, как отношения собственности, и шире, от экономических условий — к все более конкретным связям, проходя такие ступени конкретизации общественного организма, как политика, право, мораль и т. д., мы, естественно, приходим и к искусству, устанавливая объективные закономерности его развития. Каждое новое понятие на этом пути восхождения становится конкретнее, поскольку предшествующее понятие «снимается» в нем и сохраняется лишь в качестве части, стороны, элемента нового понятия. Так, понятие поли-

тики в этом смысле конкретнее понятия экономики, ибо политика предполагает экономику, есть концентрированное выражение экономики. Когда мы говорим о политике какого-нибудь класса, то подразумеваем, что она есть «снятая» экономика, т. е. выражает прежде всего экономические интересы класса, представляет эти интересы. Политика есть синтез, *вывод* из экономических интересов, *развитие* их в политику, в политическую борьбу, в борьбу политических партий.

В свою очередь политика находится в «снятом» виде в таких понятиях, как идеология, мораль, она содержится в них как их существеннейшая сторона, а через политику в понятиях идеологии, морали и т. д. отражаются и экономические интересы класса.

В процессе восхождения от абстрактного к конкретному проявляется природа диалектического отрицания, при котором новое, в данном случае понятия, отражающие новые стороны, свойства, отношения исследуемого объекта, не отбрасывают предшествующие более абстрактные понятия, а усваивают их, превращая их в свою основу или в одну из сторон. Каждая новая ступень в этом процессе, каждое новое понятие и определение становятся все более концентрированными, сгущая в себе результаты предыдущего исследования. Вместе с тем чем дальше мы отдаляемся от исходной абстракции, тем более опосредованными становятся наши понятия.

На пути восхождения происходят метаморфозы понятий, т. е. понятия абстрактные становятся конкретными, а конкретные понятия превращаются в абстрактные. Каждое новое понятие, образуемое в ходе воспроизведения конкретного, конкретно по отношению к предшествующему. Но поскольку затем мысль движется дальше, формулируя более конкретные понятия, то прежнее конкретное понятие становится абстрактным по отношению к этим еще более конкретным понятиям. Например, в «Капитале» Маркс идет от понятия стоимости к понятию прибавочной стоимости. Второе понятие конкретно по отношению к первому. Но Маркс не останавливается на этом. От прибавочной стоимости он переходит к прибыли — более конкретному понятию, чем прибавочная стоимость, которая уже становится абстракцией по отношению к такому развитому и конкретному отношению, как прибыль.

г) По мере восхождения от абстрактного к конкретному в исследование вводятся все новые и новые стороны, усложняющие исходное начало. Идя от отношений людей к средствам производства, к их месту в общественной организации труда, к отношению с другими классами, к политике, праву, психологии, быту, морали, мировоззрению, искусству, мысль охватывает множество сторон и качеств, приближаясь к такому моменту, когда классы будут воспроизведены в мышлении во всей их многогранности, в таком виде, в каком они выступают в реальной, конкретной жизни. Мы снова как бы возвращаемся к тому пункту, с которого началось движение нашей мысли — к реальному, конкретному, данному в живом созерцании, но какая огромная дистанция отдаляет этот исходный пункт от конечного пункта! Тогда и сейчас перед нами находилось конкретное. Но теперь конкретное представляет собой не хаотическую действительность, не хаотическую связь разных сторон, свойств, тенденций, как оно выступало перед нами первоначально, а действительность, осознанную в своей закономерной, существенной связи. Пламя познающей мысли охватило все стороны многообразных явлений и процессов и сплавило их воедино в соответствии с их действительной объективной природой.

* *
*

Мы рассмотрели логику движения мысли с точки зрения соотношения между абстрактным и конкретным преимущественно на материале общественных наук. Но нет никакого сомнения в том, что такова же логика исследования и в естественных науках, хотя, разумеется, в каждой из этих основных областей человеческого знания и вообще в каждой отдельной науке общий закон познания выражается своеобразно.

Это можно продемонстрировать на ходе мыслей в таком классическом труде по естествознанию, как «Жизнь растений» К. А. Тимирязева. Это позволит нам, во-первых, показать всеобщее значение рассматриваемого закона познания и, во-вторых, даст возможность изложить суммарно сказанное выше об этом законе.

Книга Тимирязева посвящена одному из сложней-

ших явлений природы — жизни растения. Поэтому рассмотрение того, каким путем шел этот выдающийся исследователь живой природы, какова логика движения его мысли, представляет для нашей цели большой интерес. Этот интерес усиливается еще и тем, что автор книги был не узким исследователем природы, а мыслителем, стремившимся к выяснению общих вопросов мировоззрения, а также методологии и логики изучения природы. Вследствие этого логические принципы познания в его произведении очень легко прощупываются, да и сам он дает специальные указания относительно того, чем нужно руководствоваться на пути к познанию жизни растений.

С чего же начинает К. А. Тимирязев свое исследование растений? «Для того, чтобы понять жизнь растения, — пишет он, — ...необходимо прежде ознакомиться с его формой; для того, чтобы понять действие машины, нужно знать ее устройство. Бросим же прежде всего беглый взгляд на те внешние, формальные проявления растительной жизни, для наблюдения которых не нужно никакой подготовки, никаких технических приемов исследования»[1].

Так как «ежедневный опыт» возводит начало жизни растения к семени и почке, то с этого, указывает он далее, нужно начать обзор ее внешних проявлений. Далее он дает краткое описание семени, почки, листа, цветка и других частей растения.

Иначе говоря, перед исследователем сложная и конкретная картина растения в ее внешних проявлениях. Эта картина дана непосредственно. Таким образом, здесь началом исследования является конкретное. Но в этом конкретном все части, органы растения относятся друг к другу внешне, т. е. их внутренняя связь и единство еще не выяснены, не познаны. Задача состоит в том, чтобы проникнуть в этот внутренний мир растения. Этого можно достигнуть уже не описанием внешних форм растения, а методом абстракции в сочетании с опытом, экспериментом.

Что же нужно сделать исходным пунктом, началом исследования на новом этапе, после того как мы ознакомились с внешними проявлениями растений?

---

[1] *К. А. Тимирязев,* Жизнь растений, М.—Л., 1936, стр. 74.

Чувственно-конкретное представление о растении связывает начало жизни его с семенем. Казалось бы, с этого и нужно начать исследование жизни растения. «Вправе ли мы, — спрашивает автор, — видеть в нем действительное начало, действительную исходную точку растительной жизни, или, быть может, мы в состоянии раздвинуть далее ее пределы, можем выследить ее до более простейшего начала?» [1]

Семя, говорит Тимирязев, очень сложное тело, и потому оно не может быть ни началом жизни растения, ни, стало быть, началом исследования. Семя — не предельная абстракция, не самое простое и не опосредованное. Тимирязев показывает, что самым простым нужно считать клеточку растения. «В клеточке мы должны видеть простейшее исходное начало всякого организма; ее мы уже не в состоянии разделить на части, способные к самостоятельному существованию; это — действительный предел, далее которого не идет наш морфологический анализ, это — органическая единица» [2].

Итак, путем движения от конкретного к абстрактному, посредством «морфологического анализа» найдена, вычленена та «действительно предельная» абстракция, которая отражает истоки жизни. Это — клеточка. Из нее следует выводить все остальное; «клеточка — это кирпич, из которого выведено здание растения» [3].

Из всего сказанного Тимирязев делает логическое заключение: «Подобно тому, как в химии мы начинаем изучение веществ с простых тел, элементов, и затем переходим к их соединениям, так и в настоящем случае изучение растительных органов должно начинать с их *элементарного органа* — клеточки» [4].

Как видно, процесс исследования жизни растения на первом этапе полностью совпадает с теми общими принципами, которые были указаны выше. Исследование это подчинено общему закону познания, согласно которому мысль вначале движется от конкретного к абстрактному с целью нахождения «исходной» «предельной» абстрак-

---

[1] *К. А. Тимирязев*, Жизнь растений, стр. 82.
[2] Там же, стр. 85.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 86.

ции, выражающей как сущность, так и исток явления. И в данном случае логическое начало исследования совпадает с исторически первым: из одноклеточных существ возник весь сложный мир органических форм.

Какова же логика дальнейшего исследования жизни растений? Сам Тимирязев формулирует ее как «постепенно восходящий синтетический путь»[1]. Проникнув глубоко в клеточку — эту лабораторию жизни и выяснив, как в ней осуществляются жизненные процессы, ассимиляция нужных для жизни простейшего органа веществ, Тимирязев затем отправляется в длительный путь восхождения от клеточки ко всем другим частям и органам растения, *выводя* их из нее, синтетически развивая из простого сложное, из сущности явление, из абстрактного конкретное. На этом пути он рассматривает семя, корень, лист, стебель, явления роста, цветок и плод. При этом последовательность перехода от одних понятий к другим соответствует реальному процессу усложнения самого растения: семя рассматривается после клетки, лист — после семени и корня и т. д. В заключение на основе исследования всех проявлений жизни растения Тимирязев сжато раскрывает процесс исторического развития органических форм.

Закончив длительный и сложный путь познания жизни растения, Тимирязев дает превосходный очерк логики исследования, которой он руководствовался в своей работе: «Поставив себе целью ознакомиться с жизнью растения, мы в первой лекции старались разложить это сложное явление на его элементы, показав, что растение состоит из органов, что эти органы состоят из простейших органов — из клеточек, которые в свою очередь представляют агрегат известных химических тел. Согласно с этим результатом анализа, мы затем в обратном, восходящем, синтетическом порядке ознакомились со свойствами этих веществ, с жизнью клеточки, с жизнью органов, с жизнью целого растения и, наконец, ...с жизнью всего растительного мира»[2]. В этих словах изложен *общий закон познания* — закон движения мысли от конкретного к абстрактному и восхождения от абстрактного к конкретному.

---

[1] *К. А. Тимирязев*, Жизнь растений, стр. 88.
[2] Там же, стр. 300.

Этот же закон познания Маркс раскрыл на совершенно другом материале. Он указал, что в мышлении конкретное «представляется как процесс соединения, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собою исходный пункт в действительности и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления» [1].

Таково взаимоотношение абстрактного и конкретного в отдельном процессе познания.

Соотношение конкретного и абстрактного в историческом процессе развития познания

В силу принципа совпадения логического и исторического можно утверждать, что соотношение между абстрактным и конкретным в отдельном и в историческом процессе познания тождественно. Действительный ход исторического развития познания, история науки полностью это подтверждают. Подробно анализировать этот большой вопрос здесь нет возможности, вследствие чего мы ограничимся лишь некоторыми самыми общими замечаниями.

Если взять историю человеческого познания в целом, то нетрудно убедиться, что оно проделывает тот же путь от чувственно-конкретного к абстрактному и от него к мысленному конкретному. Правда, здесь нельзя устанавливать хронологический рубеж, до которого человеческое познание шло от конкретного в действительности к абстрактным началам и затем от них к конкретному в мысли. Но общая тенденция движения именно такова. Природа стояла перед человеком на заре его жизни как сложное, загадочное явление, не познанное еще ни в целом, ни в своих отдельных частях. Необходимость добывания средств к существованию принуждала людей сначала инстинктивно, а затем все более осознанно проникать в причинную связь явлений. С возникновением научного познания начинается история сознательного наступления на тайны природы на основе практического освоения мира. Исходным пунктом созерцания и представления, *началом* этого длительного, тысячелетнего пути могла быть лишь действи-

[1] *К. Маркс*, К критике политической экономии, стр. 213.

тельность в ее конкретном многообразии. Не случайно поэтому на науке древних времен лежит неизгладимая печать чувственно-конкретного ви́дения и подхода к действительности. Когда Фалес, Гераклит и другие античные мыслители пытались найти «корень жизни», какое-то общее начало природы, проявляющееся во всех его процессах, они видели этот корень в чувственно-конкретных вещах, таких, как вода, огонь и т. п.

Уже в этот период перед древними мыслителями стояла проблема абстрактного и конкретного, поскольку они пытались вычленить из конкретного многообразия природы такое общее начало, на котором зиждется все разнообразие вещей и процессов. Взятые в качестве такого начала вода, огонь, воздух суть абстракции, результат вычленения из множественного, делимого единого и неделимого. Атомы Левкиппа и Демокрита были результатом дальнейшего углубления мысли в сущность природы и означали бо́льшую степень абстрагирования от конкретного. Древние философы пытались осмыслить эту закономерность процесса познания, понять соотношение, как они говорили, между многим и единым, делимым и неделимым. Аристотель, например, указывает в «Метафизике», что «множественность и делимое в большей мере усматривается восприятием, нежели неделимое, так что по понятию своему множественность, если подходить с точки зрения чувственного восприятия, идет раньше неделимого. С единым стоит в связи... тождественное, сходное и равное, с множеством — иное, несходное и неравное»[1]. Таким образом, конкретное, состоящее из множества явлений, воспринимается раньше единого, в котором множество снимается, и это единое представляет собой абстракцию.

Пытаясь затем вывести из своих начал все конкретное многообразие проявлений природы, древние мыслители проделывали путь от единого к множественному, от неделимого к делимому, т. е. от абстрактного к конкретному.

Общий ход всего человеческого познания также имеет свою диалектику соотношения между абстрактным и конкретным, вследствие чего каждый исторический этап познания занимает определенное место по отношению

[1] *Аристотель,* Метафизика, стр. 168.

к целому. *По отношению к дальнейшему развитию познания* древняя наука и философия были ступенью преимущественно *конкретного* видения действительности, т. е. таким историческим этапом в общем развитии человеческих знаний, когда главная задача заключалась в воспроизведении чувственно-конкретной картины мира.

Дальнейшее развитие научных знаний шло по пути все большего усиления роли абстракций. Это выразилось уже в факте дифференциации науки. По мере роста знаний единая и конкретная природа разделялась, расчленялась в познании на многочисленные отдельные стороны, каждая из которых исследовалась и изучалась специальными науками. Этот процесс дифференциации наук еще больше усилился в наше время, что объясняется прогрессом знаний, проникновением человеческого взора в такие глубины материи и формы ее движения, о которых раньше невозможно было и мечтать. Исследование каждой наукой той или иной стороны природы как конкретной целостности также происходит в направлении от конкретного к абстрактному.

Следовательно, уже сама структура науки, ее историческое развитие от единой нерасчлененной, недифференцированной науки к множеству специальных наук отражает движение человеческой мысли от конкретного к абстрактному. И в этом факте наблюдается полное совпадение исторического и логического процесса познания, которые одинаково представляют движение от конкретного к абстрактному.

Будучи выражением движения человеческого познания от конкретного к абстрактному, дифференциацию наук нельзя абсолютизировать. Она столь же диалектична, как любой другой процесс познания. Познавая с помощью многих наук различные области и сферы объективного мира, наука одновременно идет и по противоположному пути восхождения от абстрактного к конкретному, т. е. к охвату с разных сторон единой природы. Диалектика развития научного познания такова, что чем глубже и точнее постигаются отдельные стороны целого, тем ближе мы подходим к моменту синтетического охвата результатов, добытых отдельными науками. Отдельные, дифференцированные науки существуют не сами по себе, не как груда разрозненных

кирпичей, а как части и стороны одного и того же единого здания науки.

С точки зрения общего развития научных знаний процесс восхождения от абстрактного к конкретному проявляется в различных формах.

Во-первых, все теснее и неразрывнее становится связь между отдельными науками. Особенно эта связь видна между физикой и химией, между этими науками и биологией, между математикой и многими другими науками, между кибернетикой и физикой, биологией, физиологией и др., между физикой и космогонией, между естественными и общественными науками и т. д. В последнее время возник целый ряд наук, объединяющих различные области знаний, как бы пограничных, связывающих разные стороны природы, например физическая химия, астрофизика и т. п.

Все возрастающий контакт между разными областями знаний, необходимость одной науки обращаться к результатам другой науки диктуется не произвольными стремлениями ученых к единству, а есть выражение внутренней связи и взаимозависимости качественно разнородных явлений и процессов объективного мира, исследуемых отдельными науками. Например, когда наука о происхождении жизни обращается к данным современной физики и химии, то это обусловливается объективной связью между неорганическим и органическим миром, их единством, переходом одного в другое. Когда химик для объяснения сущности химических превращений привлекает учение физики о строении атома, то это также обусловлено связью, переходами физической и химической форм движения. Подобными же причинами объясняется связь и взаимозависимость между другими науками. Но вместе с тем все эти связи наук есть и выражение процесса постепенного восхождения от абстрактного к конкретному, ибо, связывая результаты различных областей знания воедино, наука все полнее воспроизводит конкретный мир в его целостности.

Во-вторых, если конкретное есть единство многообразного, то помыслы науки должны быть и были направлены на то, чтобы найти, обнаружить единство природы, единство ее законов, объясняющих связь и взаимозависимость всех качественно разнородных явле-

ний. Но путь к пониманию этого единства был далеко не прямым и проходил через такие стадии, когда для объяснения качественно различных явлений создавались всевозможные искусственные «субстанции». Развитие естествознания состояло в том, что оно опровергало одну за другой подобные «субстанции», которые будто бы порождали качественное многообразие природы (теплород, электрические и магнитные жидкости, эфир, жизненная сила и т. п.). Наука еще в XIX в. установила, что единство мира заключено в его материальности, и на этой базе она стремилась связать воедино все проявления природы. Не множество, а одна единая «субстанция» — материя, находящаяся в состоянии беспрерывного развития и изменения, есть та творческая сила, из которой можно и нужно объяснить все естественные явления и процессы.

Новейшее развитие естествознания, особенно физики, еще глубже раскрыло это единство мира, доказав материальное единство таких абсолютно разделявшихся раньше явлений, как вещество и поле, неразрывно связав массу и энергию, обнаружив единую корпускулярно-волновую природу материальных объектов, установив факт взаимопревращаемости элементарных частиц и т. д. Современная наука бьется над тем, чтобы объединить результаты квантовой физики и теории относительности в единую теорию на основе общих свойств и законов развития материи.

В этом же направлении идет и развитие общественной науки. Марксизм открыл ту общую основу, из которой в конечном счете возникают и развиваются все общественные явления. Эта основа — условия материальной жизни людей, конкретнее, общественный способ производства. В этой основе заключено единство, взаимосвязь и взаимодействие всех сторон и форм общественной жизни. Благодаря марксизму впервые удалось научно объяснить всю историю общества не как сумму разрозненных событий и процессов, а как единый естественноисторический закономерный процесс, в основе которого лежит развитие материального способа производства.

Всемирно-историческое значение открытия Маркса состоит также в том, что оно ликвидировало метафизический дуализм общества и природы, ибо оказалось, что

общественная жизнь, хотя она и отличается существенно от природы, также материальна, но материальность эта своеобразная: общественная «материя», т. е. условия материальной жизни людей, играет решающую роль в развитии общества. Марксизм установил качественное своеобразие общественных законов в их отличии от действующих в природе законов.

Все сказанное означает, что научное знание шло и идет по пути восхождения от абстрактного к конкретному, все глубже и точнее отражая связь и взаимодействие всех сторон и свойств объективного мира.

В-третьих, в процессе восхождения от абстрактного к конкретному огромную роль играют открываемые наукой общие законы, охватывающие своим действием самые различные области объективного мира. В этом смысле любой, даже сугубо частный закон имеет большое значение для достижения конкретного знания о предметах, ибо закон — это единство существенных связей и отношений вещей. Открыв такой закон, наука с его помощью объясняет конкретное разнообразие явлений. Но особенно важно значение общих, широко действующих законов, каковы, например, закон сохранения массы, закон сохранения и превращения энергии или — в области общественной жизни — закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил и др.

Важная роль подобных законов заключается в том, что они объясняют связь и единство очень большого количества фактов, тем самым позволяя человеческому познанию тверже и увереннее идти по пути синтетического восхождения. Поэтому вполне справедлива та оценка, которая дается, например, открытию Ньютоном законов, объединяющих такие две совершенно самостоятельные области, как движение звезд на небе и движение тел на земле. Это открытие естествоиспытатели правильно называют «чудом» и указывают, что тот, кто не прочувствовал всего значения этого чуда, не может и надеяться сколько-нибудь понять дух современной науки о природе.

Еще большим «чудом» можно считать открытие закона сохранения и превращения энергии, который Энгельс назвал абсолютным законом природы. Открытие этого закона покончило с разрывом разнообразных

форм материального движения, доказав связь и взаимопревращаемость всех форм движения и дав в руки человека могущественное орудие познания многообразия природы в их глубочайшем единстве.

Современная атомная физика, углубляясь в сущность элементарных частиц, раскрывая сложные свойства микрообъектов, открыла и продолжает открывать такие законы, которые еще глубже объясняют основу, единство бесконечно разнообразного мира явлений и процессов.

Основная тенденция развития науки, связанная с развитием знаний о природе, с растущими возможностями познавать глубже сущность материи, состоит в открытии законов, охватывающих все более широкие области явлений, исследовании связи и единства законов, казавшихся ранее изолированными. Так, на базе успехов новой физики было установлено неразрывное единство закона сохранения массы и закона сохранения энергии и сформулирован единый закон сохранения массы и энергии. Для вновь создаваемых теорий характерно то, что они устанавливают ограниченность ряда законов, познанных ранее, указывают сферу их действия, которая оказывается лишь стороной, частью более широкого круга явлений, управляемых более общими законами. Это хорошо видно из сопоставления законов классической и квантовой механики, эвклидовой и неэвклидовой геометрии, классического принципа относительности, обобщающего лишь механические явления, и современной теории относительности и т. д.

Развитие отдельных теорий также идет по пути роста обобщений, захватывающих в свою орбиту новые стороны и свойства объективного мира. Если, например, специальная теория относительности применима лишь к инерциальным системам, то общая теория относительности снимает эту ограниченность, исследуя глубже и шире связи материи, пространства и времени.

Сами естествоиспытатели дают такое образное выражение этой тенденции развития научных знаний: «Создание новой теории непохоже на разрушение старого амбара и возведение на его месте небоскреба. Оно скорее похоже на восхождение на гору, которое открывает новые и широкие виды, показывающие неожиданные связи между нашей отправной точкой и ее богатым

окружением. Но точка, от которой мы отправлялись, еще существует и может быть видна, хотя она кажется меньше и составляет крохотную часть открывшегося нашему взору обширного ландшафта»[1].

Это очень удачный образ, он хорошо разъясняет закономерность развития познания. Чем шире делаемые наукой обобщения, чем более общие и глубокие законы ею открываются, тем целостнее и конкретнее предстает перед нами природа, объективный мир. Это значит, что движение от абстрактного к конкретному воспроизведению мира есть непреложный закон познания. Подобно тому как через относительные истины мы приближаемся к абсолютной истине, подобно этому благодаря расширению и углублению научных абстракций картина природы становится конкретнее.

Наконец, одна из важнейших форм действия этого закона познания состоит в том, что прогресс науки и исторической практики человечества позволяет создать наиболее общий синтез всех знаний в виде философского учения, философского мировоззрения. Теми общими законами науки, о которых шла речь, не ограничиваются возможности обобщения. Как бы широки ни были обобщения конкретных наук, они имеют свои границы, предмет их исследования ограничен. Например, при всей обширности явлений, исследуемых физикой, она все же не может претендовать на обобщение в своих законах биологических или социологических явлений. Между тем вклад, вносимый каждой отдельной наукой в дело конкретного воспроизведения объективного мира, а также успехи практического освоения мира дают возможность обнаружить *наиболее общие законы,* которым подчиняется все существующее. Эти законы и выражают самое глубокое, самое существенное единство всех сторон и отношений объективного мира. Обнаружить такое наиболее общее единство явлений способна лишь философская наука, опираясь на богатейшие данные специальных наук и на развитие общественной практики. При этом современная научная философия понимает задачу подобного предельного обобщения не в духе старых натурфилософских теорий, не в плане отыскания каких-то «конечных причин», «ко-

[1] *А. Эйнштейн и Л. Инфельд,* Эволюция физики, стр. 156.

нечных субстанций» мира и т. п., а в таком философском синтезе достижений науки и практики, который позволил бы охватить все многообразие явлений как единое целое, установить то общее, что связывает между собой самые разнообразные стороны и сферы действительности. Развитие науки и практики с необходимостью подводит к такому синтезу, подобно тому как аналогичная потребность для каждой отдельной науки заставляет охватывать единой идеей все многообразие исследуемых ею явлений. Нельзя быть последовательным, признавая такую необходимость для обобщения каждой отдельной области объектов, и не признавать ее для научного знания о мире в целом.

Положения диалектического материализма о материальности мира, о первичности материи и вторичности сознания, о неразрывности материи и движения, о пространстве и времени как формах движущейся материи, о детерминированности явлений, о самых общих законах развития и т. д. суть наиболее широкие обобщения. И их значение определяется не только тем, что они дают концентрированное представление об объективном мире, т. е. мировоззрение, связывая все знания в единый узел, но и тем, что они указывают угол зрения на явления, способы подхода к ним, короче, играют активную роль во всем процессе движения познания от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному.

Об ошибочной теории «разлада» между ростом научных абстракций и конкретностью чувственного мира

Таким образом, движение мысли от абстрактных представлений о природе ко все более конкретным понятиям есть закономерность познания. Рассмотрим теперь вопрос, поставленный в начале этой главы: существует и расширяется ли пропасть между миром, данным непосредственно в наших восприятиях, повседневным миром явлений и «абстрактным» миром науки. Собственно говоря, после всего сказанного выше ответ на этот вопрос очевиден: не может быть пропасти между этими двумя мирами, как и вообще безоснова-

тельно само утверждение о каких-то двух мирах. Мир науки, научных формул не может существовать независимо от реального мира. Наука в процессе своего развития все точнее отражает объективную природу, поэтому научные теории должны сливаться с сущностью самой действительности, т. е. выражать объективную истину.

Какие же основания существуют для утверждения о разрыве между абстракциями науки и конкретным миром действительности? Предоставим слово тем крупным естествоиспытателям, которые отстаивают этот взгляд. В ряде своих работ В. Гейзенберг пытается осмыслить основную тенденцию исторического развития науки с точки зрения соотношения между конкретностью, наглядностью реального мира и углубляющейся абстрактностью науки. Тенденцию развития науки он определяет так: «...понятия, с которыми имело дело естествознание (в процессе своего исторического развития. — *М. Р.*), становились более абстрактными и менее наглядными» [1]. Свой тезис Гейзенберг иллюстрирует на большом материале. Противопоставляя реальное описание движения тел у Аристотеля галилеевскому закону падения тел как два противоположных подхода к природе, из которых первый основывается на чувственном восприятии, а второй на абстракции, он показывает, как, начиная с Галилея, каждый новый шаг в развитии науки отделял естествознание от непосредственного мира, дойдя в современной атомной физике до полного разрыва с чувственным миром.

Гейзенберг подчеркивает величайший прогресс научного знания, развивающегося в форме абстракций. Он правильно усматривает сущность указанной тенденции в том, что все теснее и глубже познается единство мира, общие законы, управляющие самыми разнообразными явлениями природы. Новые понятия науки он считает основными, «потому что они охватывают бесконечное разнообразие явлений чувственного мира стройной единой системой, делая его, таким образом, доступным пониманию» [2]. Эту мысль он настойчиво повторяет,

---

[1] *В. Гейзенберг,* Философские проблемы атомной физики, стр. 63.

[2] Там же, стр. 64.

действительно схватывая квинтэссенцию главного направления развития человеческих знаний. Он пишет, что, становясь «все более и более абстрактным, естествознание приобретает в то же время новую силу. *Оно оказывается в состоянии вскрывать внутренние связи между самыми различными явлениями и сводить их к общему источнику*»[1].

Подчеркнутые нами слова правильно выражают движение познания от абстрактного к конкретному. Ибо конкретное есть соединение «самых различных явлений», самых различных сторон сложной природы воедино, в «общем источнике», мысленное воспроизведение из этого общего источника реальной картины мира.

Правильно поняв сущность процесса познания, Гейзенберг делает, однако, из этого ошибочный философский вывод. «В наше время оказалось, — пишет он, — что такая картина (т. е. физическая картина мира, создаваемая современной наукой. — *М. Р.*) с увеличением точности становится все более и более удаленной от живой природы. Наука имеет дело уже не с миром непосредственного опыта, а лишь со скрытыми основами этого мира, обнаруженными нашими экспериментами. Но это вместе с тем означает, что объективный мир в известной мере выступает как результат наших активных действий и совершенной техники наблюдения. Следовательно, здесь мы также вплотную наталкиваемся на непреодолимые границы человеческого познания»[2].

В этих словах содержатся, собственно, два философских вывода: 1) чем абстрактнее становятся научные понятия и формулы, тем дальше человеческое знание уходит от «живой природы» или, как говорит Гейзенберг, унификация естественнонаучной картины мира куплена ценой «отказа от того, чтобы при помощи естествознания представить явления природы в их непосредственной жизненности»[3]; 2) чем абстрактнее понятия науки, тем больше стирается грань между объектом и субъектом и создаваемая наукой картина мира ста-

---

[1] *В. Гейзенберг,* Философские проблемы атомной физики, стр. 63.

[2] Там же, стр. 65.

[3] Там же, стр. 33.

новится все более субъективной, зависящей от нашего подхода, от наших измерений, наших приборов и т. п. Эту мысль особенно резко он выразил в своей работе «Картина природы с точки зрения современной физики» (1955 г.). «Цель исследования, — заявляет он, — уже не познание атомов и их движения «в себе», т. е. независимо от нашей экспериментальной постановки вопроса; скорее, идет с самого начала полемика между природой и человеком, а естествознание является лишь частью этой полемики, так что ходячее деление мира на субъект и объект, внутренний и внешний мир, тело и душу не годится и порождает только трудности. И в естествознании[1] *предмет исследования также, следовательно, уже не природа в себе, а природа, обусловленная человеческой постановкой вопроса,* поскольку человек здесь встречает лишь себя»[2].

Мысль о том, что современная наука в силу своей абстрактности стирает различие между субъектом и объектом встречается и у других естествоиспытателей. Так, например, М. Борн в статье «Физическая реальность», защищая положение об объективной реальности внешнего мира, вместе с тем заявляет: «...Квантовая механика разрушила различие между объектом и субъектом, ибо она может описывать ситуацию в природе не как таковую, а только как ситуацию, созданную экспе-

---

[1] Гейзенберг считает ситуацию, сложившуюся в естествознании, лишь одним из проявлений общего положения вещей в современном мире. Раньше человеку противостояла природа, и он вел борьбу против нее, добиваясь власти над ее силами. Теперь, когда последнее достигнуто, человеку противостоит не природа, а человек же. «Человек противостоит лишь самому себе». Угроза человеку ныне идет со стороны другого человека. В этом смысле человек всюду встречает только «себя», структуры и ситуации, порожденные им самим. Несмотря на то что некоторые положения этого тезиса являются спорными, автор уловил все же в современной ситуации нечто такое, что в самом деле имеет место, но неправильно истолковывал его. Действительно, в современном обществе существуют такие социальные группы людей (а не «человек» вообще), которые хотели бы завоеванную власть над природой обратить против человечества, развязать силы атомной энергии в разрушительных целях, превратить силы, таящие в себе невероятные и невиданные раньше возможности обеспечения жизни человека, в демонические силы войны. Кто представляет эти социальные группы, какова их классовая сущность, хорошо известно.

[2] *W. Heisenberg,* Das Naturbild der heutigen Physik, S. 18.

риментом человека... Атомный физик далеко ушел от идиллистического представления старомодного натуралиста, который надеялся проникнуть в тайны природы, подстерегая бабочек на лугу»[1].

Указанные два философских вывода, делающиеся из ошибочной трактовки соотношения между абстрактным и конкретным, заслуживают критического разбора. Это поможет с некоторых новых сторон подойти к рассматриваемому нами вопросу.

Бесспорно, что по мере роста научных знаний растет и расширяется абстрагирующая деятельность мышления. Но значит ли это, что с усилением данной тенденции картина мира становится все более удаленной от живой природы? Значит ли это, далее, что теперь недостижима цель отражать и познавать природу «как она есть?» Нет, конечно.

Выше было сказано, что при помощи научной абстракции мы не отходим от непосредственной жизненности явлений, а в конечном счете *приближаемся* к ней. *Именно этим* объясняется тот факт, что с ростом научных абстракций наши знания о природе становятся все более и более точными, адекватными объективному миру. Этого не отрицают и сами естествоиспытатели, указывающие, что абстракции вскрывают внутренние связи явлений и делают их доступными человеческому пониманию. Воспользуемся примером, приводимым Гейзенбергом. Аристотель, объясняя падение тел, описывал реальное их движение в природе и установил, что легкие тела падают более медленно, чем тяжелые. Отправным пунктом рассуждений Галилея об этом была абстракция, так как он поставил вопрос в общей, абстрактной форме: как будут падать тела, если не будет сопротивления воздуха. Кто же давал более точное описание данного явления — Аристотель с его чувственно конкретными представлениями, отражавшими явление в его непосредственной видимости, или Галилей с его абстракциями? Ответ совершенно ясен. Но если был прав Галилей, а не Аристотель, то какие основания существуют, чтобы делать вывод о том, что абстракции удаляют человеческое познание от природы? Ведь по-

[1] *М. Борн*, Физическая реальность, «Успехи физических наук», т. LXII, вып. 2, 1957, стр. 137.

знание не останавливается на абстракции. С помощью абстрактного оно идет снова к конкретным явлениям в их жизненности и объясняет, почему, в силу каких причин тела падают на землю неравномерно. Аристотель считал также, что движущееся тело останавливается, если прекращается действие внешней силы, толкающей его. Такое понимание также было продиктовано одним чувственным наблюдением. Но Галилей, как известно, опроверг и этот вывод Аристотеля, объяснив с помощью абстракций (а также ряда экспериментов) явление инерции. Позже Ньютон сформулировал «абстрактный» закон инерции, который намного точнее отражает природу, чем самые жизненные представления, взятые из непосредственного опыта.

Эти примеры показывают, что для того, чтобы адекватно познать природу, научное знание *должно* стать на путь абстракции. Если абстракции дают науке возможность познавать природу все глубже, то что же удивительного в том, что по мере углубления человеческих знаний растет и число абстракций и сама форма выражения этих знаний становится все труднее и сложнее, принимая более абстрактный вид? В этом объективная закономерность развития познания. Чем глубже наука проникает в скрытую основу вещей, чем больше она обнажает сущность явлений и процессов, тем абстрактнее *по форме* выражаются результаты, достигаемые наукой. Современные данные атомной физики не могут быть выражены в чувственно-наглядной форме, они формулируются с помощью сложных математических уравнений. Но разве это снижает огромное объективное содержание, заключенное в научных абстракциях? Напротив, диалектика развития здесь такова, что, чем абстрактнее форма выражения, тем *конкретнее* и *содержательнее* становятся наши знания о природе. Например, теория относительности как современная физическая теория пространства и времени значительно абстрактнее ньютоновской теории. Но столь же ясно, что она намного *конкретнее* старых представлений, разделявших пространство, время и движущуюся материю, хотя эти представления и были более наглядными и доступными здравому смыслу. Речь при этом, разумеется, идет не о том, что наука *должна искусственно* стремиться к абстрактной форме воплощения своих ис-

следований. Но такой путь движения есть объективный, независимый от желания и произвола людей закон познания. Этот закон ярко и хорошо выражен в следующих словах В. И. Ленина: «*Бесконечная* сумма общих понятий, законов etc. дает *конкретное* в его полноте» [1]. Только позитивисты могут требовать, чтобы современные знания основывались на принципе «наблюдаемости», и объявлять все ненаблюдаемое нереальным, необъективным и т. п. С подобными принципами наука и шагу не могла бы сделать вперед не только в наше время, но и на самых ранних этапах своего развития, ибо уже *первые* шаги науки по пути познания природы были связаны с необходимостью производить абстракции.

Поэтому единственный смысл, который содержится в жалобах на то, что с развитием науки познание все больше удаляется от «непосредственной жизненности» природы, можно видеть лишь в том, что добываемые наукой результаты очень трудно перевести в чувственно-наглядную форму. Однако если строго подходить к этой стороне вопроса, то то же самое можно сказать о *любом* понятии. Не только корпускулярно-волновую природу электрона или природу фотона невозможно выразить в «непосредственно жизненном» виде, но и такие простые понятия, как «человек», «растение», «лошадь», «камень» и т. п. Но от этого не перестают быть реальностью ни человек, ни растение, ни другие объективные явления.

На этом примере видна ошибочность отождествления конкретного с чувственно-наглядным представлением. Многие знания о явлениях невозможно выразить при помощи чувственной наглядности, но от этого они не перестают воспроизводить в мышлении явления в их конкретности, как единство многочисленных определений, как единство в многообразии. Наоборот, в этом состоит единственная возможность сблизить мысль с конкретным объективным миром. Абстрактное и непосредственное жизненное, расходясь, сходятся, сближаются. В этой диалектике сказывается действие закона отрицания отрицания: нужно отойти от непосредственно данного, чтобы к нему вернуться, но вернуться на не-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 38, стр. 275.

измеримо более глубокой основе. Как ни далеки от «непосредственной жизненности» явлений объективного мира теории атомной физики, именно они позволяют проникнуть в явления объективного мира, в противном случае последние при всей их жизненности и непосредственности остались бы для нас пустым звуком. Разве тот факт, что я знаю, что солнечный луч есть вид энергии, получаемый в результате сложных ядерных процессов, совершающихся на солнце, отдаляет меня от непосредственной жизненности данного явления?

Буржуазные экономисты в свое время упрекали Маркса за то, что его теория прибавочной стоимости не имеет ничего общего с «непосредственной жизненностью» капиталистической прибыли. Но дело в том, что «непосредственная жизненность» прибыли затемняет сущность прибавочной стоимости, и потребовались «головокружительные» абстракции, чтобы это явление было познано, представлено действительно во всей своей жизненности.

В силу этого движение от абстрактного к конкретному есть движение к чувственному миру, но движение возвратное, позволяющее видеть, понимать этот мир значительно лучше, чем это можно делать тогда, когда мысль только начинает путь от чувственно-конкретного к абстрактному. В этом смысле конкретное, полученное в итоге всего процесса познания, есть возврат к «непосредственной жизненности» исследуемых объектов, но возврат уже с найденным компасом, дающим возможность уверенно ориентироваться в чувственном мире.

Самое главное, что *сближает* абстрактное с конкретным, — это практика, практическая деятельность людей. Какими бы абстрактными ни казались научные понятия и выводы, есть один критерий, который делает их доступными для людей, придает им характер непосредственной жизненности, этот критерий — практика. Сами естествоиспытатели вынуждены признавать это, что бы они ни говорили насчет удаления науки от реальной природы. Тот же Гейзенберг, говоря о том, что абстрактные понятия современной физики охватывают бесконечное разнообразие явлений чувственного мира, заявляет, что «последнее доказано техникой, которая развилась на основе этой системы понятий и сде-

лала человека способным использовать силы природы для своих целей»[1]. Именно эта способность абстрактных научных понятий вооружать практику знаниями в целях использования сил природы лучше всего доказывает конкретный и жизненный характер современного знания.

Вот почему правы те естествоиспытатели, которые, констатируя рост абстрактного характера современной науки о природе, делают вывод не об углублении пропасти между наукой и реальным миром, а о их постоянном сближении. В этом отношении чрезвычайно ценно указание М. Планка о том, что, как это ни парадоксально, «прогрессирующий отход физической картины мира от чувственного мира означает не что иное, как прогрессирующее сближение с реальным миром»[2].

Все это опровергает и второй, приведенный выше философский вывод, касающийся соотношения субъекта и объекта на базе достигнутых знаний и современных методов научного исследования. Нет никакой принципиальной разницы в соотношении между субъектом и объектом в прошлом и соотношением между ними сейчас. Различие состоит лишь в том, что раньше, когда наука не способна была еще так глубоко раскрывать сущность природы, как теперь, можно было, употребляя образное выражение Борна, узнать некоторые тайны природы, наблюдая бабочек на лугу. Сейчас же в связи с исследованием таких глубоко скрытых от непосредственного взора явлений как «элементарные» частицы, изучением миров, отдаленных от земли миллиардом световых лет, и т. п. несравненно выросла роль субъекта, активность его мышления, методы изучения стали сложнее. Ныне для познания природы создаются такие могущественные средства, как синхрофазотроны, искусственные спутники Земли, «Лунники» и т. п. Но это не отменяет того *общего* для любой ступени развития науки положения, что познание есть акт взаимодействия между субъектом и объектом, в процессе которого субъект, т. е. мыслящий человек, познает свойства и законы объективного мира, познает не себя, не произ-

[1] *В. Гейзенберг,* Философские вопросы атомной физики, стр. 64—65.

[2] *M. Planck,* Das Weltbild der neuen Physik, Leipzig, 1953, S. 14—15.

вольные колебания своего мозга, а реальную, объективно существующую природу, природу «в себе». Ссылка на то, что квантовая механика может описывать лишь ситуации, создаваемые человеческим экспериментом, не подтверждает ложного тезиса об исчезновении различия между субъектом и объектом. В ситуациях, вызываемых человеческим опытом, экспериментом, отражаются и познаются объективные свойства реальных явлений. Иначе невозможно было бы практическое использование этих свойств и законов природы в интересах человека. Подобно тому, как в практике оживляются абстракции, подобно этому в практике же проверяется и подтверждается их объективность.

Различие между субъектом и объектом в процессе развивающегося познания стирается лишь в том смысле, что, чем глубже и точнее наука познает явления и законы природы, тем больше мысль (субъект) совпадает с объектом, тем меньше пропасть между ними. В этом смысле человеческое познание стремится к полному слиянию с объективным миром. Процесс такого слияния теоретически и практически не имеет границ. В этом процессе абстрактное становится все более конкретным, картина природы приобретает в человеческом мышлении все более целостный и объективный характер. В этом и заключается сущность движения познания от абстрактного к конкретному.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы попытались рассмотреть и изложить некоторые важнейшие принципы диалектической логики и применить их к анализу ряда конкретных вопросов многостороннего процесса познания. Выводы, которые следуют из вышеизложенного, можно свести к нескольким основным положениям.

1. В своем поступательном развитии человеческое познание накопило огромный опыт, обобщение которого дает полную возможность понять, каковы законы мышления, законы развития, развертывания процесса познания, каковы основные логические принципы, следуя которым мысль в тесном содружестве и неразрывной связи с практикой проникает в глубочайшую сущность природы с целью подчинения ее сил потребностям людей.

Человеческая мысль, познание историчны, в силу чего и наука о мышлении есть наука о его историческом развитии, о процессе постепенного становления и формирования законов познания. Только опираясь на исторический опыт отражения в человеческом мозгу внешнего мира, складывавшийся на базе исторического развития общества в целом, можно осознать эти законы и сделать их орудием осмысленного подхода к действительности.

Вследствие этого логика как наука о мышлении и его законах способна быть истинным руководством в познании лишь тогда, когда она рассматривает объективную действительность и отражение ее в мысли в беспрерывном развитии и изменении, в процессе пере-

хода от одних форм к другим, в постоянном возникновении и преодолении противоречий, дающих стимулы к развитию.

Диалектическая логика и есть такое учение о мышлении, о познании. Поэтому она является тем всеобщим логическим базисом человеческого познания, на котором по существу зиждется все здание современной науки, независимо от того, сознают это или не сознают отдельные ученые. Законы познания имеют столь же принудительный характер, как и законы общественного развития вообще, и рано или поздно они должны быть осознаны.

2. Диалектическая логика как учение о развитии мышления дает ключ к пониманию места и значения формальной логики, ибо с высоты, достигнутой первой, ясно видна важная роль в познании и вместе с тем ограниченные возможности последней. Исследуя формы мышления как формы отражения относительно постоянных и устойчивых связей и отношений, формальная логика не исчерпывает и не может исчерпать задач логической науки и относится к последней лишь как один из ее моментов, как одна из ее сторон и ступеней.

Диалектическая логика есть логика развития, изменения и постольку она преодолевает ограниченность формальной логики, раздвигая тем самым возможности познания, воспроизводя динамичность процессов мышления — этого важнейшего условия отражения в сознании подвижности, изменчивости самой действительности.

3. В наше время, на современном этапе исторического развития науки и человеческого общества, как никогда раньше, требуется гибкость, подвижность, релятивность научных понятий и мышления вообще. Это требование находит свое естественное объяснение в своеобразии переживаемой исторической эпохи. Невиданная революция в науке и прежде всего в науке о строении материи слилась с величайшей революцией в общественной жизни, с ломкой старых и рождением новых социальных отношений. Консервативность мышления, приверженность к привычным, отжившим свой век понятиям и представлениям, боязнь мыслить по-новому становятся в таких условиях серьезной преградой, задерживающей все живое и жизнеспособное.

Диалектическая логика полностью соответствует этой непреодолимой потребности современного мышления в гибких, подвижных формах и принципах. И в этом ее неоценимое значение, это выдвигает задачу дальнейшей разработки диалектической теории познания и логики как одну из самых актуальных задач марксистской философской науки.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Глава I. **Логика как наука** 11
Извращение сущности и назначения логики современными идеалистами . . . . . —
Что такое логика. Отношение логики к объективной действительности 27
Логика — наука об историческом развитии мышления. Формальная логика, ее место и роль в познании . . 43
Критика ограниченности формальной логики в истории философии 51
Критика традиционной логики в современной немарксистской философии. Место и значение математической логики 60

Глава II. **Сущность, цели и задачи диалектической логики** . . 70
Диалектическая логика — логика движения, развития, изменения. Материалистическая диалектика как логика и теория познания . . . . . —
Диалектическая логика — не формальная, а «содержательная» логика 81
Должна ли диалектическая логика заниматься формами мысли? 89
О мнимом конфликте между диалектической и формальной логикой 94

Глава III. **Законы диалектики как законы познания** 107
Совпадение диалектических законов объективного мира и познания. Специфические законы познания . . . . —
Основные законы диалектической логики 119

Глава IV. **Соотношение логического и исторического в процессе познания** 167
Совпадение логики и истории мышления — специфический закон познания . . . . . —
Как понимать единство логического и исторического? Совпадение логического и исторического — ключ к вопросам теории познания и логики. 181
Соотношение логики и истории развития объективной действительности 198

Глава V. **Понятие в диалектической логике** 204
Место понятия в диалектической логике . . . . . —
Диалектическая природа понятия 208
Соотношение содержания и объема понятия 225
Понятия как форма выражения диалектического развития, изменения объективного мира 229
Отражение движения и его противоречий в логических категориях 246
Логические категории как формы движения, углубления познания 269
Развитие и изменение понятий. Конкретность понятий . 281

Глава VI. **Суждение в диалектической логике** 302
Суждение как форма мышления . . . . . —
Логические и диалектические противоречия в суждении 308
О форме отражения в суждениях диалектических противоречий 324
Движение форм суждений как отражение закономерного процесса углубления познания 342

Глава VII. **Проблемы выводного знания в диалектической логике** 357
Сущность проблемы . . . . . —
Выводное знание о развивающихся и изменяющихся явлениях 360
Роль и место индукции и дедукции в диалектической логике 385

Глава VIII. **Аналитический и синтетический способы исследования** 402
Анализ и его сущность 403
Синтез и его сущность 416
Взаимопроникновение анализа и синтеза 421

Глава IX. **Абстрактное и конкретное. Восхождение от абстрактного к конкретному — закон познания** 427
Сущность вопроса . . . . . —
Соотношение конкретного и абстрактного в отдельном процессе познания 432
Соотношение конкретного и абстрактного в историческом процессе развития познания 456
Об ошибочной теории «разлада» между ростом научных абстракций и конкретностью чувственного мира . . . 464

Заключение 474

Розенталь Марк Моисеевич
ПРИНЦИПЫ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

Редактор *И. Щербина*

Художник *И. Костылев*
Художественный редактор *В. Кузяков*
Технический редактор *О. Чепелева*
Корректоры *З. Лобова* и *В. Смирнова*

Сдано в набор 28 декабря 1959 г. Подписано в печать 13 апреля 1960 г. Формат бумаги 84×108 1/32. Бумажных листов 7,5. Печатных листов 24,6. Учетно-издательских листов 25,27. Тираж 40 000 экз. А 01563. Цена 9 р. 10 к. Заказ № 1858.

Издательство социально-экономической литературы
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3